

ISSN 0038-5050

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

1982

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

3

Май — Июнь
1982

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ • ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

А. И. Першиц (Москва). Проблема аксиологических сопоставлений в культуре	3
Л. Ф. Моногарова (Москва). Структура современной городской семьи таджиков (по материалам городов Ура-Тюбе и Исфары)	13
Н. Е. Руденский (Москва). Численность и расселение венгерских групп в Европе за пределами Венгрии	27
В. А. Тишков (Москва). Индейцы Канады во второй половине XX в.	40
Б. Я. Волчок (Ленинград). К проблеме интерпретации протоиндийских изображений и символов	54

Дискуссии и обсуждения

В. М. Шамиладзе (Батуми). О некоторых вопросах классификации и терминологии скотоводства Кавказа	70
--	----

Народы мира. Информационные материалы

Э. Л. Нитобург (Москва). Население Гренады	77
--	----

Сообщения

В. М. Грусман, Э. С. Яглинская (Ленинград). Показ отдельных аспектов советского образа жизни в Государственном музее этнографии народов СССР	88
В. Ф. Горленко (Киев). Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII — первой половины XIX в.	96
С. А. Токарев (Москва). О культе гор и его месте в истории религии	107
И. С. Гурвич (Москва), Р. Г. Ляпунова (Ленинград). Поездка в США советских этнографов	113
Ф. Г. Г. Роуз (Берлин), Б. Шепс (Лейпциг). Традиция и эволюция живописи на коре в районе Оэнпелли, западный Арихемленд	120

Поиски, факты, гипотезы

Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков (Москва). Праздник, который остается с нами	129
--	-----

Наши юбиляры

Список основных работ доктора исторических наук В. А. Александрова (К 60-летию со дня рождения)	143
---	-----

Хроника

- А. Е. Тер-Саркисянц, Л. П. Кузьмина (Москва). Работа Института этнографии АН СССР в 1981 году 147

Научная жизнь

- И. М. Золотарева (Москва). «Афинский призыв» (антропологи против расизма) 157
Л. Н. Молотова (Ленинград). Всесоюзная научная сессия «Актуальные вопросы этнографии и этнографического музееведения» 159
Т. А. Бернштам (Ленинград). 150-летие со дня рождения И. А. Федосовой 162
Коротко об экспедициях 164

Критика и библиография

Народы СССР

- Б. Х. Кармышева (Москва). В. М. Шамиладзе. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии 166

Народы Зарубежной Европы

- Л. В. Горина (Москва). *Этнография на България*, т. I 170

Редакционная коллегия:

К. В. Чистов — член-корр. АН СССР (главный редактор),
В. П. Алексеев — член-корр. АН СССР, И. Л. Андреев, С. А. Арутюнов,
С. И. Брук, Н. Г. Волкова (зам. главн. редактора), Л. М. Дробижина,
Т. А. Жданко, А. А. Зубов, Р. Н. Исмагилова, Р. Ф. Итс, Л. Е. Куббель
(зам. главн. редактора), А. А. Леонтьев, Б.-Р. Логашова, Г. Е. Марков,
А. И. Першиц, Н. С. Полищук (зам. главн. редактора),
П. И. Пучков, Ю. И. Семенов, В. К. Соколова, С. А. Токарев,
Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции Н. С. Соболев

Адрес редакции: 117036 Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19
телефон 126-94-91

Зав. редакцией Е. А. Эшлиман

А. И. Першиц

ПРОБЛЕМА АКСИОЛОГИЧЕСКИХ СОПОСТАВЛЕНИЙ В КУЛЬТУРЕ

Сопоставимы ли культурные ценности народов мира? Вопрос этот возник по меньшей мере две с половиной тысячи лет назад, и уже тогда на него были даны два противоположных ответа. Эллина, утверждал Аристотель, — носители божественного начала, а варвары — животного, и поэтому все эллинское лучше варварского. Что хорошо для эллинов — плохо для варваров, и наоборот, — еще раньше доказывали многие из софистов. Значительно позднее, когда зерна античной философии проросли в науку нового времени, обе точки зрения оформились, с одной стороны, в идеи культурного абсолютизма, с другой — в развернутую систему взглядов культурного релятивизма.

Суть культурного абсолютизма — в жесткой и однозначной сортировке культурных достижений народов мира с помощью какого-либо мерил их ценности. Для расиста ценно лишь культурное достояние его расы, для националиста — его нации. Идеолог клерикализма признает лишь те явления культуры, которые освящены его собственной религией, а апологет капитализма и империализма — только те, что возвращены буржуазным обществом, населением метрополии и т. д. В силу ряда исторических причин в новое время многие из этих мерил в значительной степени сопряглись. Вырвавшаяся вперед капиталистическая Европа установила колониальное или полуколониальное господство над большей частью остального мира. Возникла идеология европоцентризма и абсолютизации европейских культурных ценностей. На практике это означало не только более высокую оценку капиталистической техники по сравнению с феодальной или еще более архаичной, либо буржуазной парламентской системы по сравнению с восточным деспотизмом. Это означало также, что, скажем, европейской шляпе при всех обстоятельствах отдавалось предпочтение перед турецкой феской, арабским головным платком или иранской каракулевой шапочкой; или, например, европейскому правилу снимать при входе в дом шапку — перед восточным правилом снимать в этом случае обувь; или, еще один пример: преобладающей в Европе манере выражать согласие кивком — перед, скажем, индо-цейлонским обыкновением покачивать в знак согласия головой из стороны в сторону. Одним из проявлений культурного абсолютизма стал абсолютизм этический, согласно которому для всех существует один и тот же неизменный моральный кодекс и в нем «действительно» нравственное должно отделяться от того, что только «почитается» нравственным некоторыми человеческими существами¹. Дело не менялось от того, что европейский культурный абсолютизм мог уживаться с эстетическим «экзотизмом», а этический абсолютизм — с идеализацией «благородного дикаря», отголоски которой дожили до середины XIX в.²

Между тем с активизацией национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах идеология европоцентризма не

¹ Stace W. T. Ethical relativity. — In: Problems of ethics. A book of reading. N. Y., 1961.

² Подробнее см.: Коккьяра Дж. История фольклористики в Европе. М.: Изд-во иностр. лит., 1960; Токарев С. А. История этнографической науки (до середины XIX в.). М.: Наука, 1978.

только утратила свою внешнюю убедительность, но и стала однозвонной в глазах подавляющего большинства человечества. Тогда-то на передний план и выдвинулась концепция культурного релятивизма. Суть ее — в отрицании самой возможности сопоставления культур разных народов: каждая культура представляет собой целостную систему, обеспечивающую существование народа, а значит, целесообразна и хороша. Отсюда следует, что культурные ценности всех времен и народов относительны, релятивны и несопоставимы между собой. Нет и не может быть объективных мерил, дающих возможность судить об их достоинствах и недостатках, и поэтому они равноценны³. Скажем, в условиях Тропической Африки и в рамках традиционных африканских культур архаичная мотыга ничем не уступает трактору, а местные знахарские методы лечения — современной медицине. Одним из проявлений культурного релятивизма стала доктрина этического нейтралитета, т. е. отказа от каких-либо нравственных оценок любых культурных явлений. Как мотыга не уступает трактору, так многоженство ничем не хуже единобрачия, а власть «священного» вождя племени или феодального царька не менее эффективна и оправдана, чем демократическая система правления.

Внешне культурный релятивизм очень привлекателен. Он выглядит как отрицание расистско-колониалистского противопоставления друг другу «культурных» и «естественных» народов, как реакция на европоцентризм и пренебрежительное отношение к культуре неевропейских этнических и расовых общностей. Однако хотели или не хотели того создатели новой доктрины, ее практическое приложение оказалось далеким от гуманных целей. Неоколониалисты получили возможность обосновать правомерность дальнейшего сохранения экономической и культурной отсталости в слаборазвитых странах. Консервативные идеологи и политики этих стран в свою очередь нашли средство противопоставить индустриальным цивилизациям якобы непреходящее своеобразие их собственных неиндустриальных культур.

Ясно, что оба подхода заводят в теоретический тупик, обесценивая даже содержащиеся в них рациональные зерна. В культурном абсолютизме таким зерном является признание культурно-исторического прогресса, но оно до неузнаваемости искажено расистским или буржуазно-колониалистским мерилom этого прогресса и в то же время отрицанием какой-либо ценности за всеми сторонами культуры отставших в своем развитии народов. В культурном релятивизме подобным зерном является признание ценности за всеми культурами, но и оно не менее искажено отрицанием культурно-исторического прогресса, равно как и самого объективного критерия такого прогресса. Выход из тупика, даже своего рода порочного круга, могут дать только истинный критерий прогресса и вместе с тем уточнение пределов его применимости к разным сферам и сторонам культуры.

Как известно, в марксистской науке главным мерилom исторического прогресса является смена общественно-экономических формаций как восходящих ступеней развития. При этом учитывается, что каждая из них включает не только способ производства, но и развивающиеся на его основе общественные явления в их органическом единстве и взаимодействии⁴. Стало быть, каждой отдельной формации должен соответствовать также и определенный характер культуры, а критерий формационного уровня одновременно может служить критерием уровня культурной продвинутости. В то же время налицо более или менее заметные несовпадения в развитии экономики и культуры, обусловленные процессами культурной преемственности и аккумуляции, воздействий и взаимодействий народов мира. Поэтому в марксистской философии и культурологии существует значительный диапазон взглядов на примени-

³ См., в особенности: *Herskovits M. Cultural relativism*. N. Y., 1972.

⁴ О многоаспектности понятия исторического прогресса в марксистской науке см.: *Конрад Н. И.* Запад и Восток. Статьи. М.: Наука, 1972, с. 455 и сл.; *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М.: Наука, 1966, с. 190 и сл.

мость критерия формационной продвинутой к культуре и ее ценностям⁵. Однако при этом не учитывается, что создатель теории формаций К. Маркс, преследуя разные цели, пользовался не одним, а разными масштабами периодизации исторического процесса: основным, включающим все крупные ступени развития человечества; генерализованным трехчленным (первичная доклассовая, вторичная классовая и коммунистическая формации); наиболее общим (коммунизм и его предыстория). Эта важная особенность марксова подхода к членению истории, получающая название «единства и многообразия в теории общественных формаций»⁶, наводит на мысль о необходимости такого же подхода при аксиологических сопоставлениях в культуре. И если это так, то какие бы масштабы периодизации не брались, оценка многих культурных достижений в конечном итоге должна оказаться связанной с идеей восходящих ступеней развития человечества.

Попробуем проверить эту мысль применительно к разным областям культуры.

Существует несколько старых и новых, сжатых и развернутых классификаций состава культуры. Не рассматривая их подробно, воспользуемся одной из новейших, предложенной Ю. И. Мкртумяном. В ней культура подразделяется на четыре сферы: 1) культуру первичного производства, т. е. первоначального освоения и переработки взятого у природы; 2) культуру материального жизнеобеспечения, т. е. удовлетворения непосредственных потребностей людей; 3) культуру соционормативную, т. е. организации человеческого общежития; 4) культуру гуманитарную, т. е. охватывающую все стороны духовной жизни⁷.

По-видимому, проще всего обстоит дело с сопоставимостью культурных ценностей производственной сферы. В первичном производстве наиболее заметно выражен принцип непосредственной целесообразности, а стало быть, здесь меньше всего сказывается вариативность, связанная с этнической традицией, конкретным своеобразием культуры и другими особенностями человеческой деятельности, выходящими за рамки чистого рационализма. Недаром подрыв теоретических и практических позиций культурного релятивизма начался с того, что отставшие в своем развитии народы стали отказываться от стародедовских мотыг и сох и по мере возможности обзаводиться современной сельскохозяйственной техникой. Известно, что К. Леви-Стросс отошел от релятивистских взглядов, когда убедился: народы развивающихся стран, как он это очень точно сформулировал, «стремятся к благам индустриализации и предпочитают считать себя временно отставшими, а не неизменно особенными»⁸. Отсюда видно, что рационалистические ценности производственной сферы культуры (скажем, те же первобытная мотыга, доиндустриальные соха или плуг и индустриальный трактор, который, однако, только в социалистическом обществе стал достоянием всех работников сельского хозяйства) в принципе легко сопоставимы не только в истории культуры одного народа, но и при сравнении между собой культурных достижений разных народов.

Вроде бы легко. Однако далеко не всегда в равной степени легко. При подобного рода сопоставлениях подчас обнаруживаются по видимости парадоксальные факты и возникают свои проблемы. Большинство из них можно свести в три группы.

Первая связана с особенностями экологии производственной сферы культуры. Уже давно привлекло к себе внимание то обстоятельство, что в условиях земельного голода и интенсивного хозяйства на плодород-

⁵ Подробнее см.: *Першиц А. И.* Традиции и культурно-исторический процесс.— Народы Азии и Африки, 1981, № 4.

⁶ Принцип историзма в познании социальных явлений. М.: Наука, 1972, с. 67 и сл.

⁷ *Мкртумян Ю. И.* Основные компоненты культуры этноса.— В кн.: Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1978.

⁸ *Lévi-Strauss C.* Anthropology: its achievements and future.— Current anthropology, 1967, v. 7, № 2, p. 125.

ных почвах ручная мотыга может удержаться на относительно высоких ступенях культурного развития, в то время как в условиях экстенсивного земледелия на почвах, менее плодородных, пахотные орудия появляются уже на сравнительно низких ступенях. В еще большей степени это относится к развитию типов самих пахотных орудий. Соха в принципе менее совершенна, чем плуг, но на тяжелых почвах она удерживается несравненно дольше. Свои парадоксы имеются и в истории использования тягловой силы. Например, создатели цивилизаций Мезоамерики из-за отсутствия пригодного для одомашнивания скота пахали на людях, между тем как менее развитые племена Европы широко применяли тягловый скот. Еще ярче такие контрпримеры, как освоение производственной металлургии древними германцами или многими племенами Тропической Африки, жившими еще только разлагавшимся родовым строем, и незнание с производственной металлургией тех же раннеклассовых обществ Мезоамерики. Однако все эти примеры, перечень которых легко умножить, говорят лишь о том, что при сопоставлении производственных ценностей народов мира не могут не приниматься во внимание особенности экологии или же, говоря языком политической экономии, должны учитываться не только абсолютные, но и относительные производительные силы. Парадоксы экологии не снимают закономерности прогресса — они лишь являются одним из факторов скачкообразности поступательного движения.

Вторая группа проблем обычно возникает из-за неточного обращения с историко-культурными фактами. Противники идеи исторического прогресса нередко ссылаются на то, что римское общество знало такие усовершенствованные молотилки и другие сельскохозяйственные приспособления, каких очень долго не знало средневековье. Сходный характер имеют отсылки к тому, что техника капиталистического общества не уступает социалистической. Однако представляется очевидным, что во всех этих случаях происходит простая подмена объектов сопоставления. Сравниваются не одни и те же (т. е. начальная с начальной, зрелая со зрелой и т. д.), а разные стадии развития формационных типов общества, что и приводит к неверным выводам. Надо учесть и то, что прогресс не прямолинеен: он предполагает и застой, и даже временами движение назад. В частности, нередкие исторические катаклизмы при переходе от одного формационного типа общества к другому могут вести (хотя и не обязательно ведут) к временному упадку хозяйственной жизни, которая, однако, затем развивается ускоренными темпами, получив мощный стимул в новых, более прогрессивных общественных отношениях. Таким образом, по существу, проблемы этой группы — мнимые, а то и нарочито надуманные⁹.

И, наконец, третья группа проблем связана с тем обстоятельством, что производственная сфера культуры, с одной стороны, при всем своем рационализме не полностью свободна от этнокультурной инерции, а с другой — широко открыта культурным заимствованиям¹⁰. Для африканского бродячего охотника-хадзапи или арабийского кочевого скотовода-бедуина их хозяйство является традиционно престижным, и они без крайней нужды не сменяют его на оседлое земледелие соседнего населения. В то же время в современных условиях самого тесного культурного общения они заимствуют у соседей очень многое, в том числе из области производственной культуры. Так, в хозяйстве богатого бедуина колодец для поения скота может быть снабжен насосом с современным мотором. Еще более яркий пример — оснащение современной техникой оленеводческих колхозов Советского Севера. Поэтому, хотя в общей исторической перспективе охотничье или кочевое скотоводческое хозяйство на шкале культурной продвинутой ниже оседлого земледельческо-

⁹ Особенно характерный случай наглядно представлен в пресловутой работе: Rostow W. W. The stages of economic growth. L., 1960.

¹⁰ Подробнее см.: Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий (проблемы исторических контактов). М.: Наука, 1978.

скотоводческого хозяйства, этот вывод справедлив не всегда и тем более не для каждого отдельно взятого явления производственной культуры. Обогащение этнокультурных ценностей прежних эпох путем культурной диффузии может вносить свои коррективы в их историческую атрибуцию и затруднять их сопоставимость.

Сложнее, чем в сфере культуры первичного производства, ценностные сопоставления в сфере культуры материального жизнеобеспечения. Здесь происходит уже не первоначальное освоение взятого у природы, а его дальнейшее приспособление к материальному быту, т. е. главным образом к организации жилого пространства, конструированию одежды и питанию. Явлениям культуры материального жизнеобеспечения, или материального быта, присуща известная двойственность. С одной стороны, они тоже принадлежат к сфере производства, хотя и вторичного, и поэтому подчинены принципу непосредственной целесообразности. Но, с другой стороны, они принадлежат к менее рационалистичной, чем производственная, бытовой сфере, и поэтому менее жестко детерминированы, больше подчинены действию этнокультурной традиции, сопрягаясь с ней и связываясь ею в своем развитии.

Тем не менее даже вторая из этих двух сторон явлений культуры материального жизнеобеспечения не закрывает дороги ценностным сопоставлениям с помощью критерия прогрессивной смены общественно-экономических формаций. Возьмем, например, соотношение нормативной знаковой функции предметов материального быта как половых возрастных, престижных, социальных, этнических и т. д. «марок» с их утилитарной и эстетической функциями. Хотя вопрос о первоначальном соотношении этих функций во многом еще остается открытым, хорошо известно, что в доклассовом обществе на первый план нередко выходила именно знаковая сторона дела, заслонявшая собой другие и оборачивавшаяся самой жесткой регламентацией в данной сфере культуры. Мужчины и женщины, прошедшие обряд инициаций взрослые и неинициированные подростки часто жили врозь, одевались или украшали себя подчеркнуто по-разному и даже не вправе были вместе есть. Членов разных родов и племен легко было различить не только по внешнему виду и облику их жилищ, но и по тому, какая пища была им разрешена, а какая табуирована. В докапиталистическом классовом обществе значительная часть подобных предписаний и запретов отпала, однако многие престижные «марки» приобрели очень жесткое социальное значение. Обычаи или законы могли предписывать рабам, а позднее крепостным крестьянам и горожанам размеры жилищ, покррой и цвет платья, иногда даже вводили для них отдельные пищевые ограничения. В капиталистическом обществе эта регламентация формально отпала, а некоторые из знаковых различий стали стираться также фактически. По крайней мере сегодня одежда нередко не позволяет отличить предпринимателя от рабочего, англичанина от японца, а теперь все чаще — старика от юноши и даже мужчину от женщины. В социалистическом обществе происходит дальнейшая демократизация предметов материального быта, их социальная «размаркировка» и расширение их доступности народным массам. Так выявляется прогрессивный процесс снижения нормативной знаковой функции ценностей культуры материального жизнеобеспечения и тем самым активизации других их функций, в том числе знаковой функции не нормативной, а свободно выбираемой в соответствии с групповыми или индивидуальными вкусами.

Разумеется, оценивая культурно-историческую продвинутость материального жизнеобеспечения, нельзя забывать о допустимом и недопустимом в методике сопоставлений, о чем говорилось выше. Скажем, было бы абсурдом сравнивать роскошную одежду какого-нибудь разбогатевшего позднеримского раба с убогой сермягой крепостного крестьянина. Нельзя также выпускать из поля зрения особенности экологии в той мере, в какой она вызывает к жизни различные хозяйственно-культурные типы. Так, мех на венецианском доже выполняет знаковую, а на эскимосском зверобое — утилитарную функцию. То же относится к де-

кольте европейской дамы в сопоставлении с еще более глубоким «декольте» в традиционной одежде африканки или океанийки.

Однако и независимо от этого далеко не все явления, черты или детали культуры сферы материального жизнеобеспечения могут быть оценены критерием исторической продвинутости. В самом деле, какое отношение к уровню культуры имеет то обстоятельство, что традиционная мужская одежда арабов запаховается направо, а многих коренных народов Сибири — налево? Или что у народов Европы принят дрожжевой хлеб, а у народов Западной Азии — пресные лепешки? Или что в Англии традиция отдает предпочтение двухэтажной, а в континентальной Европе — одноэтажной квартире? Все это и многое другое в материальном быте народов мира принадлежит не к числу стадияльных, а стало быть, в принципе соизмеримых ценностей, а к числу черт конкретно-исторического своеобразия и этнокультурной традиций. Эти культурные ценности нельзя сопоставить на шкале исторического прогресса, а раз так — то и применительно к разным народам. Они, действительно, относительны, релятивны.

Сходным образом обстоит дело с явлениями соционормативной культуры — социальными структурами, институтами, нормами и т. п. Одни из них поддаются оценке критерием уровня формационной продвинутости, другие — нет. Явления первого порядка могут быть рассмотрены на примерах множества установлений и норм человеческого общежития, таких, в частности, как взаимопомощь, гостеприимство, уважение к старшим, адопция (усыновление) и др. Ограничимся последним. Подобно большинству социальных установлений, понятие адопции имеет два аспекта — широкий и узкий. Первый связан с отзывчивостью, дружелюбием, стремлением помочь чужому человеку в трудных для него обстоятельствах, причем помочь радикально — путем его органичного включения в собственную среду. Второй — адопция в прямом смысле слова, т. е. институт, регулирующий такое включение на разных исторических этапах в связи с определенными потребностями общества.

В первоначальной, характерной для доклассового общества адопции меньше всего сказывался ее первый аспект. Древнейшая ее разновидность — усыновление чужаков родовыми коллективами — отвечала потребностям не столько усыновляемых, сколько усыновителей. Как это хорошо известно, например, по материалам индейцев Северной Америки, считалось, что с обрядом усыновления чужак действительно перевоплощается в члена adoptирующего рода, и поэтому таким способом стремились предотвратить его ослабление из-за естественной убыли, военных действий и т. п. В процессе распада доклассового общества, с учащением военных конфликтов получила распространение адопция целых родов племенами и племен — их объединениями. Так, Лига ирокезов принудила к этому племена тутелов, сапони и нантикоков, конфедерация криков — учей и т. д. Тогда же возникла практика взаимного усыновления вождями детей соседних вождей с целью установления дружественных отношений между племенами. В то же время первоначальная адопция при всей своей прагматичности не вела к социальному неравенству усыновителей и усыновленных. Последнее стало возможным лишь на исходе первобытнообщинного строя, когда возникла адопция отдельного лица или целой группы на правах младших и в той или иной мере подчиненных (скажем, делавары в той же Лиге ирокезов). Не знала классическая первобытность и усыновления детей из чужих коллективов, когда эти дети лишались родителей или родительского попечения. В нормальных условиях сироты, как правило, входили в семьи родственников; в экстремальных (как, например, у бушменов Калахари или же на многих островах Океании) все «лишние» дети умерщвлялись. И только при разложении первобытнообщинного строя зародилось усыновление сирот с использованием их в качестве домашних слуг (например, у эскимосов Гренландии).

Зачатки неравенства в адопции расцвели в классовых обществах. Известно, что в раннеклассовой Ассирии и на Крите усыновленные по-

падали в постоянную зависимость, которую некоторые исследователи считают кабальной. В древнем Риме домашний раб, в прошлом как бы усыновленный член семьи, постепенно стал только «говорящим орудием». Скандинавские конунги расширяли свой сюзеренитет, устанавливая псевдородственные воспитательско-воспитаннические связи с нижестоящими на феодальной лестнице семьями, а абхазские князья, не довольствуясь возможностями этого института, кроме того, сами прямо усыновлялись своими вассалами и крестьянами. Понятно, что во всех этих случаях усыновление, как и другие виды искусственного породнения, отнюдь не влекло за собой равенства социальных статусов. В новое время появился качественно иной вид адопции — натурализация, но и она в условиях капитализма нечасто приносит отдельным иммигрантам и их группам сколько-нибудь реальное равенство с исконными членами принявшего их общества. Однако на всех этих ступенях вторичной формации виден прогресс в положении человека, очутившегося в тяжелых обстоятельствах. Римский раб долгое время был вообще полностью бесправен, но законом императора Клавдия было все же запрещено умерщвление «больных и расслабленных», т. е. потерявших трудоспособность, рабов. В феодальную эпоху свободный крестьянин или мелкий феодал потому-то и охотно шел со своей стороны на установление адоптивного родства с магнатом, что в условиях произвола приобретал себе защитника своих прав и интересов. В капиталистическую эпоху натурализация независимо от фактического положения иммигрантов дала им формальное равноправие.

В ходе классовой истории получила развитие также адопция как усыновление или удочерение детей. Она также рождалась в противоречиях вторичной формации. В древности бывало, что сироты содержались общиной и ею же затем обращались в рабство. В феодальную эпоху они нередко становились так называемыми вскормленниками или же пополняли другие категории полузависимых людей. В буржуазном обществе даже усыновленные сироты далеко не всегда оказываются в равном положении с другими наследниками. Но даже в таком виде на ступенях антагонистических классовых обществ постепенно рождалась новая социальная ценность. Вспомним: в первобытности в экстремальных условиях существования многие дети вообще теряли право на жизнь.

Для социалистического общества как новой ступени прогресса характерно дальнейшее изменение гуманистического содержания адопции в ее обоих аспектах. Натурализация иммигрантов стала действительной интеграцией людей, получивших новое гражданство, во все сферы жизни общества. Усыновление или удочерение детей утратило свои прежние негативные стороны и сделалось подлинно человеческим институтом, дающим возможность воспитать в условиях семьи детей, которые потеряли родителей или лишились родительского попечения.

В целом же на примере адопции видно, что при всей противоречивости тенденций классовой истории в ней поэтапно кристаллизуются элементы соционормативных ценностей, зародившихся в доклассовом и получающих наивысшее развитие в бесклассовом обществе. Значит, подобного рода явления можно соразмерить на шкале исторического прогресса, а тем самым и сопоставить как культурные ценности разных народов.

По-другому обстоит дело с соционормативными явлениями второго порядка, к которым принадлежат многие поведенческие нормы и почти все не имеющие обязательного характера обычаи. В начале статьи уже приводились примеры таких культурных черт, связанных, например, с манерой входить в дом или выражать согласие. То же относится к принятым у разных народов приветствиям при встрече и прощании; традиции здороваться с женщиной первым или только отвечать на ее приветствие; знакам уважения к старшим посредством обращения на «Вы» или без него, но с добавлением почтительных слов; подчеркнутой почтительности или демонстративной шутливости со старшими свойственниками.

Сколько-нибудь подробный перечень подобного рода ценностью нейтральных соционормативных явлений мог бы занять не одну книгу.

Впрочем, даже такие явления не всегда и не во всем ценностью нейтральны. Многие приветствия выражают социальную дистанцию: глубина поклона у одних народов, поцелуй в лицо, плечо или в руку у других, сама очередность взаимного приветствия. Правило, по которому женщина здоровается первой, может выражать ее приниженность в патриархальном или патриархально-феодальном обществе, но может и быть признаком особого утонченного уважения: скажем, англичанин нередко предоставляет женщине решить самой, угодно ли ей узнать мужчину. Однако даже такие не вполне нейтральные поведенческие нормы в силу законов культурной преемственности обычно имеют межформационный характер, и их ценность нелегко сопоставить в историческом времени, а тем более в этнокультурном пространстве.

И все же наибольшие трудности возникают при сопоставлении ценностей гуманитарной, или духовной, сферы культуры. Как известно, она обладает относительной автономией и до определенной степени развивается по своим специфическим, пока еще недостаточно изученным законам. Здесь особенно дает себя знать эффект преемственности и аккумуляции культурных ценностей; здесь легче, чем в других областях, заимствуются (а не только самостоятельно развиваются) достижения соседей; здесь особенно противоречивы взаимодействия между различными сторонами данной сферы культуры — позитивными знаниями, искусством, религией.

При всем том разные стороны гуманитарной сферы культуры открывают далеко не одинаковые возможности для оценочных сопоставлений. Сравнительно доступна в этом отношении наиболее рациональная, научная форма познания мира. Зачатки разнообразных, но пока еще очень ограниченных и преимущественно прагматичных знаний в первобытном обществе, подъем науки в античную эпоху древней истории и в озаглавленном Возрождением позднем средневековье, переход к системному познанию мира в его развитии в новое время — все это показывает не просто накопление, а круто идущую вверх кривую роста научных знаний. Соответственно могут быть в принципе оценены и сравнены между собой научные достижения разных народов и на отдельных отрезках их культурной истории, равно как и спады в этом процессе. Другое дело, что при таких сопоставительных оценках недопустимы упрощения. Одни и те же научные выводы могут быть получены неодинаковыми методами, по-разному осмыслены и т. п.

Парадоксальным образом оказывается доступной для оценочных сопоставлений противоположная форма отражения мира, его иррациональное осмысление — религия, причем именно как антипод науки. Речь идет не о разных формах религии, хотя среди них тоже есть известная иерархия продвинутой и приспособленности к восходящим ступеням докоммунистической предыстории человечества. Религия — пустоцвет на живом древе человеческого познания¹¹, и в данном случае культурно-исторический прогресс более всего выражен в степени не расцвета, а увядания религиозного мировоззрения. Иными словами, в этом отношении в истории религии может быть использована та же ценностная шкала, что и в истории науки, но только не в том же самом, а в обратном направлении.

По существу, когда говорят о трудностях, возникающих при сопоставлении ценностей духовной культуры, имеют в виду прежде всего эстетическую форму познания мира. Действительно, конкретно-чувственные, непосредственно воспринимаемые художественные образы дают меньше простора для оценочных сопоставлений. В произведениях искусства легко различить талантливые и бездарные, исполненные мастерски и топорно, т. е. собственно художественные и такие, которые принято называть ремесленническими. Но было бы нелепостью выстраивать по ран-

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 361.

жиру художественные стили разных эпох и школ, а тем более шедевры стилей и школ разных народов. Поставим рядом творения Праксителя и Леонардо, Шекспира и Гете, сравним персидские ковры и французские гобелены, скифское золото и бенинскую бронзу и попробуем сказать, что лучше, а что хуже. Здесь могут быть субъективные симпатии и антипатии, но они нечасто бывают основаны на действительно объективных мерках. И все-таки какие-то более или менее объективные критерии существуют и здесь. К. Маркс обратил внимание на то, что определенные формы искусства, пусть даже имеющие крупное значение, возможны лишь на сравнительно низкой ступени художественного развития и что это обстоятельство имеет место в отношении всей области искусства к общему социальному развитию¹². Героический эпос несовместим с печатным станком, стихотворные и новеллистические формы возникают в развитии литературы раньше, чем прозаические романы. Развитие живописи отмечено по меньшей мере неуклонным расширением спектра жанров и совершенствованием технического арсенала изобразительных средств. Все это может быть использовано (и действительно используется искусствоведами), чтобы обнаружить поступательное движение в эстетическом познании мира. Беда в том, что полученная картина, как правило, получается менее четкой, чем в других сферах культуры вообще, и духовной культуры в частности. Ведь человечество снова и снова возвращается к художественной переработке наследия предков, накапливает и сплавляет его ценности. В этом-то и состоит характерная особенность развития в искусстве, делающая особенно трудными, хотя и далеко не бесперспективными, поиски в нем культурно-исторического прогресса.

В то же время, если мерки исторической продвинутости уместны, скажем, при сопоставлении жанров героического эпоса, новеллы и романа, то нет таких объективных мерок, с помощью которых можно было бы сравнить достоинства различных форм эпоса, например ирландских саг и нарских сказаний. Каждому из этих произведений присущи свои этнокультурные особенности, свои системы образов и приемов художественной выразительности. И эти особенности релятивны и несопоставимы.

Итак, существуют культурные ценности, исторически сопоставимые и несопоставимые. Где же пролегает граница между ними, чем одни из них отличаются от других? Может быть, еще рано делать окончательные выводы, но все же рассмотренные факты позволяют выдвинуть некоторые предварительные соображения.

Первое и основное из них касается причин сопоставимости и несопоставимости явлений двух аспектов человеческой деятельности, в одном из которых реализуется единство и общность культуры всех народов, а в другом — ее конкретно-историческое, специфическое воплощение. В первом случае это главным образом ценности содержательных, глубинных слоев культуры, во втором — преимущественно более формальных, поверхностных слоев. Содержательные слои как функционально более значимые теснее связаны с производственной, бытовой, соционормативной, познавательной целесообразностью и подчас ею прямо детерминированы; формальные — дальше от нее, реже и меньше ею детерминированы и в своей значительной части принадлежат к той части культуры, которую С. Лем в одной из своих культуроведческих работ удачно назвал «избыточной»¹³. Естественно, что более значимые культурные явления неизбежно включаются в основной поток исторического развития, менее значимые могут длительно дрейфовать в стороне от него либо лишь частично втягиваться в его движение. И так же естественно, что при разных темпах развития содержательные и формальные слои культуры по-разному испытывают воздействие конкретно-исторических особенностей природной и социальной среды и неодинаково прочно входят в этническую традицию. В результате более значимые в функциональном отношении культурные явления оказываются одновременно сопоста-

¹² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 12, с. 736.

¹³ Лем Ст. Модель культуры. — Вопр. философии, 1969, № 8.

вмее и слабее окрашенными этнически, а менее значимые — несопоставимее и ярче окрашенными этнически, т. е. между сопоставимостью культурных явлений и степенью их «этничности» нет причинно-следственной связи, а есть лишь корреляция на основе их общего отношения к процессам исторического развития культуры.

Второе соображение относится к области относительной сопоставимости явлений профессиональной и традиционно-бытовой культуры¹⁴. Высказывалось мнение, что вторая в меньшей степени, чем первая, открыта историческому, формационному подходу, а значит, ее явления в меньшей мере сопоставимы. Однако применительно к культурно-историческому процессу в целом такой взгляд представляется неверным теоретически. Первобытное общество, по крайней мере до эпохи его разложения, знало только традиционно-бытовую культуру, и даже много позднее, на протяжении всего докапиталистического времени, эта культура заметно преобладала. Между тем ее достижения оставались сопоставимыми, поскольку сопоставимы и сами этапы докапиталистической эпохи. В новое и новейшее время положение до некоторой степени изменилось: с развитием товарного хозяйства важнейшие линии культурной деятельности в основном перешли в руки профессионалов, что не могло не повести к возрастанию удельного веса профессиональной культуры по сравнению с культурой традиционно-бытовой. Можно было бы ожидать, что теперь явления профессиональной культуры как функционально более значимые окажутся и более сопоставимыми. Однако если это и произошло, то лишь в самой незначительной степени, так как оба слоя культуры — профессиональный и традиционно-бытовой — не обособились один от другого, а втянулись в процесс вертикальной ротации, показанный С. А. Арутюновым¹⁵. Факты, рассмотренные в данной статье, также не дают оснований к тому, чтобы считать явления традиционно-бытовой культуры сравнительно более релятивными.

Несколько особняком стоит вопрос о сопоставимости не отдельных культурных явлений, а их комплексов, систем. Такие сопоставления нередко рассматриваются (в частности, сторонниками культурного релятивизма) как наиболее сомнительные. При этом указывается, что отсутствие или недостаток одних ценностей может быть возмещен повышенным уровнем других. Скажем, в некоторых исламских странах существующий у мусульман-суннитов религиозный запрет изображать живые существа пагубно сказался на живописи в целом, но зато привел к пышному расцвету искусства арабески. Действительно, в каком-то смысле и до какого-то предела культурные ценности могут быть взаимозаменяемыми. Но вспомним другое. Исторически сложившийся в некоторых странах Востока культурный изоляционизм и, как его следствие, недостаток внимания к достижениям технической цивилизации явились одной из причин колониального порабощения этих стран капиталистическим Западом, а возникшая в новейшее время в некоторых странах Запада противоположная тенденция недооценки духовных ценностей стала одной из причин, хотя, разумеется, не главных, облегчавших в этих странах приход к власти фашизма. Все это позволяет считать, что в определенных границах сопоставлять можно (и, видимо, должно) также широкие культурные комплексы разных народов.

Итак, сопоставимы ли культурные ценности народов мира? Да, если говорить о ценностях наиболее значимых в функциональном отношении, ценностях, относящихся к глубинным слоям культуры. Нет, если речь идет о ценностях, относительно далеких от прямой целесообразности, принадлежащих к поверхностным слоям культуры, иначе говоря, о конкретно-исторических особенностях культурных явлений. И, вероятно, именно такой подход к решению проблемы позволит со временем окончательно ответить на вопрос, заданный в начале статьи.

¹⁴ См. дискуссию по оценке обычаев избегания: Сов. этнография, 1978, № 6 и 1979, №№ 1, 5.

¹⁵ Арутюнов С. А. Этнографическая наука и изучение культурной динамики. — В сб.: Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979.

Л. Ф. Моногарова

СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ СЕМЬИ ТАДЖИКОВ

**(по материалам городов Ура-Тюбе
и Исфара)¹**

Семья — первичная социально-экономическая ячейка общества, форма и структура которой меняются в зависимости от изменения социально-экономических условий.

Современная городская семья у таджиков до сих пор не была предметом специального этнографического исследования. Для анализа соотношения форм современной семьи у горожан-таджиков и ее структурного состава мною были выбраны древние таджикские города Ура-Тюбе и Исфара, в старых кварталах которых в среде таджикского населения наряду с малой еще сохраняются пережиточно большие патриархальные семьи.

В конце XIX — начале XX века быт таджиков характеризовался сочетанием феодальных и патриархально-родовых институтов. В этот период у них сосуществовали две формы семьи: большая патриархальная и малая. Большинство семей были моногамными, а среди зажиточных слоев населения (особенно у крупных богачей из феодальной верхушки) преобладали и полигамные семьи, в которых глава семьи одновременно состоял в браке с двумя, значительно реже — тремя-четырьмя женами, что разрешалось исламом.

Уже во второй половине XIX века большая патриархальная семья у таджиков находилась на последней стадии своего развития (так называемая неразделенная² семья). Эта семья, основанная на патриархальных началах, включала несколько брачных пар (с потомством или без него, с другими родственниками или без них), ведущих совместное хозяйство, т. е. живущих общим котлом.

Большая патриархальная семья основывалась на групповой — коллективной внутри самой семьи и частной по отношению к внешнему миру — собственности на орудия и средства производства. Последняя ступень развития большой патриархальной семьи — неразделенная семья — характеризовалась тем, что имуществом семьи, доходами распоряжался только ее глава, обычно дед, отец или старший брат, а также возникновением обособленной собственности брачных пар, формирующихся в недрах этой семьи в малые индивидуальные семьи. Определяющим фактором при отнесении семьи к той или иной форме является, на мой взгляд, не число членов семьи и поколений в ней, а форма семейной собственности на землю, имущество, характер производства и потребления в семье, а также число брачных пар, совместно проживающих и ведущих общее хозяйство. Число поколений брачных пар не имеет значения, так как в неразделенной семье могут быть: одно поколение (семья из двух-трех женатых братьев), два поколения (семья из родителей с не состоящими в браке детьми и с одним, двумя или более же-

¹ Статья написана в основном на материалах, собранных автором за время полевой работы в 1976—77 и 1981 годах в городах Ура-Тюбе и Исфаре Таджикской ССР.

² Сухарева О. А., Бижанова М. А. Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент: Изд. АН Узб. ССР, 1955, с. 173—177; Моногарова Л. Ф. Семья и семейный быт. — В кн.: Этнографические очерки узбекского сельского населения. М.: Наука, 1969, с. 193—198; *ее же*. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М.: Наука, 1972, с. 103—122.

натыми сыновьями). При разделе большой патриархальной семьи не надо выделялись, как правило, неразделенные семьи, а при разделе неразделенной семьи — малые, т. е. одна брачная пара — супруги с детьми, не состоящими в браке.

Термин «неразделенная» семья в применении к последней стадии (ступени) развития большой патриархальной семьи мне кажется удачным потому, что определение «большая» предполагает многолюдность семьи, тогда как она на последней стадии своего развития часто не многолюдна: семья из 6-и или 8-ми человек может состоять из двух-трех брачных пар (одного или двух поколений), ведущих общее хозяйство, сообща владеть имуществом, в том числе средствами производства, в частности, землей и обрабатывать ее, вместе питаться, хотя каждая брачная пара имеет и личное имущество. Многолюдная семья (свыше 10—15 человек) может быть малой и состоять только из одной брачной пары с детьми. Неразделенная семья входит по классификации ряда социологов в сложную семью, а малая — соответствует нуклеарной³. Последняя включает родителей и их несовершеннолетних, а также не состоящих в браке взрослых детей.

За годы социалистического развития произошли коренные преобразования в семейных отношениях таджиков, как и других народов СССР. Постепенно с изживанием неравноправного положения женщины в семье и обществе сформировалась семья социалистического общества, основанная на равноправии супругов. Преобладающей ее формой у городского таджикского населения является малая семья. Наряду с ней сосуществует и неразделенная. В современном советском социалистическом обществе обе эти формы отличаются от соответствующих форм в предшествующие общественно-экономические формации отсутствием частной собственности на орудия и средства производства, брачным кругом, характером внутрисемейных отношений, как между супругами, так и между старшим и младшим поколениями, положением женщины.

Семьи горожан-таджиков многолюдны. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года⁴ по численности совместно проживающих членов семей Таджикистан занимает первое место в СССР (средний размер семьи в республике — 5, 7 человек). Следует учесть, что Таджикистан — многонациональная республика, и эта цифра дана без учета размера семей по отдельным национальностям. Однако большинство в Таджикской ССР составляют таджики — 2237 тыс. человек из общей численности населения республики — 3806 тыс. человек⁵, поэтому многолюдность таджикских семей существенно влияет на средний размер семьи в республике. Таджики составляют также основную долю населения в городах Ура-Тюбе (80%) и Исфаре (62%) — см. диаграмму.

Этническая структура города определяет степень его этнической пестроты (или мозаичности), являющейся одним из важнейших факторов, влияющих на интенсивность межэтнических контактов, на изменение структуры городской семьи, а также на различные стороны ее культуры и быта. Индекс этнической мозаичности (M) этих городов показывает, что пестрота этнического (национального) состава Исфары ($M=0,12$) больше, чем Ура-Тюбе ($M=-0,20$). Однако по сравнению с другими городами Таджикистана пестрота этнического состава этих городов незначительна⁶. Это обстоятельство также обусловило выбор Ура-Тюбе и Исфары для изучения структуры современной семьи у горожан-таджиков в таджикской микросреде.

Расположенный в предгорьях Туркестанского хребта Ура-Тюбе (тадж. Ура-Теппа) и Исфара, находящаяся в долине одноименной

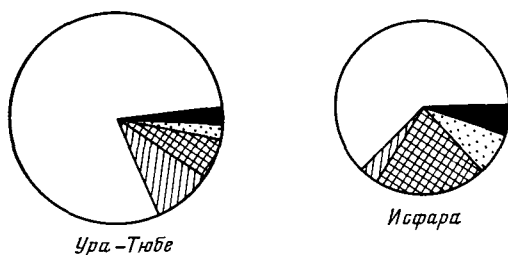
³ Янкова З. А. Городская семья. М.: Наука, 1979, с. 38—40; 42—47. См. также Бромлей Ю. В., Кашуба М. С. К историко-этнографической характеристике современной семьи у народов Югославии. — Сов. этнография, 1981, № 6, с. 27—28; 32—38.

⁴ Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М.: Политиздат, 1980, с. 17.

⁵ Там же, с. 30.

⁶ Моногарова Л. Ф. Комплексная типология городов Таджикской ССР в свете проблем этнической мозаичности их населения. — Сов. этнография, 1972, № 6, с. 57—58.

реки, получившие статус города соответственно 1 августа 1937 года и 15 сентября 1952 года, принадлежат к древнейшим городам Таджикистана⁷. В период присоединения Средней Азии к России они вошли в Туркестанское генерал-губернаторство, созданное в 1867 году. Это способствовало прекращению междоусобных войн Бухарского и Кокандского ханств, приносящих неисчислимые бедствия местному населению.

Этнический состав городов Ура-Тюбе и Исфары (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). 1 — таджики; 2 — узбеки; 3 — русские; 4 — татары; 5 — прочие. Ура-Тюбе: 1 — 80%; 2 — 9%; 3 — 7%; 4 — 2%; 5 — 2%. Исфара: 1 — 62%; 2 — 3%; 3 — 22%; 4 — 8%; 5 — 5%.

Подавляющее большинство жителей Ура-Тюбе и Исфары — крупных центров ремесла и торговли — сочетали в XIX — начале XX века занятия ремеслом с земледелием, главным образом, садоводством. Особого развития в Ура-Тюбе достигли окрашивание пряжи и тканей, строительные ремесла, резьба по дереву, металлу, художественная вышивка, роспись по керамике, в Исфаре — изготовление пищевых продуктов, строительные ремесла, шелкоткачество, кузнечное, медное и ювелирное ремесла. Почти все жители Ура-Тюбе около полугода жили в своих садах и близ пахотных участков в окрестностях города. Сельское хозяйство давало горожанам сырье для ремесленного производства, продукты питания. От продажи излишков сельскохозяйственной продукции они получали существенный доход. Н. О. Турсунов отмечает, что «центром дореволюционной Исфары был торгово-ремесленный комплекс — крытый пассаж с рядами торговых лавок и ремесленных мастерских, навесами для продажи продуктов... В начале XX века в Исфаре было 200 торговых лавок..., а в 1914 году отмечено 209 торговых помещений... Они действовали каждый день, а в среду проходил большой торг»⁸. В начале XX века, по сведениям Н. О. Турсунова, в Исфаре было 1482 хозяйства, из которых 40,6% занимались земледелием, 30,7% — ремеслами, 7% — торговлей⁹. В Ура-Тюбе, по данным А. М. Мухтарова, в первые годы после присоединения Средней Азии к России «...насчитывалось 854 торговых и ремесленных владения. Из них 642 были расположены на базаре, остальные 212 разбросаны по всему городу и сгруппированы, преимущественно, на восьми торговых площадях. Часть лавок одновременно служили мастерскими. В 1886 г. насчитывалось уже 1010 лавок. 424 человека имели по одной лавке, 122 — по две. Остальными 342 лавками владели 74 человека, и лишь один человек владел 30 лавками»¹⁰. А. М. Мухтаров обращает внимание на то, что «в начале XX века в ре-

⁷ По истории этих городов см. Города Таджикистана. Указатель литературы/Сост. Тальман Р. О., отв. ред. Негматов Н. Н. Душанбе: Ирфон, 1967, с. 21—25 (Исфара), с. 74—79 (Ура-Тюбе).

⁸ Турсунов Н. О. Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX — начала XX в. Душанбе: Дониш, 1976, с. 197—198.

⁹ Турсунов Н. О. Указ. раб., с. 20.

¹⁰ Мухтаров А. М. Гузары города Ура-Тюбе. — В кн.: Материалы по истории городов Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1975, с. 143.

зультате конкуренции с фабрично-заводской продукцией России происходит сокращение числа торговых и ремесленных лавок. Так, по сведениям 1905—1906 гг., в Ура-Тюбе осталось только 742 лавки (сокращение по сравнению с 1886 годом более чем на 26%) ¹¹.

Эти данные свидетельствуют о сохранении в значительной мере аграрной основы городской жизни, о полунатуральном характере хозяйства городов Ура-Тюбе и Исфаре, хотя в Ура-Тюбе торговля была более развита, чем в Исфаре. Земледельческая основа хозяйственной деятельности вообще характерна почти для всех городов Таджикистана в прошлом. В этом отношении они близки городам Афганистана. Процесс урбанизации, протекавший до установления Советской власти в Таджикистане, был аналогичен процессу урбанизации в Афганистане в 60-х годах XX века; характеризуя последний, В. А. Пуляркин отмечает: «Сохранение торговли в качестве главной функции города приводит к тому, что ведущую роль в экономической жизни афганских городов по-прежнему играют базарные кварталы с их лавками, складскими помещениями, ремесленными мастерскими, чайханами... Слабое развитие фабрично-заводской промышленности в стране ведет к тому, что базары остаются также центрами ремесла, причем произведенные изделия обычно здесь же, на месте и продаются. Таким образом, в афганских городах торговые и промышленные функции еще тесно переплетаются и территориально не разобщены» ¹².

Для Ура-Тюбе, Исфаре и других дореволюционных городов Таджикистана и современных городов Афганистана характерен высокий процент горожан, занятых в сельском хозяйстве. По существу, мелкие городские центры — это те же кишлаки, только с базаром. Для крупных городов также характерно включение в пределы городской черты обширных земледельческих участков ¹³.

В современных городах Таджикистана определенную долю городского населения составляют колхозники, т. е. члены городской семьи, работающие в пригородных колхозах. Это одна из отличительных черт урбанизации в Таджикистане. Анализ соответствующих современных статистических материалов показывает, что и в Ура-Тюбе и в Исфаре колхозники — один из социальных слоев городского населения.

До установления советской власти городской квартал — *махалла* (термин, распространенный в Исфаре) или *гузар* (в Ура-Тюбе) представлял собою, как и в других городах Средней Азии ¹⁴, социальный институт, городскую соседскую общину, регулировавшую взаимоотношения жителей квартала в обществе и семье, формировавшую общественное мнение и игравшую важную роль в городской жизни. Городской квартал был и административной единицей. Вплоть до настоящего времени квартальные комитеты сохраняют определенное влияние в городской таджикской среде, а общественное мнение квартала в различных сферах быта, особенно в семейной обрядности, и в наши дни имеет значение для живущих в нем семей.

Все вышеизложенное необходимо для лучшего понимания процессов изменения форм и структуры городской таджикской семьи.

За годы Советской власти Ура-Тюбе и Исфара превратились в крупные центры пищевой, легкой и строительной промышленности республики; в них выросли новые кварталы многоэтажных домов. Однако здесь пока еще не снесены некоторые из старых кварталов, население которых в большей мере, чем семьи, живущие в новых кварталах, сохраняет традиции старого быта, в частности, это касается структуры семьи.

¹¹ Мухтаров А. М. Указ. раб., с. 144.

¹² Пуляркин В. А. Процесс урбанизации в Афганистане. — Доклад на VII МКАЭН. М.: Наука, 1964, с. 2—3.

¹³ Пуляркин В. А. Указ. раб., с. 3. См. также: Турсунов Н. О. Указ. раб., с. 149; Мухтаров А. М. Указ. раб., с. 146—147.

¹⁴ Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М.: Наука, 1976, с. 13—41; 324—341.

Для изучения структуры семей в Ура-Тюбе и Исфаре кроме полевых, использовались статистические данные поквартальных домовых книг старых кварталов и улиц, а также новых микрорайонов указанных городов. Домовые книги дают интересный материал по форме и структуре каждой семьи, ее численности (многолюдности), детности, социальному положению и национальности каждого члена семьи, их родственным отношениям. Интересно сравнение полученных данных о формах и структуре семей в старинных кварталах и в современных жилых домах новых микрорайонов.

В Ура-Тюбе изучение семей проводилось в старинных, населенных таджиками шести кварталах города, сохранивших свои прежние названия. Все они входят в одно домоуправление имени Фрунзе. В них в основном живут потомки ремесленников (красильщиков пряжи и тканей, гончаров, кузнецов, строителей водяных мельниц и т. п.), крестьян-садоводов, владельцев виноградников, торговцев, духовенства и др. Это кварталы: Олкорон (красильщики), Барадарон (братья), Мазори Кучкорак («противоположные мазары») Осие-тузуккунон или Осие-дурусткунон (строители-ремонтники водяных мельниц), Шукурбек или Олдох Шукурбек¹⁵, Масджити Сафед (белая мечеть). В этот квартал после 1934 года был включен квартал Эшони сартарашен или Сартарашен (ишан — духовный наставник — парикмахеров, вернее брадобреев).

Для изучения структуры семей в новых микрорайонах Ура-Тюбе был выбран микрорайон Фабричная, в котором проживает 132 семьи таджиков, больше, чем в других новых микрорайонах, в Исфаре на том же основании — Правобережная, где живут 83 таджикских семьи. Из старинных кварталов в Исфаре были выбраны Чий-боло и Джуй-боло, а также улицы Канибадамская, считающаяся самой старой, и расположенная рядом с ней Шахтерская. Данные по старым и новым кварталам взяты автором из поквартальных домовых книг, по старым улицам материал собран лично автором (см. таблицы I—IX). Кроме того, привлечены данные за 1886 и 1934 годы, опубликованные А. М. Мухтаровым¹⁶, позволяющие проследить динамику числа семей в старых кварталах Ура-Тюбе (см. таблицу I).

Сравнивая данные, приведенные в таблице, мы видим, что в период с 1886 по 1934 год, т. е. за 48 лет, число семей в каждом из старых кварталов Ура-Тюбе увеличилось почти в два раза, а за 43 года, прошедших между 1934 и 1977 годами число их значительно (в некоторых кварталах в два раза) сократилось. Рост числа семей в первом случае можно объяснить процессом их дробления, выделением из неразделенных семей малых. Это подтверждается и полевыми материалами автора. Уменьшение же числа семей в каждом из кварталов к 1977 году, по всей вероятности, связано с переменной ими места жительства, в том числе и выездом в другие районы республики. Здесь уместно отметить, что таджик-горожане предпочитают жить в собственных домах с приусадебным участком, где разбивается небольшой огород, сад. В новые микрорайоны они переезжают неохотно. В новых квартирах заинтересованы, главным образом, вновь образованные семьи, состоящие из супругов с

Таблица I
Число семей в старых кварталах
Ура-Тюбе

Название квартала	Число семей		
	в 1886 г.	в 1934 г.	в 1977 г.
Олкорон	29	62	36
Барадарон	—*	81	51
Мазори Кучкорак	28	—*	49
Осие-тузуккунон	23	52	24
Шукурбек	26	57	15
Масджити Сафед	27	49	40
Сартарашен **	40	90	

* Нет данных. ** Этот квартал после 1934 г. вошел в квартал Масджити Сафед.

¹⁵ В этом квартале жили мясники и торговцы, занимавшиеся перепродажей овец. А. М. Мухтаров указывает, что причину, по которой «квартал получил имя правителя Ура-Тюбе середины XIX века, установить невозможно. По всей вероятности, Аллах Шукурбек жил здесь или же был обезглавлен на этом месте». См.: Мухтаров А. М. Указ. раб. с. 75.

¹⁶ Мухтаров А. М. Указ. раб., с. 41, 73—84.

Таблица 11

Число таджикских семей и группировка их по размеру

Название города, кварта- ла, улицы	Число семей	В том числе семьи, состоящие из																			
		2 чел.	3 чел.	4 чел.	5 чел.	6 чел.	7 чел.	8 чел.	9 чел.	10 чел.	11 чел.	12 чел.	13 чел.	14 чел.	15 чел.	16 чел.	17 чел.	18 чел.	19 чел.	20 чел.	21 чел.
г. Ура-Тюбе																					
Олкорон	36	6	1	3	1	6	5	2	4	4	2	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Барадарон	51	6	4	4	7	10	4	4	3	1	2	2	1	—	1	1	—	—	—	—	1
Мазори Кучкорак	49	6	4	3	4	5	9	4	5	1	1	3	1	3	—	—	—	—	—	—	—
Осие-тузуккунон	24	4	1	3	3	1	1	5	2	1	1	3	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Шукурбек	15	1	1	—	—	7	1	1	1	2	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Масджити Сафед	40	2	4	4	3	5	3	7	4	1	2	2	—	1	—	1	—	1	—	—	—
Итого:	215	25	15	17	18	34	23	23	19	10	9	12	2	4	1	2	—	1	—	2	1
г. Исфара																					
Канибадамская улица	28	1	1	3	3	5	4	5	1	2	1	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Шахтерская улица	24	—	1	1	3	3	1	2	2	1	3	2	5	—	—	—	—	—	—	—	—
Квартал Чий-боло	140	11	17	17	21	18	20	16	6	8	4	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Квартал Джуй-боло	117	15	14	9	17	21	14	13	6	7	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого:	309	27	33	30	44	47	39	36	15	18	8	4	7	—	—	1	—	—	—	—	—

Таблица III

Число таджикских неразделенных семей и группировка их по размеру

Название города, квартала, улицы	Число неразделенных семей	В том числе семьи, состоящие из																
		4 чел.	5 чел.	6 чел.	7 чел.	8 чел.	9 чел.	10 чел.	11 чел.	12 чел.	13 чел.	14 чел.	15 чел.	16 чел.	18 чел.	19 чел.	20 чел.	21 чел.
<i>г. Ура-Тюбе</i>																		
Олкорон	8	—	—	1	—	1	—	1	2	1	—	—	—	—	—	1	—	—
Барадарон	11	—	1	1	1	—	1	1	2	—	1	—	1	1	—	—	—	1
Мазори Кучкорак	9	—	—	1	—	—	3	—	—	2	—	3	—	—	—	—	—	—
Осие-тузуккунон	4	—	—	—	—	2	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Шукурбек	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Масджити Сафед	10	—	—	—	—	3	1	—	1	2	—	1	—	1	1	—	—	—
Итого:	43	—	1	3	1	6	6	2	6	6	1	4	1	2	1	1	—	1
<i>г. Исфара</i>																		
Канибадамская	6	—	1	—	1	1	—	1	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Шахтерская	8	—	—	1	—	1	1	1	1	—	3	—	—	—	—	—	—	—
Чий-боло	8	—	1	1	2	—	—	3	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Джуй-боло	10	—	—	1	2	2	1	2	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Итого:	32	—	2	3	5	4	2	7	2	—	5	—	—	1	—	—	—	—

**Число таджикских семей и группировка их по размеру в новых микрорайонах
Фабричная (в Ура-Тюбе) и Правобережная (в Исфаре)**

Микрорайоны	Число семей	В том числе семьи, состоящие из:										
		2 чел.	3 чел.	4 чел.	5 чел.	6 чел.	7 чел.	8 чел.	9 чел.	10 чел.	11 чел.	12 чел.
г. Ура-Тюбе												
Фабричная	132	17	11	37	31	20	11	3	2	—	—	—
г. Исфара												
Правобережная	83	10	10	23	18	12	4	2	2	—	—	2

Таблица V

Соотношение малых и неразделенных семей в Ура-Тюбе и Исфаре

Название города, квартала, улицы	Общее число семей	В том числе неразделенных	
		число	%
г. Ура-Тюбе			
Олкорон	36	8	22,2
Барадарон	51	11	21,5
Мазори Кучкорак	49	9	18,4
Осие-тузуккунон	24	4	16,6
Шукурбек	15	1	6,6
Масджити Сафед	40	10	25,0
Итого:	215	43	20,0
г. Исфара			
Канибадамская	28	6	20,7
Шахтерская	24	8	33,3
Чий-боло	140	8	3,3
Джуй-боло	117	10	8,5
Итого:	309	32	10,3

Таблица VI

Структура неразделенных семей

Название города, квартала, улицы	Число неразделенных семей	В том числе семьи, состоящие из		
		двух супружеских пар	трех супружеских пар	четырёх супружеских пар
г. Ура-Тюбе				
Олкорон	8	5	3	—
Барадарон	11	8	1	2
Мазори Кучкорак	9	13	1	—
Осие-тузуккунон	4	2	2	1
Шукурбек	1	2	—	—
Масджити Сафед	10	8	2	1
Итого:	43	38	9	4
г. Исфара				
Канибадамская	6	7	—	1
Шахтерская	8	7	1	—
Чий-боло	8	8	—	—
Джуй-боло	10	8	2	—
Итого:	32	30	3	1

детьми, т. е. в основном те, кто предпочитает жить самостоятельно, без родителей.

Численность таджикских семей и число их членов в изучавшихся старых кварталах и улицах в Ура-Тюбе и в Исфаре представлены в таблицах II, III, а в новых микрорайонах этих городов — в таблице IV.

Как показывает анализ материалов таблиц, больше всего семей из шести человек проживает в старых кварталах, в Ура-Тюбе их 34, в

Исфаре — 47. В новых микрорайонах соответственно насчитывается больше семей по четыре человека: в Ура-Тюбе подобных семей — 37 (из общего числа 132), в Исфаре — 23 (из 83).

В настоящее время в старых кварталах Ура-Тюбе и Исфары неразделенные семьи составляют соответственно 20% и 10,3%. Семьи в 16—21 человек исчисляются единицами (см. таблицы V—IX). Таджикские семьи, проживающие в новых микрорайонах Ура-Тюбе (Фабричная) и в Исфаре (Правобережная), все по форме малые, неразделенных нет. Данные таблиц подтверждают положение о том, что численность семьи (людность) не определяет ее форму.

В национальном отношении подавляющее большинство таджикских семей, проживающих в старых кварталах — однонациональные. Так, в Ура-Тюбе в изучавшихся старых кварталах из 215 семей только одна национально-смешанная (муж таджик, жена татарка). В микрорайоне Фабричная пять национально-смешанных семей, где муж таджик, жена русская, в одной — муж таджик, жена немка; в пяти — муж таджик, жена татарка. Таким образом, национально-смешанные семьи составляют здесь 12 из 132 семей (9%), причем в пяти из них жены русские (5), в одной немка (1), а в одной муж русский, жена таджичка, у которой отец таджик, а мать русская; национальность она выбрала по отцу.

Поколенный состав в изучавшихся семьях в Ура-Тюбе и Исфаре характеризуется значительным преобладанием двухпоколенных семей. В новых микрорайонах такие семьи в основном состояли из родителей и детей. Семьи, где живет один из родителей мужа (иногда жены), т. е. трехпоколенные — редки. В Ура-Тюбе в микрорайоне Фабричная живут только две таких семьи. В Исфаре в микрорайоне Правобережная из 83 таджикских семей в двух проживал отец мужа, в одной — мать мужа. Однопоколенные семьи представлены супружескими парами (девять в Ура-Тюбе и три в Исфаре).

Неполных, малых семей, включавших мать и ребенка, в Ура-Тюбе — восемь, в Исфаре — семь. В Ура-Тюбе одиноких трое, в Исфаре — четверо.

О распределении таджикских семей по поколенному составу в старых кварталах Ура-Тюбе и Исфары см. таблицу VII. Здесь больше, чем в новых микрорайонах семей трехпоколенных (в Ура-Тюбе 37,6%, в Исфаре 18,7%) и даже имеются четырехпоколенные (в Исфаре четыре семьи). Одиноких в Ура-Тюбе — 8, в Исфаре — 26 человек.

Социальный состав таджикских семей в настоящее время неоднороден: в них представлены все социальные слои современного городского населения: различные категории рабочих, служащих, в том числе интеллигенции, колхозники, что характерно, как было отмечено, и для других современных городов Таджикистана. В семьях много социально-смешанных браков, например, в семье рабочего сын инженер, его жена уборщица в школе или санитарка в больнице, внук студент. Встречаются семьи, где глава семьи — рабочий, жена колхозница; муж рабочий, жена учительница; муж киномеханик, жена колхозница; муж агроном, жена колхозница. В неразделенных семьях двух братьев один заведующий магазином, второй — шофер, а жены колхозницы; или один из братьев служащий, второй — рабочий и т. п.

Полевые материалы и статистические данные, полученные в результате анализа домовых книг, свидетельствуют, что по сравнению с семьями таджиков из новых кварталов, таджики, проживающие в старых, характеризуются большим числом пенсионеров и домашних хозяек. Например, социальный состав населения старых кварталов в Ура-Тюбе: рабочих — 170, служащих — 146, в том числе учителей — 18, инженеров — 1, колхозников — 17, студентов — 8, домашних хозяек — 211, пенсионеров — 103, священнослужителей (мулл) — 3 человека. В старых кварталах и улицах Исфары: рабочих — 267, служащих — 189, в том числе учителей — 39, врачей — 4, инженеров — 4, колхозников — 236; студентов — 52, домашних хозяек — 204, пенсионеров — 90. В Ура-Тюбе на 170 рабочих и 165 служащих в старых кварталах приходится 241 домохозяйка

Распределение таджикских семей по поколенному составу

Название города, квартала, улицы	Число семей	В том числе семьи, состоящие из			
		одного поколения	двух поколений	трех поколений	четырёх поколений
г. Ура-Тюбе					
Олкорон	36	4	17	15	—
Барадарон	51	4	32	15	—
Мазори Кучкорак	49	4	27	18	—
Осие-тузуккунон	24	3	11	10	—
Шукурбек	15	1	11	3	—
Масджити Сафед	40	1	19	20	—
Итого:	215	17	117	81	—
г. Исфара					
Канибадамская	28	1	19	8	—
Шахтерская	24	—	16	7	1
Старые кварталы:					
Чий-боло	140	5	112	21	2
Джуй-боло	117	9	85	22	1
Итого:	309	15	232	58	4

Таблица VIII

Типы неразделенных семей

Название города, квартала, улицы	Число неразделенных семей	Супружеская пара с детьми и другими родственниками, проживающая:			Семьи женатых братьев, ведущих одно хозяйство (с другими родственниками)		Дядя с женатым племянником
		с одним женатым сыном	с двумя женатыми сыновьями	с тремя женатыми сыновьями	два брата	три брата	
г. Ура-Тюбе							
Олкорон	8	3	—	—	3	2	—
Барадарон	11	6	1	—	3	1	—
Мазори Кучкорак	9	3	1	—	5	—	—
Осие-тузуккунон	4	1	1	—	1	1	—
Шукурбек	1	—	—	—	1	—	—
Масджити Сафед	10	2	2	1	5	—	—
Итого:	43	15	5	1	18	4	—
г. Исфара							
Канибадамская	6	4	—	—	1	1	—
Шахтерская	8	4	1	—	3	—	—
Старые кварталы:							
Чий-боло	8	4	—	—	4	—	—
Джуй-боло	10	4	3	—	1	—	1
Итого:	32	16	4	—	9	1	1

и 103 пенсионера, в Исфаре на 267 рабочих и 189 служащих—204 домохозяйки и 90 пенсионеров. Соотношение их в Ура-Тюбе и Исфаре примерно одинаково. Данное обстоятельство вполне объяснимо: в условиях социалистического строя, с ростом материального благосостояния и успехов здравоохранения увеличилась в целом по стране средняя продолжительность жизни человека. Традиции многодетности в таджикских семьях, где число детей часто превышает 8 человек (в некоторых семьях их более 10) не позволяют матерям, если в семье нет других помощников, совмещать материнские обязанности и ведение домашнего хозяйства с работой на производстве.

Семьи горожан—таджиков, как это видно из таблиц II, III и IV многочисленны. «В росте численности городского населения Таджикистана,—отмечает А. Салиев,—главную роль играет естественный при-

Соотношение полных и неполных малых семей

Название города, квартала, улицы	Общее число семей	В том числе неполных	
		число	%
<i>г. Ура-Тюбе</i>			
Олкорон	36	2	5,5
Барадарон	51	9	17,6
Мазори Кучкорак	49	5	10,0
Осие-тузуккунон	24	1	4,2
Шукурбек	15	2	13,3
Масджити Сафед	40	6	15,0
Итого:	215	25	11,6
<i>г. Исфара</i>			
Канибадамская	28	1	3,7
Шахтерская	24	2	8,3
Чий-боло	140	17	12,1
Джуй-боло	117	15	12,7
Итого:	309	35	11,3

Таблица X

Этническая структура населения и уровень рождаемости в некоторых городах
Таджикской ССР*

Города	Доля коренного населения в общей численности населения в %	Коэффициент рождаемости	Индекс мозаичности М	Города	Доля коренного населения в общей численности населения в %	Коэффициент рождаемости	Индекс мозаичности М
Душанбе	29,0	23,9	0,44	Исфара	54,4	31,9	0,12
Ленинабад	56,0	27,7	0,05	Куляб	73,0	46,5	-0,18
Курган-Тюбе	45,5	30,1	0,70	Пенджикент	76,8	44,7	-0,10
Турсун-Заде (бывш. Регар)	46	31,1	0,58	Канибадам	77,3	41	0,00
Орджоникидзеабад	51,6	23,5	0,34	Ура-Тюбе	86,7	37,3	-0,20
Пяндж	52,3	37,7	0,46	Хорог	88,1	40,2	-0,44

* Салиев А. Особенности воспроизводства населения в городах Таджикистана, с. 152, таблица № 2. (Кроме индекса М — рассчитан индекс Л. Ф. Моногаровой, см.: Моногарова Л. Ф. Комплексная типология городов Таджикистана, с. 53—58.)

рост. Характер и параметры воспроизводства населения зависят от уровня рождаемости и смертности»¹⁷.

В данном случае следует обратить внимание на то, что рождаемость в значительной мере определяется этническими особенностями населения. Именно от них зависит степень детности семей, а значит и величина естественного прироста населения. Далее А. Салиев подчеркивает, что «Средняя Азия по уровню естественного прироста занимает первое место среди крупных экономических районов». Таджикистан по этому показателю стоит на первом месте среди союзных республик. Коэффициент естественного прироста республики почти в три раза превосходит общесоюзный.

Для городов Таджикистана также характерны высокие показатели естественного прироста. В свою очередь эти показатели сильно колеблются в городах различной величины¹⁸.

¹⁷ Салиев А. Особенности воспроизводства населения в городах Таджикской ССР.— В сб.: Труды аспирантов Ташкентского Государственного ун-та. Научные труды. В. 400. Проблемы биологии и географии. Ташкент: Изд-во ТашГУ, 1971, с. 150.

¹⁸ Салиев А. Указ. раб., с. 151.

Интересна таблица, сопоставляющая этническую структуру населения и уровень рождаемости в некоторых городах Таджикистана (см. таблицу X). Полученный А. Салиевым коэффициент рождаемости соотнесен мною также и с индексом этнической мозаичности М. При сравнении этнической структуры городов и их индексов этнической мозаичности, видна зависимость коэффициента рождаемости от величины индекса М. Я отмечаю зависимость этого индекса от коэффициента естественного прироста: чем выше этническая пестрота населения города, тем ниже естественный прирост населения, и наоборот. Ура-Тюбе относится к городам высокого, а Исфара — к городам среднего естественного прироста населения¹⁹. Многодетность объясняется народными семейными традициями таджиков, поощряющими ее.

Заслуживает внимания факт уменьшения в Таджикской ССР на 2% городского населения: с 37% (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.)²⁰ до 35% (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.)²¹ и увеличения процента сельского населения. В. В. Покшишевский объясняет это более высокой рождаемостью в сельской местности, где эта этническая традиция, как и многие другие, сохраняется лучше, чем в городе.

Действительно, по нашему мнению, этническая традиция многодетности — определяющий фактор, но следует учитывать и такие факторы, как повышение в настоящее время возраста вступающих в брак, культурный уровень супругов, реальное положение женщины в семейной и общественной жизни, а также такие социально-экономические факторы, как степень занятости женщины в общественном производстве, влияние урбанизации вообще, которая «оказывала и оказывает снижающее влияние на плодovitость»²². По сравнению с остальными республиками СССР по данному признаку — проценту городского населения — Таджикистан представляет собою наименее урбанизированную республику в нашей стране, со всеми вытекающими отсюда последствиями в отношении применения известных мер планирования числа детей. Этот вопрос заслуживает особого внимания и комплексного исследования, поскольку в других республиках Средней Азии и в Казахстане городское население за этот период увеличилось или, как в Туркмении, осталось на прежнем уровне.

Как установлено в беседах с информаторами (преимущественно с женщинами) таджички-горожанки, особенно занятые на производстве женщины, студентки, активные общественницы начинают планировать число детей, иногда втайне от мужа.

Касаясь взаимоотношений членов таджикских семей, следует отметить, что в быту права мужа и жены постепенно выравниваются. Семейной кассой во многих семьях распоряжаются женщины. В некоторых неразделенных семьях лишь частично ведется общее хозяйство: брачные пары вносят свою долю в «общий котел» и равномерно распределяют работу, связанную с ведением приусадебного хозяйства. В тех семьях, где все доходы сосредотачиваются в руках главы семьи, каждый работающий и учащийся получает в месяц положенную долю карманных денег на проезд и питание на работе.

Тенденция к разделу в неразделенных семьях растет. Изучая некоторые такие семьи на протяжении нескольких лет, отмечу, что после смерти главы семьи — отца, семьи обычно разделяются. В 1980 году разделились братья М. После смерти отца каждый из них занял отдельный дом в общей усадьбе, а вдова построила рядом со старшим сыном себе двухкомнатный дом с верандой. Братья (у старшего двое детей, у младшего пока один) поделили приусадебную землю, выделенную им матерью и каждый обрабатывает свой участок. Каждая семья выращива-

¹⁹ Салиев А. Указ. раб., с. 154.

²⁰ Справочник: Население СССР, М.: Политиздат, 1974, с. 56.

²¹ Население СССР (по данным Всесоюзной переписи 1979 г.), с. 10.

²² Козлов В. И. Динамика численности народов. М.: Наука, 1969, с. 171.

ет то, что она хочет, но обе помогают матери обрабатывать ее участок и участок бабушки (ее матери). Хозяйкой усадьбы официально считается мать, однако фактически после смерти отца (главы семьи) образовались две малые «нуклеарные» семьи и одна неполная малая семья, состоящая из старухи-матери и пожилой дочери. Последние ведут общее хозяйство и даже держат корову.

Во всех неразделенных семьях в той или иной степени существует тенденция к разделу.

Анализ таблиц позволяет наметить возможную классификацию современных форм и типов семей: сосуществуют две формы семьи — I — большая патриархальная в последнем периоде ее развития — неразделенная и II — малая. Каждая из них разбивается на типы: неразделенная — на отцовскую и семью братьев. Типы неразделенной семьи имеют варианты: отцовская семья включает три варианта: *а* — супруги с одним женатым сыном (с другими малолетними детьми или без них, иногда с другими родственниками); *б* — супружеская пара с двумя женатыми сыновьями (с не состоящими в браке детьми, другими родственниками или без них); *в* — супруги с тремя и более женатыми сыновьями (с другими не состоящими в браке детьми или родственниками или без них). В семье братьев два варианта: *а* — два женатых брата с детьми и другими родственниками или без них, *б* — три и более женатых брата с детьми и другими родственниками или без них.

Новым в семейной структуре в нарушении традиции является проживание в семье детей разведенной или вдовой сестры главы семьи, младшей сестры жены, матери жены и некоторых других родственников жены.

Малая семья разбивается на следующие типы: *а* — полная малая семья (родители с детьми), *б* — неполная малая семья (один из родителей с детьми); *в* — супружеская пара без детей; *г* — расширенная малая семья (супруги с детьми и одним из их родителей или с другими родственниками). Варианты типа *б*: 1 — вдова или разведенная с детьми; 2 — вдовец или разведенный с детьми.

Как было отмечено выше, в старых кварталах проживают в основном малые семьи. Неразделенных в старых кварталах в Ура-Тюбе и Исфаре отмечено соответственно 20% и 10,3%. В новых микрорайонах такие семьи и в Исфаре и в Ура-Тюбе не зафиксированы, что позволяет сделать вывод о преобладании здесь малой, моногамной формы семьи. Как пережиток полигамных семей отмечены во время исследования в Ура-Тюбе только две (в квартале Осие-тузуккунон). В одной из них глава семьи (1897 г. р.) имел две жены (1905 и 1924 г. р.). Она состояла из четырех человек, в том числе сына от второй жены. В другой жили две жены умершего главы семьи со своими детьми, в том числе женатыми сыновьями. Эта семья насчитывала 20 человек.

Интересно отметить, что в Ура-Тюбе в квартале Мазори Кучкорак две семьи, все члены которых «питаются из одного котла», имеют каждая по два дома. В квартале Осие-тузуккунон одна семья имеет два дома. Эти дома расположены близко друг от друга. Члены семьи прописаны в разных домах, однако имеют один бюджет, питаются из «одного котла».

Полевые материалы свидетельствуют о том, что процесс урбанизации вызывает дробление неразделенных семей, так как при сносе старинных домов и кварталов предоставляют 2-х—3-х комнатные квартиры каждой брачной паре с детьми. Это усиливает естественную тенденцию к изживанию неразделенных семей и образованию семейных групп, состоящих из тесно связанных между собою малых кровнородственных семей. На этот процесс обращают внимание и социологи²³.

Территориальное разобщение малых семей, входящих в такую семейную группу в условиях Таджикистана, учитывая существование традиции очень тесных родственных отношений, не вызывает ослабления родственных связей. Как правило, поддерживаются постоянные контак-

²³ Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979, с. 358.

ты не только с семьями, живущими в одном городе, но и в разных городах и кишлаках республики.

В заключение следует отметить, что в настоящее время среди таджикского городского населения в Ура-Тюбе и Исфаре сосуществуют две формы семьи — малая и неразделенная с их разнообразными типами и вариантами типов. Следует обратить внимание на то, что переживаемый в настоящее время в истории развития семьи длительный переходный период от больших патриархальных семей к малым в условиях Таджикистана как и всей Средней Азии, характеризуется в силу традиции, превращением некоторых малых семей (вследствие женитьбы старших сыновей) в неразделенные. Однако часто при женитьбе второго сына старший со своей семьей выделяется. По сравнению с неразделенными семьями братьев, неразделенная семья, возглавляемая отцом, более стабильна. Такие семьи характеризуются большей авторитарностью. После смерти отца, по прошествии нескольких лет, а то и менее года, братья обычно разделяются.

Итак, приведенные в статье материалы, свидетельствуют о том, что в современных таджикских городах преобладающей формой семьи является малая (нуклеарная), что отражает общую тенденцию развития семьи на данном ее этапе.

Н. Е. Руденский

ЧИСЛЕННОСТЬ И РАССЕЛЕНИЕ ВЕНГЕРСКИХ ГРУПП В ЕВРОПЕ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ВЕНГРИИ

Венгры относятся к этносам, сравнительно широко расселенным в современном мире. На середину 1978 г. общая численность венгров оценивалась в 14 400 тыс. чел., причем из них в пределах Венгрии было сосредоточено лишь 10 520 тыс. чел. (73,1%). За пределами Венгрии в Европе расселено около 3,1 млн. венгров, в том числе в Румынии 1704 тыс., в Чехословакии 600 тыс., в Югославии 480 тыс., в СССР 171 тыс. (по переписи населения 1979 г.). Менее значительные венгерские группы есть в Австрии (30 тыс. чел.), ФРГ (18 тыс. чел.), Великобритании (17 тыс. чел.), Франции (11 тыс. чел.), Швеции (5 тыс. чел.) и в некоторых других странах Западной Европы¹. Анализ расселения венгров в Европе за пределами Венгрии невозможен без рассмотрения сложных историко-демографических процессов, результатом которых оно является.

В конце XIX в. Венгрия была частью Австро-Венгерской монархии, причем территория Венгерского королевства охватывала обширные земли, населенные преимущественно невенгерскими народами: Трансильванию, Банат, Хорватию-Славонию, Словакию, Подкарпатскую Русь и др. На этих землях сформировались и венгерские группы; некоторые из них имели весьма давнее происхождение (например, секеи Трансильвании). Правящие круги Венгрии проводили политику мадьяризации невенгерских национальностей. Эта политика была одним из факторов динамики этнического состава населения Венгрии в конце XIX — начале XX в. (см. табл. 1).

Мы видим, что в конце XIX — начале XX в. удельный вес венгров (точнее лиц с венгерским родным языком) в населении Венгрии неуклонно возрастал. Этот процесс объясняется целым рядом факторов. Как известно, динамика численности этнических общностей определяется, с одной стороны, процессами воспроизводства, а с другой — этническими процессами².

Из табл. 2 видно, что в конце XIX — начале XX в. естественный прирост среди венгров был несколько выше, чем в среднем по стране, хотя и ниже, чем среди словаков и украинцев.

К сожалению, мы не обладаем полными данными об особенностях воспроизводства для различных национальностей Венгрии. Некоторые сведения такого рода имеются лишь для ряда смешанных в этническом отношении областей.

В Словакии в среднем за период 1900—1910 гг. для венгров рождаемость составляла 35,3‰, смертность — 24,5‰, естественный прирост — 10,8‰ (для словаков эти показатели равнялись соответственно 38,9‰, 27,1‰ и 11,8‰). На территории Подкарпатской Руси в этот же период естественный прирост у венгров (13,0‰) был также ниже, чем у словаков (14,6‰) и у украинцев (16,4‰)³. Напротив, в Трансильвании и

¹ См. Брик С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М.: Наука, 1981, с. 166, 283, 284, 261, 276, 330, 336, 350.

² Козлов В. И. Этническая демография. М.: Статистика, 1977, с. 52.

³ Slovakia. London, 1920, p. 8.

**Динамика этнического состава населения Венгрии (без Хорватии-Славонии)
в 1880—1910 гг. ***

Националы ости (по родному языку)	1880 г.		1890 г.		1900 г.		1910 г.	
	числен- ность, тыс.	%	числен- ность, тыс.	%	числен- ность, тыс.	%	числен- ность, тыс.	%
Всего	13 779	100,0	15 133	100,0	16 748	100,0	18 265	100,0
Венгры	6 404	46,6	7 357	48,6	8 562	51,4	9 945	54,5
Немцы	1 870	13,6	1 989	13,1	1 999	11,9	1 903	10,4
Словаки	1 845	13,5	1 897	12,5	2 002	11,9	1 946	10,7
Румыны	2 463	17,5	2 589	17,1	2 799	16,6	2 948	16,1
Сербы и хорваты	632	4,6	679	4,5	629	3,7	656	3,6
Украинцы	353	2,6	380	2,5	425	2,5	464	2,5
Прочие	241	1,6	244	1,6	333	2,0	401	2,2

* *Macartney C. A. Hungary and her successors. L. etc.: Oxford University Press, 1937, p. 33;* в таблице приведены данные венгерских переписей населения, в которых в качестве этнического определителя использовался родной язык, точнее, «язык, на котором опрашиваемый говорит лучше всего и с наибольшей готовностью».

Таблица 2

**Естественный прирост населения Венгрии по национальности
в конце XIX — начале XX в. ***

Национальности	Естественный прирост, ‰		Национальности	Естественный прирост, ‰	
	1896—1900 гг.	1911—1914 гг.		1896—1900 гг.	1911—1914 гг.
Венгры	13,0	12,2	Украинцы	15,5	13,9
Немцы	11,8	9,3	Сербы	8,2	7,6
Словаки	13,8	12,7	Хорваты	11,3	13,5
Румыны	5,8	9,3	Всего	11,6	11,6

* *Magyarország története 1890—1918. Budapest, 1978, 416 о.*

Банате рождаемость и естественный прирост у венгров были выше, чем у других национальностей (румын, немцев, сербов) ⁴.

В качестве основного интересующего нас этнического процесса выступает упомянутая выше мадьяризация, т. е. ассимиляция венграми отдельных элементов других этнических групп страны. Естественно, что различные национальности Венгрии и разные их социальные слои были подвержены мадьяризации в неодинаковой степени. Пожалуй, наиболее интенсивно этот процесс шел среди немецкого населения Венгрии, особенно вне Трансильвании и Баната. Еще перед революцией 1848—1849 гг. немцы, составлявшие значительную часть городского населения страны, поддерживали национальные требования нарождающейся венгерской буржуазии, так как сами были кровно заинтересованы в ускорении капиталистического развития Венгрии. Немцы были единственной этнической группой, добровольно пошедшей на ассимиляцию. Это обстоятельство было в свое время отмечено Ф. Энгельсом, который в статье «Борьба в Венгрии» (1849 г.) писал, что венгерские немцы, хотя и сохранили немецкий язык, стали по духу, характеру и обычаям настоящими мадьярами ⁵. Ассимиляция немецкого городского населения была одним из важнейших факторов мадьяризации городов Венгрии, которая во второй половине XIX в. шла весьма быстрыми темпами ⁶.

⁴ *Transylvania and the Banat. L., 1920, p. 9.*

⁵ *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 181.*

⁶ В 1848 г. население Буды и Пешта было на 3/4 немецким; в 1890 г. 68% населения Будапешта составляли венгры. За этот же период Печ из почти чисто немецкого города стал на 3/4 венгерским. Такой же процесс наблюдался во многих других городах, особенно в Пожони (Братиславе), Араде, Шопроне, Уйвидеке (Нови-Саде), Сабадке (Суботиче), Темешваре (Тимишоаре), Кашше (Кошице) и др. (см. *Macartney C. A., Op. cit., p. 33*).

В меньшей степени ассимилировались прочие этнические группы Венгрии — словаки, румыны, сербы и др. Как правило, мадьяризировались только рассеянные невенгерские группы, расселенные в городах, а также сельских равнинных областях⁷. Мадьяризация шла особенно интенсивно в среде буржуазии, чиновничества, лиц свободных профессий, в меньшей степени — землевладельцев.

Интерпретируя данные табл. 1, нельзя забывать о том, что в венгерских переписях населения этническим определителем служил родной язык. Возможно, в связи с этим численность венгров несколько завышалась, поскольку «венгром» мог считаться любой человек, владеющий венгерским языком, а таких бывало довольно много и среди невенгерского населения⁸. Не подлежит сомнению, что в число лиц с родным венгерским языком включались значительные группы евреев и цыган.

Примерно с последней четверти XIX в. на этнический состав населения Венгрии определенное влияние стала оказывать и эмиграция, до этого практически не игравшая роли в истории страны. Можно отметить, например, небольшую группу венгров-секеев, переселившихся в течение XVI—XVIII вв. в Молдову и образовавших там этнографическую группу чанго (венг. csángó). В конце XVIII в. часть чанго переместилась в Буковину. После поражения национально-освободительного восстания под руководством Ференца Ракоци некоторые его участники эмигрировали в Баварию, Пруссию, Францию, Турцию и другие страны⁹. Упомянем также следующий любопытный факт. Еще в первой половине XVI в. турецкий султан Сулейман I послал на территорию Нубии (нынешний Судан) небольшой гарнизон, состоявший частично из венгров. Следы этой группы сохраняются в Судане и сейчас¹⁰. Однако эти отдельные эпизоды почти не меняли общей картины сосредоточения венгерского этноса на территории Венгрии.

После подавления в Венгрии революции 1848—1849 гг. началась политическая эмиграция, главным образом в США. Поскольку в истории этой эмиграции большую роль сыграло пребывание в США Л. Кошута, она часто называется «эмиграцией Кошута». Масштабы этой эмиграции были невелики (несколько тыс. чел.)¹¹.

Революция 1848—1849 гг. ликвидировала в стране крепостное право, но не провела радикальной аграрной реформы. Это создало значительную аграрную перенаселенность, явившуюся социально-экономической предпосылкой массовой эмиграции из страны. В 1850—1860-е годы число эмигрантов из Венгрии не превышало, однако, нескольких сот в год¹². В конце 1870-х годов ежегодное число эмигрантов составляло уже 2—3 тыс. чел., однако по-настоящему массовая эмиграция из Венгрии началась лишь с 1880 г. Основной поток эмигрантов направлялся за океан, преимущественно в США. Всего за период с 1850 по 1920 г. общее число покинувших Венгрию оценивается в 2,5—3 млн. чел., в том числе переселившихся за океан в 2,2—2,6 млн. чел.¹³ Интенсивность эмиграции из Венгрии в конце XIX — начале XX в. примерно соответствовала средней для европейских стран. Своего пика (7—8 эмигрантов в расчете на 1000 жителей страны) она достигла в период 1905—1907 гг., когда число эмигрантов составило 76% абсолютного естественного прироста населения Венгрии. В 1908 г. численность эмигрантов резко упала — до 49 тыс. чел. по сравнению с 209 тыс. чел. в 1907 г. Это объясняется влиянием экономического кризиса 1907 г. в США. Затем масштабы эмиграции вновь

⁷ Ibid.

⁸ Так, в начале XX в. в Трансильвании и Банате венгерский язык знала 1/6 невенгерского населения (см. *Transylvania and the Banat*, p. 5).

⁹ Szántó M. *Magyarok a nagyvilágban*. Budapest, 1970, 14 о.

¹⁰ Мамелюки в Судан. Хартум, 1975 (на арабск. яз.).

¹¹ Szántó M. *Op. cit.*, 28—29 о.

¹² Kosa J. A century of Hungarian emigration 1850—1950.— *American Slavic and East European Review*, v. 16, 1957, p. 504.

¹³ Ibid.

возросли и оставались на высоком уровне вплоть до начала первой мировой войны — в 1913 г. из Венгрии эмигрировало 119 тыс. чел.¹⁴.

Структура потока эмигрантов из Венгрии со временем менялась. Первоначально (в 70-е годы XIX в.) большинство эмигрантов составили состоятельные жители южных и западных районов Венгрии (часто немцы по национальности), а также шахтеры из северной Венгрии¹⁵. После того как эмиграция приобрела массовый характер, среди эмигрантов стали резко преобладать сельскохозяйственные рабочие (батраки, поденщики) и малоземельные крестьяне. В 1911—1913 гг. сельскохозяйственные рабочие составили 64,0% эмигрантов из Венгрии, хотя доля этой группы среди занятого населения страны в 1910 г. равнялась только 25,6%¹⁶. По американской статистике в начале XX в. профессиональная структура эмигрантов из Венгрии в США выглядела следующим образом: лица свободных профессий — 0,4%; квалифицированные рабочие — 6,6%; прочие занятые (включая сельскохозяйственных рабочих) — 67,7%; без занятий (главным образом женщины, дети) — 25,3%¹⁷.

Половозрастная структура эмигрантов характеризовалась преобладанием мужчин над женщинами (особенно на первых этапах), а также высокой долей молодых возрастов. В 1880—1890 гг. мужчины составляли 73,8% эмигрантов из Венгрии, к концу века — примерно 2/3, а к 1913 г. их преобладание стало незначительным. В период наиболее массовой эмиграции (1905—1907 гг.) 59,9% эмигрантов были моложе 30 лет, а 84,8% — моложе 39 лет¹⁸.

Процесс эмиграции далеко не равномерно затронул население различных областей Венгрии. Основным источником эмиграционного потока, особенно до начала XX в., были северо-восточные области Венгрии, населенные преимущественно словаками. В 1899 г. из 23,3 тыс. чел. эмигрировавших из Венгрии, 19,2 тыс. чел. было родом с территории к северу от Тисы¹⁹. Если в период с 1899 по 1913 г. в целом по стране интенсивность эмиграции не превышала 3,6%, то в ряде северо-восточных областей (Унг, Шарош, Сепеш и др.) этот показатель превышал 16%²⁰. Другими очагами эмиграции были задунайские области Веспрем и Дьёр, а также на юге области Торонтал, Бач-Бодрог и Темеш²¹. Большую роль северо-восточной Венгрии в формировании потока эмигрантов (за весь период эмиграции в США 40% эмигрантов было из этого региона) можно отчасти объяснить тем, что эта территория характеризовалась наивысшими в Венгрии показателями прироста и плотности населения, а также минимальной площадью обрабатываемых земель в расчете на душу населения²².

В этнодемографическом плане для нас важно то, что основным центром эмиграции из Венгрии были преимущественно словацкие по населению области. Действительно, доля словаков среди эмигрантов из Венгрии была весьма велика — в среднем на 20% выше, чем их удельный вес в населении страны²³. С 1899 по 1910 г. среди эмигрантов из Австро-Венгрии было (по родному языку) 374 тыс. словаков и только 333 тыс. венгров²⁴. После словаков относительная интенсивность эмиграции (доля в числе эмигрантов по отношению к доле в населении) была выше всего у немцев, затем шли украинцы, сербы, хорваты, румыны и лишь потом венгры. Следует, правда, отметить, что со временем

¹⁴ Puskás J. Emigration from Hungary to the United States before 1914. Budapest, 1975, p. 6, 19—21.

¹⁵ Ibid., p. 7.

¹⁶ Ibid., p. 26.

¹⁷ Szántó M. Op. cit., p. 45 o.

¹⁸ Puskás J. Op. cit., p. 8; Szántó M. Op. cit., 44—43 o.

¹⁹ Puskás J. Op. cit., p. 8.

²⁰ Szászi F. Az Amerikába irányuló kivándorlás Szabolcs megyéből az első világháborúig. Nyíregyháza, 1972, 57 o.

²¹ Puskás J. Op. cit., p. 8.

²² Ibid.

²³ Ibid., p. 18.

²⁴ Kivándorlás — Révai Nagy Lexikona, XI k., Budapest, 1914, 718 o.

роль венгров в эмиграции из страны возрастала: в 1901 г. венгры составили 22,6% эмигрантов из Венгрии, а в 1911 г. — 32,8%²⁵. За период 1899—1913 гг. из Венгрии эмигрировало около 400 тыс. венгров и более 800 тыс. представителей невенгерских национальностей²⁶. Было бы некоторым упрощением считать, что национальные меньшинства Венгрии побуждались к эмиграции своим угнетенным положением. Если высокую долю эмигрантов среди словаков или украинцев еще можно пытаться объяснить тяжелым положением этих народностей под властью Венгрии, то экономическое положение сербов и особенно немцев, также эмигрировавших в больших масштабах, было довольно благоприятным. Факторы эмиграции для различных этнических групп Венгрии были, очевидно, более сложными. В целом высокая доля национальных меньшинств в числе эмигрантов объясняется отчасти тем, что венгерские правящие круги ставили своей целью повышение доли венгров в населении страны. Одним из путей достижения этой цели была преимущественная выдача разрешений на выезд представителям невенгерских национальностей²⁷.

Поражение в первой мировой войне привело к распаду Австро-Венгерской монархии. Венгрия стала полностью независимым государством, однако по Трианонскому мирному договору 1920 г. ее бывшая государственная территория была значительно урезана. Словакия и Подкарпатская Русь вошли в состав вновь образованного Чехословацкого государства; Трансильвания, Кришана-Марамуреш и часть Баната были присоединены к Румынии; другая часть Баната, Воеводина, а также Хорватия-Славония стали частью Королевства сербов, хорватов и словенцев (Югославия). Крайний запад Венгрии (Бургенланд) был присоединен к Австрии. Незначительные участки бывшей территории Венгрии получили также Польша и Италия. В результате ее территория составила лишь 1/3 довоенной; население страны уменьшилось в чуть меньшей пропорции. Естественно, что основная часть убыли в населении пришлась на невенгерские народы, однако за пределами Венгрии осталось и значительное число венгров по национальности. Исходя из данных переписи населения 1910 г., на венгерских территориях, отошедших к Австрии, число венгров (по родному языку) составило 26 тыс.²⁸; к Чехословакии — 1063 тыс.²⁹; к Польше — 0,2 тыс.; к Румынии 1705 тыс.; к Италии — 6,5 тыс. и к Югославии — 442 тыс.³⁰. Среди венгров, оказавшихся в сопредельных с Венгрией странах, была высока доля землевладельцев, чиновников, торговцев и пр., проживавших в преимущественно невенгерских областях. Однако были и изолированные от Венгрии компактные венгерские группы, например секеи Трансильвании. Вместе с тем новые границы отделили от Венгрии и некоторые районы с более или менее значительным венгерским населением.

В результате описанных территориально-политических изменений в соседних с Венгрией странах — Румынии, Чехословакии, Югославии и в меньшей степени в Австрии — образовались довольно крупные этнические группы венгров, находившиеся на положении национальных меньшинств. Буржуазные правящие круги «государств-наследников» (англ. «successor states»), как правило, проводили в отношении таких меньшинств политику насильственной ассимиляции. Это широко использовалось в ирредентистской пропаганде хортистского режима в Венгрии. В конце 30-х годов Венгрия, шедшая в фарватере политики итлеровской Германии, приняла участие в разделе Чехословакии. По

²⁵ Puskás J. Op. cit., p. 31.

²⁶ Thirring G. Hungarian migration of modern times.— International Migrations. I. II. Interpretations. N. Y., 1931, p. 425.

²⁷ Kosa J. Op. cit., p. 506.

²⁸ Помимо этого, много венгров было расселено в крупных городах Австрии, особенно в Вене.

²⁹ В том числе в Словакии — 893 тыс., в Подкарпатской Руси — 169 тыс.

³⁰ Не считая 106 тыс. венгров в Хорватии-Славонии. См. Macartney C. A. October fifteenth. A history of modern Hungary 1929—1945. Edinburgh, 1957, v. I, p. 4.

решению первого Венского арбитража в ноябре 1938 г. Венгрия получила южные районы Словакии и Закарпатской Украины с населением 1100 тыс. чел. и городами Кошице, Ужгород, Мукачево³¹. В марте 1939 г. венгерские войска оккупировали и оставшуюся часть Закарпатской Украины. В августе 1940 г. состоялся второй Венский арбитраж, в соответствии с которым Румыния передавала Венгрии северную и северо-восточную части Трансильвании (включая Марамуреш) с населением 2577 тыс. чел.³² Наконец, в апреле 1941 г. Венгрия приняла участие в гитлеровской агрессии против Югославии, получив в качестве «вознаграждения» часть Воеводины (Бачку и Баранью). В 1941 г. в Венгрии была проведена перепись населения, учитывавшая как родной язык, так и национальность. По данным этой переписи, в отторгнутых от Чехословакии словацких районах венгры по родному языку составляли 84,1% населения; в Закарпатской Украине — 10,1%; в Северной Трансильвании — 52,1% и в аннексированных областях Югославии — 39,0%. Доля венгров по национальности на этих территориях равнялась соответственно 87,4, 13,0, 53,6 и 54,9%³³. Очевидно, что эти данные носят завышенный характер. Особенно сомнительным представляется численное преобладание лиц венгерской национальности над лицами с венгерским родным языком. Маловероятно, чтобы значительные группы венгров на указанных территориях подвергались языковой ассимиляции.

В итоге второй мировой войны по Парижскому мирному договору 1947 г. были восстановлены границы Венгрии на 1 января 1938 г. с изменениями на небольшом отрезке границы с Чехословакией³⁴. Естественно, численность венгров в соседних с Венгрией странах вновь возросла.

В настоящее время из всех стран мира (за исключением Венгрии) на первом месте по численности венгерского населения стоит Румыния.

Данные табл. 3 показывают, что численность венгров в Румынии возрастает, хотя и медленнее, чем общая численность населения страны. Превышение численности лиц с родным венгерским языком над численностью венгров по самосознанию объясняется тем, что на венгерском языке продолжают говорить небольшие группы еврейского, цыганского и немецкого населения. Со временем численность этих групп уменьшается. В то же время, по данным 1966 г., венгерский язык был родным для 98,9% венгров, в том числе в городах для 96,5% и в сельской местности для 99,4%³⁵. Это указывает на практическое отсутствие языковой ассимиляции в среде румынских венгров.

Доля городского населения среди венгров Румынии составила в 1956 г. 41,4%, в 1966 г. 46,9%. За это же время в целом по стране удельный вес городского населения возрос с 31,3 до 39,1%. Мы видим, что венгры в Румынии урбанизированы относительно высоко, однако уровень их урбанизованности растет медленнее, чем в целом по стране. Основные особенности социальной структуры венгров Румынии видны из табл. 4.

Показатели естественного воспроизводства венгерского населения Румынии можно оценить только косвенным образом. С одной стороны относительно высокая урбанизованность венгров предполагает сравнительно более низкую рождаемость. В то же время имеются данные о довольно высокой рождаемости среди венгерского сельского населения. Так, в 1969 г. уезды Харгита и Ковасна (юго-восточная часть Трансильвании, населенная преимущественно секеями) занимали по уровню плодovitости соответственно первое и третье место среди всех уездов Румынии, а уезд Сату-Маре, где венгры составляют почти половину насе-

³¹ История Венгрии. Т. III. М.: Наука, 1972, с. 289.

³² История Венгрии, т. III, с. 336.

³³ Fogarasi Z. A népesség anyanyelvi, nemzetiségi és vallási megoszlása törvényhatóságokint 1941 — ben. Budapest, 1944, 4 o.

³⁴ История Венгрии, т. III, с. 546.

³⁵ Здесь и далее расчеты по: Recensământul... 1956 и Recensământul... 1966.

Численность и удельный вес венгров в населении Румынии по данным переписей населения с 1930 по 1977 г.*

	1930 г.		1948 г.		1956 г.		1966 г.		1977 г.	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
Венгры по национальности	1425	9,3	—**	—	1588	9,1	1620	8,5	1706	7,9
Лица с родным венгерским языком	1554	10,4	1500	9,4	1654	9,5	1652	8,7	—	—

* Сост. по: Козлов В. И. О динамике национального состава населения Румынии и Болгарии.— Сов. этнография, 1963, № 3; Dolopentia A., Georgescu D. Populația Republicii Populare Romane la 25 Ianuarie 1948. București, 1948; Recensământul populației și locuințelor din 21 februarie 1956. Resultate generale. București, 1959; Recensământul populației și locuințelor din 15 martie 1966. V. I. Resultate generale. P. I. Populație. București, 1969; Румыния. Документы, события, № 3, июнь 1977 г.

** Нет данных.

Таблица 4

Доля основных социальных групп во всем населении Румынии и среди румынских венгров, %

	Рабочие		Крестьяне		Служащие	
	1956 г.	1966 г.	1956 г.	1966 г.	1956 г.	1966 г.
Во всем населении	23,7	39,9	58,0	43,8	13,3	12,3
У венгров	38,6	45,9	47,5	36,2	12,7	11,6

ления,— четвертое место³⁶. По данным на 1972 г., естественный прирост населения в уезде Харгита составил 12,1%, в уезде Ковасна—10,4%, в уезде Сату-Маре—11,2% при среднем по стране показателе 9,6%³⁷. Есть предположение, что в будущем высокая плодовитость хотя бы части венгерского сельского населения и быстрый рост урбанизованности румын, сопровождающийся понижением рождаемости, могут приостановить падение доли венгров в населении Румынии³⁸.

Венгры в Румынии характеризуются высокой степенью этнической эндогамии. По данным на 1965 г., удельный вес гомоэтнических браков для венгров в стране составил 86,5%, в том числе для городского населения 82,4%, а для сельского 91,4%. Удельный вес гомоэтнических браков для венгров в целом по стране был чуть ниже, чем для румын (88,0%), но существенно выше, чем для другого крупного национального меньшинства — немцев (69,1%)³⁹.

Размещение венгерского населения в Румынии довольно стабильно. Венгры в Румынии почти полностью (на 98,8%) сосредоточены в пределах Трансильвании в широком смысле слова, включающей историческую Трансильванию, Банат и Кришану-Марамуреш⁴⁰. В 1966 г. наиболее крупные группы венгров имелись в следующих уездах: Муреш (250 тыс. чел.), Харгита (249 тыс. чел.), Бихор (193 тыс. чел.), Клуж (165 тыс. чел.), Сату-Маре (148 тыс. чел.) и Ковасна (140 тыс. чел.). В уездах Тимиш, Арад, Брашов, Марамуреш и Хунедоара венгерское население насчитывало по 50—100 тыс. чел.⁴¹ Можно подсчитать, что в этих

³⁶ *Satmarescu G.* The changing demographie structure of the population of Transylvania.— East European Quarterly, 1975, v. VIII, № 4, p. 435.

³⁷ Anuarul demografic al Republicii Socialiste România. București, 1974, p. 134—135.

³⁸ *Satmarescu G.* Op. cit., p. 435.

³⁹ Расчеты по: Anuarul demografic al Republicii Socialiste România. București, 1967, p. 216—217.

⁴⁰ *Satmarescu G.* Op. cit., p. 436.

⁴¹ Recensământul... 1966, p. 153—162.

11 уездах (из 39 уездов СРР) было сконцентрировано 89,8% всех венгров Румынии, в том числе в первых шести — 70,7%. Во многих из этих уездов удельный вес венгров в населении был весьма высок: Харгита — 88,1%, Ковасна — 79,4%, Муреш — 44,5%, Сату-Маре — 41,1% и т. д. Особенно высокой территориальной концентрацией отличается венгерское сельское население⁴². Все это указывает на компактный характер расселения венгров в Румынии.

Отметим, что основной район компактного расселения венгров в Румынии, охватывающий уезды Харгита, Ковасна и часть уезда Муреш, находится на значительном удалении от румыно-венгерской границы.

Среди венгров на нынешней территории Румынии издавна выделялось несколько субэтносов, в том числе уже не раз упоминавшиеся секеи, а также калотасеги (венг. *kalotaszeg*), обитающие на юге Трансильвании, и чанго Молдовы (эта последняя группа в настоящее время весьма немногочисленна). Особый интерес из этих групп представляют секеи, численность которых оценивается в 500—600 тыс. чел. (примерно треть всех венгров Румынии)⁴³. Секеи выделяются рядом особенностей материальной и духовной культуры, а также своеобразным диалектом венгерского языка⁴⁴. Ранняя обособленность секеев от основной массы венгров привела к тому, что этническое развитие этой группы шло сравнительно самостоятельно. В средневековой Трансильвании секеи имели статус феодальной «нации» наряду с венграми и саксами. Однако в настоящее время можно говорить об отмирании у секеев собственного этнического самосознания и замене его венгерским. По переписи населения СРР 1977 г. только 1064 чел. называли себя секеями⁴⁵. Таким образом, секеи представляют сейчас не этническую, как ранее, а этнографическую группу, подобно калотасегам и чанго.

В Чехословакии, по данным переписей населения, динамика численности венгров прослеживается следующим образом: 1921 г. — 658 тыс., 1930 г. — 597 тыс., 1950 г. — 368 тыс., 1961 г. — 534 тыс., 1970 г. — 570 тыс. На 1978 г. венгерское население в Чехословакии насчитывало 604 тыс. чел.⁴⁶. В 1930 г. венгры составили 4,3% населения Чехословакии, в 1950 г. — 3,0%, в 1961 г. — 3,9% и в 1970 г. — 4,0%⁴⁷. После второй мировой войны в ходе обмена населением более 70 тыс. венгров переселились из Чехословакии в Венгрию⁴⁸. Обращает на себя внимание необычно большой прирост численности венгров в промежутке между переписями 1950 и 1961 гг. Он объясняется в первую очередь тем, что в послевоенный период в Чехословакии проводилась политика «ресловакизации» национальных меньшинств, особенно венгров. В результате этой политики при проведении переписи 1950 г. 108 тыс. венгров назвали себя словаками⁴⁹. В 1954 г. правительство ЧССР положило конец «ресловакизации», и при проведении переписи 1961 г. венгры указывали свою подлинную национальность. Политика «ресловакизации» в последующем неоднократно осуждалась ЦК КПЧ⁵⁰.

Урбанизованность венгерского населения Чехословакии невелика. В 1970 г. в Словакии, где сосредоточена подавляющая часть венгров ЧССР, 74,4% венгерского населения проживало в сельской местности⁵¹. Слабая степень урбанизованности венгров Чехословакии находит свое отражение в их социальной структуре, где сравнительно высока доля крестьянства (см. табл. 5).

⁴² Ibid.

⁴³ Козлов В. И. О динамике национального состава, с. 59.

⁴⁴ См. об этом Народы Зарубежной Европы. Т. 1. М.: Наука, 1964, с. 715—716.

⁴⁵ On Transylvanian ethnicity.— *Current Anthropology*, 1979, v. 20, № 1, p. 137.

⁴⁶ Srb V. *Demografická příručka*. Praha, 1967, s. 44—45; *Statistická ročenka Československé Socialistické Republiky* 1979. Praha, 1979, s. 104.

⁴⁷ *Sindelka J. Narodnostna politika v CSSR*. Praha, 1975, S. 21.

⁴⁸ *Frumkin G. Population changes in Europe*. N. Y., 1951, p. 52.

⁴⁹ *Vývoj společnosti CSSR v číslech*. Praha, 1965, s. 259.

⁵⁰ *Sindelka J. Op. cit.*, s. 24.

⁵¹ *Vývoj společnosti CSSR v číslech*. Praha, 1975, s. 261.

**Социальная структура населения отдельных
национальностей ЧССР в 1970 г., %***

Классы и социальные слои	Национальности		
	венгры	чехи	словаки
Рабочие	58,0	56,6	58,5
Служащие	16,2	31,7	28,0
Кооперированные крестьяне	22,4	8,6	9,1
Кооперированные кустари	1,6	2,5	1,7
Крестьяне-единоличники	0,2	0,3	2,0
Прочие и неизв.	0,6	0,3	0,7

* Vývoj společnosti ČSSR v číslech, 1975, s. 259.

Половая структура венгерского населения ЧССР на 1970 г. характеризуется численным преобладанием женщин (1042 женщины на 1000 мужчин), хотя и чуть менее выраженным, чем во всем населении страны, где это соотношение составляет 1053 : 1000⁵². Обобщенная возрастная структура венгров Чехословакии видна из табл. 6.

Таблица 6

**Доля основных возрастных групп во
всем населении ЧССР и среди венгров
ЧССР (1970 г.), %***

Возрастные группы	Все население	Венгры
До 15 лет	23,1	24,1
15—49 лет	50,1	49,7
Более 50 лет	26,8	26,2

* Vývoj společnosti ČSSR v číslech, 1975, s. 260.

В 1970 г. медианный возраст венгерского населения ЧССР составил 29,3 года для мужчин и 32,4 года для женщин, в то время как для всего населения страны этот показатель был равен соответственно 29,0 года и 33,0 года, для чехов — 30,2 года и 35,6 года, для словаков — 25,8 года и 28,1 года⁵³. Основные показатели воспроизводства венгров Чехословакии в сравнении с другими национальностями страны приведены в табл. 7.

Мы видим, что по естественному приросту венгры в ЧССР несколько опережают чехов, значительно отставая от словаков. Сходная картина наблюдается и по показателям плодovitости.

Степень этнической эндогамии чехословацких венгров довольно высока. В 1970 г. доля гомоэтнических браков среди венгров ЧССР составила 88,0%. Это несколько ниже соответствующего показателя для чехов (96,5%) и словаков (92,5%), однако намного выше, чем для таких этнических групп Чехословакии, как украинцы (68,9%), поляки (55,8%) и немцы (33,3%)⁵⁴.

Таблица 7

**Некоторые демографические показатели для отдельных национальностей ЧССР
(1970 г.), %***

Национальности	Брачность	Разводимость	Рождаемость (живорожд.)	Смертность	Естественный прирост	Число живорожденных на 1000 женщин в возрасте 15—49 лет
Чехи	9,2	2,14	14,8	12,8	2,0	59,5
Словаки	8,1	0,93	18,8	8,8	10,0	73,3
Венгры	7,4	0,79	14,6	10,6	4,0	61,2

* Vývoj společnosti ČSSR v číslech, 1975, s. 260.

⁵² Ibid., s. 261.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Ibid., s. 270.

Численность и удельный вес венгров в населении республик и краев Югославии,
1948—1971 гг. *

Республики и края	1948 г.		1953 г.		1961 г.		1971 г.	
	числен- ность, тыс.	%	числен- ность, тыс.	%	числен- ность, тыс.	%	числен- ность, тыс.	%
СФРЮ, всего	496,5	3,2	502,2	3,0	504,4	2,7	477,4	2,3
Босния и Герцего- вина	0,5	0,0	1,1	0,0	1,4	0,0	1,2	0,0
Черногория	0,1	0,0	0,2	0,0	0,3	0,1	0,3	0,1
Хорватия	51,4	1,4	47,8	1,2	42,3	1,0	35,5	0,8
Македония	0,2	0,0	0,2	0,0	0,2	0,0	0,2	0,0
Словения	10,6	0,8	11,0	0,8	10,5	0,7	9,3	0,5
Сербия, всего	433,7	6,7	441,9	6,3	449,6	5,9	430,3	5,1
Воеводина	428,9	24,8	435,3	25,4	442,6	23,9	423,9	21,7
Косово	0,1	0,0	0,2	0,0	0,2	0,0	0,2	0,0
Собственно Сербия	4,7	0,1	6,4	0,2	6,8	0,1	6,3	0,1

* Popis stanovništva i stanova 1971. Nacionalni sastav stanovništva po opštinama. Beograd, 1972, s. 7—11.

В пределах ЧССР венгерская этническая группа главным образом (на 96,2%) сосредоточена на территории Словацкой Социалистической Республики. В 1978 г. численность венгров в Словакии оценивалась в 581 тыс. чел., а в Чехии — лишь в 23 тыс. чел. Венгры в 1978 г. составляли 11,8% населения Словакии (1961 г.—12,4, 1970 г.—12,2%), а в населении Чехии их доля не превышала 0,2%⁵⁵. В пределах Словакии большая часть венгров (в 1961 г.—67,6%)⁵⁶ расселена в Западнотриавском округе, где они в 1970 г. составили 22,6% населения. Остальная часть венгров примерно в равном соотношении распределена между Среднесловацким и Восточнословацким округами, где их доля в населении в 1970 г. составила соответственно 6,3 и 7,2%⁵⁷. Наиболее высокий удельный вес венгров в окресах (районах) Дунайска-Стреда (89,0%) и Комарно (72,6%). В окресах Римава-Собота, Галанта, Нове-Замки и Требишова доля венгров в населении составляет от 40 до 50%, в окресах Левице, Велки-Кртис, Рожнява и Лученец — от 20 до 40%⁵⁸. Мы уже отмечали, что словацкие венгры расселены преимущественно в сельской местности. В начале 1970-х годов в Словакии имелось 352 населенных пункта, где доля венгров в населении превышала 70%. В этих населенных пунктах было сосредоточено 2/3 всех словацких венгров⁵⁹. Такое компактное расселение венгров Словакии способствует устойчивости и самовоспроизводству этой этнической группы. Как пишет Н. Н. Грацианская, из всех национальных групп Словакии венгры сохраняют наиболее стойкое национальное самосознание. В основном районе своего расселения — Житном острове (между Дунаем, Малым Дунаем и Вагом) — венгры и сейчас не проявляют заметных признаков интеграции со словаками. Правда, несколько иная картина наблюдается среди венгров Восточной Словакии, где они расселены менее компактно, зачастую смешанно со словаками, и в большей степени подвержены ассимиляции и интеграции⁶⁰.

В Югославии в период между двумя мировыми войнами численность венгров составляла 450—500 тыс. чел.⁶¹. Динамика численности венгер-

⁵⁵ Statisticka ročenka... 1979, s. 104.

⁵⁶ Vývoj..., 1965, s. 200.

⁵⁷ Vývoj..., 1975, s. 257.

⁵⁸ Sindelka J. Op. cit., s. 24. (данные на 1970 г.).

⁵⁹ Végh L. A magyarok nemzetiségi kultúra szociológiai vizsgálata Szlovákiában. — Nemzetközi Néprajzi Nemzetiségkutató konferencia, Békescsaba, 1975. Budapest, 1976. 422 o.

⁶⁰ Грацианская Н. Н. К изучению этнокультурных процессов у этнических меньшинств Словакии. — В кн.: Полевые исследования Института этнографии АН СССР 1974 г. М.: Наука, 1975, с. 44—46.

⁶¹ Перепись населения 1921 г. зарегистрировала в Югославии 472 тыс. лиц с венгерским родным языком (см. Winkler W. Statistisches Handbuch der Europäischen Nationalitäten. Wien — Leipzig, 1931, S. 209).

ской этнической группы в Югославии по данным послевоенных переписей населения отражена в табл. 8.

С. И. Брук оценивает численность венгров в СФРЮ на середину 1978 г. в 480 тыс. чел., т. е. на 3 тыс. чел. больше, чем по данным переписи 1971 г.⁶² Мы полагаем, что при такой экстраполяции следует учесть тенденцию к сокращению численности венгров в Югославии, проявившуюся в период между переписями 1961 и 1971 гг.

В 1971 г. 88,8% всех венгров Югославии было расселено в пределах автономного края Воеводина в составе республики Сербия. В настоящее время из всех венгерских групп за пределами Венгрии только венгры Воеводины имеют территориальную автономию⁶³. Существенно менее крупные группы венгров имеются в Хорватии (7,4% общей численности) и Словении (1,9% общей численности). Значительное большинство югославских венгров живет в сельской местности.

Половая структура венгров Югославии характеризуется значительным перевесом женщин: в 1971 г. на 1000 мужчин приходилось 1112 женщин (для всего населения страны — 1036 женщин на 1000 мужчин)⁶⁴. В этом сказывается сравнительно высокий удельный вес пожилых возрастов в возрастной структуре венгерского населения СФРЮ (см. табл. 9).

Такие особенности половозрастной структуры отражают низкую рождаемость и небольшой естественный прирост среди венгров Югославии. По данным переписей населения 1953 и 1961 гг. из всех национальностей СФРЮ венгры обладали наиболее низким уровнем рождаемости и минимальными темпами естественного прироста⁶⁵. В 1970 г. среди венгров на одну женщину в возрасте от 15 до 49 лет приходилось в среднем только 1,6 ребенка (аналогичный показатель для сербов составил 2,1, для хорватов — 2,2, для мусульман (в этническом смысле) — 3,4 и для албанцев — 4,2)⁶⁶. По данным на 1977 г. для населения Югославии в целом среди всех живорожденных детей 25,9% составляли третьи и более по порядку. Для детей, рожденных венгерскими матерями, эта доля была равна лишь 13,5%⁶⁷.

Этническая эндогамия среди югославских венгров выражена несколько слабее, чем среди венгров Румынии и Чехословакии. В 1977 г. доля гомоэтнических браков среди венгров Югославии составила 70,1% (для венгров Воеводины — 74,0%)⁶⁸.

Как уже отмечалось, подавляющее большинство венгров Югославии сосредоточено в автономном крае Воеводина, особенно в его северной части. Венгерское население имеется во всех 44 общинах Воеводины, однако оно составляет большинство лишь в восьми из них. Особенно велик удельный вес венгров в населении общин Канижа (88,6%), Сента (85,4%), Ада (79%) и Бачка-Топола (72,2%). Территориальная кон-

Таблица 9

Доля основных возрастных групп во всем населении СФРЮ и среди югославских венгров (1971 г.), %*

Возрастные группы	Все население	Венгры
До 15 лет	26,8	18,0
15—49 лет	53,4	50,7
Более 50 лет	19,8	81,3

* Расчеты сделаны по: Popis stanovništva i stanova 1971. Stanovništvo. Kn. I. Beograd, 1974, s. 12.

⁶² Брук С. И. Указ. раб., с. 355.

⁶³ Отметим, что с 1952 по 1968 г. трансильванские венгры в Румынии также имели автономию в рамках Венгерской автономной области (с 1960 г. — Автономная область Муреш). Ее границы приблизительно охватывали современные уезды Харгита, Ковасна и часть уезда Муреш.

⁶⁴ Расчеты по: Popis stanovništva i stanova 1971. Stanovništvo. Kn. 1. Beograd, 1974, s. 12.

⁶⁵ La statistique démographique 1961. Beograd, 1961 (цит. по: Козлов В. И. Этническая демография, с. 159).

⁶⁶ Sentić M. Uticaj narodnosti i religije na fertilitet stanovništva Jugoslavije. — Stanovništvo, 1971, Jul.—Dec. (цит. по: Козлов В. И. Указ. раб., с. 69).

⁶⁷ Расчеты по: Demografska statistika 1977. Beograd, 1979, s. 147—150.

⁶⁸ Расчеты по: Demografska statistika 1977, s. 228—235.

дентрация венгерского населения Воеводины сравнительно невелика. В общинах, где доля венгров в населении превышает 50%, сосредоточено только 39,1% общей численности венгров края⁶⁹. Вне Воеводины венгры составляют существенную часть населения только в хорватских общинах Белы Манастир (24,3%) и Дарувар (21,3%), а также в словенской общине Лендава (27,2%)⁷⁰.

Венгры в Югославии имеют все условия для свободного этнического развития. В то же время сокращение относительной, а в последнее время и абсолютной численности венгров в СФРЮ указывает на суженный характер их этнического воспроизводства. Сравнительно низкая степень этнической эндогамии, очевидно, способствует постепенной этнической интеграции венгров Югославии, в частности и в Воеводине. Возможно, именно с изменением этнического самосознания части венгров связано то обстоятельство, что с 1961 по 1971 г. в Воеводине численность лиц, определивших свою национальную принадлежность как «югославы», возросла с 3,2 тыс. чел. до 46,9 тыс. чел. В 1971 г. «югославы» составили 2,4% населения Воеводины — это максимальный показатель среди всех республик и краев страны⁷¹. Не исключено, что в этой категории насчитывается немало тех, кто ранее считал себя венграми.

В СССР венгры расселены в основном в Закарпатской области УССР, территория которой, ранее входившая в состав Венгрии, а затем Чехословакии, была в 1945 г. по договору между СССР и Чехословакией воссоединена с Советской Украиной. В 1959 г. у нас в стране насчитывалось 154,7 тыс. венгров, в 1970 г. — 166,5 тыс.⁷² Перепись населения СССР 1979 г. показала численность венгров 170,6 тыс. чел., в том числе на Украине — 164,4 тыс. чел., из них в Закарпатской области — 158,4 тыс. чел.⁷³ Венгры Закарпаття живут в основном в селах, занимая главным образом равнинные районы на юге и западе области. Венгерское население преобладает более чем в 90 селах Ужгородского, Мукачевского, Береговского и Виноградовского районов. Довольно много венгров также в городах — Ужгороде, Мукачево, Тячеве, Виноградове и Берегове⁷⁴. Закарпатские венгры расселены преимущественно в таких селах, где они составляют подавляющее большинство населения. Однако бывает и так, что венгры живут в одних селах с украинцами, хотя и имеют свои улицы и кварталы. Здесь постепенно распространяются смешанные браки и двуязычие⁷⁵. В целом венгры Закарпаття слабо подвержены языковой ассимиляции. В 1959 г. венгерский язык считали родным 98,5% венгров УССР, в 1970 — 97,8%, в 1979 г. — 96,6%. Однако среди них распространяется двуязычие. В 1970 г. 23,7% венгров Украины владели русским языком, а в 1979 г. — уже 33,3%. Знание украинского языка распространено в значительно меньшей степени — им владеют 10% венгров на Украине⁷⁶. Распространяются также смешанные браки, причем нередко в смешанных семьях детей записывают украинцами или же одного венгром, а другого украинцем⁷⁷. По данным исследования, проведенного в 1969 г. в четырех венгерских селах Закарпаття, в стар-

⁶⁹ Расчеты по: Popis stanovništva 1971. Nacionalni sastav, s. 38—41. Если добавить общину Суботица, где венгры, насчитывая 72,6 тыс. чел., составляют 49,5% населения, то этот показатель повысится до 56,2%.

⁷⁰ Popis stanovništva i stanova 1971.— Stanovništvo. Kn. VI. Beograd, 1974, s. 12. Об этнической и языковой ситуации в этой последней общине см. Hajós F., Klemenčič V. Kétnyelvűség a Szlovén Szocialista Köztársaságban.— Nemzetközi konferencia 1975, 195—211 о.

⁷¹ Popis stanovništva 1971. Nacionalni sastav, s. 11.

⁷² Народонаселение стран мира. М.: Статистика, 1974, с. 347.

⁷³ Вестник статистики, 1980, № 7, с. 41; № 8, с. 64, 65.

⁷⁴ Гроздова И. Н., Филимонова Т. Д. Венгры и немцы Советского Закарпаття (по материалам полевых исследований 1968—1969 гг.).— Сов. этнография, 1970, № 1, с. 135—137.

⁷⁵ Гроздова И. Н., Филимонова Т. Д. Указ. раб., с. 137—138.

⁷⁶ Наулко В. И. Развитие межэтнических связей на Украине. Киев: Наукова думка, 1975, с. 138; данные за 1979 г. рассчитаны по: Вестник статистики, 1980, № 8, с. 64.

⁷⁷ Гроздова И. Н. Этническая специфика венгров Закарпаття.— В кн.: Карпатский сборник. М.: Наука, 1972, с. 96.

«штем поколении венгров смешанных браков почти не было, а среди их детей эти браки уже составляли около 20% общего числа»⁷⁸.

Говоря о венгерских группах, расселенных в соседних с Венгрией странах, следует упомянуть и о венграх Австрии, численность которых по разным источникам не превышает 30 тыс. чел. Австрийский исследователь К. Гаал выделяет среди венгерского населения Австрии две группы, называемые им соответственно «венграми» и «мадьярами». «Венгры» — это иммигранты из Венгрии и их ближайшие потомки, расселенные по всей Австрии и в третьем поколении уже едва знающие венгерский язык. От них резко отличаются «мадьяры» — немногочисленная группа венгров, коренных жителей Бургенланда, расселенная компактно и сохраняющая этническую специфику⁷⁹.

Сравнительно немногочисленные группы венгров-иммигрантов и их потомков имеются и в ряде других стран Западной Европы. Существование этих групп — в основном результат эмиграции из Венгрии после второй мировой войны. По оценкам на начало 1960-х годов, численность венгров в ФРГ составляла 50 тыс. чел., во Франции — 40 тыс. чел., в Великобритании — 30 тыс. чел., в Бельгии — 15 тыс. чел., в Нидерландах, Италии и Швеции — по 10 тыс. чел.⁸⁰ Все эти оценки существенно превышают данные С. И. Брука на 1978 г., приведенные в начале нашей работы. Не исключено, что часть венгров в западноевропейских странах подверглась ассимиляции. Определенное их число эмигрировало из европейских стран в США и Канаду.

Из вышеизложенного следует, что венгерские группы, расселенные в Европе за пределами Венгрии, можно разделить на два основных типа. К первому типу относятся венгерские группы в таких сопредельных с Венгрией странах, как Румыния, Чехословакия, Югославия и СССР. Эти сравнительно многочисленные группы отличаются компактностью расселения (в частности, сельского) и в целом имеют тенденцию к расширенному этническому воспроизводству. Ко второму типу относятся венгерские группы иммигрантского происхождения в странах Западной Европы. Эти группы характеризуются сравнительно небольшой численностью, дисперсным характером расселения и сильной подверженностью ассимиляции.

⁷⁸ Наулко В. И. Указ. раб., с. 153.

⁷⁹ Gaal K. Tizenöt év a burgenlandi magyarok között. — Nemzetközi konferencia 1975, 351—352 о.

⁸⁰ Оценки были сделаны в середине 60-х годов Центральным статистическим управлением ВНР. См.: Szántó M. Op. cit., 168—169 о.

В. А. Тишков

ИНДЕЙЦЫ КАНАДЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Вопрос об аборигенном населении Канады рассматривался в нашей литературе более или менее обстоятельно 10 лет тому назад¹, и, естественно, описание современного периода тогда основывалось на материалах 50—60-х годов. Однако именно конец 60-х и 70-е годы XX в. стали свидетелями настолько примечательных процессов и бурных событий в жизни канадских индейцев, что возврат к данной теме более чем оправдан. Во-первых, в конце 60-х годов канадским правительством была провозглашена «новая индейская политика», ставившая своей целью покончить с «особым статусом» коренного населения, а заодно лишить его остатков сохранившихся за ним земель и некоторых прав и тем самым завершить вековой процесс ограбления и ассимиляции индейцев. И хотя «Белая книга» правительства по индейскому вопросу (1969 г.) была отвергнута самими индейцами и критиковалась прогрессивной общественностью, канадские власти с некоторыми вынужденными коррективами начали в 70-е годы осуществление широких и целенаправленных программ по отношению к аборигенам, которые спустя десятилетие не могли не дать определенных результатов. Во-вторых, последнее десятилетие было периодом интенсивного хозяйственного освоения этнических территорий индейцев, что также привело к важным изменениям в экологических, экономических и культурных условиях их существования. Наконец, под влиянием ряда факторов, в том числе двух вышеназванных, сами индейские общины переживают своеобразное общественное возрождение и новый этап борьбы за свои права.

Цель данной статьи — выявить новейшие характеристики, касающиеся преимущественно социально-экономических и культурных процессов среди канадских индейцев. Причем речь в данном случае идет о так называемых «статусных», т. е. официально зарегистрированных индейцах. Положение же не менее многочисленного населения индейского и метисного происхождения, на которое этот официальный статус не распространяется (так называемые «нестатусные», или незарегистрированные индейцы), требует особого рассмотрения. Более детального разбора заслуживает также современное движение индейцев за свои права.

Среда обитания и новейшие демографические тенденции

На территории Канады проживают многочисленные племенные группы индейского населения, которые издавна различались по некоторым антропологическим признакам, языку, хозяйственной деятельности, культурным традициям и обычаям. Наиболее принятым считается деление индейцев по лингвистическому признаку. В Канаде живут индейцы десяти языковых групп: четыре (алгонкины, атапаски, ирокезы и сиу) —

¹ Аверкиева Ю. П., Суанкей Бен, Файнберг Л. А. Аборигенное население Канады. — В кн.: Национальные проблемы Канады/Отв. ред. Аверкиева Ю. П. М.: Наука, 1972. См. также более раннюю работу: Индейцы Америки. Этнографический сборник/Отв. ред. Токарев С. А., и Золотаревская И. А. М.: Изд-во АН СССР, 1955 (Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. XXV).

к востоку от Скалистых гор; шесть (кутене, селиши, какаши, цимшианы, хайда и тлинкиты) — в провинции Британская Колумбия. В последней живет также часть атапаских индейских общин.

Наиболее многочисленными являются индейцы алгонкины, ареал расселения которых простирается от Атлантического океана до Скалистых гор. Среди них такие племена, как микмаки приморских провинций (Нью-Брансуик, Новая Шотландия, Остров принца Эдуарда), монтаньи Квебека, оджибве, кри и черноногие провинций прерий (Саскачеван, Альберта, Манитоба) и Онтарио. Ирокезские племена, включая гуронов, живут в Онтарио и Квебеке, атапаски населяют Северо-Западные территории и Юкон, а племена сиу — провинции прерий.

Что наиболее примечательного в современной демографии канадских индейцев? К моменту образования доминиона Канада в 1867 г. в стране проживало 100—125 тыс. индейцев, около 100 тыс. их осталось к 1920 г. Начавшийся за последние 60 лет рост коренного населения резко усилился со второй половины 50-х годов, в результате чего общая численность индейцев более чем утроилась. По официальной статистике в Канаде в 1951 г. насчитывалось 155,8 тыс. индейцев, в 1961 г. — 208 тыс., в 1971 г. — 295,2 тыс., в 1979 г. — 302,7 тысячи². Таким образом, индейцы ныне составляют 1,4% населения страны. По оценкам различных индейских организаций и специалистов, в Канаде имеется еще более 200 тыс. лиц индейского или метисного происхождения, которые, хотя и не имеют официального статуса, бесспорно, относятся к коренному населению.

Данные переписи 1981 г. пока не известны, но можно определенно сказать, что с 70-х годов наблюдается тенденция к понижению роста индейского населения. Естественный прирост среди индейцев был самым высоким в конце 50-х — начале 60-х годов, и с тех пор кривая постоянно идет вниз. Сравнение с тенденцией общенационального прироста населения показывает, что среди индейцев имел место, примерно с отставанием в 8 лет, тот же «бэби-бум», что и среди остального населения страны в конце 40-х — начале 50-х годов. Если наметившаяся тенденция сохранится, то к 1990 г. темп прироста индейского населения сравняется с общенациональным, а численность канадских аборигенов составит, согласно прогнозу, свыше 350 тыс. человек³. Выявившаяся у индейцев тенденция снижения естественного прироста, на наш взгляд, ни в коей мере не отрицает устойчивую и, видимо, бесповоротную тенденцию роста их общей численности.

Находясь ныне на своей затухающей стадии, индейский демографический взрыв внес существенные коррективы в возрастную характеристику коренных жителей. Современное индейское население страны гораздо моложе, чем остальное. Это обстоятельство прежде всего сулит в самом ближайшем будущем обострение и без того сложной проблемы с занятостью на рынке рабочей силы. Вместе с этим вполне возможно усиление общественно-политической активности индейцев, ибо к середине 80-х годов почти треть их (34%) составит возрастная группа от 15 до 29 лет. Именно молодые представители аборигенов сегодня, как правило, идут в первых рядах индейского общественного движения.

Индейцы проживают во всех десяти провинциях Канады, а также на Юконе и Северо-Западных территориях: в Британской Колумбии — 52 215 чел. (2,4% населения провинции), в Альберте — 44 545 чел. (2,7%), в Саскачеване — 40 470 чел. (4,4%), в Манитобе — 43 035 чел. (4,3%), в Онтарио — 62 420 чел. (0,8%), в Ньюфаундленде и приморских провинциях — 9925 чел. (0,4%), на Юконе — 2580 чел. (14%), на Северо-Западных территориях — 7180 чел. (20,6%), в Квебеке — 32 840 чел. (0,5%)⁴.

² Данные переписей 1951, 1961 и 1971 гг., а также: Department of Indian and Northern Affairs Canada, 1979—1980 Annual Report. Ottawa, 1980, p. 10.

³ Indian Conditions: A Survey. Ottawa, 1980, p. 10.

⁴ Census of Canada, 1971, Cat. 92—762 (AP-11).

Таким образом, аборигены расселены по всей территории страны, хотя их доля в общем населении выше в западных провинциях (Саскачеван, Альберта, Манитоба, Британская Колумбия), а в районах Канадского Севера они составляют одну из основных групп населения. Что касается процесса перемещения индейцев, то он тяготеет к западным провинциям: в Саскачеване доля индейского населения с 1966 по 1976 г. увеличилась с 3,3 до 5%, в Манитобе — с 3,3 до 4,3%⁵. Данные переписи 1981 г., видимо, должны подтвердить эту тенденцию к увеличению доли индейцев в западных районах страны. Однако возможно и появление противоположной тенденции, особенно в районах Севера, Британской Колумбии и Альберты, где интенсивное промышленное развитие вызывает растущий приток новой рабочей силы и общий быстрый рост населения. По крайней мере на Юконе и Северо-Западных территориях доля индейского населения несколько сократилась в 70-е годы (соответственно 13 и 18% в 1976 г.).

В настоящее время большинство канадских индейцев продолжает проживать на территории резерваций отдельными официально зарегистрированными общинами (bands). В 1980 г. в стране было 575 общин, которые владели 2240 резервациями общей площадью около 6 млн. акров (более 2,9 млн. га)⁶. Хотя размеры индейских земель с 1960 г. остаются почти неизменными, число резерваций за последние 10 лет несколько сократилось (2279 в 1969 г.), а число индейских общин увеличилось (558 в 1969 г.)⁷. Наиболее примечательная черта — это рост средней численности индейцев в каждой общине, т. е. укрупнение отдельных ячеек индейского поселения. Большинство индейцев входит в общины численностью менее 1 тыс. человек. Однако все больше коренных жителей концентрируется в общинах численностью свыше 1 тыс. человек. В 1965 г. на такие общины приходилось 32,7%, в 1977 г. — 45%. В результате средняя численность индейской общины увеличилась с 200 человек в 1950 г. до 525 человек в 1979 г.⁸ В целом этот процесс можно рассматривать как дальнейшие аккумуляции индейского населения и его приспособление к современным общественным условиям. В то же время концентрация индейского населения, укрупнение общин ведут не только к расширению и диверсификации их хозяйственной активности, но и создают новые дополнительные возможности для дальнейшей консолидации этнического самосознания, роста общественно-политической и культурной деятельности канадских аборигенов, усиления рядов индейского движения.

Вопрос об ареале расселения аборигенов Канады тесно связан с вопросом о географическом расположении резерваций, количестве и качестве занимаемых под них земель. Современные канадские индейцы расселены дисперсно по огромной территории. Разбросанность резерваций, их удаленность от крупных промышленных центров и районов обитания основного населения порождают проблему связи резерваций с остальными территориями, проблему изоляции от рынков труда и товаров, очагов современной культуры. Даже при высокой степени развития канадской хозяйственной инфраструктуры, средств коммуникаций лишь половина резерваций связана с остальной территорией дорогами, 41% — доступны только водными путями или гидросамолетами и 4% не имеют никаких средств сообщения⁹. Изолированность — одна из причин, тормозящих экономическое развитие резервационных земель и вызывающих миграции индейцев из резерваций.

Что касается количества и качества земли, то остающийся стабильным общий фонд индейских территорий, при одновременном росте аборигенного населения ведет к уменьшению резервационных земель в рас-

⁵ Indian Conditions..., p. 11.

⁶ 1979—1980 Annual Report, p. 19.

⁷ Canada 1971. The Annual Handbook of Present Conditions and Recent Progress Ottawa, 1970, p. 79.

⁸ Indian Conditions..., p. 14.

⁹ Ibid., p. 62.

чете на каждого индейца. К 1990 г. доля резервационной земли на душу населения уменьшится на 50% по сравнению с 1960 г.¹⁰ Учитывая важность в хозяйственной жизни индейцев таких традиционных занятий, как охота и рыболовство, этот вопрос имеет исключительное значение для будущего аборигенов. При этом следует учитывать, что резервационные земли распределены неравномерно среди индейских общин и не равноценны по своему качеству и потенциальным ресурсам. Из 6 млн. акров примерно половину (2,7 млн. акров) составляют леса и только около 1,5 млн.—земли, пригодные для сельского хозяйства. Многие резервационные земли содержат богатые залежи полезных ископаемых, повышающиеся в цене возобновляемые ресурсы, прежде всего запасы воды и древесины. Резервации в Альберте, и без того богатые нефтью и газом, в 8 раз превышают размеры индейских резерваций в Квебеке и приморских провинциях. Не случайно на пять крупных резерваций Альберты приходится более 80% всех доходов индейцев от добычи нефти и газа.

Пожалуй, одна из самых примечательных демографических характеристик новейшего времени — это усиление миграции индейцев из резерваций. В 1966 г. за пределами резерваций проживало 16% официально зарегистрированных индейцев, в 1979 г.—30%¹¹, хотя, по некоторым данным, в самое последнее время отлив коренного населения из резерваций имеет тенденцию к замедлению. В 1976 г. вне резерваций проживало 38 тыс. мужчин и 42 тыс. женщин, считая тех женщин-индейцев, которые вышли замуж за неиндейца и, покинув резервацию, утратили, согласно действующему законодательству¹², свой статус. В возрастном отношении преобладает группа от 20 до 30 лет. Регионально более всего эмигрируют из резерваций провинций Британская Колумбия и Онтарио, а также провинций канадских прерий, что, по-видимому, связано с более высоким уровнем деловой активности в этих регионах и несколько лучшими возможностями с наймом на работу коренных жителей.

Индейцы уезжают прежде всего в крупные города, где они иногда составляют довольно значительную и концентрированную часть городского населения. Особенно это относится к таким городам западных провинций, как Ванкувер, где живет 6,5 тыс. индейцев, Реджайна (5,3 тыс.), Виннипег (от 6 до 16 тыс.— по разным данным). В провинциях Онтарио и Квебек больше всего индейцев сосредоточено в Торонто и Монреале, хотя здесь они составляют незначительную долю населения. Мои личные наблюдения в итоге неоднократного посещения Торонто в последнее десятилетие подтверждают заключение о появлении целых «индейских кварталов» в этом городе, причем в его наиболее бедных части. По некоторым данным, в Торонто сейчас живет временно или постоянно около 15—20 тыс. аборигенов¹³.

Значительная часть индейского населения концентрируется в средних городах, особенно тех, которые расположены поблизости от резерваций и где индейцы уже на протяжении долгого времени работают по найму. Это такие города, как Порт-Алберни, Камлупс, Принс-Руперт, Принс-Джордж— в Британской Колумбии, Эдмонтон и Калгари— в Альберте, Саскатун, Принс-Альберт, Норт-Батлфорд— в Саскачеване, Брандон, Томпсон, Ле-Пас, Флин-Флон— в Манитобе, Кенора, Су-Сент-Мари, Шеффервилл, Валь-д'Ор— в Онтарио и Квебеке.

Причины и характер миграций индейцев разные. Главная причина — поиски работы¹⁴. Однако по сравнению с обычной трудовой миграцией индейская имеет свои отличительные черты. Самую значительную часть мигрантов из резерваций составляет молодежь в возрасте от 16 до 30 лет, уезжающая в город, чтобы быстрее начать самостоятельную тру-

¹⁰ Ibid., p. 65.

¹¹ Ibid., p. 3.

¹² Ibid., p. 136.

¹³ Ibidem.

¹⁴ См. Gerber L. M. Trends in Out-Migration from Indian Communities across Canada. Ottawa, 1977.

довую жизнь и «стать на ноги»¹⁵. Но отъезд из резервации во многих случаях не является окончательным, это всего лишь определенный этап на жизненном пути индейца. Он не порывает связь с домом, где остались его родственники и друзья, не рассматривает город и его среду как свой «новый дом», не стремится обжиться в нем и интегрироваться в новое окружение. Среди его друзей в городе есть такие же молодые мигранты из резерваций, главным образом той же племенной или языковой группы. Повзрослев, особенно после женитьбы, многие из молодых индейцев возвращаются в резервации. Причем возвращение не всегда связано с неудачной попыткой утвердиться в городе среди неиндейского населения, как это часто упрощенно трактуется в литературе.

Имеется и другая группа индейцев, которая покидает резервации навсегда. Причины этого разные, но главные — возможность квалифицированной работы в фирме или на предприятии, женитьба или личные конфликты в резервации. Для этих индейцев город становится их новым домом, а ассимиляция в новой среде и обязательно среди белых сограждан — жизненной целью. Эти так называемые «белые индейцы» часто настроены против своих соплеменников, что дает им больше шансов преуспеть среди белых¹⁶. Однако не все из них спешат расстаться со статусом индейца, главным образом чтобы продолжать пользоваться некоторыми льготами со стороны властей. Дело в том, что по действующему законодательству (Индийский акт 1951 г.) проживающие в резервациях коренные жители освобождены от уплаты федеральных и провинциальных налогов с доходов и собственности, имеют права на свободное пользование ресурсами и угодьями резерваций, бесплатное медицинское обслуживание и обучение детей в школах, помощь в обеспечении жильем и некоторые другие привилегии¹⁷.

Индейцы в хозяйственной жизни Канады

Вопрос о месте индейцев в экономике Канады, о хозяйственном развитии индейских общин приобрел особую актуальность в 70-е годы. Именно в экономике — ключ к решению многих социальных и культурных проблем аборигенного населения. Вековая стагнация и кризис хозяйственной жизни в резервациях, упадок и разрушение традиционных занятий и отсутствие инноваций в условиях довольно быстро развивающейся государственно-монополистической экономики страны стали причиной ухудшения положения индейцев. Отдаленность и изолированность индейских земель и поощряемая властями ориентированность хозяйственной активности аборигенов на традиционные занятия, низкий культурный уровень индейцев определили то обстоятельство, что вплоть до конца 60-х годов половина индейского самостоятельного населения занималась охотой, рыболовством, собирательством, лесозаготовками, огородничеством¹⁸. Все эти «свободные» промыслы и разные виды мелкотоварного производства не выдерживают капиталистической конкуренции и уж во всяком случае не обеспечивают нормального прожиточного минимума.

В последние десятилетия все большее число индейцев переходят на работу по найму или сочетают традиционные занятия с сезонными заработками. Выборочное обследование ряда индейских общин в 1975—1976 гг. показало, что их доходы от традиционных занятий (не по найму) составили от 41 до 58%, смешанные занятия — от 13 до 21%, работа по найму — от 28 до 39%¹⁹.

Занятость канадских индейцев в различных хозяйственных секторах по данным переписей 1961 и 1971 гг. показана в табл. 1.

¹⁵ Denton T. Migration from a Canadian-Indian Reserve.— J. Canad. Studies, 1972, v. 7, № 2, p. 54—62.

¹⁶ Ibid., p. 61.

¹⁷ An Act respecting Indians. Ottawa, 1970, p. 33, 40—41, 52—53.

¹⁸ A Survey of the Contemporary Indians of Canada/Ed. Hawthorn H. B. Ottawa, 1966, p. 53.

¹⁹ Indian Conditions..., p. 59.

Распределение (в %) работающих по найму индейцев по основным секторам экономики

Год	Так называемые первичные отрасли (сельское хозяйство, охота, лесодобыча и др.)	Промышленное производство	Транспорт и строительство	Коммерция и сфера обслуживания	Другие
1961	43,2	13,9	13,6	5,1	24,2
1971	18,4	13,0	16,2	31,8	15,6

Из таблицы видно, что доля работающих по найму индейцев, занятых производительным трудом, уменьшается за счет увеличения занятых в сфере мелкого бизнеса, торговли и сервиса. Процесс этот, на наш взгляд, неоднозначный. С одной стороны, он свидетельствует об определенном повышении статуса аборигенов в хозяйственной жизни. На свет появляется феномен своего рода «индейских белых воротничков». Одновременно сокращается занятость в сферах, где требуется труд низкой квалификации. Некоторые из аборигенов пробиваются даже в высшие деловые круги²⁰. С другой стороны, 6-кратное увеличение за десятилетие (этот процесс продолжался и в 70-е годы) числа занятых непродовольственным трудом тормозит процесс складывания у индейцев промышленного рабочего класса как наиболее зрелой социально-классовой группы и, наоборот, форсирует распространение мелкобуржуазных элементов, тех самых «белых индейцев», охотнее всего порывающих с родной средой. Этот процесс не является случайным. Он намеренно стимулируется канадскими властями, чтобы формирующиеся средние слои осуществляли впоследствии устраивающее господствующий класс политическое руководство среди индейцев и отмежевались от рабочего класса.

Обнародовав в 1969 г. правительственное заявление о «новой индейской политике», канадские власти с самого начала объявили одним из важнейших средств решения проблемы аборигенного населения экономическое развитие резерваций до уровня тех регионов, где они расположены. В качестве главной и первоначальной меры предполагалось создание дополнительных фондов для капиталовложений в экономику резерваций, привлечение крупного капитала, монополий к делу развития резервационных земель²¹. Специально разработанная программа ставила перед собой цели «расширить возможности занятости для индейцев... а также способствовать экономическому прогрессу индейского народа через оказание ему услуг со стороны частных компаний»²². Для осуществления этих целей был создан в 1970 г. Фонд экономического развития индейцев и разработана система финансовой, технической и прочей помощи, стимулирующей в основном развитие бизнеса на территории резерваций и в близлежащих районах. Главный же смысл правительственной политики в этом вопросе заключался в намерении раз и навсегда элиминировать индейский вопрос, включив земли аборигенов в орбиту большой капиталистической экономики и покончив со всеми особыми правами индейцев, которые они продолжали сохранять согласно действующему Индейскому акту 1951 г.

Правительственные планы в области экономического развития индейских общин были встречены негативно индейскими организациями. Президент Национального братства индейцев Канады Джордж Мануэль отмечал: «По-видимому, общество белого человека сочло в настоящее время экономически выгодным интегрировать нас в свою систему, ту самую систему, из которой до самого последнего времени они нас изгоняли. От нас ожидают, чтобы за ночь мы достигли той же степени обеспеченности и продуктивности, что и белое общество. От нас ожидают,

²⁰ См. подробнее: *Knight R. Indians at Work. An Informal History of Native Labour in British Columbia. Vancouver, 1978.*

²¹ *Statement of the Government of Canada on Indian Policy Ottawa, 1969, p. 10.*

²² *Indian Economic Development Program. Ottawa, 1972, p. 1.*

чтобы каким-то чудодейственным образом мы приняли их систему ценностей и их взгляд на жизнь. Всего этого они ожидают, несмотря на лишение нас в течение многих десятилетий тех условий для социально-экономического и культурного развития, которыми они постоянно располагали сами. Если мы примем путь экономического развития на их условиях, мы потерпим неудачу, испытаем разочарование и утратим немногие сохранившиеся аборигенные права, определенные Индейским актом»²³.

В целом, не считаясь с мнением индейских общин и их лидеров, канадские власти через Министерство по делам индейцев начали осуществление экономических программ. На обычных капиталистических условиях, т. е. с выплатой высоких процентов с ссудного капитала, в первые четыре года из Фонда экономического развития индейцев были выделены 2464 субсидии на 50 млн. долл. предприятиям, владельцами которых были индейцы или же обычные компании, действующие в районе резервационных земель. Благодаря этим средствам действительно возникли некоторые чисто индейские частнокапиталистические предприятия: меховая фабрика в северной части Онтарио, предприятие по переработке металлов в Саскачеване, фабрика по сборке домов и изготовлению мебели в Альберте и некоторые другие. Особой пропагандистской шумихой сопровождалось осуществление в резервациях крупных промышленных проектов якобы совместными усилиями частного капитала, правительства и индейских общин.

В 1970—1976 гг. правительство финансировало немногим более 2 тыс. проектов по линии индейского предпринимательства. Из них 43% закончились полным провалом²⁴, но самое главное, что даже те, которые продолжают осуществляться, оказались довольно тяжелым бременем для индейских общин. Во-первых, выделенные в Фонд на 5-летний срок 50 млн. долларов — мизерная сумма для решения проблем индейцев. Во-вторых, из 50 млн. долларов 40 млн. были предназначены для займов под высокий ссудный процент, и только 10 млн. для льготных субсидий на 5-летний срок. Причем доходы от займов поступали в правительственную казну, а не составляли дополнительные средства для развития индейских общин. Правительство тем самым намеревалось за счет самих же индейцев компенсировать сделанные затраты. Основную статью правительственных расходов по индейским программам составляли расходы на сферу обслуживания, содержание чиновничьего аппарата, а не первичные капиталовложения в экономику резерваций. Так, в 1970/71 финансовом году из 10,2 млн. долл., затраченных на программы экономического развития резерваций, 8 млн. ушло на непроизводительные расходы; в 1971/72 г из 13,9 млн. долл. 10 млн. — непроизводительные расходы и только 3,9 млн. — капитальные вложения. Неудивительно, что при таком подходе начался быстрый процесс финансового закабаления индейских общин. Из 6,4 млн. долл., подлежащих к оплате по займам на март 1972 г., свыше 1,3 млн. долл. (21,5%) составляли платежи по процентам. По мелким субсидиям (до 10 тыс. долл.) платежи достигли 32%²⁵.

Подобная правительственная политика в области экономического развития индейцев вызвала самую серьезную озабоченность и тревогу среди самих аборигенов. Джордж Мануэль выступил со следующим заявлением: «Тот факт, что доход от займов возвращается к правительству, а не поступает снова в Фонд, говорит о том, что правительство никогда серьезно и не намеревалось финансировать наше экономическое развитие. Нынешние 50 млн. долларов окупаются правительством за счет нашего народа. Не может быть и речи о социальной ответственности и сознательности, если деньги делаются за счет обездоленных. Нет

²³ Indian Economic Development. A whiteman's whitewash. Ottawa, 1972.

²⁴ Indian Conditions..., p. 73.

²⁵ Indian Economic Development. A whiteman's whitewash, p. 10, 14.

никакого экономического развития индейцев. По-прежнему имеет место эксплуатация индейцев»²⁶.

В 1973 г. Национальное братство индейцев Канады разработало и выдвинуло собственную программу экономического развития индейских общин, которая увязывала вопросы финансирования и экономической помощи с потребностями социального и культурного развития индейского народа, предусматривала непосредственное участие аборигенов в осуществлении мер по улучшению их социально-экономического положения. «Сильная экономика прежде всего необходима для существования полнокровной индейской культуры, которая обогатит многокультурное канадское общество», — говорилось в заявлении по этому поводу²⁷. Осознав слабую эффективность произведенных затрат и встретившись с негативной реакцией самих индейцев, правительство пересмотрело политику в этой области. Уже в 1977 г. объем займов был сокращен на 40%, а в 1978 г. составил менее 20 млн. долл.²⁸ Главное внимание стало уделяться мелким проектам и безвозмездным субсидиям, а также привлечению к финансированию частных банков. Однако негативные последствия политики чисто капиталистического финансирования индейской экономики достаточно ощутимы и теперь. К 1979 г. общая стоимость правительственных займов составила 96 млн. долл., из которых 53 млн. остаются непогашенными²⁹.

В настоящее время канадские власти предпочитают ограничивать свою деятельность оказанием прежде всего помощи в области планирования и разработки экономических проектов, технической и инженерной помощи, консультирования и т. п. Непосредственное претворение в жизнь тех или иных проектов, контроль за использованием предоставляемых займов и субсидий перекладывается на сами индейские общины. Это определенная уступка требованиям индейцев. Сейчас в индейских общинах стали создаваться комиссии по экономическому развитию. В 1980 г. в Канаде было 104 комиссии, на поддержку их деятельности правительство расходует около 1,2 млн. долл. в год. Такая же сумма ныне расходуется на оказание консультативных услуг по экономическим вопросам³⁰.

Как оценить в целом довольно значительные усилия со стороны канадских властей в области экономического развития индейского населения? Ведь в 1970-е годы общие расходы на эти цели составили 250 млн. долл. в сравнении с 50 млн. долл. в предыдущее десятилетие. Несомненно, некоторое улучшение экономических условий существования коренных жителей страны имеет место. Благодаря крупным затратам удалось создать не менее 2 тыс. действующих проектов, обеспечивших для индейцев около 10 тыс. постоянных рабочих мест. Некоторые резервации обрели определенную экономическую базу, обеспечивающую ее жителям более или менее сносное существование. Увеличились, хотя и очень незначительно, денежные доходы индейских семей, члены которых получили работу по найму. К великому сожалению, перечень позитивных перемен продолжить очень трудно. Гораздо длиннее список нерешенных и вновь возникающих проблем. Но самое важное в том, что правительственная политика, усилия самих индейских общин решить вопросы экономического развития не дали пока главного ожидаемого результата — улучшения социальных условий жизни коренных жителей.

Социальные условия существования

Процесс вовлечения индейцев в капиталистическую экономику и их превращения из мелкотоварных производителей в промышленных рабочих, не решив старых, вызвал новые проблемы. В условиях кризис-

²⁶ Ibid., p. 23.

²⁷ Statement on Economic Development of Indian Communities, July 13, 1973, p. 19.

²⁸ Indian Conditions..., p. 72.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Ibid., p. 78—79.

ных потрясений, которые переживает вся канадская экономика, индейцы оказываются наименее приспособленным и самым нежелательным контингентом на рынке наемного труда. Новейшие оценки состояния трудовой занятости индейского населения выявляют ужасающую картину: общая безработица среди аборигенов составляет примерно 18% по сравнению с 8% в среднем по стране, и в ближайшие годы число безработных индейцев может достигнуть 40 тыс. человек. В некоторых индейских общинах безработные составляют от 35 до 75% трудоспособного населения³¹.

Проблема низкой занятости усугубляется сезонным характером индейского труда. Несмотря на увеличение числа работающих по найму в таких секторах, как сфера обслуживания и торговля, значительная часть индейцев по-прежнему вынуждена трудиться лишь часть времени в году. В 60-х годах около 50% занятых индейцев работали шесть и менее месяцев в году. В конце 70-х годов положение стало несколько лучше, но все равно около 35% из числа занятых не имеют работы в течение полугода и более³².

Причины низкой занятости индейцев разные. Это, конечно, недостаток квалификации, требующейся для выполнения ряда работ, низкое образование, обремененность женщин семейными обязанностями. Но не в этом главная причина. Остается бесспорным факт дискриминации индейцев при найме на работу. Даже выборочное обследование ряда населенных пунктов, где проживает значительная доля индейцев (от 2 до 5%), подтверждает это заключение. В г. Кенора в 1978 г. на 14 торговых предприятиях с 350 служащими работали только два индейца, а среди 67 служащих пяти банков — ни одного. Аналогичная ситуация была обнаружена и в двух других городах — Су-Сент-Мари и Форт-Фрэнсис³³.

Вполне естественно, что за последнее десятилетие фактически не повысился уровень жизни аборигенов. Перепись 1971 г. содержит данные о том, что 62% занятых индейцев зарабатывали в 1970 г. менее 2 тыс. долл. в год, а 27% — более 6 тыс. долл. в год³⁴. Это примерно в два раза ниже общенационального среднего уровня доходов.

Нищенский уровень жизни большинства коренных жителей наиболее наглядно проявляется в их жилищных условиях. Никакие правительственные программы и усилия самих индейских общин не смогли продвинуть вперед решение этой острой проблемы. По некоторым данным, жилищные условия индейцев за последние два десятилетия даже ухудшились. С 1960 г. число нуждающихся в ремонте индейских домов увеличилось в 10 раз; в 20% домов в резервациях проживают две и более семей. В целом в 1977 г. одна из трех индейских семей проживала в условиях скученности. Менее чем в половине индейских домов имеются необходимые удобства, тогда как в целом по стране этот показатель превышает 90%. По заключению Министерства по делам индейцев, для решения проблемы необходимо уже в данный момент строительство 11 тыс. новых домов и ремонт 9 тыс. домов³⁵.

Низкие доходы, плохие жилищные условия и медицинское обслуживание являются первопричинами высокой смертности среди индейцев, особенно детской смертности. В результате средняя продолжительность жизни индейцев на 10 лет меньше общенационального показателя. Уровень смертности среди различных возрастных групп в два — четыре раза выше общеканадского. В табл. 2 приведены данные о числе смертей на 1 тыс. населения среди разных возрастных групп (в среднем по 1973—1976 гг.)³⁶.

³¹ Indian Conditions..., p. 59.

³² Census of Canada, 1971, Cat. 94—764, III : 6; Indian Conditions..., p. 62.

³³ Indian Conditions..., p. 141.

³⁴ Census of Canada, 1971, Cat. 94—764, III : 6.

³⁵ Indian Conditions..., p. 3.

³⁶ Ibid., p. 15.

Из таблицы видно, что уровень смертности малолетних детей и молодежи у индейцев почти в четыре раза выше, чем у неиндейского населения. Одна из причин высокой смертности среди молодых индейцев — несчастные случаи и самоубийства (в три раза выше общеканадского уровня), что отражает глубокую неудовлетворенность индейцев их современным положением, конфликт их жизненных ценностей и устоев с окружающей социальной действительностью.

Нельзя не отметить, что в 70-е годы заметно увеличились правительственные расходы на медицинское обслуживание индейцев (с 37 млн. долл. в 1970/71 г. до 100 млн. долл. в 1978/79 г., т. е. примерно 310 долл. на каждого индейца в год)³⁷. В последнее время снизилась до общеканадского уровня заболеваемость туберкулезом; в последние два года среди индейцев не было случаев смерти от этой болезни. Однако болезни, особенно инфекционные и простудные, гораздо больше распространены у аборигенов. Особой проблемой социально-медицинского характера является алкоголизм: около 50—60% заболеваний индейцев связаны с потреблением алкоголя. У проживающих на территории резерваций индейцев уровень распространения алкоголизма в пять раз превосходит общеканадский³⁸.

Естественным следствием бедственного положения индейцев является все более распространяющаяся среди них преступность и нарушения законности. Зачастую это косвенная форма протеста, проявление недовольства, которое испытывают жители резерваций. В Манитобе, Саскачеване и на Севере Канады индейцы составляют свыше 40% заключенных в тюрьмах! Особенно высок уровень малолетней преступности (в три раза выше общеканадского)³⁹.

Наконец, к перечню социальных проблем можно отнести и процесс ухудшения условий существования индейской семьи в резервации. На протяжении двух последних десятилетий средний размер индейской семьи уменьшался и в настоящее время приближается к общеканадскому (3,8 чел.). Разводов среди индейцев в два раза меньше, чем среди остального населения, но в последние годы наблюдается тенденция к их увеличению. Однако не это причина беспокойства. Одна из серьезных проблем современной индейской семьи — высокий процент внебрачных детей. Этот показатель в четыре-пять раз выше общенационального⁴⁰. С одной стороны, это естественный результат иных культурных ценностей и отношения к формальному браку у индейцев. Но, с другой стороны, внебрачные дети — зачастую результат нежелания индейской женщины терять свой индейский статус при заключении брака с неиндейцем, как этого требует дискриминационный Индейский акт 1951 г. В любом случае большое число внебрачных рождений ведет к острой проблеме ухода и попечительства за этими детьми. В настоящее время около 8% индейских детей имеют ту или иную форму попечительства.

Одним из свидетельств изолированности индейского народа, его прижатого положения являются данные о смешанных браках, т. е. о метисации аборигенов и остального населения. По этим же данным можно судить о некоторых тенденциях в процессе ассимиляции индейцев. С 1965 по 1976 г. число смешанных браков выросло с 708 до 1066 в год. В 1965 г. 450 индейцевшло замуж за неиндейцев и 58 индейцев же-

Таблица 2

Смертность среди населения Канады

Возраст (лет)	Смертность (на 1000 чел.)	
	индейцы	неиндейцы
От 1 до 4	3,1	0,8
От 5 до 19	1,9	0,7
От 20 до 44	6,0	1,5
От 45 до 64	15,7	9,0
От 65 и выше	57,0	55,0

³⁷ Ibid., p. 21.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Ibid., p. 37.

⁴⁰ Ibid., p. 24.

нились на неиндейках. В 1976 г. эти показатели были соответственно 451 и 611⁴¹.

Отсюда видно, что с учетом роста общей численности населения число смешанных браков остается примерно на одном уровне. Причем имеющееся увеличение произошло за счет роста числа индейцев-мужчин, вступающих в брак с неиндейками. На пути смешанных браков, особенно первой категории, стоит дискриминационное по отношению к индейским женщинам законодательство, лишающее их всех аборигенных прав в случае выхода замуж за неиндейца, в том числе права проживать на территории резервации. По-прежнему еще сильны и расовые предрассудки в отношении смешанных браков.

Метисация канадских индейцев ведет к ассимиляции индейцев в евроканадской среде, ибо местом проживания и работы становится, как правило, не индейская община и резервация, а городская среда. В то же время свидетельством растущего этнического самосознания и консолидации индейцев является сокращающееся число аборигенов, добровольно утрачивающих свой индейский статус. В 1955—1965 гг. утратили свой статус 7725 человек, из них 2276 добровольно, остальные 5449—женщины, вступившие в брак с мужчинами неиндейцами и их дети. В 1966—1976 гг. утратили свой статус 5425 человек, из них 390 добровольно и 5035 в результате смешанных браков, т. е. под воздействием дискриминационного законодательства⁴².

Вышесказанное не должно создавать впечатления, что метисация — новое явление среди канадских индейцев. На самом деле процесс расового смешения начался давно, и уже в начале XX в. четверть индейцев была метисного происхождения. Однако для нас сейчас важна констатация современной ситуации.

Проблемы образования и этнокультурные процессы

Политика дискриминации и ассимиляции, которую проводили по отношению к коренному населению правящие круги страны на протяжении долгого времени, имела своим результатом не только бедственное состояние социальных условий жизни индейцев. В середине XX в. под угрозой исчезновения оказалась некогда самобытная и богатая культура аборигенов Канады, а среди самих носителей этой культуры шел процесс утраты этнокультурных традиций, этнического самосознания, процесс общекультурной деградации. Действующее в стране законодательство и вся политика властей были направлены на элиминацию культурного наследия индейцев, в том числе таких его важнейших компонентов, как язык, традиции и обычаи, материальная культура. Достаточно сказать, что вплоть до последнего времени в стране, даже на территории резерваций, не велось никакого обучения родным языкам, не говорилось уже об издании литературы или радиовещании.

Вопрос об индейском образовании приобрел особую остроту в 60—70-е годы, отражая тем самым прежде всего стремление самих индейцев к преодолению вековой культурной отсталости. В конце 50-х годов только 63% индейских детей и молодежи посещали школы. Предпринятое в 1966 г. обследование положения индейцев выявило, что всего 6% индейских детей, поступающих в школы, заканчивало их и получало полное среднее образование. В стране, где фактически была всеобщая грамотность среди остального населения, большинство коренных жителей было неграмотным. Тем более оставалось недоступным высшее образование. В 1963 г. во всех канадских университетах обучалось только 57 студентов-индейцев.

Тогда же, в 60-х годах, опираясь на рекомендации вышеупомянутого обследования, власти взяли курс на интеграцию индейского образова-

⁴¹ Jamieson K. Indian Women and the Law in Canada: Citizens Minus. Ottawa. 1978, p. 66.

⁴² Ibid., p. 64.

ния в общегосударственную систему, т. е. на обучение детей индейцев в общих провинциальных школах. Количество индейских школьников в провинциальных школах в те годы быстро росло, и в 1968 г. их посещало 50% индейских детей⁴³. Провозглашенная в 1969 г. правительством «новая индейская политика» также предусматривала дальнейшую и в конечном итоге полную интеграцию обучения индейцев в общеканадской образовательной системе. Это положение вызвало особую озабоченность индейского населения, ибо обучение в провинциальных школах не устраняло проблемы расовых предрассудков, огромного отсева индейских школьников в процессе обучения и низкого качества получаемого образования. Кроме того, линия властей в вопросах образования индейцев преследовала все ту же цель — окончательную ассимиляцию индейского населения и утрату им культурной самобытности.

В 1972 г. Национальное братство индейцев Канады разработало и представило Министерству по делам индейцев и развития Севера собственную программу под названием «Индийский контроль над индийским образованием». Само название документа говорило за себя: от имени индейских общин общенациональная организация выдвинула требование немедленной реформы существовавшей системы обучения, а также изменения правительственной политики с целью расширения полномочий общин в решении вопросов обучения индейских детей. Программа предусматривала развитие школьного обучения на территории резерваций, предоставление индейским детям возможности изучать свой язык, историю и культуру, подготовку школьных учителей из числа коренных жителей, право индейских общин и ассоциаций на представительство в советах обычных провинциальных школ. Наконец, документ требовал изменений школьных программ в провинциальных школах для устранения лживых стереотипов, порочащих коренных жителей страны. «Индийские дети будут оставаться чужаками в классных комнатах канадских школ до тех пор, пока школьные программы не признают индийские обычаи и ценности, индийские языки и вклад индийского народа в канадскую историю», — говорилось в программе⁴⁴.

В 1973 г. канадские власти вынуждены были принять основные положения индийской программы в области образования. За эти годы общие ассигнования Министерства по делам индейцев и развития Севера на образование увеличились почти в два раза: с 120 млн. долл. в 1972/73 г. до 224 млн. долл. в 1979/80 г.⁴⁵ По всей Канаде на территории резерваций стали открываться школы, контролируемые индейскими общинами и частично финансируемые властями. В 1980 г. таких школ было 137, и в них обучалось 8% индейских школьников. За последнее десятилетие общее число обучающихся в школах индейцев увеличилось на 50% и в 1980 г. составило 81 тыс. человек (34 тыс. в федеральных и общинных школах и 47 тыс. в провинциальных и частных). Среди детей, посещающих начальную школу, показатель почти достиг общенационального уровня. Примерно в три раза выросло число учителей из числа коренных жителей, в федеральных школах для индейцев они сейчас составляют 25—30%. Бесспорно позитивный сдвиг произошел в области высшего образования: число студентов-индейцев в канадских университетах за последние 10 лет увеличилось в 10 раз и в 1980 г. составило 4200 человек⁴⁶.

Но это лишь очень слабые признаки улучшения положения. Во-первых, с учетом инфляции и роста численности коренного населения реальное увеличение расходов на образование в действительности не произошло. Во-вторых, рост обучающихся в начальной школе с 1973 г. сопровождался одновременным падением посещаемости средней школы.

⁴³ Аверкиева Ю. П., Суанкей Бен, Файнберг Л. А. Указ. раб., с. 42.

⁴⁴ Indian Control of Indian Education. Policy Paper. Ottawa, 1972, p. 26.

⁴⁵ Indian and Northern Affairs, 1972—1973 Annual Report, p. 30; 1979—1980 Annual Report, p. 22.

⁴⁶ 1979—1980 Annual Report, p. 14—15.

Наконец, за последние 15 лет фактически остается неизменным высокий отсев индейских детей из школы. Только 20% поступивших в школу индейских детей заканчивает ее (в целом по стране показатель 75%)⁴⁷.

В сфере образования особенно отчетливо проявились в последние годы позитивные тенденции возрождения индейской культуры, особенно языка. В настоящее время около 60% индейских детей при поступлении в школу знают родной язык (из них 35% знают индейский и английский, 2% — индейский и французский и 23% — только индейский). С 1972 г. общинные и федеральные школы для индейцев частично начали вводить обучение на родном языке для детей младших классов. В 1977 г. около 1 тыс. детей получали образование на индейском языке (начальные классы) и около 12,5 тыс. изучали его в качестве второго языка⁴⁸. Однако нехватка квалифицированных учителей и учебного материала сдерживают развитие этого процесса.

В каком направлении — консолидации индейского этноса или его ассимиляции — действует фактор улучшающегося положения в области индейского образования? С одной стороны, бесспорно, что приобретение той или иной специальности, особенно высшей квалификации, создает новые возможности для добровольной ассимиляции определенной и, конечно, очень незначительной части индейцев. В то же время нельзя не согласиться с заключением американского этнографа Нэнси Лури, что, используя преимущества, которые дает им образование, индейская молодежь «во все большем числе делает выбор в пользу сохранения своей индейской этнической принадлежности и борьбы за цели индейцев»⁴⁹.

Важным мероприятием по сохранению культурного наследия аборигенов Канады явилось создание с 1972 г. индейских культурно-образовательных центров, действующих автономно под управлением самих индейцев. В 1980 г. было 57 таких центров с общим бюджетом 5 млн. долл. и штатным персоналом 425 человек из числа коренных жителей⁵⁰. Эти центры проводят исследования индейской культуры и осуществляют меры по ее сохранению, готовят образовательные материалы, выставки и публикации, обеспечивают консультации и разные услуги индейцам, в том числе и живущим вне своих общин в городах.

Явный прогресс наблюдается в развитии средств массовой информации и различных изданий, предназначенных для коренного населения. На смену разного рода правительственным агиткам типа издававшегося в 70-е годы Министерством по делам индейцев журнала «Таувауа» (прекратил свое существование в 1981 г.) стали выходить собственно индейские журналы и газеты. Сейчас в Канаде более 35 собственно индейских или рассчитанных на индейцев газет и журналов. В ряде районов страны (Север и западные провинции) имеется вещание на индейских языках.

Сдвиги в этнокультурном развитии индейцев сопровождаются определенными переменами и в отношении остального населения страны к культурному наследию аборигенов. После долгого забвения и даже пренебрежения канадцы начинают все больше осознавать уникальный вклад индейцев в историю формирования страны и их важное место в современной жизни. Значительно вырос интерес к индейцам со стороны научной и культурной общественности. В пяти канадских университетах открылись факультеты по изучению аборигенного населения. В ведущих музеях страны сформировались коллекции древнего и современного индейского искусства. В столичном Национальном музее человека эта коллекция насчитывает 700, а в провинциальном музее Британской Колумбии — 600 предметов.

⁴⁷ Indian Conditions..., p. 47.

⁴⁸ Ibid., p. 40.

⁴⁹ Североамериканские индейцы/Пер. с англ. под ред. Аверкиевой Ю. П. М., 1978, с. 404.

⁵⁰ Indian Conditions..., p. 41.

Однако свидетельствует ли все это об изменении окружающей индейцев психологической среды, об устранении отношения к индейцам как к низшим существам? Дело в том, что предметы индейского искусства в витринах канадских магазинов отражают не столько радикальную перемену в отношении общества к данному этническому меньшинству, сколько корыстное желание еще раз поживиться за счет индейских культурных ценностей. Подтверждением этому является недавнее исследование вопроса об этническом поведении канадцев в свете проводимой в стране политики «многокультурности»⁵¹. Это исследование показало, что в целом канадцы позитивно воспринимают проводимую властями политику национально-культурного плюрализма. Англоканадцы и франкоканадцы — две основные этнические общности в стране — признают индейцев особой, отличной от других меньшинств группой, также более близкой к двум основным нациям в смысле их давнего (вернее изначального) проживания на континенте. Однако те же англоканадцы и франкоканадцы при определении индейцев в свете таких бытовых оценок, как «трудолюбивые», «чистые», «подобные мне» и т. д., отводят индейцам место на нижней ступени лестницы этнической иерархии. На основании этих оценок авторы исследования были вынуждены сделать такое заключение: «Следует откровенно сказать, что индейцы занимают маргинальное положение в канадской этнической мозаике и отвергаются всем остальным обществом»⁵². К этому заключению самих канадских исследователей трудно что-либо добавить.

⁵¹ *Berry J., Kalin R., Taylor D. Multiculturalism and Ethnic Attitudes in Canada. Ottawa, 1977.*

⁵² *Ibid.*, p. 52.

Б. Я. Волчок

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОТОИНДИЙСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЙ И СИМВОЛОВ

Цель настоящей статьи — познакомить читателя с конкретным опытом использования так называемых вспомогательных материалов при исследовании протоиндийских текстов¹.

Значительную часть археологических находок в городах долины р. Инда составляют объекты с надписями, которые могут быть отнесены не только к памятникам протоиндийского письма, но и искусства. Многочисленные протоиндийские печати и оттиски с надписями сопровождаются, как правило, изображениями одиночных животных, а иногда и целых сцен. В сценах фигурируют различные персонажи (антропоморфные), деревья и другие растения, довольно широко представлена символика. Весь этот материал в совокупности с микроскульптурой и некоторыми другими археологическими находками оказался очень ценным при исследовании протоиндийских текстов. Частично этому способствовала выявившаяся возможность интерпретации ряда памятников протоиндийского искусства на основе сведений древнеиндийских письменных источников и данных исторически засвидетельствованных культурных традиций Индии.

Попытки осмыслить и ввести в научный оборот памятники протоиндийского искусства обнаруживаются в самых первых публикациях археологов Джона Маршалла, Эрнста Маккея и Мадхо Саруп Ватса², раскопавших три самых крупных центра древней цивилизации долины Инда — Мохенджо-Даро, Хараппу и Чанху-Даро. В специальных разделах их монографий все изображения и символы на печатях, оттисках, амулетах и других объектах сведены в тематические группы (например, животные — реальные и мифические, скомбинированные из элементов нескольких животных; антропоморфные персонажи; сложные сцены; растения и т. п.). В пределах каждой группы даны формальное описание и интерпретация изображений на основе сопоставлений с синхронными культурами Древнего Востока, а также с более поздними аналогами собственно индийской культуры. Следует отметить, что даже на этой, самой предварительной стадии изучения авторам-археологам удалось сделать ряд очень точных и тонких наблюдений, получивших подтверждение в ходе дальнейших исследований.

Последующая история изучения протоиндийского искусства сводится к большому числу специальных статей, в которых анализируются те или иные сюжеты, сцены, в лучшем случае — тематические группы изображений, но никаких попыток детально рассмотреть весь материал как единое целое пока не предпринималось; не проводилось также и фронтального сопоставления изображений с текстами (кроме опыта интерпретации отдельных текстов вместе с изображениями).

¹ Обобщающий результат многолетних исследований протоиндийских текстов группой сотрудников Института этнографии АН СССР изложен Ю. В. Кнорозовым. См. *Кнорозов Ю. В. Протоиндийские надписи (К проблеме дешифровки)*. — Сов. этнография, 1981, № 5. См. также *Альбедиль М. Ф. Некоторые проблемы филологического исследования протоиндийских текстов*. — Там же, 1982, № 1.

² *Marshall J. Mohenjo-Daro and the Indus Civilization*. London, 1931, v. I—III; *Mackey E. J. H. Further Excavations of Mohenjo-Daro*. Delhi, 1938, v. I, II; *Vats M. S. Excavations at Harappa*. New Delhi, 1940, v. I, II; *Mackay E. J. H. Chanhu-Daro. Excavations 1935—1936*. New Haven, Connecticut, 1943.

Осуществлявшееся группой сотрудников Института этнографии АН СССР сплошное изучение всех доступных изображений и символов было подчинено основной задаче — выйти на уровень интерпретации, а если окажется возможным — и чтения протоиндийских текстов. Учитывая специфику и особые трудности исследования последних, изображения и символику в данном случае следовало рассматривать как источник, равноценный самим текстам.

Чтобы решить вопрос о том, в какой мере памятники изобразительного искусства смогут стимулировать работу над текстами, был проделан ряд трудоемких и кропотливых операций по формальному и неформальному изучению всего материала: сбор и классификация (принципы классификации приходилось неоднократно менять в зависимости от ближайшей конкретной цели и хода исследования текстов); детальное описание каждого объекта; разного рода сопоставления как внутри данной культуры, так и вне ее. Подтвердилась высказывавшаяся ранее гипотеза о связи изображений с сопровождающими их текстами. Эти связи (как правило, однако, не непосредственные) были выявлены, определен их характер.

Соотношение и корреляция различных знаковых систем в протоиндийской культуре составляют особую теоретическую проблему, требующую специального рассмотрения. Здесь уместно отметить лишь следующее: изображения и символы отнюдь не являются только иллюстрациями (или украшениями) на объектах с надписями. Каждый элемент любой композиции имеет свою вполне определенную семантику: отсутствие какого-либо из них изменило бы общий смысл текста или сюжета. Кроме того, в зависимости от контекста один и тот же элемент (будь то знак письма, изображение или символ) может изменять свою семантику. Отсюда следует вывод о равноценности всех видов протоиндийской графики при исследовании текстов. Особый интерес для дешифровки представляет ряд выявленных случаев замены надписи изображениями, которые в отдельных, крайне редких случаях могут выполнять функции билингв. Таким образом, в процессе параллельно-перекрестного изучения текстов и изображений устанавливалась как бы обратная связь: изображение — текст — изображение.

Выход на уровень лингвистической интерпретации и чтения протоиндийских текстов означает также и принципиально новый этап в исследовании изображений и символики. Применявшийся до сих пор метод сопоставления и поисков аналогов в последующей культуре Индии сам по себе правомерен и может быть результативен, однако лишь до известного предела.

Весь археологический материал в комплексе (включая и предметы искусства) сразу же указывал на безусловную генетическую связь с культурой позднейшей Индии. Это обстоятельство на первый взгляд как будто облегчало задачу исследователей памятников искусства по сравнению с задачей лингвистов, встретившихся с неизвестным письмом и языком и, более того, возможно, с языком вымершим. Однако попытки выйти за пределы весьма общих и потому неизбежно расплывчатых заключений об индийском характере культуры и обратиться к конкретной и точной интерпретации памятников наталкивались на серьезные затруднения. Главное из них — огромный (почти 2 тысячи лет) разрыв во времени, отделяющий протоиндийскую цивилизацию от того периода, который принято считать началом письменной истории Индии. Именно поэтому, какими бы убедительными ни казались предложенные интерпретации отдельных сцен и изображений, как ни строги и, возможно, логичны некоторые построения и умозаключения по поводу тех или иных аспектов духовной культуры протоиндийцев, — в большинстве случаев они все же остаются гипотезами до тех пор, пока не подтверждены чтением самих текстов.

Сейчас, когда стал понятен смысл надписей, а часть текстов прочтена, кардинально изменилась сама методика исследования: налицо ре-

альная возможность интерпретировать изображения, символику, микрокультуру и другие предметы ритуально-культурного характера исходя уже из самих протоиндийских текстов. Диахронические сопоставления, разумеется, по-прежнему необходимы, но они перестают быть главным методом исследования. Поиски параллелей в последующей индийской культуре ведутся теперь с другими целями — для подтверждения правильности чтений текстов, а также для дополнения и уточнения их.

В журнальной статье нельзя даже кратко охарактеризовать весь материал, оказавшийся в поле зрения. Поэтому рассмотрим в свете новых возможностей хотя бы два не связанных между собой непосредственно феномена протоиндийской культуры: 1) трехсезонный год — основную модель годового календаря и 2) мифологический комплекс, связанный с образом буйвола.

Трехсезонный год

Наши сегодняшние представления позволяют констатировать наличие сложного, тщательно разработанного протоиндийского календаря с параллельным использованием нескольких структур года. Характер календарно-хронологических систем протоиндийцев предполагает необычайно высокий для того времени уровень астрономических знаний.

Достаточно полное представление о календаре оказалось возможным лишь после прочтения текстов, хотя некоторые соображения были высказаны и до этого. Ранее протоиндийский год был определен как состоящий из 2 полугодий, 6 сезонов, 12 месяцев и 24 полумесяцев³. Такая структура была установлена на основе интерпретации изображений и символов, а также аналогов в последующей традиции Индии; данные протоиндийских текстов при этом не привлекались. Эта структура года теперь подтверждена чтением соответствующих текстов. Кроме того, оказалось возможным внести в нее ряд уточнений и дополнений. Так, например, стал понятен смысл деления года на два полугодия между днями равноденствий в одном случае и днями солнцестояний — в другом: имелись в виду две параллельные системы календаря — трехсезонная и шестисезонная. Зато полным новшеством оказалось наличие еще одной единицы — четырехмесячного сезона. Судя по текстам, год у протоиндийцев подразделялся также на три четырехмесячных сезона и, что очень важно, такая сезонная структура была преобладающей.

Достоверность этой новой системы года, полученной исключительно на основе свидетельств текстов, могла быть подкреплена несколькими путями: интерпретацией сочетающихся с этими текстами изображений и символов; сопоставлениями с сезонным делением года в позднейших культурах Индии; соотносением протоиндийских сезонов с реальными климатическими условиями субконтинента⁴. С помощью перекрестного рассмотрения всех перечисленных компонентов (включая тексты) можно проиллюстрировать один из применявшихся приемов исследования.

Трехсезонный год — специфически индийская модель года, не встречающаяся в культурах сопредельных с Индией стран, стабильная для всей Индии начиная с древнейших времен. В наиболее ранних, ведических памятниках имеются достаточно прозрачные, хотя и косвенные, указания на бытование трехсезонного года. В Ригведе наряду с очевидным подразделением 360-дневного года на 4 квартала прослеживается и трехсезонный год. Как правило, олицетворением трех сезонов считают загадочных малых ведических богов — трех Рибху, которые впослед-

³ Proto Indica: 1972, II. М.: Наука, с. 240, 282—283; Proto Indica: 1973. М.: Наука, 1975, с. 8—9, 23.

⁴ Подобная экстраполяция представляется корректной в свете результатов новейших палеоклиматологических исследований Западной Индии, подробно рассмотренных в книге А. Я. Шетенко «Первобытный Индостан» (Л.: Наука, 1979, с. 48—58). Несмотря на высказывавшиеся ранее мнения о некотором «усыхании» долины Инда, эти результаты позволили отдельным исследователям утверждать, что в историческое время «значительных изменений в климате не было, современные природные условия близки к существовавшим в древности, 3—4 тысячи лет тому назад» (с. 56).

твии заняли более высокое место в пантеоне. В Ригведе Рибху описываются аналогично солнечным богам. Их внешний облик подобен солнцу, они запряжены в трехколесную колесницу. Эти малые боги — искусные ремесленники, служившие многим богам. Одно из их замечательных деяний — создание золотой колесницы для богов-близнецов Ашвинов: все детали колесницы (включая колеса) исполнены в тройном количестве. Соображения в пользу интерпретации трех Рибху как богов-покровителей трех сезонов обобщены в работе Дж. Джоши⁵. К убедительной аргументации автора можно добавить еще одно весьма существенное свидетельство памятников, оставшееся без внимания.

Ведическая мифология связывает трех Рибху с богами Вишвадеvas, Индрой и Варуной (Ригведа, IV, 33, 2), которые в более поздних памятниках (брахманах) уже отчетливо функционируют как боги-покровители трех сезонов. В Шатапатхабрахмане, например, сообщается: жертвоприношения должны повторяться регулярно, каждые четыре месяца (скр. *чатурмасья*) в честь Индры, Савитри и Варуны⁶, или (в другом месте) Вишвадеvas (весна), Варуны (дожди) и Шакамедхас (осень)⁷.

Из других свидетельств ведических памятников следует упомянуть колесо с тремя ступицами (скр. *тринабхам чакра*, Ригведа, 164, 2) или колесо с тремя спицами (скр. *набхални*, Атхарваведа), обычно отождествляемые с годом, состоящим из трех сезонов. Аналогичное колесо повозки солнца в деталях описывается в более поздних источниках — пуранах (Вишну, Ваю, Матсья, Бхавишья): три ступицы этого «колеса времени», как его обычно именуют, по-разному интерпретируются комментаторами, но чаще всего — как символическое выражение трех четырехмесячных сезонов⁸.

Очевидно, та же структура года отражена в мифологии: солнце и некоторые высшие боги характеризуются как «трехголовые» или «трехтелые» существа. Эпитет «имеющий три туловища» (скр. *траидеха*, *траитану*) часто употребляется по отношению к солнцу, а также Шиве; Вишварупа (сын бога-демиурга Тваштра) называется в памятниках «трехголовый» (скр. *триширас*). В иконографии этот образ солнечного божества нашел выражение в одном из воплощений Вишну — в виде трехголового существа.

Более определенно трехсезонная структура года выявляется в последующих памятниках: брахманах, эпосе, пуранах. Несмотря на то что они не отражают четко зафиксированного годовичного календаря, он надежно реконструируется на основе многочисленных и подробных сведений о системе регулярных и обязательных жертвоприношений. В этом случае мы имеем полную параллель с протоиндийскими текстами, где информация о сезонном календаре также содержится в жертвенных и праздничных надписях.

Существенной для наших целей особенностью древнеиндийских жертвенных формул является строгая регламентация времени для совершения того или иного жертвенного ритуала.

Многочисленные жертвы и возлияния сопровождали большинство праздников и разного рода ритуальных действий, включая и связанные с событиями социально-политического характера. Однако наиболее важными и обязательно соблюдавшимися были жертвоприношения, отмечавшие праздники годовичного календаря, в первую очередь сезонные. В санскрите имеется ряд специальных терминов, связанных с сезонным жертвоприношением: *ритуджа* («жертвоприношение сезону»), *ритвидж* («сезонный жрец») и др. Жертвоприношения по поводу «четырёхмесячий» входили в число наиглавнейших. О значимости и традиционности трехсезонной структуры года можно судить по тому факту, что существ-

⁵ Joshi J. R. Some Minor Divinities in Vedic Mythology and Ritual. Puna, 1977, p. 55—68.

⁶ The Sacred Books of the East. Oxford, 1910, v. XLIV, p. 247.

⁷ The Sacred Books..., v. XII, p. 383.

⁸ The Vishnu Purana. Transl. by H. H. Wilson, London, 1840, p. 217.

вовало немало праздников и церемоний, соблюдавшихся в соответствии с «четыремесечьями», наряду со специальными праздниками по поводу самих «четыремесечий». Брахманы изобилуют упоминаниями трех четырехмесячных сезонов, при этом названия их иногда варьируют: лето (*гришма*), дожди (*варша*) и зима (*хеманта*); или весна (*васанта*), дожди (*варша*) и осень (*шарад*)⁹. Много свидетельств бытования аналогичного трехсезонного года встречается и в эпосе. Сезонная номенклатура Махабхараты суммарно представлена в работе известного исследователя Э. В. Хопкинса¹⁰. Как и в большинстве древнеиндийских памятников, в Махабхарате отсутствует ясно выраженная календарная система. Судить о ней приходится на основании случайных указаний на сезон при описании того или иного события (чаще всего — жертвоприношения), например: упоминание «четыремесечья» в ритуале жертвоприношения коня или предписание выдавать жалование «каждые четыре месяца» (употреблен термин *чатурмасья*)¹¹. В Махабхарате выявляется параллельное существование шести- и трехсезонного года.

Прежде чем перейти непосредственно к сопоставлению структуры протоиндийского трехсезонного года с данными письменных памятников, следует оговорить несколько существенных моментов. Протоиндийцы, как выяснилось, обозначали три четырехмесячных сезона тремя знаковыми системами: письмом, символикой, изображениями (правда, одновременно все три компонента встречаются очень редко). Попытка непосредственно сопоставить эту номенклатуру с соответствующими порядками в последующей традиции в ряде случаев невозможна. Парадоксальным образом наша сегодняшняя информация о номенклатуре протоиндийского трехсезонного года гораздо обширнее, чем сведения письменных памятников последующих эпох. Наиболее полно преемственность традиций прослеживается в области лексики: мы имеем семантическое тождество в наименованиях каждого из трех сезонов. Однако протоиндийская номенклатура конкретных месяцев внутри сезонов (из 12 месяцев года обнаружены наименования для одиннадцати) в текстах исторического периода, судя по всему, не зафиксирована: по-видимому, в данном случае налицо смена традиций. Что касается символики, то последующая индийская культурная традиция (в отличие от протоиндийской) не сохранила какой-либо системы символов, маркирующих три сезона; иногда встречаются лишь косвенные, порой не очень ясные, свидетельства существования подобной системы в прошлом. Изображения, относящиеся к памятникам искусства или иконографии исторического периода, которые можно было бы увязать с символикой или атрибутикой сезонов, нам также пока неизвестны. Употреблявшиеся протоиндийцами изображения рыбы и гавиала для обозначения второго и третьего четырехмесячных сезонов (для первого сезона аналогичный «животный» символ пока не обнаружен) могут быть сопоставлены с поздними данными лишь опосредованно.

После столь «обнадеживающего» начала перейдем к рассмотрению всего материала в комплексе.

Номенклатура трех сезонов в основном содержится в праздничных и жертвенных надписях на тонких каменных пластинках из самых ранних археологических слоев, а также на сменивших пластинки двусторонних глиняных оттисках. В текстах выявлены общие наименования для каждого из трех сезонов и для всех (за исключением одного) месяцев. Некоторые месяцы имели в языке несколько названий. Сама надпись, как правило, передает имя бога или наименование праздника, по поводу которого совершается жертвоприношение. Справа от надписи (или на обороте в двусторонних оттисках) располагается дата, указывающая, когда именно следует совершать данное жертвоприношение.

⁹ The Sacred Books..., v. XII, p. 383—387.

¹⁰ Hopkins E. W. Epic Chronology.— Journal of the American Oriental Society, 1903, v. XXIV, p. 7—56.

¹¹ Hopkins E. W. Op. cit., p. 21.

Полная дата включает символ одного из трех сезонов и порядковый номер месяца в сезоне (от 1 до 4). Символом для обозначения каждого из трех сезонов является маленький «кружок», повторением которого три раза обозначался соответственно первый, второй и третий сезоны. Знак «сосуда» с предшествующими цифрами от 1 до 4 (цифра 1 иногда опускается) обозначали один из четырех месяцев любого четырехмесячного сезона.

Два из трех сезонов имеют, как уже отмечалось, также и «животный» символ: рыба — символ второго и гавиал — третьего сезона. На тонких пластинках в постфинальной позиции рыба и гавиал встречаются и отдельно, и в сочетании с символическими кружками, маркирующими сезоны. При этом рыба комбинируется только с двумя кружками и в этих случаях употреблена как символ второго сезона; гавиал комбинируется только с тремя кружками и символизирует третий сезон.

Таким образом, для протоиндийского трехсезонного календаря вопрос о том, с какого сезона начинался год, решался сравнительно просто — естественно, с того, который был обозначен одним кружком. В последующее время, судя по письменным источникам, подобная маркировка сезонов не сохранялась, ее заменял порядок перечисления сезонов, который, однако, был весьма нестабилен: список сезонов в разных (а иногда в одних и тех же) памятниках мог начинаться с любого из трех.

Протоиндийскому порядку перечня сезонов соответствуют некоторые варианты календаря Махабхараты, законы Ману, буддийская традиция. В Анугите¹² встречается редкий случай прямого указания на порядок сезонов: «сначала день — за ним ночь, у месяца — начало со светлой половины, у накшатр — первая Шравана, у сезонов — первый сезон зима».

Достаточно точно и единообразно называют памятники конкретную дату начала каждого из трех сезонов (с указанием названия месяца и фазы луны).

	Осень (зима)	Весна	Дожди
Шатапатхабр- мана	Картика, полнолуние	Пхальгуна, полнолуние	Ашадха, полнолуние
Махабхарата	Картика, полнолуние	Пхальгуна, полнолуние	—
Традиционный ка- лендарь	Картика, 2, светлая половина ¹³	Пхальгуна	Ашадха, 12, светлая половина, или 2, тем- ная половина

Начало всех трех протоиндийских сезонов соответствует указанным выше датам: месяц картика — время осеннего равноденствия, на которое падает начало первого протоиндийского сезона. Тем самым автоматически совпадает и начало двух остальных четырехмесячий.

1 СЕЗОН. Октябрь — январь.

Символ сезона: один кружок.

Общее название сезона: «холод»¹⁴, скр.: *хеманта* — «зима», *шитакала* — «холодное время»¹⁵.

Названия месяцев:

- 1-й месяц — не обнаружено.
- 2-й месяц — «начало холода».
- 3-й месяц — «хорошее время».
- 4-й месяц — «время капель [росы]».

¹² The Sacred Books..., v. VIII, p. 352.

¹³ В традиционном индийском календаре счет дней в месяце ведется по полумесяцам: дни первой, светлой половины месяца (от новолуния до полнолуния) обозначаются цифрами от 1 до 15; этими же цифрами обозначаются следующие 15 дней темной половины месяца. Поэтому даты начала сезонов «осень» и «дожди» по традиционному календарю близки к дням полнолуний.

¹⁴ Здесь и далее переводы протоиндийских текстов даны по Proto Indica: 1979. Moscow: Наука, 1981.

¹⁵ Бируни. Избранные произведения. Т. II. — Индия. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1963, с. 315.

1) Первый сезон в протоиндийском календаре начинался сразу после осеннего равноденствия, одновременно с вхождением солнца в созвездие Скорпиона.

Климатическая характеристика первого протоиндийского сезона, выраженная в названиях его четырех месяцев, довольно точно отражает естественно-климатические условия долины Инда в это время года.

Период с октября до февраля месяца — самое холодное время года в Индии. Октябрь — «ненадежный переходный» месяц, когда дожди еще не совсем закончились, а холодная погода еще не вступила в свои права¹⁶. С ноября в долине Инда устанавливается прохладная погода (соответствует протоиндийскому месяцу «начало холода»). С конца октября до середины декабря — самое приятное время в году¹⁷ (протоиндийский месяц «хорошее время»), прохлада, холодные ночи и утренники, красивые и ясные дни. С конца декабря погода меняется в связи с приходом северо-восточного муссона (завершение его действия для Пенджаба — конец февраля или середина марта): западные атмосферные депрессии приносят осадки, температура воздуха понижается, ночи наиболее холодные в году, дни ясные или слегка пасмурные. Характерная особенность января — февраля — стелющиеся туманы за два-три часа до рассвета, «время росы и туманов»¹⁸, у протоиндийцев это время соответствует месяцу «время капель [росы]».

4 II СЕЗОН. Февраль — май.

Символы сезона: два кружка, река, рыба.

Общие названия сезона: «жара», «засуха», «рыба»; скр. *гришма* («жара»).

Названия месяцев:

1-й месяц — «облака», «мгла», «жара», «засуха».

2-й месяц — «большой подъем воды в реке», «мгла».

3-й месяц — «редкие грозы», «мгла», «время стоячих облаков», «разлив».

4-й месяц — «время стоячих облаков».

Второй сезон (как и третий) имеет более разнообразный набор наименований и символов, чем первый. Вообще следует отметить, что первый сезон значительно слабее представлен в протоиндийских текстах. Совмещение традиционного общеиндийского праздничного календаря с известными нам сейчас датами жертвоприношений и праздников протоиндийцев обнаруживает сходное распределение праздников в году: почти полное отсутствие их в первом сезоне, т. е. зимой (за исключением первого месяца), резкое возрастание во втором (особенно — в первые два месяца) и самый «пик» — в третьем сезоне, на всем его протяжении.

Второй сезон также имеет свои ярко выраженные климатические особенности, ясно переданные в протоиндийских наименованиях «жара» и «засуха». Это самый жаркий и труднопереносимый сезон в Индии: в конце его — максимальные температуры, жестокий зной. В первый месяц сезона в Западной Индии все еще ощущается действие северо-восточного муссона (ветры с небольшим количеством осадков). В дальнейшем, начиная с марта, прочно наступает сухая погода, дождей совсем нет, температура воздуха начинает резко повышаться: в марте — мае она достигает 43° в Пенджабе, 49° и выше — в Синде. Для равнин Инда и Западной Индии в целом характерны пыльные бури и ураганы. Растения начинают увядать, к июню практически выгорают.

Второе наименование сезона — «рыбный» стоит несколько особняком. Вероятнее всего это архаическое наименование связано с условия-

¹⁶ Снейт О. Х. К. Индия и Пакистан. М.: Изд-во иностр. лит. 1937, с. 62.

¹⁷ «Most delightful part of the year» (Panjab District Gazetteers. Lahore, 1909, v. XXIX A, Attock District, Pt. A, p. 24). В этом же месяце, кроме того, завершается сбор урожая основных культур.

¹⁸ Снесарев А. Е. Индия (страна и народ). М.: Ин-т востоковедения, 1926, в. 1, с. 66.

ми обитания и поведения рыб в р. Инд и ее притоках, а также у морских побережий Синда в это время года. В феврале и марте в Инд на нерест в огромном количестве идет морская рыба *палла* (*Clupea ilisha*) — самая распространенная повсюду в Индии съедобная рыба. После окончания периода икрометания, рыба снова спускается вниз по реке в море. Таким образом, рыбный промысел этой и многих других морских рыб продолжается от марта до мая (три последних месяца сезона). Во время разлива Инда популярен лов еще одной знаменитой индийской пресноводной рыбы — *Labeo Rohita*, которую сравнительно легко вылавливать на залитых водой берегах и долинах рек¹⁹. Вполне вероятно, что наименование всего сезона «рыбный» восходит к доземледельческой эпохе, когда рыба, возможно, была одним из главных ресурсов питания в это время года. Такое положение могло частично сохраняться и в протоиндийское время²⁰, тем более что продукты основного (осеннего) урожая к этому времени должны были иссякнуть, а весенний урожай еще не созрел. К тому же удельный вес последнего в рационе вряд ли был велик, ибо интенсивное и успешное земледелие в этот период года в условиях Западной Индии непременно предполагает развитое орошение.

Объяснить календарную символику рыбы, исходя из последующей традиции, пока трудно. Можно лишь отметить в этой связи мифологическую дату первой аватары (воплощения) солнечного Вишну в виде рыбы (Матсьяаватара), странным образом совпадающую с началом весеннего разлива Инда — 3 число светлой половины месяца чайтра (начало второго месяца сезона). С этой датой совпадает современный праздник в Синде в честь местного речного бога Удеролал (или Дарьялал, «Красный Инд»): начало разлива считается днем рождения этого бога²¹.

Наименования второго и третьего месяцев второго сезона связаны с разливом Инда, обусловленным весенним таянием снегов в Гималаях. Прибытие воды в Инде начинается в феврале (т. е. с самого начала сезона); к середине марта уровень воды в реке достигает своего максимума (протоиндийский месяц «большой подъем воды в реке»), в конце марта — начале апреля наступает полный разлив (протоиндийский месяц «разлив»). Уровень Инда не понижается в течение последующих месяцев, несмотря на жару и отсутствие дождей (продолжает питаться за счет снегов), а в дальнейшем (с конца июня) поддерживается муссонными ливнями.

III СЕЗОН. Июнь — сентябрь.

Символы сезона: три кружка, гавиал, дерево.

Общее название сезона: «небесный вихрь», скр. *варша* («дожди»).

Названия месяцев:

1-й месяц — «сухие листья»

2-й месяц — «возрастающая ярость гроз», «буря» (ураган), «гавиал», «гром».

3-й месяц — «возрастающая ярость гроз», «буря», «стремительные облака», «разлив».

4-й месяц — «яростные, стремительные облака».

Четыре месяца третьего сезона — время действия юго-западного муссона. Муссоны — главный фактор в климате Индии, и их влияние на жизнь исключительно, особенно юго-западного океанического муссона. Постоянные океанические ветры, приносящие высокую влажность и непрерывные дожди, грозовые бури и ураганы, внезапно обрушиваются на Индию, погода резко меняется в течение одного-двух дней. Очень точно и лаконично выражена эта специфика индийского климата в древнем

¹⁹ Gazetteer of the Province of Sind. Karachi, 1907, v. A, p. 65—74. Рыба *рохита* («красная») часто упоминается в древнеиндийских источниках.

²⁰ На протоиндийской керамике встречаются изображения рыболовных сетей.

²¹ *Thakur U. T. Sindhi Culture*. Bombay, 1959, p. 129—133.

памятнике Вишну Пурана: «8 месяцев в году солнце собирает воду и затем в течение 4 месяцев проливает ее в виде дождя» (Вишну Пурана IX, 230).

Время прихода юго-западного муссона в Индию варьирует для отдельных районов примерно в пределах месяца: для Пенджаба и Синда это 20-е числа июня. Таким образом, в первый месяц сезона, охватывающий период с конца мая до конца июня, дождей нет, погодные условия ничем не отличаются от того, что мы наблюдали в конце предыдущего жаркого сезона — самые высокие температуры воздуха, сухость, пыльные бури. Накануне муссона зеленой растительности уже нет вообще: страдают от сухости и жары люди и скот. В различных описаниях постоянно подчеркивается особо бедственное положение скота в этом месяце: животные гибнут от голода, так как их главный корм — трава и листья деревьев и кустарников — к этому времени выгорает. Несомненно, это состояние природы и выражено в протоиндийском наименовании первого месяца «сухие листья».

Наименования остальных трех месяцев достаточно прозрачны и не требуют комментария. Обращает на себя внимание появление в названии третьего месяца (среди других) термина «разлив» (аналогично месяцу, соответствующему весеннему разливу). И в том и в другом случае протоиндийские наименования подчеркивают кульминационные моменты разлива (в обоих сезонах), который фактически продолжается с середины марта до начала сентября.

Показательно также, что от всех общих для второго и третьего месяцев наименований для четвертого оставлено только одно: «яростные, стремительные облака», что соответствует реальным условиям этого месяца. Сентябрь — время отступающего муссона, дожди крайне редки, хотя сильные ветры еще сохраняются.

✓ Протоиндийское наименование третьего сезона «небесный вихрь» лексически не совпадает со стабильным и повсеместным индийским *варша* («дожди») для этого времени года. Возможно, оно точнее передает общий характер погоды третьего сезона — постоянные ветры и ураганы необычайной силы, сопровождаемые сильными дождями и грозами, главным образом в течение второго и третьего месяцев, что и отражено в протоиндийских названиях соответствующих месяцев. В первом месяце дождей нет вообще, а в четвертом они нерегулярны.

Трудно сказать, почему из всех связанных с водной стихией животных именно гавиал был избран в качестве символа сезона. Возможно, этому можно найти какое-то биологическое объяснение. Известно, например, что детеныши гавиала вылупляются из яиц непосредственно перед наступлением муссона. Во всяком случае, такая ассоциация имеет место в сознании индийцев и в последующее время. Из письменных источников и по памятникам древнеиндийского искусства хорошо известно мифическое животное *макара*, «сконструированное» из нескольких животных; среди них находится и гавиал. Макара является ваханой (ездовым животным) Варуны, наделенного в мифологии многими функциями. В брахманах он, например, выступает в качестве покровителя четырехмесячного сезона дождей: жертвоприношения в его честь предписывалось совершать «в полнолуние месяца Ашадха, отмечая начало сезона дождей»²².

Образцы протоиндийских надписей, датированных по трехсезонному календарю, показаны в таблице I; надписи 1—6 читаются слева направо, 7—11 (прорисовка оригинала) — справа налево.

²² The Sacred books..., v. XII, p. 383.

[illegible]

2 ♠ | □ | ▨ ||| ✕ ||| U

5 ⊗ " 人 ||| U ○○○

[illegible]

6 | ~~8~~ 7 F III U ○○○

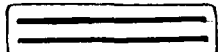
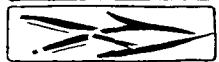
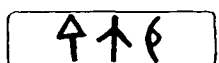
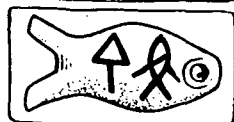
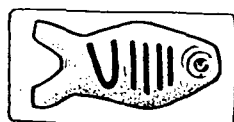

Таблица I

Перевод:

1. «для героя, владыца стада, в начале холода вторая жертва».
2. «стражу, благому герою в хорошее время третья жертва».
3. «восьми занимающим место [богам] [во] время капель росы [жертва]».
4. «божественная небесная единица [накшатра] [для] красного царя [жертва] [когда] большой подъем [воды], в мглу», второй сезон (два кружка).
5. «годовое место [луны] [для] муссона третья жертва», третий сезон (гавиал).
6. «дня нашего наполняющего [разлива] четвертая жертва», третий сезон.
7. Тонкая пластинка в форме рыбы, двусторонний оттиск (прорисовка).
Аверс: «акулы»; реверс: «четвертая жертва».
8. Трехсторонний оттиск (прорисовка). 1-я грань — «красному царю-богу [жертва]; 2-я грань — «четвертая жертва»; 3-я грань — сезон рыбы.
9. Трехсторонний оттиск (прорисовка). 1-я грань — «орлу» [жертва]; 2-я грань — «третья жертва»; 3-я грань — сезон рыбы.
10. Двусторонний оттиск (прорисовка). Аверс: «почитаемой великой звезде» [жертва]. Реверс: «четвертая жертва», сезон рыбы.
11. Четырехсторонний оттиск (прорисовка). 1-я грань — место [луны] небесное светило орла [жертва]; 2-я грань — сезон рыбы; 3-я грань — два кружка (второй сезон); 4-я грань — река (?).

Интерпретация образа буйвола

Буйвол, судя по всему, занимал самое высокое место в иерархии многочисленных зооморфных божеств протоиндийского пантеона. На протоиндийских памятниках это животное представлено очень разнообразно. Сюжеты, связанные с буйволом, сведены в таблице II.

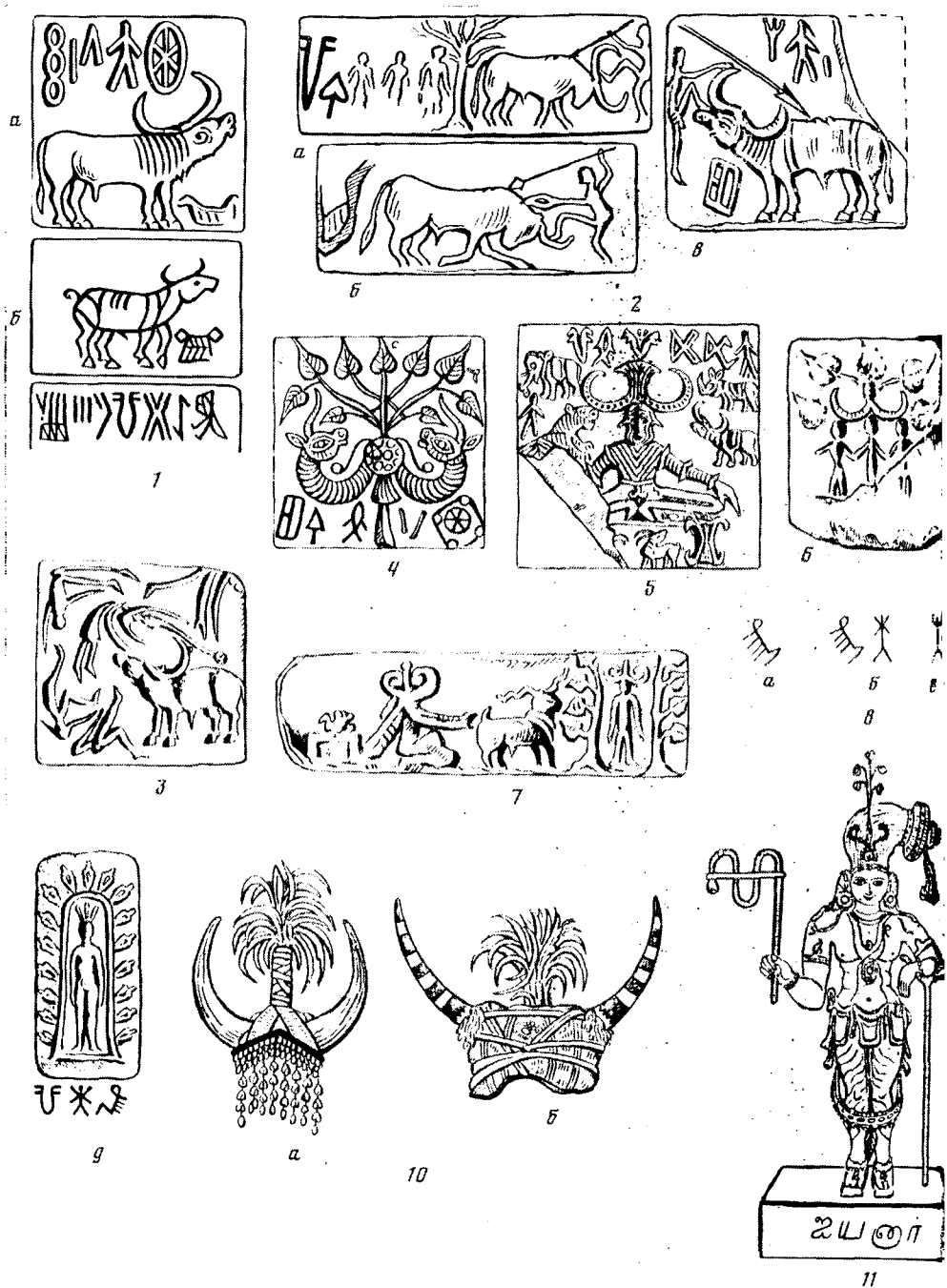

Таблица II. Сюжеты, связанные с буйволом

1,а — изолированное изображение буйвола перед кормушкой на печати, 1,б — буйвол на медной пластинке; 2 — серия сцен «Убийство буйвола»; 3 — сцена: «Буйвол и пять женских персонажей»; 4 — «Дерево буйвола»: мировое дерево ашваттха, от ствола отходят две головы туров, изогнутые в виде рогов буйвола; 5 — сцена: «Бог с рогами буйвола на троне»; 6 — мировое дерево ашваттха с рогами буйвола под кроной; 7 — богиня, стоящая в развилке ветвей дерева ашваттха, с головным убором в виде рогов буйвола; 8 — знаки письма: а — «бог — буйвол»; б — «госпожа — буйволица», в — условное чтение: «бог-буйвол», передает одно из имен верховного бога; 9 — богиня, стоящая в «арке» с листьями ашваттхи; головной убор — схематизированное изображение ветвей ашваттхи; 10 — рога буйвола. Праздничный головной убор бисонхори-мариа (дравидоязычное племя Центральной Индии); 11 — дравидский бог Айанар. Головной убор с рогами и веткой.

Первоначальная тематическая классификация сразу же выявила центральное место буйвола в мифологическом комплексе протоиндийцев. В дальнейшем, по мере продвинутой в исследовании самих текстов, параллельно расширялись и уточнялись функции и характеристики этого персонажа протоиндийского пантеона. Поэтому во всех публикациях начиная с 1965 г. приходилось каждый раз возвращаться к интерпретации сюжетов с буйволом. Обобщенный результат постепенно накапливавшихся представлений может быть сформулирован следующим образом.

Буйвол — архаическое зооморфное божество протоиндийского пантеона. Возведение этого животного в ранг высшего божества, по-видимому, объясняется связью его (на тотемном уровне) с правящим кланом.

Формальное исследование всех «буйволиных» сюжетов в совокупности с диахронными сопоставлениями позволило выявить божественную пару верховных богов пантеона: бог-буйвол (табл. II, 5) и его супруга, верховная богиня (табл. II, 7, 9). Иконография этих богов, как правило, связана с мировым деревом.

Впоследствии в процессе совершенствования системы, регулирующей смену власти в обществе, верховный бог был отождествлен с планетой Юпитер, а период обращения этой планеты был положен в основу божественной и практической хронологии протоиндийцев. На царской печати (табл. II, 5) верховный бог изображен в образе Владыки мира, покровителя одного из 12-летий в 60-летнем цикле Юпитера (Брахиспатикакра в письменных памятниках).

Изображения буйвола в протоиндийском искусстве полисемантичны и в зависимости от контекста могут нести различную смысловую нагрузку: в космографии буйвол — бог-покровитель одной из сторон горизонта (табл. II, 5 — буйвол в полтериионе); в календаре — олицетворение года (или цикла лет) в сценах «убийство буйвола» (табл. II, 2), в хронологии — покровитель одного из 12-летий в 60-летнем цикле (табл. II, 1, а). Пока еще не до конца ясна символика буйвола на памятниках особой группы — медных пластинках (табл. II, 1, б), безусловна лишь связь ее с календарем.

Сейчас мы располагаем весьма большим (по протоиндийским масштабам) числом надписей, непосредственно относящихся к «буйволиному» циклу; при этом некоторые стандарты повторяются до 50 раз, что заметно выделяет данную тематику. Переводы этих текстов с учетом ранее предположенных интерпретаций соответствующих изображений дали возможность полнее и точнее представить общую схему мифа, а также его эволюцию в рамках протоиндийской культуры.

На самых ранних протоиндийских памятниках божественная пара представлена в надписях. Имя бога-буйвола в письме передавалось знаком, схематизированно изображающим буйвола (табл. II, 1, а), что в переводе означает «бог-буйвол». Имя богини передавалось знаком «женщина с поднятыми руками» с предшествующим знаком «буйвол» (табл. II, 9); перевод — «госпожа-буйволица» («бога-буйвола госпожа»). Этому образу в индийской мифологии соответствует одна из ипостасей дарующей плодородие богини-матери — божественной коровы Сурабхи (известна под многими именами), считающейся матерью коров и буйволов (см. Вишнупурана, XXI, 150). Имеется также уникальный знак — «человек с рогами буйвола» (табл. II, 8, в); он встречается один раз в значении «бог-буйвол» (имеется в виду Юпитер).

Надписи этой группы, как правило, относятся к жертвенным или праздничным (примеры даны в табл. III, 1—5):

1. «богу-буйволу третья жертва» (обнаружены еще 44 надписи).
2. «буйвола [власть]» (еще 20 надписей).
3. «госпожи-буйволицы праздник» (еще 9 надписей). Здесь мы встречаем редкий случай прямой связи изображения и текста, как бы подпись к рисунку (табл. II, 9).
4. «богу-буйволу во время стоячих облаков третья жертва».
5. «буйволу в разлив жертва, третий сезон».

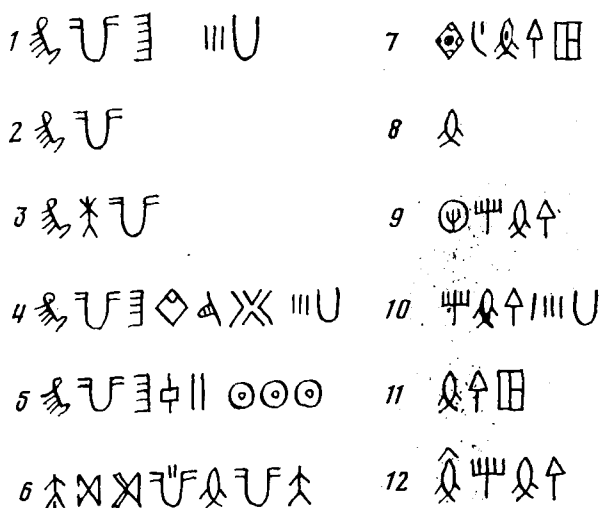

Таблица III

Явное численное преобладание надписей, связанных с культом буйвола, само по себе указывает на особую популярность его в протоиндийском обществе.

В изображениях буйвол передан разнообразно: изолированно (на печатях), иногда — только рогами, имеющими характерный развал; в сложных сценах с различными сюжетами (в сочетаниях с другими персонажами).

Протоиндийское искусство зафиксировало незавершенный процесс антропоморфизации: божество представлено в зооморфном виде, в антропоморфном — с использованием отдельных зооморфных элементов и крайне редко — в целиком антропоморфном виде. В иконографии боги символизирующее его животное (или другая эмблема) эквивалентны и могут замещать друг друга.

Владыка мира, «царь богов» наиболее выразительно, со всеми его атрибутами показан на известной печати из Мохенджо-Даро (табл. II, 5), уже неоднократно рассмотренной в предыдущих публикациях группы. Бог с рогами буйвола, венчающими голову, и схематизированным изображением кроны мирового дерева между рогами сидит на троне в итифаллическом состоянии. В трактовке лица бога часто усматривают сходство с мордой буйвола. Четыре окружающих бога животных были ранее интерпретированы как символы четырех сторон горизонта. На рогах поперечными штрихами показано 12 годовых колец, символизирующих цикл планеты Юпитер, равный 12 солнечным годам.

Божественная богиня-супруга изображалась скромнее: в ее облике подчеркивались не столько «буйволиные» признаки, сколько связь богини с мировым деревом ашваттха. Протоиндийцы выработали достаточно стандартный иконографический образ Верховной богини: обнаженная, стоящая в арке с листьями ашваттхи фигура; ашваттха иногда показана также в головном уборе богини. В одном случае богиня увенчана рогами буйвола (табл. II, 7).

В некоторых сценах небесный царь богов представлен только эмблемой, рогами буйвола. Наибольший интерес представляет в этой серии печать (табл. II, 4), где в очень компактной и лаконичной форме выражена протоиндийская концепция времени и пространства. Интерпретация закодированной в столь небольшом рисунке информации в предельно кратком изложении может быть сведена к следующему: показаны стороны горизонта (основные и промежуточные), небесная сфера с созвездиями, солнцем, луной; годичный курс солнца и его подразделения на полугодия и сезоны; выражено представление о верхнем и нижнем мире; таким образом, здесь представлены все основные космогони-

еские идеи протоиндийцев. Естественно поэтому, что в центре мироздания (как и на предыдущей печати) помещается царь богов, владыка вселенной, переданный парой буйволиных рогов, образованных головами туров на длинных шеях. Отметим, что 12 штрихов в гриве на шеях туров, вероятно, тоже обозначают 12-летний цикл планеты Юпитер, который был приравнен к «году бога»²³. Сходную функцию выполняют рога буйвола и во втором сюжете с ашваттхой (табл. II, 6); пара разнополых близнецов по обеим сторонам ашваттхи была отождествлена с богами-прародителями.

Астральный («юпитерский») аспект верховного бога показан в надписях, сопровождающих эти сцены. Надпись на печати с «богом на троне» (табл. II, 5), протоиндийский текст — табл. III, 6: «почитаемого [бога] — воина власть [в] текущий второй [60-летний] цикл; того, кто от звезды [Юпитера] [правление]». «Того, кто от звезды» передает имя царя, правящего от имени верховного бога Юпитера, изображенно-го в центре печати.

Надпись на печати «дерево буйвола» (табл. II, 4); протоиндийский текст — табл. III, 7: «небесная единица (накшатра) весеннего урожая, храм почитаемой звезды [Юпитера]».

В текстах выявлено несколько имен верховного бога. Наиболее распространённые из них — «Звезда», «Великая звезда» [Юпитер], «Владыка времени» (употребляется не только по отношению к Юпитеру), см. табл. III, 8—12:

8. «Звезда».

9. «власть владыки времени, великой звезды, т. е. Юпитера».

10. «для великой звезды Юпитера четвертая жертва».

11. «звезды Юпитера храм».

12. «власть сияющей великой звезды Юпитера».

Формально можно показать тождество имен верховного бога с древним «бог-буйвол».

Если верховный бог-буйвол на печати является богом-покровителем 12-летнего цикла Юпитера, то, так сказать, по условию ритуал жертвоприношения буйвола («убийство буйвола») должен знаменовать начало года, а также цикла лет. У протоиндийцев зафиксировано два начала года: с осеннего равноденствия (по более древнему, трехсезонному календарю) и с летнего солнцестояния (по шестисезонному календарю). Выяснение вопроса о том, по какому из двух календарей отмечаются те или иные праздники или жертвоприношения, составляет сложную проблему. Сейчас это сравнительно легко выявляется лишь в тех случаях, когда налицо полная дата, т. е. только на ранних жертвенных пластинках, притом очень редко. На интересующих нас печатях прямые указания на конкретный сезон и месяц в сезоне отсутствуют. Поэтому точная привязка сцен к календарю может опираться на содержание надписей и интерпретации сопутствующих изображений.

В качестве примера можно привести трехгранный оттиск из Мохенджо-Даро: 1-я грань: сцена «убийство буйвола» (табл. II, 2); 2-я грань: сцена «бой быков» (символизирует грозу); текст — «муссонный ливень»; 3-я грань: текст — «красному владыке дня, помощнику жертва».

Общий смысл сцен и текста: жертвоприношение буйвола по поводу наступления муссона, что по времени совпадало с началом года по шестисезонному календарю (летнее солнцестояние и приход муссона — конец июня). Моление о нормальном течении муссона, определяющего благополучие земледельца в течение всего года, имело смысл в самом начале сезона. Таким образом, ритуал жертвоприношения буйвола, символизирующий начало года, должен был совершаться во время летнего солнцестояния.

²³ Подробнее см. Кнорозов Ю. В. Формальное описание протоиндийских изображений. *Proto Indica*: 1972, II, с. 182; *Proto Indica*: 1973, с. 11—13.

✓ Как уже было отмечено, смена власти в протоиндийском обществе осуществлялась в соответствии с 5-, 12- и 60-летними циклами (последний, впрочем, означал, что власть царя фактически превратилась в пожизненную). Обряд жертвоприношения буйвола совершался и в связи с наступлением нового цикла лет, отмерявшим сроки правления царя. Об этом свидетельствуют циклические даты на храмовых копиях, которыми убивали буйвола. Такие копия обнаружены в раскопках, а также изображены в соответствующих сценах на печатях. Буйвол в этих сценах, очевидно, является заместителем царя, которого (согласно древнему обычаю, подтвержденному этнографическими материалами) полагалось убивать по истечении срока правления. Показательно, что в одной из сцен (табл. II, 2) на рогах жертвенного буйвола показано 12 годовых колец.

Следует иметь в виду еще один, очень существенный в общеприкладном плане аспект исследования — эволюцию протоиндийских религиозных представлений и мифологии в последующей культуре Индии. В частности, почти полное отсутствие культа буйвола (или, точнее, его своеобразный статус) в классических религиях Индии²⁴, по-видимому, объясняется тем, что буйвол олицетворял верховное (т. е. наиболее враждебное в глазах завоевателей) божество. Поэтому он, возможно, и подлежал истреблению в первую очередь, что нередко имело место при смене идеологий в древности. Не случайно в поздней традиции наблюдается полная трансформация этого божества — переход его из класса богов в противостоящий им мир демонов (*асуров*). В письменных памятниках буйвол, как правило, выступает в облике грозного и страшного демона Махиши, погибающего в противоборстве с богами (наиболее полно этот миф изложен в Махабхарате); кроме того, он является ваханой бога смерти Ямы. Примечательно, что это древнее индоиранское божество, именуемое в ранневедической литературе «царем», «идеальным правителем», впоследствии функционирующее как бог смерти и страж миропорядка, в качестве ездового животного получает протоиндийского буйвола. «Протоиндийским» его можно считать по двум причинам: 1) в протоиндийской космографии буйвол символизирует направление царства мертвых; по индоарийским представлениям умершие отправляются на юг, в обитель бога смерти Ямы (скр. *Ямалока*, «мир Ямы»); 2) «Черный буйвол» — позднейшая персонификация Ямы — логически увязывается с протоиндийской мифологией и, наоборот, никак не вытекает из его авестийско-арийской генеалогии.

В противоположность арийской традиции северной Индии, культ буйвола широко распространен в южной, дравидоязычной Индии. Рамки журнальной статьи не позволяют проиллюстрировать этот тезис конкретными этнографическими материалами. Ограничимся лишь самым общим замечанием: регулярные, сопровождаемые регламентированными церемониями жертвоприношения буйвола в честь богинь-матерей, покровительниц деревень (скр. *грамадевата*) до последнего времени составляли основу культовой практики юга Индии. Связь этих обрядов с архаическими земледельческими культами, где буйвол выступает в качестве древнего божества-покровителя года (а также супруга богини-матери), была отмечена ранее²⁵. Более широкое привлечение этнографических материалов, относящихся к народам, и особенно малым племенам южной Индии, по-видимому, необходимо в данном случае.

Предложенное здесь крайне схематичное рассмотрение комплекса памятников, связанных с образом буйвола, является всего лишь предварительной попыткой осмыслить информацию, которой мы в настоящий момент располагаем. Круг текстов, связанных с этой тематикой, значительно шире, и полное введение их в научный оборот — дело будущего.

²⁴ Многие протоиндийские животные (слон, зебу, тигр и др.) продолжают считаться священными.

²⁵ *Proto Indica*: 1972, II, с. 300—301.

Возможность использования протоиндийских текстов, при всей их тематической ограниченности и лаконизме, знаменует принципиально новый этап в исследовании культуры в целом и изображений и символики в частности. Повышение критерия надежности интерпретаций — безусловно существенная сторона вопроса. Но не менее важно и другое — значительное расширение диапазона изучения культуры. Осуществленный в настоящей статье краткий анализ двух (из многих) аспектов протоиндийской культуры, помимо всего прочего, имел целью продемонстрировать эти новые перспективы. Можно надеяться, что в дальнейшем исследователям удастся проникнуть в такие обычно труднопостижимые сферы жизнедеятельности древних обществ, как социально-экономический строй, экономика, идеология и некоторые другие. Безусловно, наши сведения о характере протоиндийской цивилизации значительно расширились за последнее время. Тем не менее очень многое еще остается неясным, и некоторые уже накопленные сведения следует расценивать лишь как самые первые шаги на долгом пути.

В. М. Шамиладзе

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ КЛАССИФИКАЦИИ И ТЕРМИНОЛОГИИ СКОТОВОДСТВА КАВКАЗА

Вопросы определения типов и форм скотоводческого хозяйства и уточнения соответствующей терминологии в последние годы привлекают особое внимание ученых — этнографов, историков, археологов. Это вызвано как расширением межотраслевой интеграции, разработкой комплексной тематики историко-этнографических атласов и других региональных трудов¹, так и необходимостью координированных международных исследований по наиболее актуальным этнографическим проблемам, в том числе и затронутым в настоящей статье². Исходя из этих задач, статья Г. Е. Маркова³ стимулирует общие усилия ученых в направлении дальнейшего совершенствования дефиниций скотоводства и кочевничества и соответствующей терминологии. Для нас эта статья интересна и тем, что в ней наряду с работами других авторов Г. Е. Марков критически рассматривает предложенную в нашей монографии⁴ классификацию скотоводства Грузии и Кавказа и терминологию.

Откликаясь на статью Г. Е. Маркова, мы выскажем некоторые соображения и по поводу рецензии Б. Х. Кармышевой на нашу монографию, тем более, что ее замечания касаются преимущественно также вопросов классификации и терминологии⁵.

Нам представляется, что при разработке основных понятий и терминов скотоводческого хозяйства надо быть очень осторожными в использовании таких общих категорий, как «тип», «форма», «вид» и т. п. Прежде всего необходимо уяснить соотношение таксономических уровней типа и формы хозяйства. Г. Е. Марков считает, что «в целом скотоводство можно рассматривать как форму хозяйства. Но соответственно с тем, является скотоводство основой или только одним из важнейших признаков хозяйственно-культурного типа, а также в зависимости от способов ведения хозяйства и социальной структуры того или

¹ См.: Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, с. 81—98, 152—176 и др. Основные результаты проведенных в этом направлении региональных исследований см. в работах: Русские. Историко-этнографический атлас. М.: Наука, 1967, т. 1; 1970, т. 2; Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв. Материалы к «Кавказскому историко-этнографическому атласу», в. 1. М.: Наука, 1971; Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л.: Наука, 1974; Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики. М.: Наука, 1975; Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л.: Наука, 1977; Проблемы этнической географии и картографии. М.: Наука, 1978; Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1981, и др.

² О необходимости проведения таких исследований скотоводческого хозяйства и кочевничества писали еще К. Добровольский (см.: *Dobrowolski K. Pastoral Culture of the Carpathians and the Balkans as a Subject for International Scientific Cooperation.*— *Carpathica*. Bratislava, 1960, 1, s. 48—56) и Л. Фельдеш (см. *Földes L. Vorwort.*— *Viehwirtschaft und Hirtenkultur. Ethnografische Studien.* Budapest, 1969, s. 9—14).

³ Марков Г. Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология.— Сов. этнография, 1981, № 4, с. 83—94. Далее ссылки на эту статью даются в тексте.

⁴ Шамиладзе В. М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Историко-этнографическое исследование. Тбилиси: Мецниереба, 1979.

⁵ Рецензия Б. Х. Кармышевой опубликована в настоящем номере журнала. Мы пользовались машинописным экземпляром ее, любезно предоставленным нам автором.

ного общества скотоводов», Г. Е. Марков подразделяет его на два основных типа (с. 84). И далее в рамках этих типов он выделяет виды и подвиды скотоводства.

Б. Х. Кармышева придерживается другого мнения о соотношении типа и формы скотоводства. Понятие «тип скотоводства», как утверждает она, означает таксономически более высокий уровень, чем «форма скотоводства», и уязвимость нашей классификации скотоводства Грузии и Кавказа в целом она усматривает в том, что, якобы, мы с Ю. И. Мкртумяном откалались от понятия «тип скотоводства».

Если принять во внимание, что тип может определяться или как «форма, вид чего-либо, обладающего особыми существенными качественными признаками», или как «высшая систематическая таксономическая категория»⁶, то при разработке классификации форм скотоводства и соответствующих дефиниций мы действительно должны руководствоваться более высоким, чем форма, понятием — «тип скотоводства»⁷. Сразу же заметим, что несмотря на отсутствие в нашей монографии специального суждения о типе скотоводства, это суждение постоянно присутствует в ней в виде общей характеристики кочевого и оседлого типов скотоводческого хозяйства.

О каких главных типах скотоводства можно говорить на данном этапе изученности обсуждаемой проблемы?

Г. Е. Марков выделяет два основных, принципиально различающихся между собой, типа скотоводческого хозяйства: «кочевое скотоводство», или «кочевничество» (в быту оно сохранилось в двух видах — собственно «кочевой» и «полукочевой») и так называемое «подвижное скотоводство» (с. 94). Под последним он понимает в несколько измененной форме выявленные нами на основе изучения хозяйственных комплексов Грузии и Кавказа основные виды и подвиды скотоводства⁸. По Г. Е. Маркову, «это вид „горного“ скотоводства с подвидами „отгонный“ и „внутриальпийский“; вид „трансюманс“ („трансгуманс“) с подвидами „восходящий“, „промежуточный“ и „нисходящий“; вид „кочевой“ („перегонный“) с подвидами „вертикально зональный“ и „полукочевой“ („отгонный“) и, наконец, вид „равнинного“ скотоводства с подвидами „экстенсивное шалашное хозяйство“ и „подсобное скотоводство“» (там же). Автор полагает, что в данной (т. е. нашей.— В. Ш.) классификации не хватает лишь одного широко известного в литературе вида подвижного скотоводства — «полуоседлого скотоводства», с внесением которого ее можно распространить и на другие области бытования подвижного скотоводства (там же).

Однако, наша классификация скотоводства приведена Г. Е. Марковым не совсем точно. Дело в том, что кочевничество, кочевое скотоводство на Кавказе было присуще только пришлому населению, и мы в своей монографии специально подчеркиваем это. Г. Е. Марков же, излагая нашу классификацию, вводит в комплекс подвижного скотоводства коренного населения Кавказа наравне с тремя основными видами скотоводства («горное», «перегонное» или «трансюманс», и «равнинное») четвертый — «кочевой». Иными словами, Г. Е. Марков рассматривает сохранившиеся в быту пришлого кочевого населения Кавказа комплексы кочевого скотоводства и кочевничества как формы скотоводческого хозяйства горцев Кавказа.

О кочевом скотоводстве и кочевничестве вообще на Кавказе мы скажем ниже. Здесь же отметим, что за время более чем двадцатилетней полевой работы в различных частях Кавказа, в том числе и в гор-

⁶ Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. М., 1956, т. 42, с. 448.

⁷ Если предложить Г. Е. Марковому дефиницию «скотоводство... форма хозяйства» заменить дефиницией «скотоводство..., отрасль хозяйства», представляющей нам более подходящей в данном случае, то понятие «тип скотоводства», видимо, определялось бы обоими авторами примерно на одинаковом таксономическом уровне.

⁸ Разработанная нами классификация сведена Б. Х. Кармышевой в таблицу (см. с. 167 настоящего номера журнала).

ной Грузии, нам не удалось зафиксировать у коренных жителей ничего подобного кочеванию и кочевому скотоводству. Правда, некоторые из выявленных у них комплексов (горное скотоводство и трансюманс) в прошлом отдельными исследователями (не нами, вопреки утверждению Г. Е. Маркова) действительно назывались примитивным кочевым скотоводством, но это должным образом оценивается в нашей работе⁹.

Б. Х. Кармышева находит нашу систематизацию хозяйственно-культурных комплексов Грузии и Кавказа, а также характеристику их структуры, в основном удачными. Однако критерии, взятые нами для разграничения форм скотоводства, вызывают у нее возражения. Она полагает, что в классификацию надо было ввести понятие «тип скотоводства» и выделить в качестве основных типов «оседлый», «кочевой» и «комплексный» с подтипами «полукочевой» и «полуоседлый». В таком случае Б. Х. Кармышева под термином «оседлое скотоводство» объединяет «горный», «равнинный» и «перегонный» подтипы.

Какие критерии предлагаются Г. Е. Марковым и Б. Х. Кармышевой при выделении «типа скотоводства» и как определяются ими указанные выше типы кочевого и подвижного (Г. Е. Марков) скотоводства?

Г. Е. Марков отмечает, что хозяйственную основу кочевничества образует экстенсивное пастбищное скотоводство, при котором разведение скота представляет главный вид занятий населения и доставляет основную часть средств существования (с. 84). При этом он с самого начала указывает, что понятие «кочевое скотоводство» предполагает не только хозяйственную, но и социальную характеристику общества (там же).

Мы в целом согласны с данным определением кочевого скотоводства, но дальнейшее перенесение в этой дефиниции главного акцента на специфические комплексы социально-экономических отношений, племенной общественной организации и политической структуры (с. 86) нам кажется нецелесообразным. Возникновение кочевничества несомненно было обусловлено в первую очередь необходимостью перехода к экстенсивным формам хозяйства, и это неоднократно подчеркивается Г. Е. Марковым. В процессе реализации этой хозяйственной необходимости сложились определенные социально-экономические отношения, а также надстроечные категории — соответствующие общественные и политические институты. Но эти отношения и институты, на наш взгляд, никак нельзя рассматривать в качестве основных факторов, определяющих сущность кочевничества.

Признание за такими институтами главной роли при характеристике кочевого скотоводства повлекло за собой и другие неточности в статье Г. Е. Маркова. Видимо, именно вследствие такого подхода к кочевничеству он вообще отрицает наличие в какой-либо форме кочевого скотоводства на Кавказе. Г. Е. Марков прав, что данная в нашей монографии весьма общая дефиниция кочевничества недостаточна, но у нас есть принципиальные возражения по поводу утверждения, будто бы описанные нами комплексы кочевого скотоводства надо рассматривать как разновидности горного кочевничества или же трансюманс и т. д. Из работ исследователей кавказского горного скотоводства вовсе не следует, как утверждает Г. Е. Марков, что «группы скотоводов, называемые „кочевниками“, не представляют собой самостоятельных этносоциальных организмов, этнических общностей, не образуют самостоятельных общественных и политических структур, а органически входят в общества земледельцев, хотя хозяйственно, вследствие условий разделения труда, несколько от них обособлены» (с. 93).

Необходимо подчеркнуть, что в нашей монографии мы касаемся не только сохранившихся в этнографической действительности комплексов кочевого скотоводства, но и исторических путей возникновения и развития кочевничества на Кавказе вообще, начиная с I тыс. до н. э. вплоть до позднефеодальной эпохи¹⁰. Нам кажется излишним говорить здесь о

⁹ Шамиладзе В. М. Указ. раб., с. 54—55.

¹⁰ Там же, с. 297—310.

бесконечных вторжениях многочисленных кочевых орд и об их закреплении на Кавказе в виде самостоятельных этносоциальных организмов, этнических общностей и политических единиц на протяжении длительных исторических эпох. Например, частично осевшие здесь в средневековые кочевые племена татаро-монголов и туркмен сохранили характерную для кочевников степей социальную и общественно-политическую организацию¹¹.

Трудно сказать, какие именно работы кавказоведов имеет в виду Т. Е. Марков, но утверждаем, что почти все исследователи кавказского скотоводства второй половины XIX — начала XX в.¹² подчеркивали характерные особенности племенной социальной и общественной организации местных кочевников, обусловленные их кочевым бытом и коренным образом отличавшие эту организацию от соответствующих институтов коренного населения. Правда, некоторые племена и племенные объединения кочевников Закавказья, в частности Грузии, первоначально входили в административную систему этой феодальной монархии, затем царской России, но их зависимость от властей и в первом, и во втором случаях носила весьма номинальный характер. Государственный административный аппарат и Грузии и царской России был вынужден в многочисленных проектах текущего законодательства учитывать черты хозяйственно-экономической, социальной и общественной организации кочевников¹³. Большинство этих проектов так и не было осуществлено именно из-за экстенсивного характера хозяйства кочевников¹⁴. И, наконец, несмотря на то, что в конце XIX в. кочевничество на Кавказе было представлено в сильно трансформированном виде, и кочевники проявляли явную тенденцию к оседанию, они нигде органически не входили в общества земледельцев, не сливались с оседлым коренным населением, сохраняя всегда полукочевые формы быта. Нами приводятся достаточно убедительные материалы о наличии острых противоречий между кочевыми и полукочевыми скотоводами и оседлым коренным населением, свидетельствующие о несовместимости их форм хозяйства в условиях Закавказья¹⁵.

Таким образом, как в историческом прошлом, так и в этнографически доступном нам периоде на Кавказе, в частности, в Закавказье, лицо сформировавшиеся и отчетливо выраженные формы кочевого скотоводства, хотя определенно трансформированные, но все же со специфическими признаками, характерными для классических форм кочевничества.

Отрицая взятые нами критерии классификации форм скотоводства Грузии и Кавказа, Б. Х. Кармышева в качестве основного критерия при выделении типа скотоводства выдвигает образ жизни. Из новейшей литературы она указывает на работы Н. Н. и И. А. Чебоксаровых,

¹¹ Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949, с. 32—66 и сл.; Джавахишвили И. А. История грузинского народа. Тбилиси: Сабхота Сакартвело, 1966, т. III, с. 324—340 (на груз. яз.); Бердзенишвили Н. А. Вопросы истории Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1973, т. VI, с. 100—107 (на груз. яз.).

¹² Калантар А. А. Задачи и способы исследований скотоводства. — Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. Тифлис, 1887, т. I; *его же*. Состояние скотоводства на Кавказе. — Там же. Тифлис, 1890, т. II; Вермишев Х. А. О скотоводстве на Кавказе в связи с пастбищным вопросом. — Там же. т. I; Андронников И. З. Скотоводство в Закавказском крае. — Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис, 1888, т. V, ч. 1; Варавин П. С. Летние и зимние пастбища Закавказского края. — Там же, т. V, ч. 2; Бахтадзе И. Л. Кочевники Закавказского края. — Там же, Тифлис, 1888, т. III, ч. 2, и др.

¹³ Варавин П. С. Указ. раб., с. 92—94; Жордания Ф. Д. Хроники и другие материалы по истории Грузии. Тифлис, 1897, т. I, с. 469—470 (на груз. яз.); Памятники грузинского права. 1. Распорядок царского двора. 2. Дастурламали/Под ред. Сургуладзе И. И. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1970, с. 553—578 (на груз. яз.).

¹⁴ Гугушвили П. В. Экономическое развитие Грузии и Закавказья в XIX—XX вв. Тбилиси: Сахелгами, 1959, т. III, с. 475.

¹⁵ Шамиладзе В. М. Указ. раб., с. 203, 308—311.

Б. В. Андрианова и Я. В. Чеснова¹⁶, согласно которым ведущая форма хозяйственной деятельности в конкретных географических условиях в значительной степени определяла важнейшие параметры образа жизни. Опираясь на данные указанных авторов, Б. Х. Кармышева, как уже отмечалось, предлагает нам три типа скотоводства: «оседлый», «кочевой» и «комплексный» с подтипами «полуоседлый» и «полукочевой». Но при таком делении указанные типы скотоводства фактически сводятся к двум основным — кочевому и оседлому. Как справедливо отмечает Г. Е. Марков, между кочевым и полукочевым скотоводством (соответственно, и между оседлым и полуоседлым) «принципиальных различий нет», так как на их основе складываются одинаковые социально-экономические отношения, социальные и племенные структуры (с. 85). В таком случае в данной классификации мы будем иметь два главных традиционных известных типа скотоводческой культуры — «оседлое» и «кочевое» скотоводство с «полуоседлым» и «полукочевым» подтипами. Итак, поскольку и у Б. Х. Кармышевой, и у Г. Е. Маркова в качестве критериев типологизации скотоводства выступают основные параметры образа жизни, можно считать, что классификация форм хозяйства проводится ими на одинаковом таксономическом уровне.

Принципиальных возражений против правомерности этой классификации у нас нет. Но пригодны ли такие общие и универсальные критерии для выделения и определения форм скотоводства, сложившихся в специфических экологических и культурно-исторических условиях? Думается, что нет. Выделение конкретных форм (видов, по Г. Е. Маркову) того или иного типа скотоводства, как мы уже отмечали, должно быть обусловлено характером общественного производства в рамках этой формы хозяйства, объединяющего в своем комплексе специфические средства производства (виды и породы скота, пастбища, покосы и т. д.) и те формы и институты (различные социальные объединения скотоводов, индивидуальные и коллективные формы организации труда и т. д.), которые складываются в процессе организационно-экономического ведения этой отрасли хозяйства в конкретной экологической среде¹⁷. В отличие от предложенного нам критерия «образ жизни», выделение и анализ форм хозяйства с учетом особенностей общественного производства позволяет определить не только статичные черты той или иной формы скотоводства, но и раскрыть сущность исторических процессов становления данной отрасли хозяйства на различных этапах ее развития.

Непригодность критерия «образ жизни» для классификации конкретных форм скотоводства проявляется, например, при определении оседлого типа скотоводства и некоторых его форм. Так, при горном отгонном скотоводстве образ жизни населения оседлый, тогда как скотоводство имеет относительно подвижный характер. Этот дефинирующий признак более отчетливо прослеживается на примере трансюманс, когда при оседлом образе жизни населения круглогодично функционирует подвижное скотоводство. В обоих этих случаях главными критериями для разграничения форм скотоводства выступают основные средства производства и возникшие на их основе социально-экономические и общественные отношения, которые не всегда и не целиком определяют образ жизни населения. Б. Х. Кармышева утверждает, что при выделении форм скотоводства Грузии мы не исходим из одних и тех же посылок, и поэтому в нашей классификации не все формы скотоводства

¹⁶ Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблема их картографирования. — Сов. этнография, 1972, № 2; Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А., Чеснов Я. В. Введение. Основные принципы типологизации. — В кн.: Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М.: Наука, 1979.

¹⁷ О ведущем, определяющем значении способа производства пишут также Б. В. Андрианов и Н. Н. Чебоксаров: «Зависимость хозяйственно-культурных типов от экологических условий была всегда и всюду опосредствована способом производства и уровнем социально-экономического развития каждого народа». См.: Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Указ. раб., с. 9.

могут быть поставлены в один ряд. В одних случаях, по ее мнению, у нас критерием выступает географический признак, в частности, зональность (равнинная и горная формы), в других — способ выпаса и содержания скота (перегонная форма), в третьих — образ жизни (кочевая форма) и т. д.

Здесь, по-видимому, мы имеем дело с явным недоразумением. Никогда только географическая зональность или только способ выпаса, либо общие параметры образа жизни, не были для нас единственным критерием при классификации форм скотоводства. Мы специально подчеркнули, что «общие закономерности возникновения и становления различных форм хозяйства определены также способом производства»¹⁸. Отведение же в комплексе способа производства одной из основных ролей зональности как хозяйственно-географическому фактору, не означает, что зональность мы считаем ведущим, тем более решающим критерием.

Что касается терминологии, то из названий указанных выше типов и подтипов скотоводства термины «кочевой» и «полукочевой» не вызывают у нас возражений. Термины же «оседлое», «полуоседлое» и «подвижное» скотоводство требуют некоторого уточнения. До недавнего времени в специальной литературе понятиям «кочевое» и «полукочевое» противопоставлялись понятия «оседлое» и «полуоседлое» скотоводство. Под последним традиционно подразумевалось такое хозяйство оседлого населения, в котором исключались сезонное перемещение и миграции населения, хотя скотоводство носило более или менее подвижный характер, а иногда даже круглый год было оторвано от постоянных оседлых поселений. Возможно, исходя из этих специфических особенностей, Г. Е. Марков называет этот тип скотоводства термином — «подвижное скотоводство», который употреблялся им и ранее¹⁹.

Какой же конкретно тип скотоводства подразумевает Г. Е. Марков под этим термином? К сожалению, в его статье не дается общая дефиниция этого типа скотоводства. Отмечено только, что в отличие от «кочевого скотоводства», или «кочевничества», мы имеем налицо другой тип скотоводства, при котором скотоводческое хозяйство составляет лишь одну из более или менее важных отраслей хозяйства, и его можно назвать предложенным ранее термином «подвижное скотоводство» (с. 84). Кстати, ранее этим термином Г. Е. Марков обозначал скорее не типологическое, а стадийное явление. В частности, он употреблял термин «подвижное скотоводство» в связи с «ранними кочевниками», т. е. для начальных этапов возникновения и генезиса кочевничества. «Представляется необходимым и возможным, — писал Г. Е. Марков, — выделение среди „ранних кочевников“ собственно кочевников, очень напоминающих позднейших развитых кочевников и „подвижных скотоводов“, т. е. „временных“ кочевников, сохранявших в быту и культуре традиции полуоседлого и оседлого быта»²⁰.

Однако в этнографической действительности Кавказа такое явление вообще не отмечается. Кавказ не был очагом кочевничества и тем более ареной деятельности «ранних кочевников». В местном археологическом материале не выявлено так называемого «цепного процесса»²¹, культурные слои дают свидетельства об оседлом образе жизни и соответствующих формах хозяйства, в том числе и скотоводстве. Поэтому понятие «подвижное скотоводство» находится в известном противоречии со скотоводческим хозяйством Грузии и Кавказа, оно совершенно не соответствует таким формам скотоводства, как оседлое, так называемое «стационарное», а также равнинное «подсобное», горное «внутриальпийское» и т. д., при которых исключается большая или меньшая подвижность скотоводческого хозяйства. Исходя из этих со-

¹⁸ Шамиладзе В. М. Указ. раб., с. 58—59.

¹⁹ Марков Г. Е. Кочевники Азии. М.: Наука, 1976, с. 280—281.

²⁰ Там же, с. 281.

²¹ Там же, с. 279—280.

ображений для обозначения второго, принципиально отличного от кочевничества типа скотоводства, нам кажется, целесообразнее оставить в силе традиционный термин — тип «оседлое скотоводство» с подтипом «полуоседлое скотоводство».

Необходимо унифицировать также названия ряда конкретных форм скотоводства. Б. Х. Кармышева, в отличие от Г. Е. Маркова, выступает против таких введенных нами терминов, как «горное скотоводство», «равнинное скотоводство» и т. д., считая, что ими подчеркивается зональная сущность этих форм скотоводства. Здесь, конечно, нельзя согласиться с Б. Х. Кармышевой. Как известно, тот или иной термин часто носит условный характер и может не отражать главный аспект явления. В данном случае термины «горное», «альпийское», «равнинное» и т. д., не являясь сугубо условными, только частично отражают один из основных критериев соответствующих форм скотоводства — зональность. Кроме того, при выборе тех или иных терминов, в частности, терминов «горное», «альпийское», «равнинное», «трансюманс» и др., мы учитываем степень их практического использования и распространения в общей и специальной литературе, тем более, что при условии широкой международной координации и интеграции различных научных дисциплин нет смысла в чрезмерной разобщенности и дробности терминологии скотоводства. Нам представляется, что нет принципиального различия между употребленным нами термином «подсобное скотоводство» и предлагаемым Б. Х. Кармышевой термином «придомное скотоводство». Вряд ли целесообразно заменять термин «экстенсивно-шалашное хозяйство» названием «стойлово-выгонно-отгонное скотоводство». По-видимому, нет основания и для возвращения к изжитому еще в дореволюционной литературе термину «яйлажное скотоводство», тем более, что он по смыслу является прямым синонимом термина «горное»//«альпийское» скотоводство²².

Итак, в статье Г. Е. Маркова, а также в рецензии Б. Х. Кармышевой освещены важные вопросы дефиниций и терминологии скотоводческого хозяйства — его основных типов, форм, видов и подвидов. Можно не сомневаться, что по обсуждаемой проблеме будет еще высказано немало интересных соображений. Несмотря на недостаточную изученность ряда вопросов, достигнутые результаты уже позволяют ввести в широкий научный оборот некоторые главнейшие понятия и термины скотоводства и кочевничества.

²² Шамиладзе В. М. К термину «горное скотоводство». — В кн.: Вопросы быта и культуры населения Аджарии. Тбилиси: Мецниереба, 1967, с. 84—85 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

Э. Л. Нитобург

НАСЕЛЕНИЕ ГРЕНАДЫ

Государство Гренада расположено на острове того же названия и прилегающих к нему островах Южные Гренадины в архипелаге Малых Антильских островов, примерно в 135 км к северу от о. Тринидад. По территории это самое маленькое из независимых государств Карибского бассейна — 344 км².

Остров Гренада (308 км²) — вулканического происхождения; большая часть его территории гориста и расположена на высоте более 160—170 м над ур. м. Климат тропический, пассатный, с дождливым сезоном с мая по октябрь. Среднемесячные температуры — 25—28° тепла. Осадков выпадает более 1500 мм/год, поэтому, хотя рек здесь мало, но источников и ручьев множество, остров хорошо обеспечен пресной водой. Вулканические почвы исключительно плодородны, и первое, что привлекает взор путешественника, когда самолет летит над Гренадой, — необычайной яркости зелень, покрывающая склоны гор. Это влажнотропические леса с ценными породами деревьев и плантации деревьев какао, мускатного ореха, бананов.

Южные Гренадины включают несколько десятков островов и островков, крупнейшие из которых — Карриаку (29 км²), Малая Мартиника (2,4 км²), Ронд — заселены. В отличие от Гренады о. Карриаку низменный — даже самые высокие точки пересекающей его холмистой гряды нигде не достигают 300 м над ур. м. Климат тут засушливый, рек и ручьев нет, дождливый сезон короче, осадков выпадает втрое меньше, чем на Гренаде. Растительность здесь более скудная, значительная часть земли используется под пастбища для скота.

Колумб, открывший Гренаду в 1498 г., дал острову название Консепсьон, однако еще целых полтора века после этого он оставался заселенным индейцами-карибами. Только в 1650 г. островом овладели французы, начавшие ввозить туда рабов-африканцев, трудом которых выращивались сначала индиго и сахарный тростник, а с 1714 г. кофе, какао, хлопчатник. По Парижскому миру 1763 г. остров стал британским, получив новое название Гренада. К этому времени население колонии превышало 26 тыс. чел. (в том числе 24,6 тыс. рабов)¹. В результате более чем векового процесса его физического смешения и появления мулатов возникла, как и в других колониях этого региона, прямая зависимость между расовым происхождением и социальным статусом человека. При этом сложилась определенная классификация степеней примеси «черной» крови. Отпрыск негритянки и мулата назывался здесь (в отличие от ряда стран испанской Америки) самбо, самбо и негритянки — мустефино, мустефино и негритянки обычно именовались также мустефино или негром. Все эти степени межрасового смешения составляли спектр «цветного» или «коричневого» населения, которое в силу существовавших социальных условий и само было заинтересовано в такой классификации. При этом, если коричневые рабы со

¹ Race and Class in Post-Colonial Society. Paris, UNESCO, 1977, p. 88; Smith M. G. Stratification in Grenada. Berkeley and Los Angeles, 1965, p. 9; *idem*. The Plural Society in the British West Indies. Berkeley and Los Angeles, 1965, p. 266; Sherlock P. West Indian Nations. Kingston, 1973, p. 128; Burns A. History of the British West Indies, London, 1954, p. 534.

временем стали претендовать на особое отношение хозяев к ним как имеющим примесь «белой» крови и заслуживающим поэтому более легкой работы, лучшей пищи, одежды, жилья, то свободные цветные добивались одинакового с белыми обращения и равных гражданских прав, ссылаясь на свой культурный уровень, материальное положение и образ жизни².

Параллельно с процессом физического смешения шел процесс культурного взаимовлияния первоначальных компонентов населения колонии — европейского и африканского. А поскольку черные рабы — потомки африканцев, привезенных в цепях из разных районов Африки и говоривших на разных языках, оказались лишенными этнической идентификации, они были вынуждены адаптироваться к культуре господствующего европейского меньшинства. Но и последняя на местной почве не могла не испытывать влияния африканского большинства населения. Взаимовлияние и модификация этих культурных «потоков» были главной чертой культурного процесса, получившего применительно к Вест-Индии название «креолизации». Черные и цветные уроженцы Антильских островов стали (в отличие от населения испанских колоний на континенте) называться креолами.

На Гренаде этот процесс более 100 лет происходил на французской основе: белое население говорило на французском, черное и цветное — на его местном диалекте — французском креоле, или патуа, утвердился французские моды и многие обычаи, католическая церковь.

К 1808 г., когда ввоз новых рабов в британские владения был запрещен, на Гренаде проживало 29 тыс. чел., в том числе 2 тыс. белых, 1,6 тыс. цветных и 25 тыс. черных рабов³. Отмена в 1834—1838 гг. рабства в британских колониях привела к важным экономическим и социальным последствиям. Обретя свободу, но не получив земли, бывшие рабы стали покидать поместья плантаторов. Это обстоятельство наряду с усиливавшейся конкуренцией свекловичного сахара вынудило многих плантаторов-англичан на Гренаде и Карриаку распродать свои поместья. Часть бывших рабов воспользовалась этим, чтобы приобрести либо арендовать там небольшие участки, а часть ушла во внутренние районы острова и, расчистив лес, самовольно селилась на пустовавших землях⁴.

Делались попытки заменить рабов законтрактованными иностранными рабочими: в 1839 г. на Гренаду привезли с этой целью 162 мальтийца, в 1846—1847 гг. с о. Мадейры — 438 португальцев, в 1849—1850 гг. — 1055 африканцев, снятых британскими патрульными крейсерами в Атлантике с кораблей работорговцев, а в период с 1857 по 1863 г. — около 2,5 тыс. законтрактованных рабочих из Индии. Однако в конечном счете все эти попытки окончились неудачей. В результате плантаторы вынуждены были заменять посадки сахарного тростника посадками деревьев какао и мускатника. К 80-м годам XIX в. переход от сахара к какао и мускатному ореху в качестве главных товарных культур в основном завершился⁵.

В социальном плане это привело к образованию в колонии класса темнокожего крестьянства, состоявшего из мелких собственников и арендаторов. В то же время многие плантаторы-англичане распродали свои поместья и покинули остров, а новыми владельцами этих поместий нередко становились их бывшие управляющие или надсмотрщики, как белые (и в том числе португальцы), так и светлокожие мулаты. В XX в. новый плантаторский класс включал уже не только белых, но и светлокожих мулатов. Позже в его состав вошли также несколько индийских

² Smith M. G. Stratification in Grenada, p. 158.

³ Smith M. G. The Plural Society..., p. 267.

⁴ Ibid., p. 268; Burns A. Op. cit., p. 659.

⁵ Smith M. G. The Plural Society..., p. 269; *idem*. Stratification..., p. 11; Gitten Knight E. The Grenada Handbook. Barbados, 1946, p. 41—42; Sherlock P. Op. cit., p. 252; Race and Class..., p. 90.

даже негритянских семей⁶. На Карриаку плантаторов в XX в. не было.

Кроме того, на плантациях работали сельскохозяйственные рабочие. В городах появились ремесленные мастерские и предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья.

В период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. и в последующие годы плантационное хозяйство Гренады, как и всей Британской Вест-Индии, переживало тяжелое время. Условия аренды земли резко ухудшились, безработица и обнищание сельских и городских масс усиливались, росло их недовольство. Заметно возросло, особенно в годы второй мировой войны, политическое сознание народа, возникали первые профсоюзы⁷.

По данным первой послевоенной переписи, 60% бывшей в частном владении на Гренаде земли приходилось в 1946 г. на долю всего 116 крупных собственников. В то же время у 86,4% собственников было ок. 9 тыс. участков размером менее 2 га каждый⁸. Пережитки докапиталистических производственных отношений мешали развитию внутреннего рынка, а фактическая монополия на ввоз промышленных изделий из метрополии препятствовала развитию местной промышленности. При населении в 72,4 тыс. чел. класс обуржуазившихся плантаторов, коммерсантов и других представителей местной средней буржуазии не превышал 700 чел., тогда как рабочая сила составляла 27,6 тыс. чел. Однако полностью заняты наемным трудом были 13,4 тыс., в том числе: на нескольких фабриках и в мастерских — 3980, в строительстве — 3348, сфере услуг — 3338, торговле и финансах — 2284, на транспорте и предприятиях связи — 641, в колониальной администрации — 486 чел. «Специалистов и лиц свободных профессий» насчитывалось 897. В сельском и лесном хозяйстве и рыболовстве было занято более 13 тыс. крестьян-собственников, арендаторов, домашних работников, сельскохозяйственных рабочих и рыбаков⁹.

Замедленное развитие капиталистических отношений тормозило этнорасовую консолидацию населения. Перепись 1946 г. все еще делила население на белых — 630 чел. (0,9% населения), индийцев — 3,5 тыс. (4,8%), цветных, т. е. мулатов, — 15 тыс. (20,9%) и черных — 52,8 тыс. чел. (73,4%)¹⁰.

В послевоенные годы на Гренаде, как, впрочем, и по всей Вест-Индии, наблюдался рост сельского и особенно городского пролетариата, росли демократические настроения. Уже в 1950 г. здесь был основан новый, более массовый профсоюз — Союз работников физического и умственного труда — во главе с темнокожим рабочим-активистом Эриком Мэтью Гейри, возглавившим вскоре и руководство первой в колонии политической организации — Объединенной лейбористской партии — ОЛП, социальную базу которой составляли рабочие, ремесленники, фермеры, служащие, мелкая городская буржуазия. В феврале-марте 1951 г. на Гренаде впервые в ее истории вспыхнула всеобщая стачка, сопровождавшаяся массовыми волнениями населения и кончившаяся победой трудящихся. Это в огромной мере увеличило авторитет Э. Гейри и ОЛП¹¹.

В такой обстановке Англия вынуждена была ввести в колонии всеобщее избирательное право. На выборах в октябре 1951 г. за кандидатов ОЛП во главе с Гейри проголосовало 68% избирателей. С этого времени, опираясь на поддержку «своего» профсоюза и обещая улуч-

⁶ Smith M. G. *Stratification...*, p. 212; *idem*. *The Plural Society...*, p. 291; *idem*. *Kinship and Community in Carriacou*. New Haven, 1962, p. 34.

⁷ Smith M. G. *The Plural Society...*, p. 279, 282.

⁸ West Indian Census. 1946. По: Smith M. G. *Stratification...*, p. 14; Jacobs W. R. and Jacobs J. *Grenada: the Route to Revolution*. La Habana, 1980, p. 43, 143.

⁹ Colonial Report. Grenada 1950 and 1951. London, 1953, p. 6.

¹⁰ Smith M. G. *Stratification...*, p. 14; *Race and Class*, p. 95.

¹¹ Smith M. G. *The Plural Society...*, p. 283—285; Jacobs W. R. and Jacobs J. *Op. cit.*, p. 56—59.

шить положение трудящихся, а также добиться для Гренады полной автономии, ОЛП побеждала на выборах в 1954, 1961, 1967 и 1972 гг.¹² В 1958—1962 гг. Гренада входила в состав Вест-Индской федерации, а в 1967 г. получила статус «ассоциированного с Великобританией государства». Первым главой правительства стал Э. Гейри. Вначале его политика носила национал-реформистский характер. Но постепенно, подчинив себе аппарат местной администрации и ОЛП, Гейри и его окружение взяли курс на сотрудничество с британским империализмом и уступки иностранному капиталу¹³.

В стране нарастало недовольство, и в начале 70-х годов возникли левые организации: «Объединенный поход за благосостояние, образование и освобождение», или ДЖУЭЛ, и «Движение за народные ассамблеи», слившиеся в 1973 г. в партию «Новое движение ДЖУЭЛ» во главе с молодым адвокатом Морисом Бишопом. Эта партия возглавила народные выступления, которые привели в начале 1974 г. к всеобщей политической забастовке. Опасаясь худшего и надеясь с помощью Гейри обеспечить свои интересы в бывшей колонии, Лондон поспешил предоставить ей независимость¹⁴.

7 февраля 1974 г. над резиденцией премьер-министра взвился флаг независимой Гренады. Однако обретенная после более чем трех веков колониального угнетения независимость не принесла существенных перемен трудящимся массам. Страна по-прежнему оставалась аграрным придатком империализма. Правительство Гейри, сотрудничавшее с американскими и британскими монополиями, стало на путь репрессий против демократических сил. Было принято антирабочее законодательство, самым беззастенчивым образом попирались гражданские права населения, росли безработица, инфляция, дороговизна. Все это привело в конечном счете к народному восстанию. Пришедшее к власти 13 марта 1979 г. Народное революционное правительство во главе с М. Бишопом ликвидировало репрессивный аппарат диктатуры и провозгласило программу широких демократических преобразований¹⁵.

В послевоенные десятилетия население Гренады росло довольно медленно, хотя естественный прирост его в среднем превышал 20‰ в год (в 1975 г. — 21,5 при рождаемости 27,4 и смертности 5,9‰). Это было связано с постоянной эмиграцией. Она и раньше была характерна для Гренады и особенно Карриаку, где по этой причине женское население уже с середины XIX в. значительно превышало мужское. По данным переписи 1960 г. в стране проживало 88 677 чел., в том числе 40 660 мужчин и 48 017 женщин¹⁶. В 60—70-х годах углубление социально-экономических противоречий и неуклонный рост безработицы обусловили массовую эмиграцию гренадцев, и прежде всего мужской молодежи. В настоящее время, по некоторым данным, только в Венесуэле и на Тринидаде проживает столько же гренадцев, что и на родине. Несколько десятков тысяч их живут в Англии, США и Канаде¹⁷.

По имеющимся оценкам, население Гренады составляло: в 1953 г. — 83 тыс., 1968 г. — 103 тыс., 1974 г. — 100 тыс., 1978 г. — 105 тыс., в настоящее время — 110 (по другим данным 115) тыс. чел. Из них более 6 тыс. живут на о. Карриаку, 600—700 — на Малой Мартинике и около 100 чел. — на о. Ронд. По средней плотности населения — 319 чел./км² страна занимает второе место в англоязычной Вест-Индии, уступая только Барбадосу.

Но в отличие от последнего Гренада всегда была слабо урбанизирована. В 1952 г. в городах здесь проживало всего 15 тыс. чел. Лишь в

¹² Ibid., p. 154—155.

¹³ Проблемы мира и социализма, 1980, № 9, с. 84.

¹⁴ Jacobs W. R. and Jacobs I. Op. cit., p. 67, 75—79, 94, 103.

¹⁵ Ibid., p. 113—117, 124—128.

¹⁶ Smith M. G. Kinship..., p. 19—20, 34; West Indies and Caribbean Yearbook, 1974. Croydon, 1974, p. 411.

¹⁷ Проблемы современных международных миграций населения и рабочей силы в Западном полушарии. М.: Наука, 1981, с. 55—56; Newsweek, 24.III.1980.

последнюю четверть века в связи с общицианием сельского населения прирост его в города, особенно в столицу — г. Сент-Джорджес, резко увеличился, и сейчас не менее трети гренадцев — горожане. Население Сент-Джорджеса за это время выросло в 5 раз и достигло 32 тыс. чел. Как порт, административный, торговый и культурный центр он занимает доминирующее положение на острове. Почти все остальные города также расположены на побережье, у небольших бухт, и население каждого из них не превышает нескольких тысяч человек. Крестьяне живут небольшими общинами или на отдельных фермах. Сельское жилище обычно представляет собой небольшой дощатый дом, нередко с верандой. Иногда он приподнят над землей на сваях¹⁸.

По данным переписи 1960 г., 52,7% населения (21,2 тыс. мужчин и 25,5 тыс. женщин) составляли негры, 42,2% (17,2 тыс. мужчин и 20,2 тыс. женщин) — мулаты, 4,2% (3767 чел.) — индийцы, 0,8% (699 чел.) — белые, 0,15% (128 чел.) — прочие, в том числе 9 индейцев-карибов, 2 — китайца, выходцы из Сирии, Ливана, Палестины и т. д.¹⁹ Сокращение доли негритянского населения по сравнению с 1946 г. с 73,4 до 52,7% и повышение доли мулатов с 20,9 до 42,2% едва ли можно объяснить эмиграцией, тем более что эмигрировали и мулаты. Скорее всего это было вызвано изменением оценок расового фенотипа переписчиками и самоощенком переписываемыми.

В число белых входили как англичане, так и потомки французских колонистов²⁰, а также ввезенных в середине XIX в. португальцев, ассимилировавшихся с британскими иммигрантами, посылавших своих детей в английские школы и воспринявших «британские культурные ценности». Именно белые составляли костяк класса крупных землевладельцев. Часть белых были специалистами (врачи, адвокаты, учителя, священники, инженеры и т. д.), чиновниками колониальной администрации и т. д. Однако более половины всех белых относились к так называемым белым беднякам — потомкам высланных из Англии на Барбадос в конце XVII и XVIII вв. по религиозным и политическим мотивам англичан и шотландцев. Позже часть их переехала на Гренаду и Южные Гренадины. На Южных Гренадинах потомки шотландцев и французов, смешавшись с потомками черных рабов, положили начало светлокожим коричневым островитянам, отличающимся от остального здешнего негритянского и мулатского населения как своим фенотипом (среди них, в частности, немало блондинов), так и родом занятий. На Карриаку большинство их живет в общине Уиндворд, расположенной на северо-востоке, напротив о. Малая Мартиника. На обоих островах они заняты главным образом постройкой шлюпов и шхун, морскими перевозками, плавают в качестве матросов; промышляют контрабандой; тогда как остальные местные жители в основном рыбаки и крестьяне (причем значительную часть сельскохозяйственных работ выполняют здесь женщины)²¹.

В отличие от Южных Гренадин на Гренаде белые бедняки всегда жили в замкнутой общине Маунт Мориз, в горах недалеко от Сент-Джорджеса. Браки, заключавшиеся в течение ряда поколений между родственниками, низкий уровень жизни и тропический климат, быстро изнашивающий европейцев, постоянно работающих на солнце, сказались на их внешнем облике: они часто беззубы, морщинисты, рано старятся. Не только белые, но и цветные презирали их за то, что образ жизни у них был почти такой же, как у крестьян-негров, и называли «никудышние Джонни» (backra Johnnies). Только в 60-х годах они начали по-

¹⁸ West R. C. and Augelli J. Middle America. Its Lands and Peoples. Englewood Cliffs, 1966, p. 207.

¹⁹ Grenada Population Census 1960. Tables 5-1, 5-2. По: Race and Class..., p. 943; West Indies and Caribbean Yearbook, 1974, p. 411.

²⁰ Например, семья Де Голь в 1972 г. владела четырьмя поместьями.

²¹ Шёген Б. К забытым островам. М.: Мысль, 1972, с. 98, 101, 106, 159; Smith M. G. Stratification..., p. 203, 213; *idem*. Kinship..., p. 15, 17.

немного покидать свою изолированную общину, уходить в города смешиваться с остальным населением²².

Что касается индийцев, то большинство их в отличие от португальцев до сих пор заняты в сельском хозяйстве, часть — в торговле, а некоторые (особенно смешанного происхождения) стали «специалистами» и даже крупными землевладельцами²³.

Расово-смешанная, или цветная, группа населения охватывала весьма широкий «цветовой» и классовый спектр. Небольшое число светлокожих мулатов входило в землевладельческую верхушку, остальные — в состав местной средней и мелкой буржуазии, интеллигенции, конторских служащих, ремесленников, сельских учителей, мелких торговцев. При этом все авторы отмечали прямую связь между темной пигментацией кожи и принадлежностью к крестьянству или городским низам²⁴.

На Гренаде, писал в 1952 г. экономист С. Роттенберг, «классовый статус отчасти является функцией расы». И далее: «Классовая стратификация общества на Гренаде соблюдается жестче, чем в экономически развитых странах, и возможности перехода в другой класс более ограничены. Существует мало путей, позволяющих подняться из низшего класса..., твердо установлена система отношений между классами, которая определяет надлежащее поведение людей в соответствии с их классовым статусом. Обычай оказывает огромное влияние, и попытка внести какие-либо изменения в эти отношения либо вообще отвергается, либо воспринимается весьма неохотно...»²⁵.

Более поздние данные о соотношении расовых и этнических компонентов в населении Гренады в основном не отличаются от приведенных в переписи 1960 г. Однако важные социально-экономические и политические перемены, происходившие там за последние десятилетия, не могли не оказать своего влияния на дальнейшее развитие этносоциальных, этнокультурных, этнопсихологических процессов, изменений в этнорасовом сознании и общественной идеологии. Еще в первой половине XX в., по мере развития в колонии капиталистических отношений и соответствующей классовой структуры общества, цветная группа населения постепенно продвигалась вверх по социальной лестнице. Все больше мест, ранее доступных только белым, занимали цветные.

Но в сознании людей социальная стратификация по-прежнему еще продолжала связываться с иерархией по цвету кожи, в которой верхнее место всегда отводилось белому. Правда, само определение «цвета» применительно к мулатам постепенно потеряло свое прямое значение и ставилось теперь в зависимость от таких дополнительных показателей, как фенотип, стиль жизни, образование, состояние. Высокий образовательный уровень или богатство повышали социальный статус человека, компенсировали «плохие» внешние расовые признаки, делали его как бы более светлым. Так и говорилось: «деньги освещают их владельца».

В годы второй мировой войны и в послевоенный период наряду с цветной буржуазией появились и укрепляли свои позиции черная мелкая буржуазия и интеллигенция. Распад колониальной системы империализма, победа антиимпериалистической революции на Кубе, появление десятков независимых государств в Черной Африке побудили молодую местную цветную и черную буржуазию, используя поддержку в этом вопросе со стороны народных масс, потребовать от колонизаторов сначала расширения рамок автономии, а затем и независимости.

В процессе деколонизации негры наряду с мулатами, а кое-где и оттеснив их, заняли видные посты в аппарате администрации, а также заметные позиции в сфере обслуживания и другом местном бизнесе.

²² Шёгрен Б. Острова среди ветров. М.: Мысль, 1967, с. 217; его же. К забытым островам, с. 101; *Smith M. G. Stratification...*, p. 15.

²³ *Smith M. G. Stratification...*, p. 208. Так, богатый индеец по происхождению Норберт Нияк в 1972 г. владел четырьмя поместьями.

²⁴ *Smith M. G. Stratification...*, p. 16, 213; *Race and Class*, p. 92, 94.

²⁵ *Rottenberg S. Labour Relations in an Underdeveloped Economy. — Caribbean Quarterly, Kingston — Port-of-Spain. V. 4, № 1, p. 50—61* (Цит. по: *Race and Class...*, p. 95).

К старому — коричневому среднему классу добавился новый — черный средний класс, очень быстро воспринявший многие семейные, религиозные и прочие традиции, нормы и взгляды первого, столь резко отделявшие его в течение двух веков от черных масс.

Белая элита все еще сохраняет важные позиции в сфере экономики, но, потеряв политическую власть, вынуждена была в общественной и политической жизни считаться с появлением новой темнокожей правящей прослойки, хотя в частной жизни она старалась избегать контактов с новой, черной элитой²⁶.

Между тем в психологическом плане над многими из этих пришедших к власти лидеров, выходцев из черного среднего класса, продолжал довлеть старый груз колониального прошлого — двойственность отношения к своему африканскому наследию и сохранение приверженности к системе ценностей метрополии, к преклонению перед ее институтами. Именно поэтому молодая местная интеллигенция, учащаяся и рабочая молодежь, настроенная антиимпериалистически и нередко лишенная работы, которая называла этих лидеров «политиканами» и «подражателями», выступили в начале 70-х годов с требованием работы и протестом против «черных марионеток — ставленников белых колонизаторов»²⁷.

Создание независимого государства и победа народной революции, несомненно, ускорят процесс дальнейшего развития и консолидации гренадского этноса. Но потребуются еще немало времени, прежде чем из общественного сознания удастся окончательно выкорчевать глубоко укоренившиеся в нем за века рабства и колониального угнетения расовые и социальные предрассудки.

Гренадцы обычно довольно рано вступают в брак, причем в народе браки заключаются чаще всего без участия священника, ибо церковный ритуал и свадебное пиршество стоят немалых денег. Поэтому церковный брак является на Гренаде лишь одной из форм семейно-брачных отношений, отнюдь не самой распространенной, хотя и единственной признававшейся до революции законной. «Среди народа, особенно в сельской местности, — писал в 60-х годах М. Смит, — официально оформленные браки столь же редки, сколь типичны для элиты»²⁸.

А поскольку по закону и согласно христианской религии законнорожденными считались только дети от официально оформленного брака, то около 70% всех родившихся не имели такого статуса. Правда, брак иногда оформлялся позднее, когда удавалось собрать деньги для свадьбы и с целью узаконить положение уже имевшихся детей. В отличие от Гренады о. Карриаку с его сравнительно замкнутыми крестьянскими общинами выделялся довольно высокой для Вест-Индии долей официально оформленных браков (до 3/5 всех семей) и соответственно законнорожденных детей²⁹.

В связи с тем что на Гренаде и особенно на Карриаку женщины составляют значительно больше половины населения, многие из них, как писал побывавший в тех краях в 60-х годах шведский ученый Шёгрэн, одиноки. Он писал, что «по словам одной местной жительницы — матери пятерых детей от различных отцов, женщинам здесь „приходится занимать чужих мужей,“ чтобы хоть как-то создать семью...». Поэтому «незамужняя женщина имеет право на связь с кем она пожелает. Она может иметь сколько угодно детей от разных отцов, и никто, кроме священника, не будет считать это предосудительным»³⁰. Семьи, в кото-

²⁶ Race and Class..., p. 96—97, 108. Даже Э. Гейри, став уже богатым владельцем недвижимости, членом Торговой палаты и премьер-министром, едва ли мог рассчитывать на приглашение в дом кого-либо из крупных плантаторов-англичан.

²⁷ Jacobs W. R. and Jacobs I. Op. cit., p. 75—76, 81, 94.

²⁸ Smith M. G. West Indian Family Structure. Seattle, 1962, p. 259; idem. Stratification..., p. 16.

²⁹ Smith M. G. West Indian Family..., p. 24—31; idem. The Plural Society..., p. 223, 235; idem. Stratification..., p. 176; idem. Kinship..., p. 38.

³⁰ Шёгрэн Б. К забытым островам, с. 80, 149. См. также: Smith M. G. Kinship..., p. 19—20, 105—137.

рых пять и более детей, тут не редкость, ибо и в браке, и тем более одинокой женщиной дети воспринимаются как своего рода страхования: чем больше их, тем обеспеченнее будет старость.

Иначе обстоит дело у белого и городского цветного населения. Для белой элиты брак и моногамная семья считались освященными религией институтами. Но ради сохранения групповой «белизны» твердо подразумевалось, что оба супруга должны быть белыми. В этой группе, как отмечали в 50-х годах М. Смит, а в 70-х годах Ф. Энрикес и И. Мэниони, существовала устойчивая тенденция к эндогамии. Как англиканская, так и католическая церковь, запрещавшие браки между близкими родственниками, лишь в редких случаях разрешали их между двоюродными братом и сестрой. Тем не менее в этой группе такие браки были обычными³¹. Другим «выходом из положения» был брак с представителем белой элиты с других островов англоязычной Вест-Индии.

В то же время среди мужчин этой группы был широко распространен конкубинат — внебрачные связи с женщинами «из народа». И хотя, как показал тот же М. Смит, изредка кто-то из светлокожих отпрысков своих белых отцов и попадал впоследствии в состав элиты, социально-экономический статус подавляющего большинства их резко отличался от статуса законных детей. Женщина же из белой элиты считалась «табу» для черных мужчин³².

Среди темнокожих горожан, не имевших возможности изменить свой внешний облик, наблюдалась характерная для Вест-Индии тенденция к браку и внебрачным связям с более светлокожей партнершей, с целью улучшить фенотип своих детей и обеспечить им тем самым более высокий социальный статус в жизни. Светлокожие мулаты с той же целью, а также желая улучшить шансы на собственную успешную карьеру, стремились иметь жену с еще более светлой кожей, чем у них самих. «В 99 случаях из 100 можно биться об заклад, что цвет кожи жены светлее, чем у мужа, — замечает по этому поводу Б. Шёгрэн. — Обратное положение почти невыносимо. Мужчина, занимающий высокий пост в обществе, может вполне иметь одну или несколько метресс любого цвета кожи. Но если он женится на женщине „ниже“ своего собственного цвета кожи, его шансы на признание светло-коричневым обществом перечеркиваются. Ведь смысл в том, чтобы „rise the colour of the family“ (букв. — «поднять цвет кожи семьи». — Э. Н.). В результате многие образованные черные женщины, часто имеющие хорошую специальность, остаются одинокими... из-за расовых предрассудков, царящих в среде их же собственных собратьев по расе. Выйти замуж за того мужчину, которому они симпатизируют, у них нет возможности»³³.

Еще в конце XVIII в. государственной церковью на Гренаде была объявлена англиканская, но подавляющее большинство крестьян и значительная часть горожан продолжали исповедовать католицизм. Вместе с шотландцами в колонию пришла пресвитерианская церковь. Несколько позже здесь появилась методистская церковь. В середине XX в. 62,5% представителей местной белой и светлокожей «элиты» принадлежали к англиканской, 22,4% — к католической, 9,6% — к методистской, 5,5% — к пресвитерианской церкви³⁴. Среди цветного среднего класса имеются как англикане, так и католики, а среди бедноты — также адвентисты седьмого дня. И хотя католическая церковь запрещала браки с протестантами, в отдельных случаях они допускались при условии, что крещение детей будет совершаться в католическом храме. Священники перечисленных конгрегаций были обычно белыми, но среди баптистских проповедников имеются цветные и черные.

³¹ Smith M. G. Stratification..., p. 196; Race and Class..., p. 100.

³² Smith M. G. Stratification..., p. 182, 187.

³³ Шёгрэн Б. Острова..., p. 214; Race and Class..., p. 100—101.

³⁴ Smith M. G. Stratification..., p. 199—200.

Кресты (за исключением о. Карриаку, где $\frac{3}{4}$ населения англичане) в большинстве своем католики. Однако католицизм у них и у городских низов давно уже тесно переплетается с пережитками африканских культов, а среди протестантов немало приверженцев пришедшего от североамериканских баптистов-трясунов шейкеризма, также впитавшего элементы африканских культов. Наиболее распространенными из последних на Гренаде до второй половины XIX в. были культы Большого Барабана и Нэйшн Данс. Но после того как в 1849—1850 гг. на острове поселили более тысячи африканцев йоруба, освобожденных с кораблей работорговцев, там постепенно распространился их культ бога грома и молний Шанго. Заимствовав многие элементы ритуалов Нэйшн Данс и Большого Барабана, так же, как католицизма и католической обрядности, он превратился на Гренаде в типичный синкретический афро-христианский культ и в XX в. стал самой распространенной здесь формой народных верований³⁵.

Однако на соседнем Карриаку, где после отмены рабства не появлялось никаких новых африканцев, культ Шанго, как, впрочем, и шейкеризм, вплоть до середины XX в. был почти неизвестен и основным комплексом народных поверий оставались, как и прежде, культы Нэйшн Данс и Большого Барабана³⁶.

Растущая урбанизация населения и дальнейшее развитие начального образования в условиях независимости и народной власти в стране, несомненно, будут способствовать отходу верующих от этих культов.

Государственным языком в стране уже около двух веков является английский. На нем ведется преподавание в школах, и он поэтому давно стал здесь языком образованной части населения — белых и светложкожих горожан. Но подавляющая часть сельского населения была двуязычна и в быту употребляла французский креоль — патуа. Исключение составлял о. Карриаку, где английским владели только коричневые потомки шотландцев из общины Уиндворд. Лишь в последние десятилетия, в связи с более высоким статусом английского, распространяющегося к тому же через прессу и радио, патуа, рассматриваемый молодым поколением как наследие рабства, начал постепенно вытесняться из разговорной речи гренадцев. Подавляющее большинство школьников его уже не знает и стыдится. Но среди пожилых сельских жителей (кроме Карриаку и Малой Мартиники, где на патуа говорят еще почти все местные уроженцы) до сих пор сохранилось двуязычие, правда, чаще с преобладанием местного диалекта английского, включающего как африканизмы, так и французские слова³⁷.

По своему образу жизни и культуре темнокожее, в основном сельское, население еще и сейчас резко отличается от белых и светложкожих горожан из средних слоев. Дети последних обычно получали среднее, а иногда и высшее образование (в Европе или США, а с 60-х годов — в Вест-Индском университете в Мона, на Ямайке, с отделениями на Тринидаде и Барбадосе), тогда как крестьянские дети посещали, да и то нерегулярно, лишь начальную школу и нередко теряли свою весьма ограниченную грамотность вскоре после совершеннолетия.

В 1977 г. здесь имелось 63 начальных школы (в том числе 16 государственных) с 26,3 тыс. учащихся и 12 средних школ с 4,5 тыс. учащихся, Технический институт (160 студентов) и Педагогический колледж. В г. Сент-Джорджесе издается несколько газет и журнал, имеется радио- и телевидение³⁸.

В церковных праздниках и обрядах (крещение, венчание, похороны и др.) обычно преобладают европейские элементы местной креольской культуры. Но в народных праздниках, обычаях и верованиях гораздо ярче выражены ее африканские черты, такие, как почитание Шанго и

³⁵ *Smith M. G. The Plural Society...*, p. 33—34; *idem. Stratification...*, p. 16, 236.

³⁶ *Smith M. G. Kinship...*, p. 125—127; 136—137, 160—169, 309.

³⁷ *Шёгрен Б. К забытым островам*, с. 68, 144, 159, 217; *Smith M. G. Kinship...*, p. 11; *West R. and Augelli J. Op. cit.*, p. 207.

³⁸ Латинская Америка. М.: Сов. энциклопедия. 1979, т. 1, с. 476.

бога войны Огуна с принесением в жертву им мелких домашних животных и птицы — *сарака*; как вера в колдовство и знахарство — *обиа*³⁹, в духов умерших предков — *джамби*, в оборотней, пьющих по ночам человеческую кровь, в дьяволиц и леших. Знахарством и «белой магией» занимается *обиамен* или *лукмен*, ведовством, т. е. «черной магией», ведун — *лугарон* или ведьма — *сукуйян*. Большим уважением в общине пользуется сказочник. Его называют *энэнсисторимен*, потому что главный герой большинства его сказок — мифический хитрый паук *энэнси* (или *зин*, *зинг-зинг*), который всегда обводит вокруг пальца своих врагов. Рассказы о нем, пришедшие из Западной Африки, бытуют по всей англоязычной Вест-Индии. Слабее выражены африканские мотивы в местных пословицах, поговорках и загадках⁴⁰.

Широко распространен среди сельского населения обычай коллективного труда и других форм взаимопомощи, получивших тут название *маруна*, *джамбони*, *сусу*. На Гренаде в наше время марун устраивается лишь для постройки дома или тяжелых сельскохозяйственных работ, а на Карриаку также и в связи с уходом молодежи из общины на строительство дорог, расчистку водоемов и на заработки за границу. Иногда по этому случаю, обычно в мае, с целью уговорить богов послать дождь устраивается праздник Большой Марун. Вот как его описывает Б. Шёгрен: «Большой Марун... начинается с соло кого-нибудь из особо уважаемых лиц. Этот человек вызывает духов и расплескивает по кругу ром и воду... Это своего рода вечеринка вскладчину, устраиваемая в конце сухого сезона, чтобы умиловить богов и упротить их послать долгожданный дождь, столь необходимый здесь для начала работ на полях и в садах. Каждый по своему карману приносит еду и напитки. Все жители деревень выходят из домов, чтобы вместе поесть, выпить и потанцевать. Всю ночь напролет танцуют они старинные, африканские танцы под звуки обтянутых козьей шкурой барабанов»⁴¹.

Годовщину отмены рабства на Карриаку отмечают в августе праздником Большого Барабана. Сначала приносится в жертву свинья или цыпленок и все садятся за стол, а затем исполняются песни и танцы под барабан, различающиеся по форме и ритму. Это так называемые песни и танцы народов, и названия их связаны с племенным происхождением: так, *арада*, например, пришел сюда из Дагомеи, *темпе* — из Гвинеи, *банда* — из Центральной Африки, *чамба* и *моко* — из Камеруна и т. д. Конечно, эти танцы изменились здесь за два-три века, а язык песен — патуа, но основа их африканская. Исполняются и другие, на первый взгляд кажущиеся тоже африканскими, но на самом деле креольские танцы, вобравшие в себя элементы, заимствованные рабами из кадрили и других танцев, исполнявшихся на праздниках их хозяев-плантаторов. Характерно, что такой типично африканский стиль эти праздники носят и у коричневых потомков шотландцев в дер. Уиндворд⁴².

Традиционные карнавалы на Гренаде, как и на других островах Вест-Индии, представляют собой массовые народные праздники с толпами ряженных в самых фантастических костюмах, а также целыми процессиями дьяволов и дьяволят, сопровождающимися песнями и танцами под зажигательную музыку многочисленных оркестров, причем если на Карриаку наиболее распространенными народными музыкальными инструментами являются обтянутый шкурой басовый барабан и тамбу-

³⁹ Характерно, что Э. Гейри, будучи католиком и добиваясь в начале своей политической карьеры популярности среди сельского большинства населения, участвовал в деревнях в церемониях обиа. Став премьер-министром, он в узком кругу практиковал обиа в специальной комнате своей резиденции (*Jacobs W. R. and Jacobs J. Op. cit.*, p. 92—92, 107; *Manchester Guardian*, 1.II.1974).

⁴⁰ *Smith M. G. Stratification...*, p. 16, 217—218, 236; *idem. Kinship...*, p. 39, 142—143, 148—149, 155.

⁴¹ Шёгрен Б. К забытым островам, с. 135—136. См. также: *Smith M. G. Kinship...*, p. 10—11, 142.

⁴² *Smith M. G. Kinship...*, p. 10; Шёгрен Б. К забытым островам, с. 135—137, 143, 149.

рин, то на Гренаде основой пришедших с Тринидада (где они впервые появились) народных оркестров стил-бэнд стали барабаны, изготовленные из бочек для нефти. В дни карнавала и других праздников центральный Куинси-парк заполняют тысячи жителей Сент-Джорджеса и окрестных деревень. Повсюду звучат песни и танцы калипсо, построенные на бурных африканских ритмах.

В послевоенные десятилетия большой популярностью у гренадцев, особенно у молодежи, стал пользоваться футбол, и в 70-х годах в столице был построен современный стадион.

За три года народной власти в стране произошло много перемен: сформированы рабочие, крестьянские, женские, молодежные организации, приняты демократические законы о профсоюзах, создано больше новых рабочих мест, чем за предшествующие 20 лет, женщины получили равную с мужчинами оплату за равный труд и оплачиваемый трехмесячный отпуск по беременности, впервые трудящиеся пользуются бесплатным медицинским обслуживанием, снижены цены на топливо и продукты первой необходимости, развернулось строительство домов для бедноты, а также школ и дорог. Народное революционное правительство приступило к изъятию излишков земли у иностранных и местных крупных землевладельцев и стремится путем кооперирования крестьян стимулировать рост сельскохозяйственного производства. Создается современный рыболовный флот. Выделяются средства на «подтягивание» наиболее отсталых районов страны — островов Карриаку и Малой Мартиники⁴³.

Экономический курс правительства, учитывающий реальные возможности Гренады, предусматривающий участие в процессе реконструкции местных бизнесменов, пользуется поддержкой со стороны частного сектора, в том числе мелких торговцев, занимающих пока еще заметное место в экономике. О поддержке этого курса широкими массами свидетельствуют участие тысяч трудящихся, и прежде всего молодежи, в добровольном коллективном труде на строительстве и ремонте дорог, мостов, школ и т. д.

На международной арене Гренада проводит политику мирного существования, является участником движения неприсоединившихся стран; она установила дипломатические и торговые отношения с Кубой, СССР и другими социалистическими государствами. Ее правительство признано многими странами Латинской Америки, Европы, Азии, Африки.

Однако антиимпериалистическая, демократическая революция, совершенная народом Гренады, и прогрессивный курс ее правительства не дают покоя международной реакции. Правящие круги США организовали против Гренады подлинный «крестовый поход», используя целый арсенал методов давления — от дипломатического, экономического и военно-политического шантажа до актов саботажа, диверсий и терроризма⁴⁴.

На угрозы империалистов гренадцы, опираясь на поддержку прогрессивных сил мира, отвечают повышением революционной бдительности и боевой готовности. На страже завоеваний революции стоят Народная революционная армия и Народная милиция. По призыву правительства сформированы многочисленные отряды рабочих-добровольцев. «Гренада больше не является личным задворком, — заявил премьер-министр М. Бишоп. — Мы небольшая, но гордая страна. Наш народ преисполнен решимости защищать своё право на самоопределение, независимость и национальный прогресс»⁴⁵. Мужественный народ маленького острова в Карибском море уверенно смотрит в свое будущее.

⁴³ Jacobs W. R. and Jacobs I. Op. cit., p. 130—134; Canadian Tribune, 7.IV, 14.VII, 1980.

⁴⁴ Проблемы мира и социализма, 1981, № 4, с. 42; Правда, 1981, 24 августа; Jacobs W. R. and Jacobs I. Op. cit., p. 129; Nation, 7.II.1981, p. 141—143.

⁴⁵ Цит. по: Новое время, 1979, № 23, с. 23.

В. М. Грусман, Э. С. Яглинская

ПОКАЗ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТОВ СОВЕТСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ СССР

Советская этнографическая наука включает в число своих основных задач изучение отличительных черт советского образа жизни. Учитывая этнографическую специфику нашего музея, его коллектив выбирает для изучения те аспекты советского образа жизни, которые могут найти отражение в первую очередь в экспозиционных материалах. Сюда относятся исторически сложившиеся формы хозяйственной деятельности, отдельные элементы системы жизнеобеспечения советского образа жизни, духовная культура, традиции. В Государственном музее этнографии народов СССР созданы и функционируют тематические экспозиции по современному периоду. Опираясь на многолетний опыт работы коллектива научных сотрудников над этими экспозициями, мы можем наметить следующие основные темы, способствующие раскрытию в музее различных сторон советского образа жизни:

Формирование и развитие многонационального государства.

Совершенствование различных форм национальной государственности, образованных с учетом политических, экономических и духовных интересов народов.

Дальнейшее развитие народовластия на основе последовательной демократизации и интернационализации советского общества.

Этносоциальные явления в жизни советских народов: возникновение и рост на основе сформировавшейся в СССР единой плановой системы народного хозяйства квалифицированных национальных рабочих кадров, расширение рядов национальной интеллигенции, формирование многонациональных производственных коллективов.

Материальная культура: этнические особенности народного жилища, одежды, пищи и развитие (на основе взаимовлияний) их интернациональных современных форм.

Духовная культура: расцвет и интеграция национальных культур, дальнейшее развитие народного искусства, сложение единой системы социалистической обрядности.

Морально-политическое единство советских народов.

Отдельные этнические аспекты советского образа жизни в Государственном музее этнографии народов СССР раскрываются в трех существующих экспозициях: «Союз равноправных народов», «Новое и традиционное в современном народном жилище и одежде», «Современное искусство народов СССР». Готовится четвертая экспозиция¹ — «Современные праздники и обряды народов СССР»¹.

Единое марксистско-ленинское мировоззрение советских народов, советский патриотизм и пролетарский интернационализм как существенные факторы формирования советского образа жизни находят свое отражение в экспозиции «Союз равноправных народов», где в документах

¹ Баранова И. И. Показ современности в Государственном музее этнографии народов СССР. — Сов. этнография, 1981, № 2, с. 25.

и хроникальных материалах воссоздается история становления и развития интернационального союза народов — СССР. Это прежде всего документы, газетные материалы, письма и фотографии, рассказывающие об установлении Советской власти в отдельных республиках, о деятельности Комиссариата по делам национальностей, сыгравшего значительную роль в формировании автономных республик, областей и округов, об огромной партийной и советской работе, предшествовавшей сложению многонационального Советского государства как единого братского союза народов.

В экспозиции показаны административно-государственное устройство СССР и структура Верховного Совета, наглядно демонстрирующие демократический и общенародный характер государственного управления в СССР. Именно поэтому значительное место в ней отведено материалам о депутатах Верховного Совета СССР и Верховных Советов республик, их национальном, профессиональном и возрастном составе, а также об их повседневной деятельности. Подчеркнуто значение работы постоянных комиссий и активистов при Советах народных депутатов, являющихся формами народовластия (рис. 1).

Один из разделов экспозиции посвящен современным этническим процессам: интеграции и консолидации народов СССР. Здесь рассказывается о росте интернационализма и братской взаимопомощи советских людей, показано формирование многонациональных трудовых коллективов на крупнейших стройках страны, таких, как Байкало-Амурская магистраль, газопровод Уренгой — Европа, Экибастузский горнопромышленный комплекс и др. Отражением интернационализма советских народов, изживания националистических и религиозных пережитков является также рост числа межнациональных браков, наглядно продемонстрированный в цифровых и иллюстративных материалах.

Значительное место занимают экспонаты, рассказывающие о сложении и росте кадров национального рабочего класса и национальной интеллигенции, о развитии народного образования, особенно в ранее отсталых национальных районах, у народов, не имевших своей письменности.

Формирование единой общесоветской культуры было бы невозможно при отсутствии высокоразвитых национальных культур. В экспозиции находят отражение процессы их развития, взаимовлияния и взаимообогащения: деятельность фольклорных и профессиональных национальных художественных коллективов, зарождение и формирование у ряда народов новых для них видов искусства (балета, оперы); развитие многонациональной советской литературы; распространение в республиках и национальных районах русского языка как языка межнационального общения.

Трудно переоценить в этой связи значение русского языка. Именно благодаря ему произведения национальных писателей становятся достоянием всех народов страны. В экспозиции представлены книги известных национальных современных писателей (Ч. Айтматова, Г. Гулиа, Э. Капиева, Р. Гамзатова, К. Кулиева, Н. Думбадзе и др.), изданные на русском языке. Вместе с тем здесь же экспонируются произведения русской классической и советской литературы, переведенные на языки народов СССР, документальные материалы, рассказывающие о постоянных культурных связях между национальными художественными коллективами.

Экспозиция «Новое и традиционное в современном народном жилище и одежде» посвящена изменениям, происшедшим за годы Советской власти в материальной культуре народов страны. Раскрыта основная тенденция этих изменений, обусловленных социальными преобразованиями, стиранием существенных различий в быту городского и сельского населения, изменением характера сельскохозяйственного производства².

² Чистов К. В., Станюкович Т. В. Этнография и актуальные проблемы развития этнографических музеев. — Сов. этнография, 1981, № 1, с. 24—31.

Рис. 1. Стенд экспозиции «Союз равноправных» народов, посвященный персоналиям депутатов Верховных Советов союзных республик (все фото — М. П. Семаго)

В экспозиции показано, что, несмотря на процессы урбанизации и нивелировки этнической специфики, которая, как известно, все более смещается в область духовной культуры, по-прежнему сохраняются национальные формы жилища, одежды, пищи³. Экспозиционный материал объясняет причины устойчивого сохранения этих форм в отдельных регионах, а также раскрывает основные тенденции взаимовлияния и взаимообогащения национальных культур.

Макеты и планы новых благоустроенных селений, расположенных в разных географических зонах, раскрывают принципы новой планировки с выделением жилой, хозяйственной, культурной и административной зон. Документальные фотографии дают представление о комплексе мероприятий, направленных на благоустройство советской деревни: электрификация и радиофикация селений, озеленение, создание сети детских, бытовых, медицинских, культурно-просветительных учреждений и комплексов, строительство общественных сооружений и жилищ с учетом осо-

³ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, с. 358.

Рис. 3. Фрагмент экспозиции «Новое и традиционное в современном народном жилище и одежде». Условная сцена: часть интерьера кухни с традиционным очагом, кухонной утварью и печью (слева) для приготовления национального хлеба (азербайджанцы)

комнат, комнат для молодоженов с отдельным входом), условные сцены с традиционной расстановкой мебели и традиционным подбором предметов убранства интерьера, сохранением традиционных форм очага и способов приготовления пищи (рис. 3). На примере созданного в экспозиции по экспедиционным материалам условного интерьера квартиры белорусского колхозника (пос. Вертилишки Гродненского района Белорусской ССР) можно проследить широкое использование традиционных бытовых предметов и утвари в убранстве современного интерьера (рис. 4).

Процесс урбанизации быта прослеживается и в выставленных комплексах одежды народов СССР. За советский период произошли изменения как в материале, так и в традиционном покрое одежды. Ведущая тенденция сейчас — распространение одежды городского типа, но вместе с тем и здесь явно наблюдаются национальные различия в выборе колорита и фактуры тканей, покроя и отделки одежды, а также в сохраняющихся еще отдельных элементах традиционного костюма. В Средней Азии повсеместно продолжают носить тюбетейку, на Украине — вышитую рубашу, которая трансформировалась в современную блузу, сохранившую традиционный покрой и народный орнамент вышивки. Правда, теперь она, как правило, сочетается не с традиционной плахтой, а с юбкой или сарафаном современного покроя.

Многие компоненты национального костюма отдельных народов — шерстяные русские платки с цветочным орнаментом, узорные шерстяные носки и рукавицы, характерные для народов Кавказа и Прибалтики, сапоги из оленьего меха — неременная принадлежность одежды народов Севера — ныне широко распространены во всех регионах.

Значительный раздел экспозиции отражает активный интерес профессиональных художников и конструкторов как центральных (Ленинград, Москва), так и республиканских Домов моделей к традиционным народным формам одежды. Используя традиционные элементы кроя, способы отделки и украшения, подбирая близкую к традиционной фактуру тканей и колористическую гамму, они создают удобную нарядную одежду, которая, не повторяя в деталях традиционный национальный костюм, передает его общий силуэт, колорит или способы украшения. «Тиражированные» швейными предприятиями образцы такой одежды получают распространение в быту многих народов нашей страны, способствуя в определенной степени взаимовлиянию национальных культур.

Рис. 4. Фрагмент экспозиции «Новое и традиционное в современном народном жилище и одежде». Условный интерьер квартиры колхозника (белорусы)

Взаимовлияние национальных культур нашло отражение и в заключительном разделе экспозиции, где представлен условный городской интерьер, убранство которого состоит как из предметов, выпущенных промышленностью, так и из изделий народных художественных промыслов разных регионов нашей страны. Здесь показано, как предметы, бытовавшие ранее у какого-то одного народа, входят в быт других народов. Молдавская мебель фабричной работы и традиционный молдавский ковер органически сочетаются с кружевом эстонских мастериц, молдавское резное дерево соседствует с русским фарфором и фаянсом, украинское гутное стекло — с работами художников Хохломы и кировской игрушкой.

Смещение этнической специфики в область духовной культуры находит свою реализацию в растущем интересе к традиционному искусству. Задачей существующей в нашем музее экспозиции «Современное искусство народов СССР» являются: показ развития традиционных видов народного искусства в советский период; определение причин изменения идейной основы современного народного творчества; рассказ о появлении у ряда народов новых видов искусства в результате братского сотрудничества и роста дружественных интернациональных связей. В ней подчеркивается значение народного искусства для эстетического воспитания советского человека. Использование в наши дни традиционных материалов и приемов их обработки в произведениях искусства разных народов, широкое распространение отдельных видов искусства за пределами проживания того или иного этноса или национального региона — явления, которые характеризуют процесс активного взаимодействия национальных культур и сложения интернациональной общесоветской культуры.

Этнографы изучают не только законченные предметы искусства, но и процесс их создания и функционирования в быту. Поэтому одной из важнейших сторон показа искусства в этнографическом музее является последовательное раскрытие технологического процесса, оригинальных способов обработки различных исходных материалов — от глины до серебра. Значительный интерес представляет и показ инструментов народных мастеров. Подчеркивая умение народного мастера глубоко понять и максимально использовать специфику и художественные возможности, свойственные каждому, даже самому простому материалу, распространённому в том или ином регионе, экспозиция должна выявить этническую специфику каждого из представленных видов искусства. Комплек-

Рис. 5. Фрагмент экспозиции «Современное искусство народов СССР» с фотографией потомственной мастерицы за работой (белорусы)

рованных по региональному принципу, с отражением этнической специфики.

Экспозиция народного искусства в этнографическом музее должна подчеркивать не уникальность и неповторимость вещи, а как раз наоборот — массовость и типичность выставленных предметов. Не акцентируя внимания на имени автора, экспозиция, на наш взгляд, должна дать максимальную информацию о среде, в которой он живет, ее характерных этнических особенностях, быте, вкусах, подчеркивая тем самым, что выставленное произведение типично для данного этноса, что оно является как бы коллективным продуктом творчества многих сходных по духу индивидуумов и в силу этого подлинным народным достоянием.

В настоящий момент научным коллективом Государственного музея этнографии народов СССР ведется работа по подготовке экспозиции, раскрывающей еще одну сторону духовной жизни советских людей — новую социалистическую обрядность⁴. С победой социалистической революции началось становление новых традиций. Вместе с тем особенно в послевоенный период много внимания уделялось сохранению и использованию в новой обрядности всех положительных традиций и обычаев, выработанных народами нашей страны за их многовековую историю. «Формирование предпосылок для дальнейшего сближения народов СССР, — указывает Л. И. Брежнев, — происходит и в материальной, и в духовной сфере. Могучим объединяющим началом стали общности исторических судеб всего советского народа, всех формирующих его наций и народностей, совместные традиции, взгляды, жизненный опыт, рожденные полувековой совместной борьбой и совместным трудом»⁵. Праздники и обряды объединяют в себе самые разнообразные явления народной культуры и имеют массовый характер. В них сосуществуют песни и танцы, драма и музыка, спортивные состязания и многолюдные манифестации.

⁴ Грусман В. М., Яглинская Э. С. Современные праздники и обряды народов СССР (к созданию экспозиции в ГМЭ). — Сов. этнография, 1977, № 3, с. 68.

⁵ Брежнев Л. И. Доклад о пятидесятилетии СССР. М.: Политиздат, 1972, с. 22.

Ритуалы народных празднеств включают ряд самобытных в этническом плане обрядов и атрибутов праздника. Поэтому в посвященной им экспозиции могут быть широко представлены маски и костюмы персонажей народной драмы, традиционные музыкальные инструменты, обрядовая утварь, ритуальные предметы. Из них komponуются условные сцены, передающие своеобразие современных народных праздников. Эта экспозиция логически продолжит показ и пропаганду социалистического образа жизни, наглядно проиллюстрирует процесс интеграции и интернационализации в области духовной культуры народов СССР.

Как видно из изложенного, научный коллектив Государственного музея этнографии народов СССР стремится использовать особенности этнографического материала для показа национального и интернационального в советском образе жизни. Вместе с тем нам представляется необходимым подчеркнуть, что для этой цели могут быть широко использованы и другие материалы, и в частности фотографии, занимающие все более значительное место в музейной экспозиции и зачастую выступающие как самостоятельный экспонат.

Современная материальная и духовная культура характеризуется активно протекающими прогрессивными процессами, которые подчас невозможно отразить в традиционных музейных экспонатах, так как нередко бывает необходим показ явления в его развитии. А это лучше всего можно сделать с помощью так называемого репортажного изложения, основой которого является фотография. Нам представляется, что фотография как нельзя более удачно подходит для отражения в музейных экспозициях современных этнокультурных процессов. Фотография документальна, объективна, образна. Блок или ряд фотографий дают возможность показать событие в его смысловом и хронологическом развитии (примером могут служить фотографии, демонстрирующие праздник, обряд). Фотография, исполненная в наши дни и вошедшая по праву в музейные фонды, через 10—15 лет становится уже историческим документом.

Советский образ жизни включает в себя традиционные элементы материальной и духовной культуры разных народов СССР и ряд совершенно новых полиэтнических явлений, присущих новой исторической общности — советскому народу. Диалектическое единство национального и интернационального — одна из основных закономерностей советского образа жизни. Изучение этого явления и его образное отражение в экспозициях — насущная задача коллектива музея.

Рис. 6. Фрагмент экспозиции «Современное искусство народов СССР». Женский праздничный костюм, свадебные пояса и полотенца. Кованые украшения из металла (литовцы)

ОБ ЭТНОНИМЕ ЧЕРКАСЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ КОНЦА XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Проблема этногенеза украинцев, проблема «...отыскания тех элементов, из которых составила данная народность и ее культура, и тех исторических процессов, в результате которых складывался и развивался народ»¹, при всей ее сложности и запутанности реакционной зарубежной, а также украинской буржуазно-националистической историографией², в целом решена советской наукой. Труды Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, В. В. Мавродина, М. Н. Тихомирова, С. А. Токарева, А. Н. Насонова и др. неопровержимо доказано, что украинцы, как и близкородственные им русские и белорусы, сформировались на базе древнерусской народности, которая в свою очередь сложилась на основе родственных восточнославянских племен. В работах К. Г. Гуслистого определены основные этапы развития украинской народности и формирования украинской нации³. Советские исследователи справедливо рассматривают этническую историю украинского народа в неразрывной связи с этнической историей братских русского и белорусского народов⁴.

Однако некоторые аспекты этнической истории украинцев недостаточно изучены. Так, нуждается в исследовании вопрос об участии в их этногенезе неславянских этнических компонентов, в частности северокавказского («черкесского»). До сих пор нет единого мнения о том, когда и кем основан город Черкассы⁵, неясны этимология его названия и этнонима черкасы, употреблявшегося в России по отношению к украинцам Поднепровья в течение примерно двух (XVI—XVII) столетий. В литературе неоднократно обращалось внимание на ряд культурно-бытовых параллелей между украинцами и северокавказскими народами, в особенности адыгейцами и кабардинцами⁶, известных ранее в России и на Украине под собирательным названием *черкесы*. Вряд ли можно сомневаться в том, что жившие в далеком прошлом на территории Украины и России племена, в том числе восточнославянские, будучи близкими соседями предков черкесов, находились с ними в разнообразных и тесных связях⁷. Но только ли контактами того периода объясняются культурно-бытовые параллели? В связи с вновь пробудившимся в последние годы интересом к этим вопросам заслуживают внимания суждения и гипотезы, выдвигавшиеся в отечественной науке конца XVIII — первой половины XIX в. — времени, когда при исследовании конкретных

¹ Токарев С. А. К постановке проблем этногенеза. — Сов. этнография, 1949, № 3, с. 15.

² Рубач М. Реакційна суть націоналістичних «теорій» безкласовості та «єдиного потоку». Київ, 1955; Гуслистый К. Г. Про буржуазно-націоналістичні перекручення у дослідженнях етногенезу українського народу. — Народна творчість та етнографія, 1971, № 1; Рымаренко Ю. І. Буржуазний націоналізм та його «теорія» нації. Київ: Наук. думка, 1974.

³ Гуслистый К. Утворення української народності. — Народна творчість та етнографія, 1960, № 1; *его же*. Вопросы истории Украины и этнического развития украинского народа. Киев: Изд-во АН УССР, 1963; *его же*. До питання про утворення української нації. Київ: Знання, 1967.

⁴ Рабинович М. Г., Чистов К. В. Важнейшие особенности этнической истории восточных славян. — В кн.: Этническая история славян и этнокультурные связи народов Центральной и Восточной Европы (Тезисы докладов Межреспубликанской научной конференции). Чернигов, 1979, с. 107—114.

⁵ Украинский языковед А. С. Стрижак приводит данные, согласно которым в 1305 г. Черкассы был уже известен (Стрижак О. С. Звідки назва міста. — Українська мова і література в школі, 1968, № 2, с. 82). В «Радянській енциклопедії історії України» (Київ, 1972, т. IV, с. 465) сказано, что первое документальное свидетельство о г. Черкассы относится к 1394 г. В других работах названы XI и XIII вв.

⁶ См., например: Лавров Л. І. До питання про українсько-кавказькі культурні зв'язки. — Народна творчість та етнографія, 1961, № 3.

⁷ Народы Кавказа. Т. I (серия Народы мира. Этнографические очерки). М.: Изд-во АН СССР, 1960.

проблем начинаю привлекаться данные языкознания, этнонимии, этнографии, когда впервые вырабатывается научный подход к решению этногенетических проблем.

В работах Аф. Шафонского, Н. Загоровского, Ал. Ригельмана, М. Антоновского, Я. Марковича, относящихся к концу XVIII в., дана этнографическая характеристика украинцев, выявлена в известной мере их культурно-бытовая специфика⁸, показано сходство культуры и быта украинцев и других народов, в первую очередь родственных им русского и белорусского.

Хотя ученые конца XVIII — первой половины XIX в., принадлежащие к дворянско-помещичьему кругу, не признавали украинцев как самостоятельный народ и поэтому не рассматривали специально вопрос об их этногенезе, они вынуждены были обращаться к отдельным аспектам этой проблемы главным образом в связи с волновавшими тогда общественность судьбами Запорожья и его обитателей — запорожских казаков. В 1775 г. царское правительство, как известно, ликвидировало Запорожскую Сечь, что способствовало оживлению научного интереса к историческому прошлому запорожского казачества.

Одним из первых затронул вопрос об украинско-северокавказских связях, а также попытался объяснить применяемый к украинцам этноним черкасы историк И. Н. Болтин⁹. В своей известной двухтомной работе, посвященной труду Леклерка, он писал: «В 1282 году баскак (губернатор.— В. Г.) татарский Курского княжения, призвав черкес из Бештау или Пятигория, населил ими слободы под именем козаков. Разбои и грабежи, причиняемые ими, произвели многие жалобы на них; для коих, наконец, Олег князь Курский, по дозволению ханскому, разорил их жилища, многих из них побил, а прочие разбежались. Они, совокупясь с русскими беглецами, долгое время чинили всюду по дорогам разбои, укрываясь от поисков над ними по лесам и оврагам. Много труда стоило всех их оттуда выгнать и искоренить. Многолюдная их шайка, не обретая себе безопасности там, ушла в Канев к баскаку, который и назначил им место к пребыванию ниже по Днепру. Тут они построили себе городок, или приличнее острожок, и назвали Черкасск, по причине, что большая часть их были пороною черкасы, как о поселении их в Курске показано»¹⁰. С годами пришлый северокавказский элемент, как следует из дальнейшего рассказа Болтина, растворился в местном населении. «Многие из тамошних жителей, будучи угнетаемы жестоким насилием поляков и литовцев, оставляя прежние жилища, переходить стали к козакам черкасским... Первые козаки, переселенцы из Курска, давно уже перевелись, как сказано выше, а место их заступили малороссияне; однакож первобытное название черкас при себе удержали, и на всех живущих под их зависимостию распространили. Равным образом и имя козаков стало быть наследственным и общим всем живущим в окрестности Черкасса, ставшего столицею казачьих селений. Первое имя приличествовало им по роду первых их заводчиков и по имени главного их города, а последнее по образу их жизни и вооружения...»¹¹. Отметим, что, по свидетельству Болтина, г. Черкассы основан в конце XIII в.

Аналогичную гипотезу о происхождении названия черкасы развивали и другие авторы XVIII в.— Ал. Ригельман, Аф. Шафонский, М. И. Антоновский, но время переселения указывали иное.

Аф. Шафонский также считал, что некоторые из «горских черкесов» «перешли в четырнадцатом столетии из Кавказских гор в Курск, а после на Днепр и построили город, по имени своем, Черкасы.... Нынешние гор-

⁸ См. об этом: Горленко В. Ф. Нариси з історії української етнографії та російсько-українських етнографічних зв'язків. Київ: Наук. думка, 1964.

⁹ См. о нем: Очерки истории исторической науки в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1955, т. 1, с. 210—214.

¹⁰ Примечания на историю древняя и нынешняя Россия г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным. Спб., 1788, т. 1 (раздел «О начале запорожцев»), с. 344.

¹¹ Там же, с. 346—347.

Жители обществъ С.мисаиловскаго и Цессарскаго слобода Черкасской уездѣ.

Жители обществъ С.мисаиловскаго, Хулявскаго, Лембатовскаго, Черкасской уездѣ.

Жители Веричевскаго, Ялаверскаго, и Дахновскаго. Жители обществъ Воробничкаго, Ширинскаго, Черкасской уездѣ.

Рис. 1. Одежда украинцев Черкасского и Чигиринского уездов Киевской губернии (из альбома Деляпица Д. П., 1851)

ские черкесы... по наружному виду лица, одеянию и по всем ухваткам, по сей день весьма на малороссиян, в низовых местах Днепра живущих, и особливо на бывших запорожских казаков похожи, которые, и вообще все малороссияне, изстари от великороссиян черкасами называются»¹².

Версии о переселении в Поднепровье какой-то группы черкесов и об основании ими г. Черкассы придерживался и Ал. Ригельман. Рассуждая о правомерности применения к запорожцам названия «козаки», он писал: «...а если б вести им (запорожцам.— В. Г.) имя особое, то следовало б называться черкасами, по пришедшим потом в Украину из Черкасской Кабарды черкасам, которые смешавшись с украинцами вообще, проименовались тем именем, коим и доньне еще именуется. Притом доказывает и то, что сходство лица, одежды и несколько жителство, обычай и во многом обряды, равные с черкесами имеют». Далее Ригельман специально останавливается на «поселившемся в России черкесском народе»: «...в 14 столетии, когда черкесы в здешние места из Кабарды пришли в княжестве Курском, под властью татар, собравши множество сброда, слободы населили и воровством промышляли, но для многих на них жалоб татарским баскаком на Днепр переведены и город Черкасы они построили, который доньне на том же месте и тем же званием именуется, состоящий на правой стороне реки оной, ниже города Канева, почему все казачество и вся Малороссия потом черкасами проименовалась, а не козарами»¹³. По мнению Шафонского и Ригельмана, город Черкассы основан не в конце XIII в., как считал Болтин, а в XIV в.

¹² Черниговского наместничества топографическое описание... Аф. Шафонского. Киев, 1851, с. 53 (далее — Шафонский А. Указ. раб.). «Описание» выполнено в 1786 г. и распространялось первоначально в рукописи. Первая его часть, посвященная Левобережной Украине того периода, открывается этнографической характеристикой украинцев.

¹³ Ригельман Ал. Летописное повествование о Малой России и ее народе и козаках вообще, отколь из какого народа оные происхождение свое имеют. М., 1847, ч. 1,

Рис. 2. Одежда запорожских казаков (см.: Карамзин Н. М. История государства Российского. Спб., 1892, т. XII, рис. 1)

Из приведенных материалов видно, что и Шафонский, и Ригельман, говоря об украинско-северокавказских связях, опирались не только на исторические свидетельства о переселении части черкесов в Поднепровье; они подчеркивали и сходство антропологического типа, этнонимии, материальной и духовной культуры этих народов (их «одеяния», «ухваток», «лица» и т. д.). Причем выводы Ригельмана основывались, видимо, на непосредственных наблюдениях: будучи одним из строителей Кизлярской крепости, он неоднократно сталкивался с «черкесами». Шафонский отметил сходство древней монументальной архитектуры южных украинцев и черкесов, наличие у тех и других одинаковых элементов одежды — шапок и «черкески».

Сведения о переселении какой-то группы одного из северокавказских народов в Поднепровье есть и в сводной работе И. Георги по этнографии народов России (1799 г.), в четвертой ее части, написанной М. И. Антоновским¹⁴.

Приведенная у Болтина, Шафонского, Ригельмана и Антоновского версия о переселении черкесов в Поднепровье не подкреплялась какими-либо ссылками на исторические документы. Правда, Ал. Ригельман сослался на «Историю Российскую» Татищева, где действительно сообщается, что выходцы из «кабардинских черкес в 14-м сте (столетии.— В. Г.) в княжестве Курском, под властью татар собравши множество сброда, слободы населили и воровством промышляли, и для многих на них жалоб татарским губернатором на Днепр переведены, и град Черкасы построили. Потом, усмотря польское беспутное правление, всю Малую Русь в казаки превратили, гетмана или отамана избрав, все черкесы имяновались»¹⁵.

с. 8—10. В «Повествовании» четыре части; оно было написано в 80—90-х годах XVIII в. и первоначально распространялось в рукописи.

¹⁴ Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. Спб., 1799, ч. 4, с. 236—237.

¹⁵ Татищев В. Н. История Российская. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1962, т. 1, с. 324—325 (примеч. к гл. 35).

Как видно из приведенных выдержек, Татищев, Ригельман и Шафонский переселение группы черкесов в Поднепровье датируют XIV в., Болтин же и Антоновский — XIII в., при этом последние называют даже год (1282) переселения и место, откуда пришли черкесы: из Бештау, или Пятигория (в переводе с адыгейского и кабардинского языков Бештау означает Пятигорье). Можно думать, что Аф. Шафонский и Ал. Ригельман заимствовали указанную версию у Татищева; И. Болтин же воспользовался каким-то иным источником, уточнив сведения Татищева о времени переселения черкесов в Поднепровье. По-видимому, рассказ Болтина был повторен М. Антоновским. В сокращенном виде версия о переселении группы черкесов была воспроизведена и в «Словаре географическом Российского государства» (М., 1805, ч. IV, с. 32), и в ряде других публикаций.

Возникает вопрос: на каком или на каких источниках базировались Татищев и Болтин, сообщая о наличии на Курищине черкесских слобод, разорении их и изгнании черкес отсюда?

Рассказ об угнетении, непосильных поборах и насилиях, чинимых «бесерменами» в Курском и Липецком княжествах, и о разорении принадлежащих «бесерменам» слобод находим в Воскресенской летописи. «В лето 6791 (1284)...», — говорится в ней, — сотворися зло во княжении Курския области: бѣше нѣкто бесерменин злотыхтр и велми зол, именем Ахмат, той дрѣжаше баскачество Курского княженія, откупаше бо у татар дани всяка, и тѣми данми велику досаду творяше князем и всѣм людем в Курском княженіи; еще же к тому сътвори двѣ свободы во отчинѣ Олга князя Рылскаго и Ворлогскаго... насиліе творяху хрисіаном, сущим Курскіа области, около Ворлога и около Курска пусто сътвориша. Князь же Олег иде в орду о том с жалобою ко царю Телебузѣ, по думѣ и по слову, со сродником своим Святославом князем Липовичским; царь же Телебуга, дав приставы князю Олгу, река: „что будет ваших людей в свободах тѣх, тѣ люди выведите во всю область, а свободы та разгонита“; якоже и бысть. И пришед князь Олег и Святослав и с татари, и повелѣша своим людем пограбити свободы тѣ и поковати люди ихъ, а свои во свою отчину выведоша...». Как следует далее из летописи, Ахмат был в то время в орде у ногайского «царя». Узнав о разграблении своих слобод, он оговорил перед последним князей Олега и Святослава. Для расправы над Олегом и Святославом ногайский хан направил татарское войско. Перекрыв дороги, татары схватили 13 бояр, Ахмат умертвил их, а княжества татары разграбили. Олег бежал при этом к «царю» Телебузе, а Святослав скрылся в воронежских лесах. Пробыв в Курском княжестве 20 дней, татары удалились. С ними, опасаясь мести, ушел и Ахмат, оставив «два брата своя бесерменина блюсти и крѣпiti свобод тѣх».

Святослав, возвратившийся в следующем году («в лѣто 6792»), выследил, когда Ахматовы братья в сопровождении охраны ехали из слободы в слободу, «...удари на них разбоем, и убиту русских 25 да два бесерменина, а тѣх два брата Ахматова утѣкоста к Курску; а наутреи разбѣгостася обѣ свободы бесерменские»¹⁶. Как видно из приведенного отрывка, в Курском княжестве где-то под Рыльском было две принадлежащих Ахмату слободы, населенные его соплеменниками и русскими, разбежавшимися в связи с конфликтом, возникшим между Ахматом и князьями Олегом и Святославом. События, описанные летописцем и авторами XVIII в., совпадают и по месту, и по действующим лицам (а у Болтина и Антоновского и по времени, — 1284 г.). Однако в данной летописи не говорится ни о том, откуда пришли сюда Ахмат и его соплеменники, ни об их переселении в Поднепровье. Авторы же XVIII в. называли черкесов выходцами из Пятигорья и Кабарды, а Поднепровье упоминали как место, где черкесам удалось найти пристанище. Следовательно, Татищев и Болтин располагали еще каким-то летописным или иным источником, неизвестным нам сейчас.

¹⁶ Полное собрание русских летописей. Спб., 1856, т. VII, с. 176—178.

Надо отметить, что во взглядах Татищева, Шафонского и других авторов XVIII в. по интересующему нас вопросу было довольно много противоречий. Наряду с черкесской версией почти все названные авторы приводили и другие гипотезы, причем более убедительные, согласно которым запорожское казачество было местным, украинским явлением.

Естественно, что эти вопросы продолжали усиленно дискутировать в историко-этнографической литературе и последующего времени — первой половины XIX в. Интерес к ним обуславливался общественно-политическим движением в России и на Украине в этот период, усиливающимся процессом формирования украинцев в нацию, развитием отечественной истории и этнографии и другими факторами.

Н. М. Карамзин выдвинул совершенно иную гипотезу. Он считал версию о переселении части черкесов в Поднепровье «выдумкой» Болтина¹⁷. «...Вероятно, что оно (название „казаки“.— В. Г.) в России древнее Батыева нашествия,— писал Карамзин в 1818 г.,— и принадлежало торкам и берендеям, которые обитали на берегах Днепра, ниже Киева. Там находим и первое жилище малороссийских казаков. Торки и берендеи назывались черкасами, казаки также. Вспомним касогов, обитавших, по нашим летописям, между Каспийским и Черным морем; вспомним и страну К а з а х и ю, полагаемую императором Константином Багрянородным в сих же местах; прибавим, что осетинцы и ныне именуют черкесов к а с а х а м и: столько обстоятельств вместе заставляют думать, что торки и берендеи, называясь черкасами, назывались и к о з а к а м и; что некоторые из них, не хотев покориться ни монголам, ни Литве, жили как вольные люди на островах Днепра, огражденных скалами, непродоходимым тростником и болотами; приманили к себе многих россиян, бежавших от угнетения; смешались с ними, и под именем козаков составили один народ, который сделался совершенно русским (имеется в виду украинский.— В. Г.) тем легче, что предки их, с десятого века, обитав в области Киевской, уже сами были почти русскими...»¹⁸. Соображения Карамзина, как и других авторов, относительно процесса становления запорожского казачества и происхождения термина казак¹⁹ достойны специального рассмотрения, здесь же мы обратимся лишь к сведениям, касающимся происхождения названия черкасы.

Н. М. Карамзин, хорошо, как известно, знавший источники, в особенности летописи, отыскал то место в них, где сообщалось о поселении черкесов в Курском княжестве и о последующем разорении их слобод. Но он тоже не нашел никаких свидетельств о переселении беглецов-черкесов в Поднепровье²⁰. Вообще Карамзин воздерживался от категоричных высказываний, считая, по-видимому, что в этом вопросе еще многое неясно. Он, например, заметил вскользь, что «осетинцы и ныне именуют черкесов „касахами“», но никак не истолковал этот факт, явно свидетельствующий в пользу версии о переселении группы черкесов в Поднепровье. В целом же Карамзин склонен был связывать этноним черкасы с торками и берендеями, которые якобы также назывались черкасами и будто бы город Черкассы был «назван их именем».

Другой историк первой половины XIX в., Д. Н. Бантыш-Каменский, придерживался версии о северокавказском происхождении названия черкасы. По его мнению, начало запорожцам положили переселенцы с Северного Кавказа, с которыми и связано название черкасы. В делах коллежского архива, указывал Бантыш-Каменский, «запорожцы и доныне фигурируют под именем „черкас“». При этом он, как и авторы XVIII в., подчеркивал сходство запорожцев с северокавказскими наро-

¹⁷ Нельзя в связи с этим не заметить, что высказанное С. К. Килессо утверждение (Килессо С. К. Черкаси. Київ: Наук. думка, 1966, с. 8), будто Карамзин «повторил» мнение Болтина, не соответствует действительности.

¹⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского. Спб., 1892, т. V, с. 243—244.

¹⁹ Этому вопросу посвящена значительная литература. Из новейших работ см.: Благова Г. Ф. Исторические взаимоотношения слов казак и казах.— В кн.: Этнонимы. М.: Наука, 1970, с. 143—159.

²⁰ Карамзин Н. М. Указ. раб., Спб., 1892, т. IV, с. 135, примеч. 167.

дами в нравах и склонностях: «Одно название, одинакий нрав, одинакая склонность к набегам подтверждают сию догадку»²¹. Бантыш-Каменский считал также, что в связи с малочисленностью пришельцы очень быстро были ассимилированы и растворились в местном украинском населении, передав, однако, ему свое название «черкасы». В отличие от своих предшественников он ошибочно (сейчас мы это знаем) полагал, что город Черкассы основан не в XIII или XIV, а в начале XVI в.

Большое внимание этногенезу украинцев и происхождению названия черкасы уделил Н. А. Полевой (писатель и историк, один из первых буржуазных идеологов России 20—30-х годов XIX в.). В рецензии на труд Бантыш-Каменского, опубликованной в 1830 г., Полевой решительно возражал против версии черкесского происхождения казачества, хотя признавал наличие поселений выходцев с Северного Кавказа в Курском княжестве, даже уточнял расположение этих поселений («близ Рыльска») и называл их «Ахматовыми слободами». Вопрос об изгнании оттуда черкесов и переселении их в Поднепровье он обходил. Поселенцев черкесов на Куршине Полевой рассматривал как военных наемников, что было, по его мнению, очень распространенным явлением в XIV—XVI вв. Как и Бантыш-Каменский, Полевой ошибочно утверждал, что г. Черкассы появился только в XVI в. По мнению Полевого, название этого города не имело никакого отношения к северокавказским черкасам.

Полевой оспаривал и мнение Карамзина, будто термин казаки и название украинцев Среднего Поднепровья черкасы связаны с торками и берендеями. «Правда, что казаки, донские и украинские, назывались и черкасами, но торки и берендеи черкасами, следовательно, и казаками не назывались»²². То место в Воскресенском списке летописи, где черные клобуки фигурировали под названием черкасы, Полевой считал поздней вставкой, которой нет в других списках²³, хотя и не приводил никаких доказательств. Он предложил свою этимологию этнонима черкасы.

«Малороссиян называют и черкасами,— писал он,— бесспорно, что это слово турецкого происхождения, составлено из *tcher* (путь, дорога) и *ker*тек (перерезать, отрезать), и днепровские, и донские казаки могли принять его без всякого родства с Кавказом и с горскими адыгами, которых соседи называют также черкасами и казаками»²⁴. Это утверждение Полевого нельзя считать убедительным, ибо термин черкасы был распространен не в Турции, а в России²⁵.

И все-таки Н. Полевой в другой своей работе, изданной в том же 1830 г., капитулировал перед Карамзиным, признав, что «харакаллаков»-черных клобуков называли и черкасами и, что со времен Древней Руси «вероятно... можно положить начало сборных племен, впоследствии образовавших собою на Днепре казаков»²⁶. Основание г. Черкассы здесь он относит к «последним 20-ти годам XV века», а не к началу XVI в., как в рецензии на книгу Бантыш-Каменского.

Украинский историк и этнограф XIX в. М. А. Максимович, не принимая непосредственного участия в дискуссии, высказал некоторые соображения относительно украинско-северокавказских связей. Он отстаивал вывод о местном, украинском происхождении запорожского казачества, но вместе с тем признавал сходство антропологического облика

²¹ Бантыш-Каменский Д. История Малой России. М., 1830, ч. I, с. 109 (1-е изд.: М., 1822).

²² Полевой Н. Рец. на кн. «История Малой России», ч. 1—3 (сочинение Д. Н. Бантыш-Каменского).— Московский телеграф, 1830, № 18, с. 227—229.

²³ Такого же мнения придерживается и А. С. Стрижак. См.: Стрижак О. С. Указ. раб., с. 82.

²⁴ Полевой Н. Рец. на кн. «История Малой России...», с. 229.

²⁵ По свидетельству исследователя запорожского казачества А. А. Скальковского, турки называли запорожцев «буткалы» или «поткалы», что означало «смесь» народа. См.: Скальковский А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Одесса, 1846, ч. I, с. 24.

²⁶ Полевой Н. История русского народа. М., 1830, т. II, с. 370.

южных украинцев и кавказских (черкесских) жителей. «Личное посещение Кавказа в 1832 году,— писал он,— еще более меня уверило в прежних моих мыслях»²⁷.

Основание г. Черкассы Максимович датировал началом XIV в. (а не XVI-м, как Полевой), возникновение же этнонима черкасы связывал с названием города. «Черкасы,— утверждал он,— до гетманства Богдана были главным городом казацкой Украины, по которому и казаки и самая Украина звались у москвитян „черкасами“»²⁸. И далее: «Черкасы становятся известны со времен Гедимины в числе городов, присоединенных им (около 1320 года)»²⁹.

Другой украинский историк и этнограф, Н. А. Маркевич, базируясь на лингвистических и этнографических материалах, а также на сведениях письменных источников, в том числе летописей, проанализировал все высказанные гипотезы и пришел к выводу о непропорциональности связи этнонима черкасы с черкесами. Изучая то место летописи, где речь идет о двух так называемых «Ахматовых слободах» под Курском и о конфликте между курским князем Олегом и Ахматом в 1282 г., Маркевич не нашел там сведений о разорении этих слобод и о переселении их жителей в Поднепровье. По его мнению, ближе всех к истине был Карамзин, связывавший название черкасы с торками и берендеями³⁰.

Взгляды самого Н. Маркевича сводились к следующему. Этноним черкес (вариант — черкас) заимствован из тюркских (у автора — «восточнотурецких») языков, где он, наряду с термином козак, употреблялся для обозначения вольницы. К украинцам термины эти перешли от торков и берендеев. Город Черкассы основан был торками и стал главным городом украинцев, «местопребыванием главного их начальства». Это и послужило причиной того, что великороссы в «переписках своих прозвали» украинцев черкасами³¹. И тем не менее Н. Маркевич не приводит убедительных аргументов, полностью отвергающих версию о переселении черкесов в Поднепровье. Н. Маркевич, как и его предшественники, указывал на сходство головных уборов украинцев и северокавказских народов (кстати, на Левобережной Украине в конце XVIII в. были и аналогичная кабардинской «черкеска» с откидными рукавами, и «черкесское седло») ³². Считая, что такие шапки появились первоначально у запорожцев под влиянием торков, Н. Маркевич основывался не более как на предположении. Сам он отыскал на Курщине ряд сел, названия которых связаны с этнонимом черкасы: «Черкасское», «Черкасские Тишки», «Черкасская Лозовая», «Поречье Черкасское»³³. Конечно, села эти могли возникнуть и позже — в XVI—XVII вв., когда украинцев называли уже черкасами, однако вопрос о времени появления сел Н. Маркевич не выяснял.

Определенные погрешности допустил он и при анализе приводимых отрывков из летописи. Так, хотя в ней и не говорится о разорении слобод, населенных черкесами, но из контекста видно, что после нападения Святослава на братьев Ахмата население «бесерменских» слобод разбежалось³⁴ и, следовательно, должно было искать где-то пристанища.

²⁷ Максимович М. Откуда идет русская земля, по сказанию Нестеровой повести....— Собр. соч., Киев, 1876, т. I, с. 35 (примеч.).

²⁸ Максимович М. Обзорение городовых полков и сотен, бывших на Украине со времени Богдана Хмельницкого. — Там же, с. 677.

²⁹ Там же, с. 678.

³⁰ О козаках. Сочинение Н. Маркевича. — В кн.: Чтения Московского общества истории и древностей российских. М., 1859, с. 35 (в 1846 г. Н. Полевой умер, и Маркевич счел, видимо, неудобным выступать вскоре после его смерти с критикой его трудов).

³¹ Там же.

³² Багалея Д. І. Історія Слобідської України. Харків, 1918, с. 213; Шафонский Аф. Указ. раб., с. 31; Квитка-Основьяненко. Украинцы. — Современник, 1841, т. 21, № 1, с. 79; Скальковский А. Указ. раб., с. 325—326.

³³ Названия сел, связанные с этнонимом черкас, есть и в Киевской области. См., например: Історія міст і сіл УРСР. Київська область. Київ, 1971, с. 141, 145, 749 и др.

³⁴ Полное собрание русских летописей, т. VII, с. 177.

Вопрос о названии украинцев Поднепровья черкасами затрагивался и позже³⁵. Однако, несмотря на то, что в послевоенное время появились капитальные исследования по истории Украины³⁶, в том числе специальные работы о запорожском казачестве³⁷, употреблявшийся по отношению к украинцам Поднепровья этноним черкасы остался необъясненным.

Как видно из изложенного, суждения исследователей конца XVIII — первой половины XIX в. о происхождении этнонима черкасы были противоречивы. Это объясняется уровнем развития науки того времени, неразработанностью прежде всего самой теории этногенеза. Исследователи не учитывали разнородности этнических компонентов, составивших этносы, не умели расчленить близкие, но зачастую различные аспекты этой проблемы: происхождение народа и его названия (последних может быть не одно, а несколько, и истоки их могут быть самые различные)³⁸.

Известно, что украинцы, в особенности южная группа их — население бывшей Переяславской земли, впитали в себя значительные как инославянские, так и неславянские, преимущественно тюркские и иранские, а также, по-видимому, и кавказские компоненты. Если посмотреть на черкесов как на одно из этнических вкраплений, на один из компонентов в составе украинской народности, то версия о переселении какой-то группы черкесов в Поднепровье приобретает научную значимость.

Историки прошлого имели определенные преимущества по сравнению с современными исследователями — они были ближе к описываемым событиям и могли пользоваться, как это, видимо, было с Болтиным, источниками, неизвестными сейчас. Думается, что его сообщение о переселении какой-то группы черкес в Поднепровье — не выдумка.

Широкое употребление в XVI—XVII вв. названия черкасы по отношению к украинцам Поднепровья — исторический факт. Черкасами называл население Поднепровья Герберштейн, проезжавший через Украину во время своих путешествий в Россию в 1516—1518 и 1526—1527 гг.; правда, он оговаривался, что это «черкасы русские», т. е. украинцы³⁹. Черкасами официально именовались украинцы указанной территории в актах Русского государства, начиная с XVI и вплоть до первой половины XVIII в.⁴⁰ При этом в России существовало представление и об определенной, только для них характерной культуре и обычаях — «старочеркасская обыкность»⁴¹. Дабы не смешивать их с черкесами Кавказа, к названию прибавлялось часто слово «запорожские» («черкасы запорожские»). Следует при этом указать, что черкасами называли не всех украинцев, как это склонны считать некоторые исследователи. Этноним черкасы никогда не применялся, например, к украинцам Западной Украины, Волыни. Употребление его зафиксировано главным образом в двух значениях и формах: первоначальном, узком, относившемся к населению сравнительно ограниченной территории, преимущественно Запорожья⁴² (черкасы запорожские) и более позднем, широком, относившемся ко всему населению Среднего Поднепровья и Левобережной Украины (черкасы).

³⁵ См., например: *Лещенко А. Ф.* К вопросу о происхождении украинского казачества. — В кн.: Сборник статей по экономике и культуре. Краснодар, 1927, в. 1, с. 78—92.

³⁶ *Історія Української РСР.* Київ: Наук. думка, 1967, т. I—II.

³⁷ *Гуслистий К., Апанович О.* Запорізька Січ та її прогресивна роль в історії українського народу. Київ, 1954; *Крип'якевич І. П.* Богдан Хмельницький. Київ, 1954; *Голобуцький В. О.* Запорізька Січ в останні часи свого існування (1734—1775 рр.). Київ, 1961.

³⁸ См.: *Никонов В. А.* Этнонимия. — В кн.: Этнонимы. М.: Наука, 1970.

³⁹ Записки о Московии барона Герберштейна. С латинского базельского издания 1556 г. перевел А. Анонимов. Спб., 1886, с. 153; Записки о московских делах. Спб., 1908, с. 159.

⁴⁰ См.: Акты Московского государства. Спб., 1890, т. I; 1896, т. II; 1901, т. III.

⁴¹ *Багалей Д. І.* Указ. раб., с. 159.

⁴² В документе, датированном 1546 г., название черкасы не распространялось еще даже на жителей Киева. См.: *Історія Української РСР*, т. 1, с. 150; см. также Акты Московского государства, т. I, с. 345—346, 350, 621 и др.

Какие конкретные связи скрываются за очень близкими по звучанию этнонимами *черкесы* (в прошлом название ряда северокавказских народов) и *черкасы* (название украинцев Поднепровья). Нам представляется, что звуковое совпадение этих терминов не случайное.

Этноним, как известно, для историка и этнографа — бесценный источник⁴³, отражающий обычно конкретные этногенетические процессы и этнокультурные взаимосвязи народа, нередко — конкретные исторические события.

В возникновении этнонимов, как и топонимов, существует определенная закономерность. Она «...отражает тот факт, что этнонимы возникали не сами по себе, изолированно, а выражали определенные связи между коллективами, т. е. связи межэтнические»⁴⁴. И правы, надо полагать, те авторы, которые считали, что население Поднепровья восприняло название от какой-то группы переселенцев — черкесов, т. е. предков современных адыгейцев и кабардинцев, хотя переселенцы ввиду своей малочисленности быстро растворились среди местного аборигенного украинского населения. Есть интереснейшие документы, также сообщающие о поселении выходцев с Северного Кавказа в Поднепровье, — так называемые «люстрации» (переписи, ревизии) украинских городов. В «люстрациях» Каневского и Черкасского замков, датированных 1552 г., приводится предание, записанное в г. Черкассы. По этому преданию, «черкасы» появились в Поднепровье в начале XIV в. Это была часть «пятигорских черкас», приведенных Гедимином вместе с их «княгиней» и поселенных в г. Черкассы и по р. Слепороду (приток р. Сулы) после похода Гедимины на юго-восток, в результате которого он захватил «Кафу и весь Перекоп, и Черкасы Пятигорские»⁴⁵. Думается, что речь идет еще об одной группе переселенцев-черкесов, осевших в Поднепровье. Вряд ли следует сомневаться в правдивости предания, как это делает А. С. Стрижак, основываясь на летописном свидетельстве о том, что ко времени похода Гедимины (1305 г.) г. Черкассы уже был известен⁴⁶. Во всяком случае, свидетельства разных по времени и происхождению письменных источников в пользу одного и того же факта — наличия поселенцев-черкесов в Поднепровье в XIII—XIV вв. — не оставляет сомнения в его достоверности. Не исключено, что «приведенные» в 1305 г. Гедимином пятигорские черкесы были подселены к своим соплеменникам в Поднепровье. Кстати, правдивость предания подтверждается и топонимикой. В частности, на р. Слепороде, где, как следует из люстрации, поселена была часть «выведенных» Гедимином «пятигорских черкас», существует с. Пятигорцы⁴⁷.

Люстрации 1552 г. содержат еще одно свидетельство, не замеченное исследователями, о наличии в это время в Черкассах северокавказского этнического компонента — реестр жителей Черкасского и Каневского замков. В списках, особенно по г. Черкассы, значится немало явно не славянских, в том числе кавказских имен и фамилий: Лазука, Горянин Тиньснич, Тока Копытков, Ломан, Семен Скуматов, Гусейм (по-видимому, Хусейн), Нелистон Старый, Степанец Пятигорчин, Жчалаш, Мишко Теребердеевич и др.⁴⁸ О связях северокавказских народов с населением Поднепровья свидетельствует и наличие ряда культурно-бытовых параллелей. В дополнение к приведенным сведениям Аф. Шафонского и Ал. Ригельмана о сходстве костюма, монументальной архитектуры, нравов можно указать на широкое распространение у украинцев, как и у

⁴³ Никонов В. А. Указ. раб.: Чеснов Я. В. Название народа: откуда оно? — Сов. этнография, 1973, № 6, с. 135—146; Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973.

⁴⁴ Чеснов Я. В. Указ. раб. — В кн.: Этнографы рассказывают. М.: Наука, 1978, с. 19.

⁴⁵ Архив Юго-Западной России. Киев, 1886, т. I, ч. VII, с. 103.

⁴⁶ Стрижак О. С. Указ. раб., с. 82.

⁴⁷ См.: Історія міст і сіл УРСР. Полтавська область. Київ, 1967, с. 604. Села с аналогичным названием имеются также на правом берегу Днепра в Киевской области — Пятигоры (То же. Київська область. Київ, 1971, с. 676) и в Балаклеевском районе Харьковской области — Пятигорское (То же. Харківська область. Київ, 1967, с. 197).

⁴⁸ Архив Юго-Западной России, т. I, ч. VII, с. 81—87, 104—105.

жителей Кавказа, обычаев побратимства, бытование в прошлом у тех и других близкого по конструкции тяжелого деревянного плуга, сходных типов турлучного жилища с навесом на столбах, традиции отапливать жилище кизяком⁴⁹, наличие у запорожцев «черкесского» седла и мн. другое⁵⁰.

В Среднем Поднепровье и на Левобережье Украины, т. е. на предполагаемой территории обитания переселенцев-черкес, заметны следы присутствия кавказского этнического компонента в топонимике, гидронимике, языке, на что также неоднократно обращалось внимание в литературе.

Известное на Левобережье слово «чукать» (детей), т. е., играя с ними, ритмично качать их по вертикали наподобие движения всадника при верховой езде в седле, имеет общий корень с адыгским словом *чыккыу*⁵¹.

Если, однако, некоторые «кавказские» следы в Поднепровье могут быть объяснены, как считает В. П. Кобычев, наличием более древнего «адыго-кавказского субстратного пласта в языке, топонимии и культуре населения... Днепровско-Днестровского и Нижнедунайского бассейнов»⁵², что весьма гипотетично, то топоним Пятигорцы (село в долине р. Слепорода), как и микротопоним Казбет (давнее название одного из предместий г. Черкасы)⁵³ связаны, несомненно, с присутствием на этой территории более поздних выходцев с Кавказа.

Дальнейшие этнографические исследования несомненно выявят новые культурно-бытовые параллели между украинским и северокавказскими народами.

«Каждое название,— отмечает В. А. Никонов,— одновременно и отличает называемый объект от других, и объединяет его с однородными»⁵⁴. Это относится и к этнонимам. Название черкасы, носившее этнически-региональный характер и имевшее конкретное социальное наполнение, распространилось в России в период складывания централизованного государства, когда русские соприкоснулись на юго-западных рубежах с близким им, но вместе с тем уже иным и в политическом, и в социально-экономическом, и в этническом отношении миром. И эту особенность нужно было отразить в названии. Термин Украина в то время не годился хотя бы потому, что у русских были тогда свои «окраины» в Рязанской земле, а также Заокская, Северская Украина. Неприемлемо было и известное уже в то время в Польше и на Украине название Малая Россия как нечеткое, обозначающее все юго-западные, ранее древнерусские земли, захваченные панской Польшей и Литвой, а не только Поднепровье.

В истории немало примеров, когда народ ошибочно называли по имени другого народа. Для непосредственно граничащих с левобережным Поднепровьем и наиболее часто сталкивающихся с его населением курянам это была территория, где осели запомнившиеся по описанным событиям в Курском княжестве «черкесы». Врезавшееся на долгие годы в память событие и определило, надо полагать, название, тем более что образ жизни, свободолюбивый характер, как и сама колоритная фигура лихого наездника — запорожского казака, сильно напоминали черкесов, несших в XV—XVI вв. сторожевую службу на южных рубежах Русского государства.

⁴⁹ «В закавказском (северокавказском.— В. Г.) крае,— писал по этому поводу И. Попко,— встречаются поселения, которые, будучи расположены между лесами, употребляют на топливо кизяк, а не дрова» (Попко Ив. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858, с. 53—54).

⁵⁰ См.: Лавров Л. И. Указ. раб., с. 64; Кобычев В. П. В поисках прародины славян. М.: Наука, 1973, с. 92—96.

⁵¹ *Чыккыу* — «маленький». См. Толковый словарь адыгейского языка. Майкоп, 1960, с. 629.

⁵² Кобычев В. П. Указ. раб., с. 93.

⁵³ Гудзенко П. А. Черкаська область. Київ: 1959, с. 89.

⁵⁴ Никонов В. А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965, с. 33.

По этнониму возник и топоним Черкасы — название сначала части, а потом и всей территории Среднего Поднепровья. Обращает на себя внимание, что топоним множественного числа Черкасы (название города) стоит особняком среди аналогичных топонимов единственного числа мужского рода — Переяславль, Канев, Корсунь, Богуславль, Снепород, Чигирин, Триполь, Родень, Воишь, Сокиятин, Кодак и др. Перед нами один из известных случаев совпадения этнонима с топонимом, названием города и всей территории носителей данного этнонима⁵⁵.

Известно, что названия народов, даваемые им другими, часто меняются⁵⁶. По мере изменения политической, социально-экономической и этнической ситуации на юго-западных рубежах Русской державы к XVIII в. «этническое представление» об украинцах изменилось, и термин черкасы исчезает как нечеткий и не принятый украинцами, которые называли себя в XVI—XVII вв. «козаками», «козацким народом»⁵⁷, храня вместе с тем память о своей принадлежности к «Руси», древнерусскому миру. Вместо термина черкасы к XVIII в. за населением Поднепровья утверждается название «запорожцы», «запорожские казаки» (по топониму «Запорожье»), а за населением воссоединившейся с Россией Левобережной Украины — «малороссияне» или «малороссийские казаки» (по официальному названию этой части Украины — «Малороссия») ⁵⁸. В качестве же самоназвания по топониму «Украина», означавшему первоначально юго-восточную окраину этнической территории казаков, все большее распространение приобретал этноним «украинцы».

Н. Карамзин и Н. Маркевич высказали предположение, что полученный украинцами этноним черкасы связан с ассимилированными группами торков и берендеев, упомянутых в Воскресенской летописи будто бы под названием казаков и черкесов. Но тогда этот этноним по отношению к населению Поднепровья должен был бы употребляться на четыре столетия раньше — не в XVI—XVII, а в XI—XIII вв., ибо ассимиляция древнерусским населением отдельных групп торков и берендеев началась, как указывал сам же Карамзин, еще в X в. Соответственно и город Черкасы появился бы в XI—XII вв. Однако известные в настоящее время науке документы того времени не фиксируют его в указанные столетия⁵⁹.

Правда, и в гипотезе о кавказском происхождении названия части украинцев черкасами некоторые моменты остаются неясными. Думается, что дальнейшие целенаправленные поиски историков и этнографов, выявление новых письменных источников, архивных материалов, как и новых этнографических данных, позволят решить еще одну загадку, связанную с этногенезом украинцев, выявлением их историко-культурных связей с северокавказскими народами.

⁵⁵ См.: Никонов В. А. Введение в топонимику, с. 6.

⁵⁶ Чеснов Я. В. Указ. раб. — Сов. этнография, 1973, № 3, с. 145.

⁵⁷ Шевалье П'єр. Історія війни козаків проти Польщі з розвідкою про їхнє походження, країну, звичаї, спосіб правління та релігію... Київ, 1960, т. 46.

⁵⁸ См., например: Летопись Григория Грабянки... року 1710. Издана Временною комиссией для разбора древних актов. Киев, 1854.

⁵⁹ Карты древнерусских городов X—XIII ст. см.: Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М.: Госполитиздат, 1956, с. 296—297; Зайцев А. К. Черниговское княжество. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 80-а; Толочко П. П. Киевская земля. — Там же, с. 25.

С. А. Токарев

О КУЛЬТЕ ГОР И ЕГО МЕСТЕ В ИСТОРИИ РЕЛИГИИ

Содержанием религиозных верований обычно считают объект поклонения. Сообразно этому нередко классифицируются и сами религиозные верования: культ неба, культ солнца, культ бога грозы, культ животных (например, культ коня, быка, орла, змеи, жука-скарабея и др.), культ

растений (дуба, березы, лотоса и др.), шире — культ стихий, культ природы, культ Олимпийских богов, культ единого бога... Из совокупности таких отдельных «культов» складывается, по мнению некоторых, вся история религии.

В этом есть свой смысл, если только не упрощать действительной картины. Перечисленные выше и весьма многие аналогичные «культы» существовали и существуют в истории религий народов мира. Но за каждым из них стоит на самом деле проблема, порой сложная. В сущности говоря, сказать «культ солнца» или «культ огня», «культ дерева» и т. п. — значит еще ничего не сказать. В действительности, каждый такой «культ» есть обобщение сложного и разнообразного ряда явлений притом зачастую даже разного происхождения.

Весьма наглядный пример этого — так называемый «культ гор».

✓ Термин «культ гор» — законный и, на первый взгляд, вполне однозначный. О нем имеется солидная литература¹. Лучшее исследование принадлежит советскому этнографу Л. П. Потапову, оно опирается в основном на факты верований и обрядов народов Алтае-Саянского нагорья². Но, присмотревшись ближе, мы замечаем, какое разнообразие явлений кроется под этим термином. Притом, как я постараюсь показать, разнообразны не только виды, формы и проявления «культа гор» но и его идейные и материальные корни. Сами объекты культа, горы, выступают перед нами в весьма различных материальных аспектах и тем самым в разных социальных функциях.

Этих аспектов и этих функций, восходящих к разным историческим эпохам и разным условиям жизни людей, можно насчитать не меньше десяти. Частично они между собой комбинируются.

✓ 1. Гора — прежде всего грозная опасность. Люди не добровольно заселяли горные местности, а отступали туда под давлением более сильных соседних племен. Суровые горы, особенно на Севере, встретили пришельцев опасными обрывами, снежными лавинами, ледниками и камнепадами. Таковы, например, горы Скандинавии, Азиатского Севера, Гренландии... Дикая природа северных гор, грозная человеку вполне реальная гибелью, не могла не поразить его воображение. Отсюда мифологические образы злых горных духов. Таковы тролли скандинавских народов, горные великаны Йеттеназак у лопарей, духи гор Куньлунь и других гор в мифах древних китайцев³.

✓ 2. Совсем иное дело — духи горных перевалов. Горные цепи во многих регионах служили издавна естественными рубежами для этнических и культурных провинций. Но эти рубежи никогда не были абсолютно непреходимыми: всегда есть «перевал», естественное понижение горной цепи, более или менее доступное для пешехода, вьючной или колесной дороги. Но и перевалы были порой опасны. Поэтому перевалить через горную цепь значило оставить позади себя некую опасность, либо идти навстречу новой опасности, чему-то неведомому. И понятно, что суеверное воображение человека рисовало себе некоего духа-хозяина перевала, от милости и немилости которого зависит, будет ли безопасен и удачен путь через перевал.

Недаром в горах Южной Сибири и Центральной Азии перевальные тропы и дороги обычно отмечены каким-нибудь памятным предметом — большим камнем, кустом, деревом и пр., около которого насыпаны куча камней, локутов материи, иногда монеты и другие жертвоприношения путников в благодарность духам за удачный переход. Это так называемое «обо», «обо-таш» у алтайцев и монголов.

¹ См. «Berg», «Bergentrückt», «Berggeister», «Bergwerk». — В кн.: Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens. Berlin — Leipzig, 1927, B. 1, S. 1043—1087.

² Потапов Л. П. Культ гор на Алтае. — Сов. этнография, 1946, № 2. См. также Кызласов И. Л. Гора-прародительница в фольклоре хакасов. — Там же, 1982, № 2.

³ Харузин Н. Н. Русские лопари. М., 1890, с. 164, 177; Ибсен Г. Пер Гюнт. — Ибсен Г. Собр. соч., М., 1956, т. 2; Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М.: Наука, 1965, с. 96, 104.

Почитание горных перевалов или их духов-хозяев — одна из характерных разновидностей культа гор. А точнее, своеобразная мифологизация горного пограничья двух смежных культурных районов.

3. Третья разновидность почитаемых гор — промысловые угодья. Там, где промысловое охотничье население обитает по горным долинам («ущельям» на Кавказе, «урочищам» на Алтае), оно ходит на промысел на соседнюю или более отдаленную гору («тайга» у алтайцев). Типичный пример — горный Алтай.

Охотничий (звероловный) и орешный промысел там издавна занимал почетное место в хозяйстве (наряду со скотоводством, местами и с земледелием). Добывается главным образом белка, меньше — другая пушнина, полунившая товарное значение. Места беличьего промысла были строго распределены между «сёеками» (родовыми группами). При нарушении кем-либо традиционных границ промысловых угодий возникали конфликты. И вот самое интересное здесь то, что горные промыслища представлялись живыми существами — священными покровителями промысла. Все они имели свои имена; эти имена означали и самую гору, и пребывающего в ней духа. Таких названий известны многие десятки: Бабырган, Абакан, Алтын-Тау, Мустар, Чаптыган, Еки-ере, Солок, Каратаг, Терет и мн. др.

Иногда в народных поверьях Алтая хозяева горы принимали даже антропоморфный облик: в различных охотничьих легендах и рассказах говорится о встречах с этими «хозяевами» — стариками и молодыми, мужчинами и женщинами, девушками.

Еще любопытнее то, что «хозяева горы», священные горы, мыслились не просто покровителями промысла: это были именно родовые горы, у каждого сёека своя. Каждый сёек устраивал (особенно перед началом осеннего промысла) родовые моления в честь своей родовой горы с принесением ей жертв, иногда приглашая шамана для этой цели. Отношение каждого сёека к своей родовой горе осознавалось как кровно-родственное. интимное отношение. Считалось, что члены рода как бы происходят от своей горы (быть может, подобные высказывания надо понимать в смысле просто географического происхождения родов). Это выражалось понятиями *тёс-таг* («гора-предок»), *улу-таг* («великая гора»), *ару-тёс* («чистый предок») и пр.

Все эти характерные черты «родового культа гор» превосходно исследованы в названной выше работе Л. П. Потапова.

4. Совершенно особая разновидность «культа гор» сложилась у некоторых земледельческих народов в тех местностях, где урожай зависел от своевременного орошения полей горными паводками. Типичный пример — культ горы Олимп в древней Греции. Земледельцы Фессалии, самой плодородной и богатой части Эллады, со страхом и надеждой поглядывали на внушительный горный массив Олимпа, нависающий над равниной с севера и постоянно покрытый снеговой шапкой: отсюда шли к крестьянам Фессалии грозовые тучи, несущие благодатный дождь. Что же мудреного, если образ Зевса Олимпийского (вначале местного божка) рисовался им как громоносное и дожденосное божество? А так как Фессалия была одним из ранних очагов античной культуры, то военной аристократии этой страны с ее преобладающим политическим весом без труда удалось превратить местного горного бога в предмет общеэллинского культа. При этом он сближился и слился с верховным критским божеством, получившим то же имя (происхождение самого имени «Зевс» — уже другой вопрос, пока не совсем ясный). Эту своеобразную эволюцию идей очень хорошо выяснил немецкий историк религии Отто Керн⁴. Аналогичные факты в других регионах еще ждут своего исследования.

5. Специфическую форму принял «культ гор» в тех сравнительно немногих местностях, где население было издавна занято добычей горных ископаемых, металлов, каменной соли, драгоценных камней. Это глав-

⁴ Kern O. Über die Anfänge der Hellenischen Religion. Berlin, 1902, S. 23—24.

ным образом Западная, частично Восточная Европа, некоторые области Восточной Азии. Доходность этого промысла, но в то же время его ненадежность и необеспеченность повели и тут к мифологизации горных богатств. Так появились в разных странах различные духи гор, пещер и пр., какими особенно богат был, например, Китай⁵. Очень своеобразны фольклорные образы, созданные фантазией горняцкого населения Западной Европы, например, образы «гномов». Гномы — маленькие человечки, старички, хранители и добытчики рудных сокровищ, золота, драгоценных камней. В отличие от злобных троллей, гномы не враждебны людям, не грозят им бедой, но ревниво хранят свои сокровища. У чехов и словаков есть фантастический образ «Перкмана» (от нем. Bergmann — «горный человек»); у поляков — «Скарбник» (от слова skarb — клад, сокровище). Опять-таки по-иному выглядят фольклорные образы горнозаводского Урала: в «сказах», записанных писателем Павлом Бажовым, фигурируют щедрая к хорошим людям «Хозяйка медной горы», ее подручные «ящерки» — олицетворения благородных минералов, змей Дайко, хранитель золота, «голубая змейка», дающая золото только честным людям, и другие поэтические образы⁶. Конечно, все эти порождения мифологизирующей фантазии уже довольно далеко ушли от первоначального «культа гор».

6. Не менее ясен генезис духов огнедышащих гор и различные верования, с ними связанные. Разница с вышеописанными мифологическими образами здесь лишь та, что злые тролли, добродушные гномы, духи горных перевалов и др. — все это, так сказать, постоянно действующие фантастические образы, и в них отражается как бы повседневная зависимость человека от стихийных сил; вулканы же проявляют себя спорадически и непредвидимо: они могут бездействовать веками и тысячелетиями, даже в активном вулканическом поясе. Поэтому и порождаемые вулканизмом мифологические образы не могут не быть разнообразными.

Так, например, ительмены Камчатки олицетворяли «сопки» (вулканы), каких очень много на Камчатке и которые представляли реальную угрозу для людей. На этих горах обитают будто бы «камули», которых ительмены боялись и почитали, по словам Степана Крашенинникова, «более, нежели богов своих»; им приносили умиловительные жертвы, обычно что-нибудь съестное⁷. В Европе разные религиозно-мифологические представления связывались с самым крупным вулканом — Этной на о. Сицилии. Это был метательный снаряд в руках Зевса в войне богов против титанов. В кратере Этны помещалась мастерская бога-кузнеца Вулкана (имя этого бога вошло во все европейские языки в нарицательном значении).

7. Нам осталось кратко коснуться нескольких, довольно разнообразных случаев почитания гор, относительно которых скудость и отрывочность фактических данных не позволяет ни отнести их к определенной категории, ни решить вопрос об их происхождении.

а) Это, во-первых, многократно упоминаемое в книгах Ветхого завета «почитание высот». Для евреев и их соседей это была, видимо, заурядная и привычная форма культа. Что это были за «высоты»? только ли места совершения обрядов, принесения жертв тем или иным божествам? или предполагаемые местопребывания этих божеств? или эти «высоты» были сами по себе предметами почитания? Из многочисленных текстов Библии, особенно в «исторических» ее книгах, видно, что «высоты» были чаще связаны с местными божествами — Астартой, Ваалом и др. Некоторые из еврейских царей, ревнители почитания Яхве, запрещали совершать обряды на высотах, «отменяли» их; другие их, напротив, воссоставляли. В этом проявлялась борьба соперничавших культов. Были нередки и случаи компромисса: так, например, царь иудейский Амасия, почитатель Яхве, «делал угодное в очах Господних... Только высоты не были отменены: народ совершал еще жертвы и курения на высотах»

⁵ Юань Кэ. Указ. раб., с. 93—94.

⁶ Бажов П. Малахитовая шкатулка. М.: Сов. писатель, 1947.

⁷ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.: Главсевморпуть, 1949, с. 408.

(4. Царств., гл. 14, ст. 3—4; см. также: там же, гл. 15, ст. 3—4; гл. 15, ст. 34—35; гл. 18, ст. 3—4 и др.). Об Израильском же царстве говорится: «И стали делать сыны Израилевы дела неугодные Господу Богу своему, и построили себе высоты во всех городах своих, начиная от сторожевой башни до укрепленного города. И поставили у себя статуи и изображения Астарта на всяком высоком холме и под всяким тенистым деревом. И стали там совершать курения на всех высотах...» (4. Царств., гл. 17, ст. 9—11). Впрочем, и сам Яхве дал свои заповеди Моисею на горе Синае. «И сказал Господь Моисею,— читаем в книге Исхода,— Взойди ко мне на гору, и будь там; и дам тебе скрижали каменные, и закон и заповеди, которые я написал для научения их... И взойшел Моисей на гору; и покрыло облако гору. И слава Господня осенила гору Синай, и покрывало ее облако шесть дней, а в седьмой день воззвал Господь к Моисею из среды облака. Вид же славы Господней на вершине горы был пред глазами сынов Израилевых, как огонь поедающий» (Исход, гл. 24, ст. 12, 15—17). Позже царь Соломон построил храм в возвышенной части Иерусалима — храм «Господу Саваофу, живущему на горе Сионе» (Исход, гл. 8, ст. 18). Кстати, от этого горного святилища получило впоследствии свое наименование сионистское движение.

Сакральное значение гор отразилось и в новозаветной литературе. На какой-то «горе» в Галилее Иисус произнес свою первую большую проповедь к народу — так называемая «Нагорная проповедь» (Матфей, гл. 5—7). В трех синоптических евангелиях рассказывается о том, как Иисус «возвел на гору высокую» трех своих самых любимых апостолов и «преобразился перед ними» — «просияло лицо его как солнце», одежды стали белыми и блестящими, гора покрылась светлым облаком, и из него послышался голос бога (Матфей, гл. 17, ст. 1—9; Марк, гл. 9, ст. 2—7; Лука, гл. 9, ст. 28—36).

б) Для объяснения библейского культа «высот» следует обратиться к возможным аналогиям. В античном мире обычным явлением было сооружение храмов, святилищ, жертвенников на возвышенных местах. Наиболее известные примеры: Парфенон в афинском Акрополе — храм богини-покровительницы города и рядом храмы других божеств; храмы Аполлона и Диониса у подножья горы Парнаса; храм Юпитера на Капитолийском холме в Риме и мн. др. Считалось, что на горах, по крайней мере на некоторых, обитают сами боги. Очень отчетливо выражена эта идея в религии хеттов: на большом на скальном барельефе близ Яжилика изображена процессия богов во главе с верховным богом грозы, шествующих по горным вершинам. Мифов о горных духах множество в Китае; некоторые из них особенно почитались. На первом месте ставят гору Тайшань, ставшую чуть ли не религиозным центром Китая, местом массового поклонения. В странах Индокитая (Бирма, Таиланд, Кампучия и др.) почитание гор — обычно самой высокой горы в стране — принимает разнообразные формы: гора считается то местопребыванием божества или духа-хозяина, то она сама — почитаемый предок, то выступает как «король-гора», олицетворяемая в живом монархе⁸.

в) На более раннем стадийно уровне среди крестьянства европейских стран до сих пор сохранился местами обычай совершать сезонные, особенно весенние, обряды на возвышенностях. В дни Карнавала, на Пасху, на Троицу, на 1 Мая молодежь устраивает сборища на возвышенных местах («Красная горка» в послепасхальную неделю у русских), зажигают там большой костер, танцуют и прыгают через него, скатывают с горы горящее колесо и пр. В этих обычаях наряду с несомненным чисто развлекательным и даже эротическим смыслом налицо следы каких-то древних ритуалов, совершавшихся в горах и на холмах⁹. Впро-

⁸ Стратанович Г. Г. Народные верования населения Индокитая. М.: Наука, 1978, с. 47—51, 57.

⁹ См. Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Зимние праздники. М.: Наука, 1973, с. 81, 146, 164; То же. Весенние праздники. М.: Наука, 1977, с. 100, 119, 143, 170, 216, 236, 344; То же. Летне-осенние праздники. М.: Наука, 1978, с. 101, 110, 124, 139, 155, 165, 175.

При, ритуальная роль горы (холма) отходит здесь скорее на второй план. Приурочение праздников к датам солнечного календаря позволяет говорить в первую очередь об элементах солярного культа, а может быть и о пережитках огнепоклонства.

г) Некоторые горы, напротив, пользовались в народных воззрениях недоброй славой пристанища нечистой силы. Это ведьмины горы: Брокен в Германии, Лысая гора под Киевом на Руси. Там, по народным поверьям, в определенные дни (в Германии — в Вальпургиеву ночь под 1 мая) собираются ведьмы на свой шабаш под предводительством самого дьявола.

д) И опять-таки, в противность только что сказанному, на другом конце Евразийского материка, в Китае, Корее и соседних странах, в народе глубоко укоренилось представление о «счастливых горах». Под этим выражением понимаются главным образом благоприятные места захоронений. Найти для своего отца или иного близкого родственника «счастливую гору» для погребения (или вторичного захоронения) считалось делом весьма важным. Существовала даже особая профессия геомантов, которые специализировались на умении найти «счастливую гору» по всем правилам этой «науки».

е) Особняком в ряду почитаемых гор стоят «мифологические» горы. Это название условно. Мифологические образы, олицетворения и прочие фантастические или поэтические представления прилагаются к любой почитаемой горе, будь она сама по себе вполне реальна. Таковы, например, Олимп, Осса, Пелион, Парнас, Киферон, Ида и многие другие горы в античной Греции; Арарат, Синай на Ближнем Востоке; Богда-ола в Монголии; горы Тибета; Фудзияма в Японии; Кения и Килиманджаро в Африке и др., — все это материальные горные вершины. Но есть в истории религии и такие горы, которых не существует нигде, кроме как в человеческой фантазии. Вопрос об этих «чисто» мифологических горах, видимо, еще не изучен. Но можно думать, что речь тут идет не о собственно народной мифологической фантазии, а о богословско-космологических спекуляциях профессионалов жрецов и философов. В космологии индуизма и буддизма видное место занимает «мировая гора» Меру (Сумеру), у китайских даосов — «Нефритовая гора», в средневековой Европе — Монсальват, гора св. Грааля, в скандинавской мифологии — Валгалла, в славянском сказочном эпосе — «стеклянная (хрустальная) гора».

Все изложенное позволяет сделать некоторые обобщения, небезынтересные в аспекте общей методологии изучения истории религии.

1. Обозначение «культ гор» покрывает явления, весьма различные между собой, и не только по формам проявления, но и в значительной мере по самой своей сущности и, что самое важное, по происхождению. Общее у всех у них только одно: некоей социальной (этнической) группе присущи суеверные представления, касающиеся некоей горы (гор), в отношении которой совершаются некие ритуальные действия. Но такая общая формула слишком абстрактна, чтобы из нее можно было извлечь большую познавательную пользу. Это, конечно, не лишает нас права употреблять термин «культ гор» (= «оролатрия», если угодно), но при условии не придавать ему значения познавательной отмычки.

2. Зато на примере описанных выше разновидностей «культа гор» особенно хорошо видна прямая зависимость форм религиозно-мифологических представлений (и соответствующих культовых действий) от исторически и экологически детерминированных условий жизни людей и от форм их материальной деятельности: промысловое, земледельческое хозяйство, пограничные миграции, условия обитания в высокогорной стране и пр. А ведь вскрывать материальные корни тех или иных религиозно-мифологических идей — это и есть наиболее прямой путь к познанию истории религии на разных ее этапах.

3. К сожалению, некоторые сторонники модного «семиотического» направления в науке уделяют главное внимание не столько реальным, сколько мифологическим горам как объектам культа, не придавая, впро-

чем, большого значения различию первых от вторых. Вопрос о материальных истоках культа гор ими не ставится. Зато эти ученые усматривают идейную связь между мифологическими образами горы и другими, родственными, по их мнению, или изофункциональными, мифологическими образами, в первую очередь мифологическим образом «мирового древа». Так, В. Н. Топоров в своей в общем очень содержательной и полезной статье «Гора» пишет: «Мифологические функции горы многообразны. Гора выступает в качестве наиболее распространенного варианта трансформации древа мирового». И далее утверждает, что гора — «образ мира, модель вселенной, в которой отражены все основные элементы и параметры космического устройства»¹⁰. Этот подход к толкованию мифологемы «гора» кажется мне глубоко ошибочным. Пытаться установить какую-то связь (психологическую, логическую, мифопоэтическую) между горой и деревом — значит, прежде всего забыть о полной несоизмеримости этих двух понятий, об их взаимной незаменяемости: ведь дерево может расти на горе, а гора на дереве расти не может! Из множества «определений», присущих такому понятию, как гора, ни одно не переkreщивается с «определениями» дерева. Ни одна функция у них не совпадает; конкретные примеры тому приведены выше. Поэтому сравнивать эти два понятия можно только начисто лишив и то и другое всякого конкретного содержания, всех конкретных признаков, оставив всего один признак: то и другое направлено вертикальной осью вверх. Лишь при таком доведенном до крайности обеднении понятий «гора» и «дерево» можно говорить о какой-либо, хотя бы чисто мифологической (мифопоэтической), их связи между собой.

Иными словами, связь понятий «гора» и «дерево» может проследиваться разве что на чисто умозрительном уровне, а не на уровне реальной человеческой жизнедеятельности. И тем более ни из чего не видно, чтобы гора (вещественная, а не мифическая «гора») могла служить для людей какой-то «моделью вселенной» или «параметром космического устройства».

Мне кажется поэтому, что неумеренное применение семиотического метода, без должных ограничений, обрекает исследователя (по крайней мере в вопросах, подобных разобранным выше) на бесплодные умственные упражнения на темы геометрических соотношений горы и дерева; напротив, примененный в настоящей статье историко-этнографический (сравнительно-этнографический) метод если и не может, конечно, служить ключом ко всем проблемам истории религии, то все же открывает путь к конкретному пониманию отдельных ее форм, — в данном случае «оролатрии» — культа гор.

¹⁰ Топоров В. Н. Гора. — В кн.: Мифы народов мира. М.: Сов. энциклопедия, 1980, т. 1, с. 311—315.

И. С. Гурвич, Р. Г. Ляпунова

ПОЕЗДКА В США СОВЕТСКИХ ЭТНОГРАФОВ

В информационной статье¹ о встрече в сентябре 1981 г. советско-американской рабочей группы по сотрудничеству в области этнографии, происходившей в штате Аляска (США), уже сообщалось, что заседания сопровождались осмотром музеев и мест археологических раскопок. Во время этих поездок рабочая группа посетила и ряд селений аборигенов — город Кадьяк и селения Старая Гавань на о. Кадьяк, г. Уналашку на

¹ Гурвич И. С., Ляпунова Р. Г. Советско-американское сотрудничество в области этнографии. — Сов. этнография, 1982, № 2.

о. Уналашке, с. Никольское на о. Умнак, поселки на о. Св. Георгия и Св. Павла (острова Прибылова).

При посещении этих селений прежде всего хотелось узнать, насколько сохранились до наших дней следы русского культурного влияния, характерного в прошлом для алеутов и эскимосов конягмиутов. Кроме того, нас интересовали те изменения, которые, как известно из литературы, произошли в последнее время в положении коренного населения Аляски в результате борьбы его за свои права, участия в ней прогрессивной общественности и ученых².

История контактов коренного населения Аляски с европейцами началась с середины XVIII в., с промыслового освоения Аляски и Алеутских островов разными русскими купеческими компаниями, а с 1799 г. и Российско-Американской компанией. В этот период массовый характер имели браки русских промышленников с алеутскими и эскимосскими женщинами, в результате которых возникло креольское население.

После продажи Аляски ее аборигены (в том числе и многие креолы) были отнесены правительством США к разряду «нецивилизованных» людей, лишенных всяких прав. В 1915 г. они были приравнены в правовом отношении к американским индейцам и оказались под опекой Бюро по делам индейцев. Только в 1924 г. аборигены получили права американского гражданства.

Приобретенные во время поездки материалы и литература позволяют осветить некоторые вопросы, связанные с этнокультурными процессами на Кадьяке, Алеутских и Прибылова островах³. Прежде всего следует отметить, что в этом регионе стойко сохраняются многие следы русского периода истории Аляски, русской культуры, свидетельства о смешении аборигенного населения с русским.

Так, например, до настоящего времени термин «алеут» относится не к одной народности, как мы привыкли считать, а распространяется и на потомков аборигенов с примесью русской крови и носителей аборигенно-русской культуры и языка. Алеутами называют себя и эскимосы Кадьяка, п-ова Аляски района Бристольского залива, окрестностей оз. Ильямна, залива Принс-Вильям. Объясняется это тем, что в период деятельности Российско-Американской компании «алеутами» в официальных документах называли не только собственно алеутов — население Алеутских островов и юго-западной оконечности п-ова Аляски, но и конягмиутов, аглегмиутов и чугачей⁴.

С русским периодом связано и особое отношение аборигенов к православной религии. «Алеуты» (собственно алеуты и указанная часть эскимосов) считают православную церковь своим национальным институтом и стойко защищают приверженность к ней от посягательства различных миссионеров (более всего, конечно, протестантских). Поэтому местные общины и сейчас уделяют большое внимание благоустройству церквей. Соблюдаются православные религиозные праздники, почти в каждом доме висят иконы. Богослужение сейчас ведется на местном, на церковнославянском, но чаще всего на английском языке. Священники — из числа аборигенных жителей или потомков русских. Среди них немало прогрессивных деятелей и борцов за права коренного населения, ученых, исследующих их историю, культуру, язык, современный образ жизни и перспективы культурного развития. Конечно,

² Из литературы на русском языке см.: *Лопуленко Н. А.* Коренное население Аляски: современное положение и борьба за равноправие. — *Расы и народы*, 1977, № 7; *ее же*. Социальное развитие эскимосов Аляски в освещении американских этнографов. — В кн.: *Этнография за рубежом. Исторические очерки*. М.: Наука, 1979.

³ *Laughlin W. S.* Aleuts: Survivors of the Bering Land Bridge. N. Y., 1980; *The Aleutians. Quarterly Alaska Geographic*, 1980, v. 7, № 3; Учебные пособия алеутской лингвистической программы; опубликованные отчеты о деятельности аборигенной ассоциации и др.

⁴ Происхождение термина «алеут», появившегося с приходом русских, все еще дискутируется в науке. См. последнюю статью на эту тему: *Меновщиков Г. А.* О происхождении этнонима «алеут». — *СЭ*, 1980, № 1. Предположение Г. А. Меновщикова, что это слово обозначало команду, отряд и т. п., получает, таким образом, новое подтверждение.

«алеуты» в какой-то степени (и не везде одинаковой) американизировались. Одежда, жилища, предметы обихода, виденные нами, — современные американские. Английский язык распространен повсеместно. Но в некоторых «алеутских» общинах до сих пор еще имеются лица, читающие на местном или русском языке, в других сохраняется местный разговорный язык; но в большинстве поселков дети и молодежь уже не говорят на языке предков. Традиционные черты наиболее стойко сохраняются в питании, национальном характере и образе жизни.

Характерным для сегодняшней Аляски является то, что вполне осутимо проявляется настойчивое желание коренного населения включить ценности своѐй национальной культуры в современную жизнь. Борьба за социальные права сопровождается подъемом этнического самосознания, интереса к традиционной культуре, к определению путей ее дальнейшего развития.

Движение аборигенов Аляски против положения «колоннального общества» начало давать реальные результаты лишь с созданием в 1966 г. «Федерации туземных организаций», развернувшей борьбу за земли, отчужденные у аборигенного населения и переданные правительством разным фирмам и ведомствам. В 1971 г. конгресс США принял справедливый претензии аборигенного населения и принял закон о выплате «туземцам» Аляски денежной компенсации за отчужденные земли, о распределении части земель из федеральных фондов между общинами аборигенов. При этом на этнической основе было создано 12 региональных управленческих корпораций, в собственность которых (а не в личную собственность аборигенов) были переданы земли и денежные суммы. Региональным корпорациям предоставлено право решать вопросы экономического развития. Все сельские аборигенные корпорации, расположенные на Алеутских и Прибылова островах, возглавляет единая Алеутская корпорация. Другой алеутской междусельской организацией является Ассоциация Алеутских и Прибылова островов с центром в г. Анкоридж. Целью ассоциации является содействие социальному и культурному прогрессу Алеутского региона. Особое внимание она уделяет двуязычной программе обучения, осуществлению «Алеутского культурного проекта», т. е. сбору материалов о традиционной материальной и духовной культуре алеутов, в том числе музейных, фольклорных и архивных данных для восстановления на новой основе алеутского искусства и алеутских традиций. В своей деятельности аборигенные корпорации и ассоциации встречают немало трудностей. Так, например, для повсеместного введения билингвистического обучения не хватает учителей — число алеутоязычных лиц постоянно сокращается. По данным 1975 г., алеутским языком пользовались около 800 чел. Сейчас из общего числа алеутов, определяемого, примерно, в 2000 чел., около 700 чел. говорят на своем языке.

Посещенный нами г. Кадьяк на о. Кадьяк — ныне оживленный центр рыбной и крабовой промышленности с населением в 4750 чел., из них 930 чел. — аборигены острова: эскимосы-конягмиуты, называющие себя сук, сугпиак, а также алеутами. Кадьяк называют «мировой столицей королевского краба»; в гавани — лес мачт небольших судов.

О русском прошлом острова напоминают названия улиц: Шелихова, Измайлова (сподвижник Шелихова), Деларова (правителя Кадьяка до А. А. Баранова), Баранова (первого главного правителя российских владений в Америке), Резанова (одного из учредителей Российско-Американской компании), Кускова (сподвижника Баранова), отца Германа (член духовной миссии, прибывшей на Кадьяк в 1794 г.), Кашеварова — креола, известного исследователя Аляски, Яновского (правитель Российско-Американской компании в 1818 г.).

Недалеко от города построен декоративно-театральный комплекс в виде макета старинного русского укрепленного селения. Здесь даются театрализованные представления из истории Русской Америки.

Рыболовная индустрия, т. е. ловля и обработка рыбы лососевых пород, крабов, креветок, морских гребешков, — важная часть экономики

Кадыяка. Здесь имеется самый большой на Аляске рыболовный флот. В промысловые сезоны остров наводняется с материка сезонными рабочими. В этот период жители селений также работают по найму, участвуя в ловле рыбы и ее обработке. Занятость работоспособного коренного населения в работе по найму в основном бывает невысока даже в промысловый сезон, от 31,3 до 80%, а в непромысловые — от 5 до 19%. Население занимается также и традиционным хозяйством: ловит для себя рыбу лососевых пород и заготавливает ее на зиму. Некоторое значение имеет собирательство.

В г. Кадыак находится Кадыакская аборигенная ассоциация (Kodiak Area Native Association — KANA), организованная в 1966 г. Она занимается социально-экономическими и культурными проблемами Кадыакского региона, в который входит шесть селений: Акхук (с населением 105 чел.), Карлук (96 чел.), Старая гавань (340 чел.), Порт Лион (215 чел.), Узенький (173 чел.), Ларсен Бей (168 чел.). Однако сам г. Кадыак не входит в Кадыакский регион.

По данным KANA, 42% населения Старой гавани имеют уровень жизни «ниже федерального уровня бедности», в селении Узенький 47% домохозяйств находятся у «низшего уровня федерального годового дохода», в селении Ларсен Бей — 60% домохозяйств ниже «федерального уровня бедности», в селении Карлук 52% домохозяйств — у «федерального уровня бедности», в селении Акхук 73% хозяйств — «ниже федерального уровня бедности».

Из перечисленных селений мы были только в Старой гавани, расположенной недалеко от Трехсвятительской гавани, где в 1784 г. высадился Г. И. Шелихов. Селение состоит из 93 деревянных домов стандартной конструкции, в каждом живет отдельная семья. 48 домов построены после землетрясения 1964 г., остальные — в 1978—1979 гг. Отапливаются жилища нефтяными каминами, а также плавником (из-за дороговизны топлива).

Школьное образование осуществляется через систему организации KANA: дошкольная программа обучения ведется с 6 до 8 лет, с 8 до 12—14 лет дети занимаются в «элементарной» школе (построена в 1966 г.). В 1978 г. начала работать «высшая школа», в которой учится молодежь с 14 до 18 лет. В ней преподают английский язык, математику, естественные и общественные науки, а также осваивают начатки ведения бизнеса, машинопись. С 1978 г. введена программа изучения в школах местного языка, называемого сук, сугпиак и алутиик — от самоназвания эскимосов конягниутов.

В конце селения на возвышенном месте расположено белое здание с тремя голубыми куполами и золочеными крестами — русская православная церковь «Трех святителей». Внутри церкви — богатый иконостас, по сторонам — большие старинные иконы. За церковью — православное кладбище.

В этом и других селениях встречается много русских фамилий — Пестряковы, Лукины, Ларионовы, Кашеваровы, Парамоновы, Пономаревы, Павловы, Миловидовы, Малютины, Семеновы.

Родным языком сейчас владеет менее трети аборигенов острова, причём только среднего и старшего возраста.

Собственно алеуты в настоящее время живут в шести селениях восточной части Алеутских островов (острова Атха, Умнак, Уналашка, Акутан, Унга, Поповский) и в двух селениях островов Прибылова (Св. Павел и Св. Георгий). Небольшое число алеутов живет также в селениях Бельковском на южной стороне п-ова Аляска, Фалс Пасс на п-ове Икатан, о. Унимак, Лагуне Нельсона на северной стороне п-ова Аляска, в Кинг-Коув на о. Саннак Саннакской группы островов к югу от о. Унимак.

Этническая ситуация в этих селениях различается в зависимости от степени контакта с неаборигенным населением, промышленного освоения и т. д.

Так, на общине в Уналашке сказалось то, что это селение долгое время было коммерческим и административным центром района и одно время — главной квартирой Берингоморского патруля береговой службы США, а также то, что здесь функционировала в начале XX в. протестантская благотворительная школа. Сейчас алеуты Уналашки живут в окружении численно превосходящего их некоренного населения — сезонных рабочих, команд, судов и пр. В последние пять лет здесь бурно развивается крабовая и рыбная промышленность, построены заводы по переработке продуктов моря (крабы, рыба, креветки). В связи с этим в последнее время Уналашка превращается в небольшой город со всеми его проблемами и все уменьшающимся процентом коренного населения. Город соединен мостом с о. Амокнаком, расположенным рядом в том же заливе Уналашка, и сливается с находящимся там поселком под названием Датч-Харбор.

История освоения Уналашки русскими началась с прибытия сюда в 1761 г. русского купеческого судна «Захарий и Елизавета». Здесь располагалась контора Уналашкинского отдела колоний, организованная Российско-Американской компанией. С 1824 по 1834 г. тут служил священником И. Вениаминов. Вениаминов обучил алеутов разным ремеслам, создал письменность на алеутском языке и сделал ряд переводов на этот язык священных текстов, обучал алеутов грамоте. При нем более 1/6 части алеутов были грамотными. Память о Вениаминове чтится на Алеутских островах, на всей Аляске, а особенно в Уналашке.

Историческими достопримечательностями Уналашки являются сейчас церкви, основанная Вениаминовым в 1825 г. (позже она перестроивалась), роща Вениаминова (недалеко от церкви), посаженная, по преданию, им самим, дом епископа, построенный в 1882 г. для епископа Нестора. Сейчас он восстанавливается как исторический памятник, и в нем будет размещен городской исторический музей.

На Уналашке в наши дни около 300 алеутов, которые живут в основном на месте прежнего алеутского селения Иллюлюк. Их интересы в современном городе отстаивает Уналашкинская корпорация. Уровень жизни алеутов неодинаков: большинство их работают на низкооплачиваемых должностях — рабочими на судах, рыбных заводах, в сфере обслуживания, лишь несколько семей заняты бизнесом и квалифицированным трудом.

Делегация была гостеприимно принята Уналашкинской корпорацией, члены ее рассказали о проектах восстановления алеутского культурного наследия, были показаны коллекции изделий алеутов (плетеные вещи, модели байдарок, орудия и др.).

Очень интересным было посещение школы. Здесь имеется и «элементарная» и «высшая» школа. Она выстроена недавно и хорошо оборудована разными кабинетами. Здесь мы познакомились с алеутской лингвистической программой, рассчитанной на несколько лет обучения. Она составлена так, что, обучаясь языку (по текстам на алеутском и английском языках), дети постепенно знакомятся с историей своего народа, его культурой, фольклором⁵.

Для изучения алеутского культурного наследия в школы привлекаются алеутские мастера, которые делают модели байдарок и учат детей алеутскому плетению.

На Уналашке дети почти не говорят по-алеутски, хотя взрослые знают язык, а многие пожилые еще и читают на алеутском языке с алфавитом на основе кириллицы, введенном Вениаминовым. На Уналашке

⁵ См., например: Aleut for beginners. Unalaska. 1975. Пособие. Алеутский язык для начинающих, подготовлено И. Грозовым, Р. Гудзоном при содействии алеута В. Черепанова и издано уналашкинской городской школой. В книге помещена алеутская азбука на латинской основе, простейшие разговорные тексты, названия птиц, рыб, животных, растений, этнографические сведения на алеутском и английском языках, названия местностей (с картами), рассказы о Вениаминове, алеутско-английский словарь основных слов (обращает на себя внимание большое число слов русского происхождения). Ряд пособий подготовлен Национальным центром учебных и билингвистических материалов Университета Аляски.

как алеутский язык преподают в школе лица, владеющие этим языком, но не имеющие специального педагогического образования.

Другой посещенный нами остров Алеутской гряды был Умнак также с единственным на нем селением Никольским. Село расположено в северной части острова на берегу Никольской бухты.

Здесь мы осмотрели места раскопок известной по археологической литературе стоянки Чалука (многолетние раскопки ее велись под руководством В. С. Лафлина), являющейся памятником, показывающим развитие алеутской культуры на протяжении последних 4 тыс. лет. В том же заливе находится небольшой островок Анангула (он хорошо виден из Никольского). Здесь расположена самая древняя не только на Алеутских островах, но и во всей Аляске археологическая стоянка (предков алеутов), возраст которой 8700 лет. В 1974 г. на Анангуле по инициативе Лафлина проводились совместные советско-американские раскопки.

Селение Никольское на о. Умнак издавна было сравнительно изолированным, и сейчас в нем живут почти одни алеуты.

Никольская алеутская община насчитывает в своем составе около 100 человек.

Для жизни алеутов Никольского большое значение имеют рыболовство, охота, собирательство. Рыба ловится как для повседневного потребления, так и для заготовки ее впрок на зиму. Для сезонных заготовок рыбы алеуты выезжают в летние селения у речек, где имеются полумезнянки-бараторы. В целях добычи мяса устраивается охота на сивучей. Собирают яйца птиц, ягоды. Традиционных орудий и средств промысла сейчас нет. На промысел выходят на легких и быстроходных лодках «скифах» (с мотором), однако сохраняются еще более тяжелые лодки — дори. В селении и за его пределами часто ездят на трехколесных мотоциклах «Хонда» — с очень широкими шинами, специально предназначенных для бездорожья, прибрежных зон и тундры. Уходя на промыслы, берут с собой переносный радиотелефонный приемник-передатчик (Walkie-talkie) и с его помощью поддерживают связь с селением.

Численность населения в селе постепенно уменьшается. В поисках заработков работоспособные члены общины поступают на рыболовные суда, консервные заводы, уезжают на промыслы котиков на острова Прибылова. Некоторые обратно не возвращаются.

Мы посетили Никольскую шестилетнюю («элементарную») школу, рассчитанную на учащихся с 8 до 12—14 лет. Учеников в ней всего восемь, занимается с ними один учитель. Здесь введена двуязычная программа обучения; подростки в основном владеют родным языком.

Для продолжения обучения молодежь отправляется из Никольского на Кадык и в другие места.

Некоторая часть населения работает на овцеводческом ранчо. Несколько женщин занимаются плетением из травы корзиночек, сумочек для продажи их в магазинах сувениров Аляски.

В быту местных жителей в большом почете парные бани, которые считаются исконно алеутскими (хотя введены они были русскими). В кулинарии прочно сохраняются рецепты русской кухни: разные пироги, оладьи, супы (все это резко отличается от американской кухни).

Большое впечатление осталось от посещения островов Прибылова. Они были открыты в 1786 г. мореходом Гаврилой Прибыловым. Острова были необитаемыми, на них водилось множество морских бобров, котиков, сивучей, тюленей. С конца XVIII в. сюда стали завозить алеутов из Уналашки для промыслов (вначале сменными партиями). Переселенцы составили основу нынешнего коренного населения этих островов. Сейчас в селении на о. Св. Георгия проживают около 200 алеутов, а на о. Св. Павла — около 500.

Как постоянные рабочие государственных котиковых промыслов алеуты островов Прибылова находились в несколько лучшем экономическом положении, чем остальные алеуты.

В каждом селении — церковь. Дома жителей — деревянные, стандартной конструкции. Недавним достижением этой группы алеутов является управление своей общиной, свое представительство в основной отрасли экономики островов — котиковом хозяйстве. На островах действует правило, запрещающее ввоз спиртных напитков. В продаже имеется только пиво.

Прибыловское стадо морских котиков — крупнейшее в мире. Кроме того, здесь обитают морские львы (сивучи), тюлени, имеются птичьи базары с редчайшими видами птиц, уникален и растительный покров островов. В настоящее время острова посещаются туристами, для чего здесь построены отель, ресторан, кафе. Хорошие дороги позволяют близко подъехать к лежбищам котиков, птичьим базарам на специальном туристском автобусе (а далее есть тропы). Гидами служат алеуты.

Мы посетили школы на о. Св. Павла. Здесь есть и «элементарная» и «высшая» школа. Здание школы новое (и еще недостроенное) с кабинетами по изучению естественных наук, исторических, технических дисциплин и бизнеса; имеются мастерские с довольно сложным техническим оборудованием. При школе — спортивный зал. Из всего этого видно, что корпорация вложила большие средства в школу и возлагает большие надежды на воспитание подрастающего поколения алеутов.

Алеутский язык преподается в школе (также учителем без специальной подготовки). Многие дети в этом поселке двуязычны, дома говорят со старшим поколением по-алеутски. Среди пожилых имеются лица, знающие церковнославянскую грамоту.

Среди фамилий жителей много русских: Меркульевы, Лестенковы, Лекановы, Степетины, Титовы, Бутырины, Мисикины и др.

Заслуживает внимания значительное развитие на Аляске и Алеутских островах традиционных художественных промыслов и сувенирного производства. В специализированных магазинах Анкориджа, Кадьяка, а также во многих неспециализированных магазинах при музеях продаются разнообразные эскимосские и алеутские изделия: из кости, рога, меха, замши, шерсти, мыльного камня, дерева, травы, требующие значительных затрат ручного труда.

Обращают на себя внимание плетеные корзинки, сумки, циновки из травы, соответствующие традиционным образцам XVIII—XIX вв., гравированные моржовые клыки с изображениями животных, сцен охоты, рыболовства и традиционного быта, миниатюрная анималистическая скульптура из моржового клыка, мыльного камня, китовых ребер; образцы жировых ламп, небольшие модели алеутских байдарок, модели одежды, обуви, куклы в традиционной одежде из замши и меха, украшения из бисера. Изготавливаются по музейным образцам маски, головные уборы и т. д.

Мастера работают на дому и сдают свои изделия на комиссию в соответствующие магазины.

В связи с развитием художественных промыслов алеуты и эскимосы проявляют значительный интерес к искусству своих предков, намереваясь возродить древнее мастерство. Помогают в обеспечении традиционными образцами искусства и организации аборигенов, в частности, как упоминалось выше, Ассоциация Алеутских и Прибылова островов.

Собранные материалы об этнокультурном развитии эскимосов конагмиутов и алеутов представляются важными для понимания этнических процессов, происходящих в среде малых народностей Аляски.

ТРАДИЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ЖИВОПИСИ НА КОРЕ В РАЙОНЕ ОЭНПЕЛЛИ, ЗАПАДНЫЙ АРНХЕМЛЕНД

Оэнпелли — поселение аборигенов при миссионерской станции поблизости от Ист-Элигейтер-ривер в западном Арнхемленде (Северная территория Австралии). Во времена первых контактов с европейцами, в 1880-е годы, в этом районе обитали группы различных племен, таких, как какаду, нгардок и гунвинггу¹. В 1974 г. при этой миссии жило примерно 600 аборигенов, в основном представители племени гунвинггу².

Для жителей района Оэнпелли характерна художественная традиция, существующая и сегодня. С одной стороны, здесь везде встречается тысячелетняя наскальная живопись, изображающая животных, тотемических предков и духов, а с другой стороны — это регион, где в 1884 г. капитаном Каррингтоном были собраны древнейшие из дошедших до нас произведений живописи на коре³. Впрочем, возможно, что живопись на коре из Порт-Эссингтона (военного поселения, заброшенного уже в 1849 г.), представленная в наши дни в музее Маклея в Сиднее и в Британском музее в Лондоне, еще более раннего происхождения, чем та, которую собрал Каррингтон⁴.

В целом можно утверждать, что древняя живопись на коре из Порт-Эссингтона, Крокер-Айленда и Оэнпелли имеет много общего и что она по стилю отличается от живописи восточного Арнхемленда.

Самые ранние картины на коре, родиной которых является непосредственно Оэнпелли, собрал сэр Уолтер Болдуин Спенсер в 1912—1914 гг.⁵ Он опубликовал 17 рисунков: изображения духов (рис. 10), животных и сцены охоты (рис. 2)⁶.

Манера исполнения этих картин сравнима со стилем наскальной живописи. Вероятно, живопись на коре берет свое начало непосредственно в наскальной живописи. Обе формы служили иллюстрацией к мифологии. Узоры рисовались в соответствии с церемониалом плодородия, и сюжеты некоторых рисунков были связаны с любовной и иной магией. Преобладают картины в «рентгеновском» стиле, изображения духов и живопись в стиле *мими*. Особенность «рентгеновской» манеры состоит в том, что на рисунке появляется не только внешнее изображение животного, но и его внутренние органы (желудочно-кишечный тракт, позвоночник и легкие). «Рентгеновский» стиль встречается прежде всего при изображении животных, но его признаки можно обнаружить также и на картинах с духами, и в сценах охоты (рис. 2 и 9). Для рисунков в стиле *мими* характерны миниатюрные, изящные фигуры духов, изображенные, как правило, на охоте, бегущими или танцующими. Часто они несут оружие, различную утварь и головные украшения (рис. 10).

Наскальное искусство и живопись на коре создавались исключительно мужчинами. Поэтому растения редко становились предметом изображения⁷. Так как мясо крупных животных разрешается варить и разделывать, как правило, только мужчинам, прошедшим обряд посвя-

¹ Tindale N. B. Distribution of Australian Aboriginal Tribes: a Field Survey.— Transactions of the Royal Society of South Australia, v. LXIV, 1940, p. 217—221.

² Aboriginal Arts Board. Guide to the Exhibition of Bark Paintings from Oenpelly. Canberra, 1978.

³ Carroll P. J. Mimi from Western Arnhem Land.— In: Ucko P. J. (ed.). Form in Indigenous Art. Canberra 1977, p. 119.

⁴ Rose F. G. G. Die Ureinwohner Australiens: Gesellschaft und Kunst. Leipzig, 1969, S. 91.

⁵ Там же.

⁶ Spencer W. B. Native Tribes of the Northern Territory of Australia. London, 1914, p. 43 ff.

⁷ У австралийских аборигенов собирательство было преимущественно женским занятием.— *Ред.*

ция⁸, то вполне понятна их осведомленность о расположении и особенностях внутренних органов этих животных и рыб. Хотя по всей Австралии варят и разделяют туши мужчины, такие картины, выполненные в «рентгеновском» стиле, встречаются только в западном Арnhemленде.

Манера живописи из Оэнпелли обладает характерными особенностями, позволяющими уверенно определить картины из этой местности (см. рис. 1, 2, 9 и 10):

1. Художник изображает фигуры на однотонном фоне, в большинстве случаев с красноватой грунтовкой. Пространство, не занятое фигурой, остается незарисованным.

2. На одной картине редко изображается более двух фигур.

3. Все фигуры животных изображаются в профиль. Несмотря на это, рисуются оба глаза, уха, обе ноздри и все лапы. Внутренние органы, которые характерны для «рентгеновского» стиля, чаще всего изображаются в таком виде, как их наблюдает охотник при потрошении убитого животного.

Другие традиционные признаки сближают эти произведения с живописью на коре из других областей:

1. Духи и человеческие существа на картинах, связанных с любовной магией и обрядами плодородия, изображаются часто с увеличенными половыми органами.

2. Традиционная гамма включает белый, желтый, красный и черный цвета. Все краски делались из натуральных материалов, что ограничивало получаемый спектр. Краски наносили, не смешивая их. При изготовлении красок использовались следующие натуральные материалы: для передачи красного цвета — жженная охра, красный железняк, окиси железа, белого — глина для курительных трубок и гипс, желтого — лимонит и охра, черного — древесный уголь.

3. Фигуры изображены крупными штрихами.

Миссионерская станция Оэнпелли была основана в 1925 г.⁹ Во время второй мировой войны аборигены, включая некоторых жителей местности Оэнпелли, работали на армию в Северной территории. Они вступали в контакты не только с европейцами, но и с группами аборигенов, проживающими в отдаленных районах, и познакомились с различными формами их культуры и искусства. Это послужило основой начинающегося процесса смешения стилей¹⁰. Так, на рис. 3 наряду с особенностями «рентгеновского» стиля (видны позвоночник, легкие и группы мышц), использованы образцы сетчатого рисунка, который ранее был характерен только для центрального Арnhemленда. Для обеих фигур примечательна типичная осанка «кенгуру».

Совместный труд военных и аборигенов и проблема аборигенов, с которой столкнулось белое население Австралии, вызвали повышенный интерес к их образу жизни и культуре. Музеи поддержали этот интерес, представив в конце 40-х годов на обозрение общественности несколько выставок произведений живописи на коре¹¹.

Музеи и картинные галереи Австралии стали систематически заниматься сбором коллекций живописи на коре. Ч. Маунтфорд (в 1948 г.), Р. и К. Берндт (в 1946—1950 гг.) и Элкин (в 1950 г.) собрали в Оэнпелли солидные коллекции. В конце 50-х годов было вновь организовано несколько выставок живописи на коре, которые пользовались большим успехом в Австралии и за рубежом.

В феврале — марте 1980 г. одна из таких передвижных выставок, организованная австралийским правительством, демонстрировалась в Лейпциге в Музее народоведения. На ней были представлены 52 произ-

⁸ Rose F. G. G. *The Wind of Change in Central Australia*. Berlin, 1969, p. 63.

⁹ Aboriginal Arts Board. *Guide to the Exhibition of Bark Paintings from Oenpelly*.

¹⁰ Rose F. G. G. *Die Ureinwohner Australiens*, S. 134 ff; *Edwards R., Guerin B. Aboriginal Bark Paintings*. Adelaide a. o., 1970, p. 20.

¹¹ *Berndt R. M. (ed.). Australian Aboriginal Art*. Sydney, 1964, p. 1; *Rose F. G. G. Die Ureinwohner Australiens*, S. 93.

Рис. 1

ведения на коре современных художников из Оэмпелли. Картины были созданы или собраны в конце 70-х годов. Рисунки 4—9 и 11 дают некоторое представление о тех сюжетах, которые экспонировались. Их можно сравнить с более ранними произведениями живописи на коре (см. рис. 1—3, 9 и 10).

В 1950-е годы была построена дорога от Оэмпелли до Пайн-Крика, который в свою очередь уже был связан с г. Дарвином. Это позволило за сравнительно короткое время и без труда добираться до миссии. Так была заложена основа для быстро развивающегося туризма¹². Продажа картин на коре сулила приличные барыши. Но так как туристам не разрешалось посещать аборигенов непосредственно в их резервациях, роль посредников взяли на себя в основном миссионеры. Вскоре туристы создали надежный рынок сбыта для всевозможных работ художников-аборигенов. Торговцы художественными изделиями начали скупать произведения аборигенов¹³. По всей Австралии, а позже и в других капиталистических странах были открыты магазины, в которых можно было приобрести подобные художественные произведения. Возник постоянный спрос на картины аборигенов, его следовало поддерживать и удовлетворять.

Миссионеры, торговцы и правительственные чиновники форсировали создание произведений живописи на коре, зачастую выколачивая при этом огромную прибыль для себя. Художники получали деньги в зависимости от величины картины и качества ее технического исполнения¹⁴. Критерием считались европейские эстетические каноны, принимался и оплачивался каждый правильно выполненный образец. Художники-аборигены были вынуждены усиленно рисовать те сюжеты, на которые существовал самый большой спрос. Особой популярностью у покупателей пользовались сцены охоты и картины, изображающие духов. При этом миссионеры оказывали огромное влияние на исполнение картин, пытаясь приспособить местную живопись к европейскому вкусу и сексуальной морали. Они запрещали или ограничивали изображение образов с увеличенными половыми органами, сцен плодородия, любовной магии или колдовства (ср. рис. 9, 10 с рис. 11).

Еще одним примером подобного влияния является репродукция картины (рис. 10) на шелковом шарфе (рис. 12). Мода на такие шарфы была очень распространена в 1960-х годах среди белых австралийцев как следствие большой передвижной выставки искусства аборигенов, показанной в главных городах шести австралийских штатов. По настоянию поставщика увеличенный мужской орган не был изображен на платках.

¹² Berndt R. M., Berndt C. H. Oenpelli, Then and Now: A Brief Overview.— In: Australian Institute of Aboriginal Studies. Newsletter (N. S.) 14. Canberra, 1980, p. 43.

¹³ Там же.

¹⁴ Rose F. G. G. Die Ureinwohner Australiens, S. 91; Tuckson J. A. Aboriginal Art and Western World.— In: Berndt R. M. (ed.). Указ. паб., с. 68.

Левая фигура, фрагмент картины (рис. 3), по эстетическим соображениям репродуцировалась отдельно, вне традиционного контекста. Такое изолированное изображение для аборигенов теряло всякое значение.

Наметились изменения не только в стиле и концепции живописи на коре, но и в технике ее исполнения.¹ Совершенствовалась подготовка кусков коры, появилось стремление сделать картины более долговечными. В натуральное сырье, из которого изготовлялись краски, стали добавлять химические закрепители, имеющиеся в продаже. С двух концов картина обрамлялась палками, чтобы предотвратить деформацию коры (ср. рис. 1—3 с рис. 4—8, 11). Часто коре придавалась по возможности прямоугольная форма с тем, чтобы облегчить упаковку и транспортировку картин.

Логика этого развития привела к тому, что художники перестали рисовать на коре, а начали искать более подходящий материал. Идеальной для такой цели оказалась гладкая, тонкая и твердая доска («hardboard»), которая широко используется в Австралии для облицовки стен при строительстве домов. Каждая доска — приблизительно 0,5 см толщиной — значительных размеров. Она не имеет рисунка и бывает обычно естественного коричневого цвета, как и «полотно» коры. Рисунок делается на гладкой стороне. Но хотя живопись на таких досках с эстетической точки зрения часто выглядит выигрышной, покупатели предпочитают настоящие картины на коре.

Массовое производство картин на коре привело к принципиальным изменениям в художественном стиле и в функциях этих произведений. Став товаром, они утратили свое первоначальное социальное и религиозное содержание и значение. Образ жизни и социальная среда коренных жителей, вовлеченных в товарно-денежные отношения, изменились. Тем самым они стали в основном независимы от их прежней экономической базы и связанной с ней борьбы за существование. Мифологическая основа каждой картины на коре была неразрывно связана с ритуалами, призванными укреплять существующие общественные отношения, а также обеспечивать плодородие человека и природы на вечные времена. Картины еще сохраняют мифологическое содержание, но они уже продаются. Традиционные мотивы и рисунки, которые еще недавно считались, как и сами мифы, священными и которые разрешалось видеть только мужчинам, прошедшим обряд посвящения, теперь производятся для продажи. Первоначальное символическое содержание рисунков, оказывавших воздействие только в предписанном порядке, было принесено в жертву эстетике. Таким образом, было утрачено многое из традиционного стиля (см. рис. 4—8). Традиционные образцы частично были упрощены. Части фигур стилизованы (ср. изображение системы пищеварения на рис. 1, 2 и на рис. 4, 6—8). Художники в по-

Рис. 2

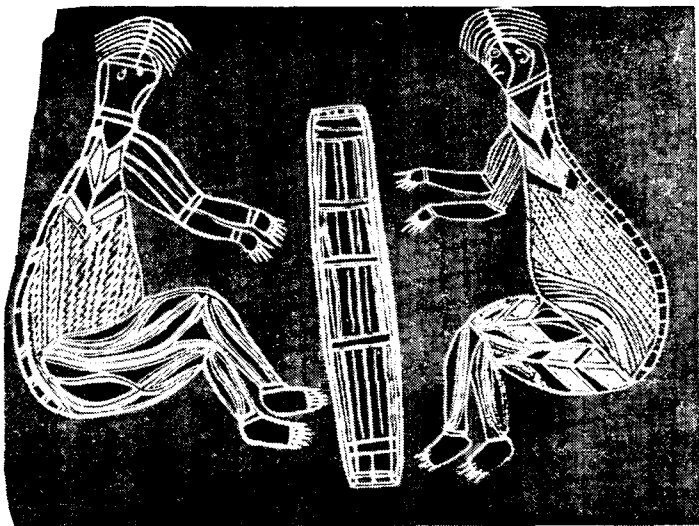

Рис. 3

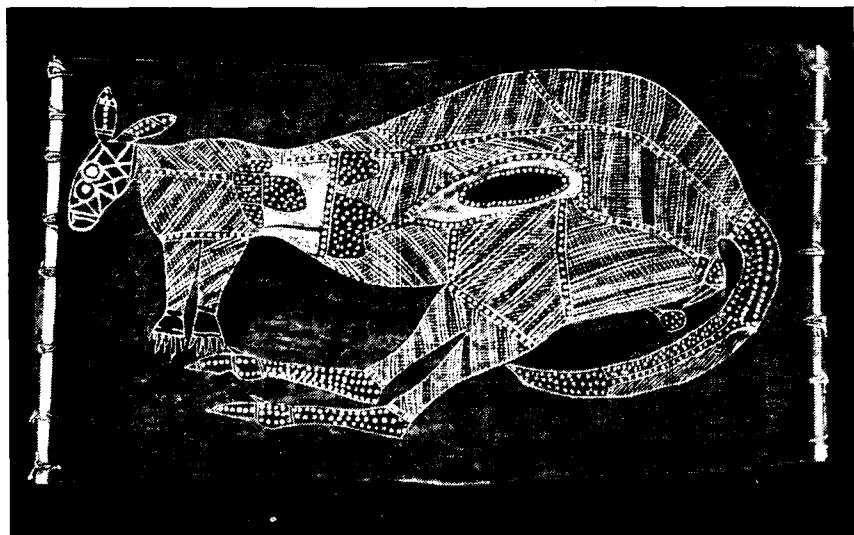

Рис. 4

гоне за эффектом полутонов начали также смешивать краски. Для оптического оформления картин применяются новые приемы заполнения пространства (см. рис. 4 и 6): точки, значительно более сложная сетка, различные распределения сетки, большие поверхности покрываются различными красками. В картины вносятся совершенно новые элементы, например почти точный геометрический орнамент (см. рис. 7). Появилась тенденция добиваться большей одушевленности традиционных фигур (изображение животных во время еды, кенгуру с ее детенышем или чешущегося кенгуру). Вместе с тем художники сохранили некоторые традиционные элементы, так что это дает возможность определить происхождение рисунков на коре. Например, живопись из Оэнпелли сохраняет еще традиционные элементы «рентгеновского» стиля, типичные позы кенгуру и духов; до сих пор на этих картинах можно обнаружить все конечности, часто два уха при изображении в профиль. Но нередко они так искусно вплетены в картину, что их с трудом можно обнаружить (см. на рис. 8 внутренности, передние лапы).

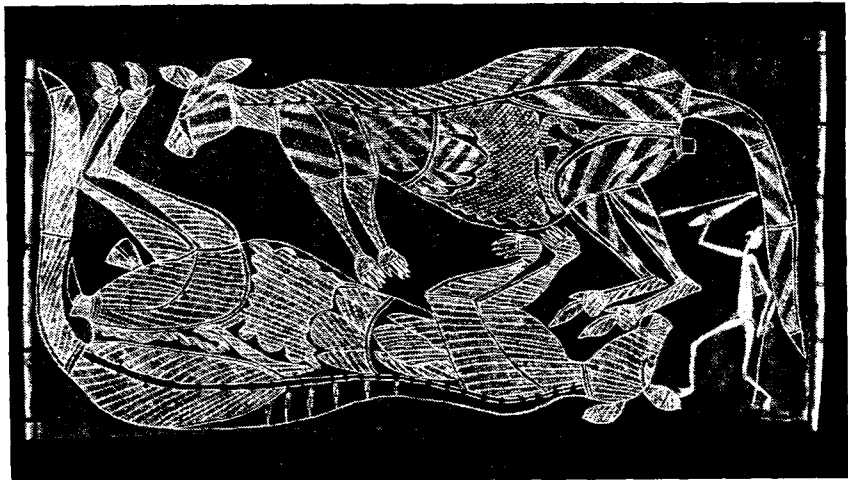

Рис. 5

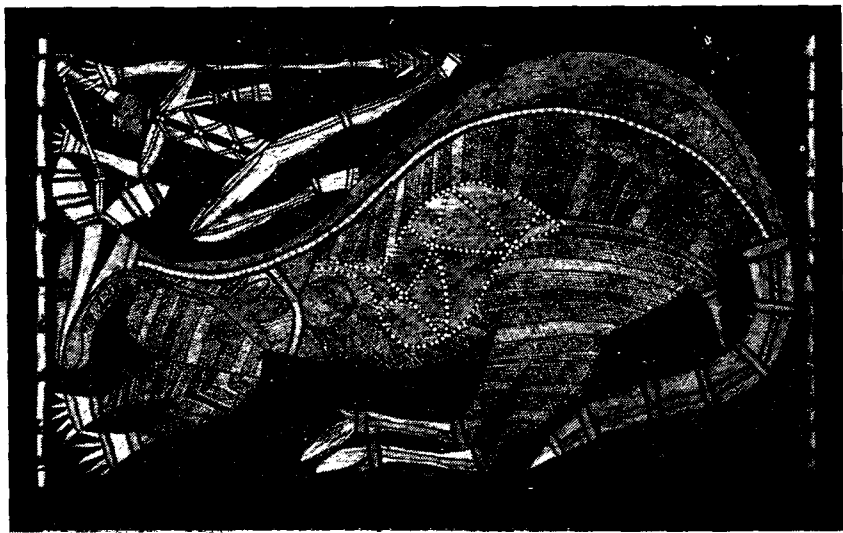

Рис. 6

Вся композиция картины подчинена эстетическим требованиям (см., например, рис. 5 и 6). Среди художников существовала и существует специализация, и они рисуют, исходя из собственного видения, из собственной манеры изображения, используют придуманные ими самими элементы.

Мы убедились, что не только живопись на коре, но и связанные с ней представления изменились по форме и по содержанию в ходе вовлечения аборигенов в товарно-денежную экономику. Но, несмотря на все эти новшества и изменения, живопись на коре — это средство сохранить традиционные ценности. Она дает наглядное представление об основах знаний, которые накопили коренные жители Австралии в течение многих тысячелетий. Такие произведения искусства, сохраняя индивидуальность художника, служат связующими звеньями с его страной, с миром духовных и религиозных представлений его народа. Эта тесная связь воспринимается и компетентным зрителем. Интерес к искусству аборигенов влечет за собой интерес к проблеме коренного населения Австралии.

Рис. 7

Рис. 8

В более ранней работе¹⁵ была предпринята попытка показать, как социальные противоречия первобытного общества нашли свое отражение в традиционном искусстве и как начальный этап вовлечения аборигенов в русло товарно-денежного хозяйства породил новые противоречия. Теперь произведения живописи на коре сами превратились в товар и в средство эксплуатации аборигенов. Но и этот процесс обладает соб-

¹⁵ Rose F. G. G. Die Ureinwohner Australiens, passim.

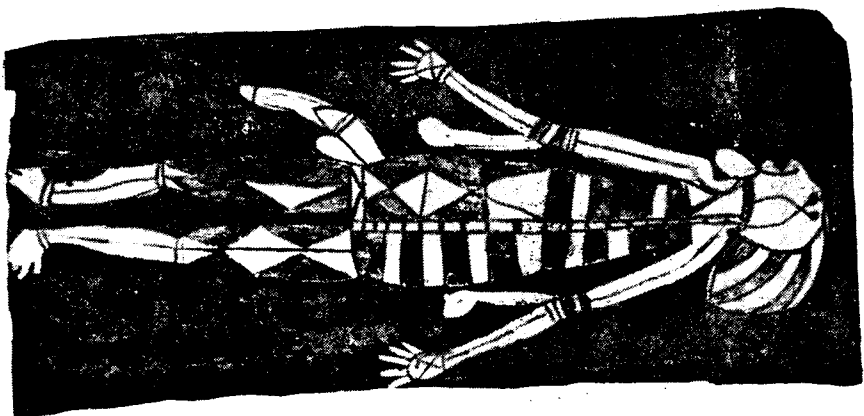

Рис. 9

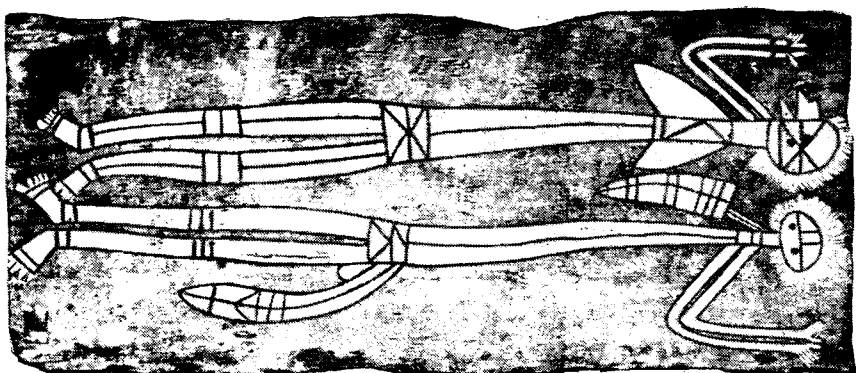

Рис. 10

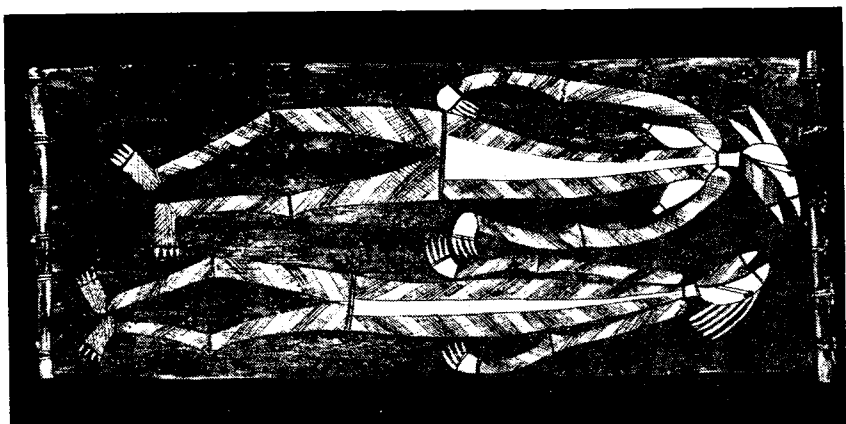

Рис. 11

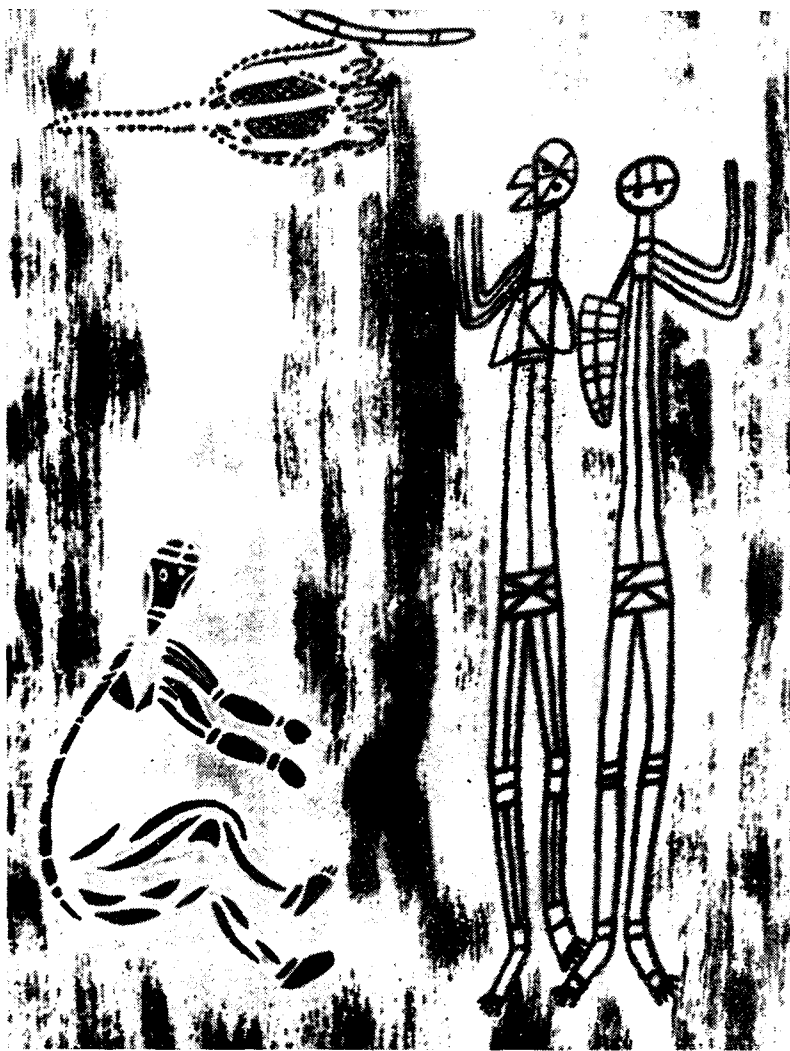

Рис. 12

ственной диалектикой. По мере роста эксплуатации растет и самосознание коренных жителей страны, все более осознающих себя единым народом. Одним из факторов, способствующих повышению этого самосознания, является искусство аборигенов, в первую очередь произведения живописи на коре, например из Оэмпелли.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков

ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ ОСТАЕТСЯ С НАМИ

Вечер в Киото

*В Японии много различных
праздников, но главный из них —
это встреча Нового года...*

*Из самоучителя
японского языка*

— Не хотели бы Вы провести вечер в Киото? Соглашайтесь, ведь это прекрасно — вечер в Киото! Ну, так как же?

Такими словами встретил нас однажды вечером в середине декабря Като-сэнсэй, когда после окончания рабочего дня мы по обыкновению зашли к нему в кабинет.

Като-сэнсэй, или Учитель Като, — это профессор Като Кюдзо, под руководством которого мы два месяца в конце 1980 — начале 1981 г. работали в Японском национальном музее этнографии (сокращенно — Мин-паку) в Осака. Это были незабываемые два месяца. Като-сэнсэй сделал все, чтобы мы смогли как можно больше узнать и увидеть. И когда он, сидя в своем кресле, на мгновение, улыбаясь, закрывал глаза, мы уже знали: в его голове рождался какой-нибудь очередной план — слетать на Окинаву или побывать у настоятеля всемирно известного синтоистского храма.

Так было и на этот раз. Като-сэнсэй познакомил нас со своим гостем Тагути-сан, или господином Тагути, одним из местных меценатов, почитателей этнографического музея.

И вот уже автомобиль нашего нового знакомого мчит нас на север, к древней японской столице Киото. Несомненно, это один из прекраснейших городов Японии, средоточие традиционной культуры, город-парк, город-музей. Впервые мы побывали там еще в 1968 г., во время VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук.

Мы остановились у крохотного ресторанчика, примостившегося на берегу канала Такасэгава. Прозрачная вода в нем — предмет особой заботы жителей Киото. Даже с каменного мостика, перекинутого с одного берега канала на другой, видно, как в глубине неторопливо проплывают рыбки, словно играя с отблесками отражающихся в воде разноцветных огней вечернего города.

Традиционный интерьер помещения, ветки сосны в нише, изысканная сервировка стола — все это располагало к разговору об особенностях японской культуры, о *югэн* — скрытой сути и красоте вещей и явлений.

И тут оказалось, что Като-сэнсэй приготовил нам сюрприз. У его приятеля вдруг появилась в руках потемневшая от времени деревянная шкатулка, аккуратно завернутая в шелковую ткань и перевязанная шнурком. Открыв ее, Тагути-сан осторожно достал две старинные керамические чаши для чайной церемонии. Темно-коричневый отлив обжига, неровные края делали их похожими на удивительные цветы.

— Неужели это *раку*?

— Вот именно. К тому же этим сосудам уже более двухсот лет, и все это время они хранились в нашей семье, — говорит довольный Тагути-сан.

Нельзя без волнения держать в руках эти удивительные произведения искусства, которые до сих пор приходилось видеть только в музеях. Школа *раку* зародилась в XVII в., а создателями этого направления были, по преданию, корейские мастера керамики, которых немало работало в те времена в Японии.

— У этих чаш есть свой секрет, — продолжает Тагути-сан. — Налейте сюда немного чая и вы увидите, что дно одной из них начнет отливать зеленовато-голубоватым оттенком, потому что она предназначена для женщины, а другой — красноватым, это чаша для мужчины.

Мы по очереди наливаем в эти таинственные сосуды немного чая и, затаив дыхание, наблюдаем, как их дно начинает менять свою окраску. Чувства удивления, восхищения, радости овладевают нами — именно те чувства, которые через века передавал нам мастер, взявший своим девизом иероглифический знак *раку*, что означает «радость».

— Должен сказать, что вы поступили очень правильно, выбрав для посещения Японии канун Нового года, — замечает Тагути-сан, принимаясь раздвигать только что поданного на стол гигантского вареного краба. — Новый год — это лучшее время для того, чтобы понять душу японцев. Ведь во время новогодних праздников каждое украшение, каждая даже самая малоприметная деталь — все исполнено глубокого смысла, имеет свою скрытую символику. Вот хотя бы *мотибана*...

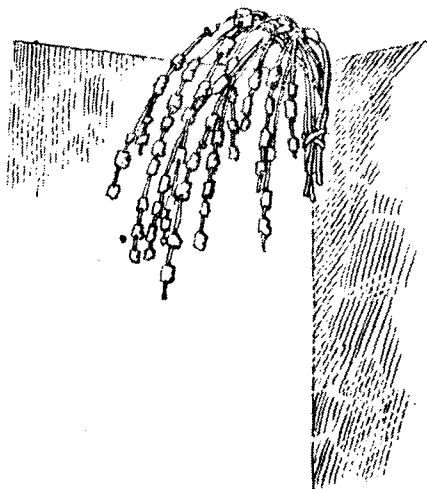

Рис. 1. Букет мотибана («цветы из моти») в Киото (здесь и далее рис. худ. В. И. Агафонов)

Несколько прутиков с нанизанными на них белыми и розовыми шариками прикреплены к верхней планке перегородки *фусума*.

— Мотибана — цветы из моти?!

Тагути-сан встает с татами и дотянувшись до букета, отламывает от него несколько веточек, чтобы можно было внимательно рассмотреть их вблизи. (Мы взяли эти прутики на память, и сейчас в Москве они напоминают нам о том вечере в Киото.)

Тогда мы впервые узнали о том, что из *моти* в Японии делают еще и цветы, напоминающие о приближении весны и цветения сакуры.

Собственно говоря, без моти вообще невозможно представить себе японский Новый год. Рассказывают, что в добрые старые времена уже с середины декабря в деревнях слушался монотонный, но приятный стук деревянных пестов, с помощью которых из клейкого риса в больших деревянных колодах приготавливали подобие теста. Это и есть моти. Рис отбивали мужчины, а женщины готовили «хлеб» различной формы. В некоторых местах моти готовили, отбивая зерна с помощью ножной крупорушки. В северных районах моти делают из проса или других зерновых. Ученые полагают, что такое моти более древнее по своему происхождению. В Минпаку мы видели моти и мотибана самых различных форм: в Японии, что ни район, то своя традиция. Сейчас моти редко при-

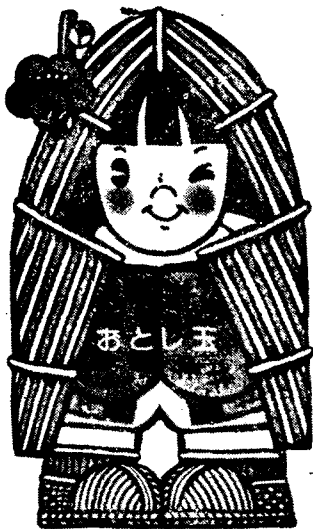

Рис. 2. Маленькие конвертики с магической надписью *о-тоси-дама* («Новогоднее сокровище»). Слева — конвертик в форме бумажной куклолки, изображающей девочку в крестьянской зимней одежде; справа — в форме ракетки хагоита для игры в волан

готовляют вручную¹ — обычно покупают в магазинах и в лавках. Бойко идет в предновогодние дни торговля «караваями» из моти. Каждая семья украшает ими свой новогодний алтарь. Моти — важнейшая составная часть новогоднего блюда *о-дзони*. По окончании новогодних праздников и «цветы», и «караваи» из моти также употребляют в пищу, предварительно отварив и пожарив их. Считается, что моти приносит здоровье, долголетие и благополучие. Существует примета, что каждый, на счастье, должен съесть столько «цветов» из моти, сколько лет ему исполнилось в этом году.

— Да, Новый год — это особый праздник в Японии, — продолжал Тагути-сан. — Ведь Новый год у нас — это всеобщий день рождения, ибо еще недавно Новый год прибавлял возраст каждому, независимо от того, в каком месяце он родился.

— Коль скоро речь зашла о дне рождения, который многие по-прежнему отмечают в Новый год, — поддержал беседу Като-сэнсэй, — надо вспомнить и о подарках. Знаете ли вы, что такое *о-тоси-дама*?

— *О-тоси-дама* — новогоднее сокровище?

— Да. Раньше был, да и сейчас существует обычай, согласно которому отец дарит своим детям на Новый год завернутую в бумажку или положенную в специальный конверт монетку. Этот подарок и называется *о-тоси-дама*, что по-русски означает «новогоднее сокровище», — задумчиво проговорил Като-сэнсэй. — Монетка может быть совсем маленькой по своему достоинству. Это неважно. Важен сам подарок, пожелание счастья и благополучия...

...Потом в предновогодние дни мы стали страстными коллекционерами маленьких конвертиков с магической надписью «*о-тоси-дама*». На каждом таком конвертике в яркой лубочной манере или в манере детского рисунка запечатлены различные сценки новогоднего праздника: девочка, играющая в мячик *тэмари*; деревенские ребята около снежной бабы; малыш в традиционной одежде с зеленой веточкой в руках, унизанной новогодними подарками; мальчишки в масках львов. В декабре 1980, в преддверии 1981 г. — Года курицы, немало конвертов было украшено изображением петуха и курицы...

¹ С традиционным способом приготовления моти мы смогли познакомиться, просмотрев в видеотеке Минпаку этнографический фильм (№ 10567), рассказывающий о праздновании Нового года в рыбацкой деревушке Идзумо в 1976 г.

За этот вечер мы узнали о таких обычаях, которые не открываются взору сразу, а живут своей жизнью в душе и культуре народа, подобно той сокровенной красоте вещей и явлений, которую призвано выявить искусство и которую японцы называют югэн...

В вагоне ночной электрички, увозившей нас из Киото, народу было мало. Возбужденные и радостные мы продолжали обмениваться впечатлениями.

— А что, если нам на Новый год съездить в деревню, — неожиданно выдвинул Като-сэнсэй свой очередной план.

Страна Ямато в зимнем убранстве

Инеем занесена

Трава на увядшем лугу.

Сайгё (1118—1190)

С середины декабря приметы приближающегося Нового года становились все более ощутимыми. Началась продажа новогодних украшений. Во многих местах открылись традиционные праздничные базары; так, например, в Токио, в районе Асакуса, 17—19 декабря началась продажа красочных ракеток (*хагоита*) для новогодней игры в волан. В витринах засветились искусственные елки. На дорогах усилилось движение — перед Новым годом все стараются закончить дела старого года, а главное рассчитаться с долгами.

С новогодним праздником у японцев связано много интересных обычаев и обрядов. Причем в каждой префектуре до сих пор сохраняются свои местные традиции, есть различия в том, как отмечается этот праздник в городе и в деревне.

— Конечно, если по-настоящему изучать праздник Нового года в Японии, надо ехать в деревню, — сказал Като-сэнсэй несколько дней спустя после нашей поездки в Киото.

И мы поняли, что мечта о возможности встретить Новый год в деревне постепенно становилась явью.

— Правда, надо выбрать такое место, где до сих пор бытуют древние обычаи и обряды. Наверное, лучше всего поехать в Ямато, в горную деревню, — продолжал Като-сэнсэй.

Оставшиеся предновогодние дни были заняты подготовкой к поездке. ...В деревню Цугэмура, расположенную к югу от г. Нара, наша небольшая первая совместная японо-советская этнографическая экспедиция (как между собой мы называли нашу поездку) во главе с Като-сэнсэем приехала во второй половине дня 30 декабря 1980 г.

Двухэтажная японская гостиница *рёкан* под названием «Мия-но-маэ» (что означает «Перед храмом»), действительно, примостилась напротив местного синтоистского храма Касуга-дзиндзя. В *рёкане* помимо нас посетителей нет: в это время года в деревне мало приезжих и туристов. Наскоро разместившись в просторных, но холодных комнатах, мы отправились осматривать деревню.

Расположенная высоко в горах, деревня Цугэмура раскинулась отдельными кварталами, среди рисовых полей и невысоких холмов. История деревни насчитывает много столетий. Испокон веку живут здесь люди.

Сейчас в деревне много усадеб под черепичными крышами, хотя встречаются и старинные дома, покрытые соломой. Сохранились постройки, которым уже более ста лет. Среди полей зеленеет храмовая рощица еще одного синтоистского храма, Суйбун-дзиндзя, который, по преданиям, был основан еще в период Асука (VI—VIII вв.).

К домам примыкают огороды, на грядках которых и сейчас, в самом конце декабря, зеленеют овощи. За огородами — золотистые поля, с которых убран урожай. Снопки рисовой соломы уложены в копны. В разных районах страны эти копны имеют свою форму. Здесь они напоминают кукол, одетых в широкие юбки со множеством оборок.

Через оросительные каналы перекинута деревянная мостик. Поля простираются до горизонта. Эта отдыхающая земля с ровными линиями стерни, оставшимися от скошенного риса, красноречиво говорит об огромном труде японского крестьянина-рисовода. В некоторых местах рисовые поля расположены террасами, и сейчас особенно хорошо видны массивные камни, укрепляющие каждый новый уступ. На холмах зеленеют чайные кусты.

Вдали у горизонта две линии гор — те, что ближе к нам, очерчены более рельефно, а те, что дальше, подернуты легким туманом, и от этого весь пейзаж напоминает рисунок со старинных свитков.

О том, что и здесь наступила зима, говорили и туман над дальними горами, и маленькие зеркальца льда на убранных рисовых полях, и золотистый отблеск отцветших трав и лежащий кое-где иней. И холодный порывистый ветер.

И хотя в эти дни не шел обильный снегопад и температура редко опускалась ниже нуля (в это же время в телевизионных передачах показывали, как на севере о. Хонсю и на о. Хоккайдо страшные снежные заносы останавливали движение транспорта в городах), дыхание зимы ощущалось очень остро. Ощущалось оно и в сильных порывах ветра — ветра, от которого трудно было спрятаться (и который казался особенно пронзительным среди городских небоскребов), и в прозрачном инее, который по утру покрывал все вокруг, и в непривычной для нас прохладе традиционного японского дома.

Зато каким символом уюта стали для нас *хибати* — переносные жаровни с раскаленными углями. Хибати — медные, фарфоровые, керамические. Маленькие и большие. Но всегда теплые и приветливые. Они слились в нашем представлении с новогодними праздниками и гостеприимством японских друзей. В доме нашего давнего друга Курокава-сан в г. Химэдзи нам даже довелось погреться около *котацу*, посидеть вокруг стола, покрытого теплым пледом, опустив ноги вниз в углубление, на дне которого под специальной решеткой грелась жаровня.

И только в эти холодные дни мы по-настоящему ощутили прелесть японской ванны *фуру*. Как приятно поздним вечером, после горячей ванны, выйти на открытую веранду и вдруг с удивлением увидеть, что в маленьком садике нашего деревенского *рёкана*, залитом лунным светом, все припорошено снегом — и ветви небольшой сосны, и вечнозеленый кустарник, и каменные светильники.

Не в такую ли ночь написал великий поэт Японии Сайгё более восьми веков тому назад знаменитую танка «Зимняя луна озаряет сад»:

Глубокой зимой
Как ослепительно ярко
Блещет лунный свет!
В саду, где нет водоема,
Он стелется, словно лед².

Приветствие Новому году

У каждого ворот

Стоят молодые сосны.

Праздничный вид!

Во все дома без разбора

Сегодня пришла весна³

Сайгё

Главная цель нашей поездки — знакомство с господином Иманиси, в семье которого соблюдаются многие старинные обычаи и традиции.

Иманиси-сан — один из старейших жителей деревни. Он родился здесь и прожил большую часть своей жизни в доме, который был построен его отцом более 70 лет тому назад. Старинные постройки усадьбы под чере-

² Сайгё. Горная хижина/Перевод со старояпонского Веры Марковой. М., 1979, с. 84.

³ По традиционному лунному календарю Новый год совпадает с началом весны.

пичными крышами расположились у самого подножия холма, покрытого густым, многовековым лесом.

Уже подходя к дому господина Иманиси, мы обратили внимание на стоящие перед воротами его усадьбы два тоненьких с зеленой листвой бамбуковых деревца, к которым внизу соломенной веревкой были привязаны большие сосновые ветки.

Это было *кадомацу* («сосна у входа») — приветствие приближающемуся Новому году.

Однако, как оказалось, кадомацу не было еще полностью закончено. В нашем присутствии хозяин дома протянул между бамбуковыми деревцами длинную и плотно сплетенную из рисовой соломы веревку — *симэнава*. Веревка была сплетена таким образом, что концы отдельных длинных соломинок торчали из нее как солнечные лучики. Примерно посередине к симэнава были прикреплены большие листья папоротника.

Затем Иманиси-сан из заранее приготовленных пакетов насыпал к основанию каждого деревца горки белой глины. Этой же глиной он посыпал дорожку, ведущую к воротам дома, и дорожку внутреннего дворика.

Так на наших глазах было создано старинное по форме кадомацу...

...За время нашего путешествия по стране в предновогодние дни нам довелось увидеть кадомацу самые разнообразные по форме.

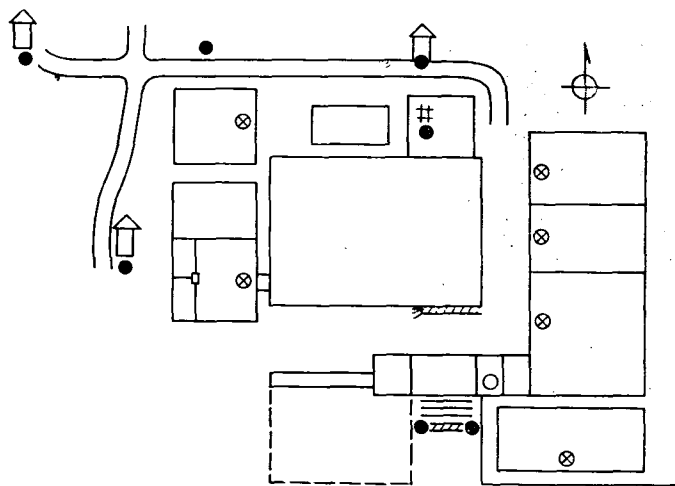

Рис. 3. Схематический план дома-усадьбы Иманиси-сан в деревне Цугэмура

По традиции кадомацу начинают готовить после 15 декабря. В городах около отелей, учреждений, магазинов устанавливают большие деревянные кадки, обвязанные симэнава. А в кадках помещают срезанные нанскосок зеленые стволы бамбука и большие ветви сосны, а иногда и веточки сливового дерева. Для своих квартир горожане обычно покупают небольшие «букетики» кадомацу, которыми украшают входные двери. В окрестностях г. Нара, например, мы видели такие букеты, прикрепленные с двух сторон к воротам.

А вот в деревне Цугэмура мы увидели кадомацу, состоящее из целого деревца. И было это кадомацу очень похоже на те новогодние украшения, что запечатлены в гравюрах художников школы *укиё-э*. На следующий день в одном из синтоистских храмов в Цугэмура мы видели кадомацу, состоящее из двух молодых сосен, к которым были прикреплены ветви бамбука.

Сосна и бамбук — это растения, с которыми связаны определенные представления японцев. Вечнозеленая сосна издавна почитается как символ долголетия, бессмертия, как символ пожелания здоровья, радости, счастья. Бамбук почитается за свою стойкость: его зеленые, тоненькие стволы гнутся под сильным ветром, но никакой ураган не способен

сломать их. Поэтому бамбук также символизирует стойкость, способность противостоять невзгодам. Веточки сливового дерева, как и мотибана, символизируют скорый приход весны. С пожеланием богатства ассоциируется и сплетенная из рисовой соломы симэнава, которой с давних времен приписывается способность ограждать от темных сил

Помимо кадомацу, которым каждый дом, каждая семья приветствует приход новогоднего праздника, есть и другие украшения: это и большие флаги, и стоящая в горшках цветная капуста, и цветы мотибана...

Господин Иманиси проводит нас в хозяйственную часть дома. Здесь уже все приготовлено к встрече Нового года. Сплетенные из симэнава венки с расходящимися длинными лучиками и с большими листьями папоротника, а иногда и с прикрепленным мандарином украшают и водопроводный кран, и полочку с посудой, и *тавара* — старинное приспособление для плетения мешков, в которых хранится рис.

Прямо за домом начинается склон холма. Вслед за хозяином мы поднимаемся по узкой тропинке вверх. Проходим мимо маленького буддийского алтарика, мимо небольшого синтоистского святилища божества риса Инари — они украшены венками из рисовой соломы. Тропинка становится все уже и круче. И вот перед нами в быстро наступивших сумерках среди вековых деревьев — огромное дерево, на почтительном расстоянии окруженное симэнава. Это дерево — место обитания Духа горы («Яма-но ками»), покровителя местности и рода господина Иманиси

Рис. 4. Старинное кадомацу было установлено перед воротами, ведущими в дом Иманиси-сан

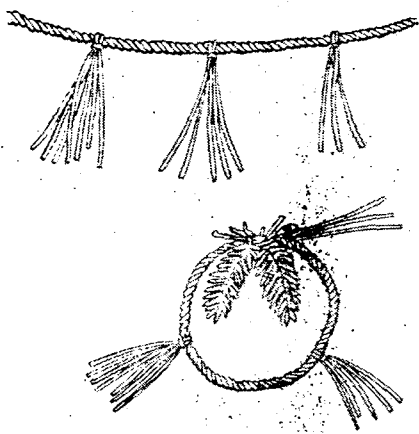

Рис. 5. Вот так из рисовой соломы плетутся венки, которыми украшают к Новому году все наиболее важные в хозяйстве вещи

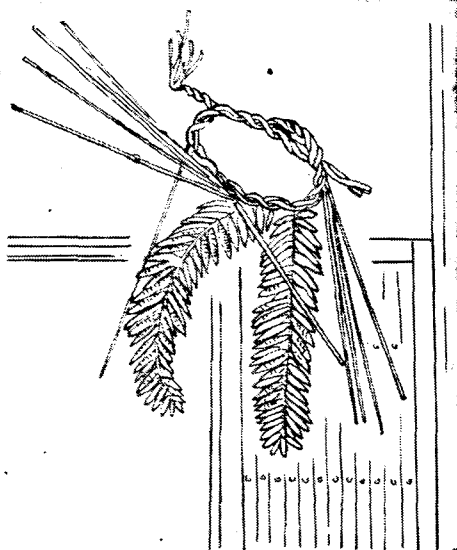

Рис. 6. Венок из рисовой соломы с листьями папоротника по случаю Нового года был повешен над входной дверью в доме Иманиси-сан

Рис. 7. В сельском универмаге можно купить новогоднее украшение для домашнего алтаря

У него за многие века ни разу не срубили ни одной ветки. И поэтому даже среди других старых деревьев оно кажется древним многоруким божеством, почтенным патриархом. Поклонение ему в канун новогоднего праздника связано с молением о благополучии семьи, о здоровье домочадцев и процветании дома...

Ужинать мы отправились в деревенский ресторанчик. Расположенный в крохотном помещении, он, как и многие другие японские ресторанчики, имел два отделения: стойку для посетителей и уголок с *татами* и низенькими столиками, где можно было расположиться более уютно. Ресторанчик — это своеобразный клуб местных жителей, место, где можно не только перекусить после трудового дня, но и перекинуться последними новостями, отдохнуть или просто повидаться со своими односельчанами.

Постепенно ресторанчик наполнялся народом. Заходили с детьми. Быстро ели. Уходили. Их место занимали другие. И тут мы стали свидетелями традиционного японского гостеприимства: неожиданно, как по мановению волшебной палочки (неожиданно, так как здесь рис обычно не готовили), перед каждым из нас появилась большая пиала, до краев наполненная прекрасным горячим рисом (*гохан*). Их принесла из своего дома, расположенного неподалеку, молодая женщина (как потом оказалось, жена хозяина местного универмага), узнав, что в ресторане ужинают приехавшие в деревню новые люди. Затем также неожиданно появилась рыба. Пиршество разгоралось. Разговор становился общим.

Но вот настало время, когда хозяева поинтересовались, откуда прибыли эти иностранцы. Наш ответ был для всех полной неожиданностью. Особенно удивлялся молодой человек, сидевший рядом. Он снова и снова переспрашивал, заглядывая нам в лица:

— Да неужели вы действительно из России? Не может быть! Сколько живу, а никогда еще не видел русских! Да нет, не может быть, что вы из России!

Наши утвердительные ответы повергали его в изумление.

Вскоре снова появилась его жена, на этот раз с маленькой дочкой по имени Юмэ. Родители доверительно объяснили нам, что у них десять лет не было детей, и когда наконец родилась дочка, они назвали ее Юмэ — «Не сон ли это?». У молодой женщины оказался хороший голос, и она с удовольствием спела несколько песен. Мы расстались друзьями.

Идя по темному переулку к нашему рёкану, теперь мы уже сами задавали себе вопрос:

— Неужели это правда, что мы, советские этнографы, встречаем Новый год здесь, в деревне Цугэмура, на древней земле Ямато?

И сердце охватывало радостное изумление.

Обретение счастливых камней

Хаяку кой-кой

О-сёгацу!

(О скорей, поскорей

Приходи Новый год!)

Припев из японской

детской новогодней

песенки

До наступления Нового года осталось несколько часов. В домах над входными дверями появились сплетенные из рисовой соломы фигурки, часто напоминающие птиц, украшенные листьями папоротника и мандарином. Шла последняя подготовка к новогодним торжествам, так как, хотя Новый год в Японии уже давно стал государственным праздником, а новогодние каникулы (с 28 декабря по 4 января) — отдых для всех, встреча Нового года — это прежде всего семейный праздник.

В недалеком прошлом Новый год в Японии отмечали по лунному календарю, и наступал он в последний день 12-го лунного месяца, как только заходило солнце и восходил молодой месяц. Поэтому до сих пор некоторые старинные обряды выполняются с наступлением вечера.

Мы уже знали, что жители деревни Цугэмура сохранили с незапамятных времен и до сих пор сохраняют два очень древних новогодних обычая: обычай зажигания «первого» огня и обряд обретения счастливых камней.

И вот сегодня нам предстоит увидеть их...

Когда мы подошли к дому господина Иманиси, сумерки уже сгущались.

Будучи одним из старейших жителей своего квартала, в котором живут близкие родственники, как глава основного рода *хонкэ* Иманиси-сан руководит многими традиционными обрядами. Ему же принадлежит и право зажигания «первого» в Новом году огня.

У себя в доме после соответствующих церемоний господин Иманиси зажег свечку и поставил ее в большой бумажный фонарь. Затем, взяв в правую руку зажженный фонарь, а в левую — лаковый поднос, на который были положены листья папоротника и мандарин, он вышел из дома.

Ночная темнота уже опустилась над деревней. Из боковых переулков, от соседних домов навстречу Иманиси-сан вышли его родственники: среди них были двое мужчин, один мальчик лет 12 и четыре женщины. Каждый нес в руках бумажный фонарь (пока без огня) и лаковые подносы, на которых также лежали листья папоротника, мандарины, кусочки симэнава. Встретившись на перекрестке, на краю дороги и поля, они обменялись словами приветствий и поздравлений. Затем от фонаря Имманиси-сан был зажжен пучок соломы. Во вспыхнувшей маленький костер все бросили принесенные листья папоротника и мандарины. Это были «подарки-подношения» огню. После чего каждый зажег от костра свою свечку, а ею огонь в фонарях. Имманиси-сан сказал несколько приветственных слов, угостил сладостями, пожелал всем счастья в Новом году.

Весело переговариваясь, со светящимися фонарями в руках все разошлось. Каждый уносил с собой «огонь» Нового года. От этого огня они зажгут очаг.

Между тем со светящимся фонарем в руках господин Имманиси направился к одной из хозяйственных построек и достал из укрытия три небольших круглых камня красноватого цвета. Эти камни, незадолго до праздника найденные на берегу горной речушки и отобранные по цвету и форме, Имманиси-сан отнес домой, где они будут храниться весь год как символы счастья и благополучия...

Восходящий к древнему культу камня, этот обряд называется *фукумару мукаэ* («обретение счастливых камней»).

Нам говорили, что в других кварталах деревни жители выходят на перекресток дорог и криками (*Фукумару-мукаэ! Фукумару-мукаэ!*) призывают «счастливые» камни, призывают приход благополучия, радости и счастья в Новом году...

В новогоднюю ночь, возвращаясь домой, мы заглянули на территорию синтоистского храма Касуга-дзиндзя. Как и его прообраз, знаменитый Касуга-тайдзя в г. Нара, он украшен каменными светильниками, установленными вдоль небольшой аллеи. В этот час храм был еще пуст. Но кто-то уже зажег огонь в маленьких ажурных бронзовых фонарях, свисающих с кровли крыши. Перед входом в зал для молящихся стояли две молодые сосенки, соединенные симэнава. Под крышами боковых галерей также были протянуты длинные симэнава, дополненные специально вырезанными полосками белой бумаги (*гохэй*). Над входом в зал для молящихся с одной из потолочных балок свисал пучок красно-белых полотнищ, возвещавших о наступлении праздника.

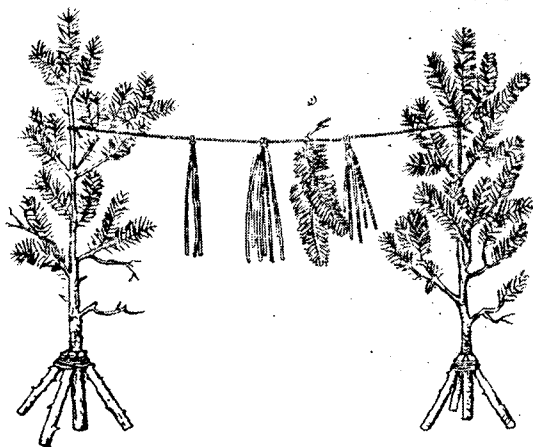

Рис. 8. Еще один вид старинного кадомацу. Оно было установлено в синтоистском храме Касуга-дзиндзя, в деревне Цугэмура

В левом углу внутреннего двора лежали поленья дров, приготовленные для новогоднего костра *госинка* («божественный огонь»).

— Существует поверье, — сказал Като-сэнсэй, — что в новогоднем костре сгорает все зло прошлого года, что огонь госинка очищает от всякой скверны. Есть примета: тому, кто первым в новогоднюю ночь придет сюда, чтобы разжечь костер, Новый год принесет счастье и удачу...

Над горной деревней стояла ночь. На темном небе серебром отливали звезды. Было холодно и торжественно. И хотя под ногами не скрипел снег и вокруг не белели сугробы, ночь была именно новогодняя.

А вы отведали о-дзони!

Ити-Фудзи ни-така
Сан-насуби (первое — Фудзи,
второе — сокол, третье —
баклажаны)

Японская народная
поговорка-примета,
связанная с Новым годом

...За ночь в рёкане замерзла вода. Стекла раздвижных окон покрылись инеем.

Утро Нового года было ясным и светлым. В старину был обычай ходить встречать восход солнца. Поэтому на многих свитках, связанных с

новогодним праздником, часто изображается дневное светило. Солнце, ветки сосны и цветущей сливы обычно рисуют на одной из сторон ракетки (*хагоута*) для новогодней игры в волан.

Мы собрались вокруг праздничного стола. Появилась наша хозяйка. Обмениваемся с ней и друг с другом поклонами, поздравлениями, пожеланиями счастья в Новом году.

Затем на большом лакированном подносе хозяйка вносит угощение. Каждому из нас она вручает лакированную чашку, наполненную горячим, дымящимся душистым бульоном с кусочками моти. Это о-дзони!

Когда некоторое время спустя мы рассказывали своим японским друзьям, что встречали Новый год в деревне, то первым вопросом, который мы слышали от них, был вопрос:

— А вы попробовали о-дзони? —

И когда мы отвечали утвердительно, улыбались и говорили, что значит мы действительно встречали Новый год по-японски.

Для большинства японцев новогодний праздник ассоциируется и с лаковыми, керамическими или фарфоровыми чашками, наполненными душистым горячим о-дзони.

О-дзони готовят заранее. Сначала готовят моти, из которого затем делают круглые маленькие лепешки и отваривают их. Из морской капусты (*комбу*), бобовой пасты (*мисо*) и редьки (*дайкон*) варят бульон. Затем в этот бульон кладут вареное моти: в некоторых местах круглыми лепешками, в других — эту лепешку делят на кусочки. В бульон иногда добавляют соевого творога (*тофу*). В качестве приправы подают и сладкий бобовый порошок (*кинако*), в который можно обмакнуть кусочки моти.

И о-дзони, и другие блюда, которые мы попробовали в первое утро Нового года, связаны с благопожелательной символикой. Это и засахаренные кусочки морской капусты — символ счастья, и белая фасоль (*мамэ*) — пожелание здоровья (слово *мамэ*, обозначающее «фасоль», является омонимом слова «здоровья», есть такое выражение *мамэ-ни кура-симасэ* — «будем здоровы») и икра (*кадзуноко*) — пожелание большого потомства, и корень лотоса (*рёнкон*) — символ хорошего зрения, пожелание прозорливости. Особым образом приготовленные маленькие рыбки *тай* — новогоднее поздравление, так как слово *тай* входит в состав слова *мэдэтай* — «поздравлять». Все эти угощения подаются в нарядных лаковых коробках-шкатулках *о-дзюбако*, нередко украшенных изображением ветвей сосны и цветущей сливы.

Рис обычно не едят. По традиции полагалось 1—3 января есть в основном холодную пищу, благодаря чему женщины имели возможность немного отдохнуть от домашних дел...

После завтрака, спустившись вниз, мы впервые застали все семейство нашей хозяйки в сборе: ее мать, она сама, ее дочь с мужем и маленьким годовалым ребенком. Все нарядны и праздничны!

Напротив входной двери в нише-токонома хозяева устроили *о-сёгацу-тана* («новогодний домашний алтарь») — символ обряда-угощения божества. *О-сёгацу-тана* включало: большой «каравай» моти, нанизанные на палочку сушеные плоды хурмы, мандарины, сушеную креветку, ветки сосны и листья папоротника. Внутри токонома висел круглый веер с изображением играющих детей. Здесь же помещались большой керамический сосуд и две фигуры львов-охранителей.

...Обычно новогоднее украшение в токонома сохраняется до 7 января. После чего листья папоротника, бумагу и подставку сжигают, а моти, хурму и мандарины (или апельсины) употребляют в пищу 15 января. Моти долго размачивают, а затем либо варят, либо жарят. Из мандарины делают сок с добавлением сахара (или меда) и воды. Эта еда считается благотворной для здоровья.

Фотографируемся с семьей нашей хозяйки. Выражая нам особое расположение, хозяйка настаивает на том, чтобы каждый из нас сфотографировался рядом с *о-сёгацу-тана* с их малышом на руках. И это тоже новогодний обычай, новогоднее благопожелание.

Рис. 9. К Новому году венками из соломы и папоротника были украшены и каменные светильники, стоящие в рощице, прилегающей к местному храму

Мать нашей хозяйки что-то быстро говорит. Като-сэнсэю.

— Она напоминает нам, — переводит Като-сэнсэй, — что важно в ночь с 1 на 2 января положить под подушку рисунок с изображением богов удачи и богатства, сидящих в лодке, наполненной рисом, золотыми монетами и драгоценностями. Эта лодка и называется *такара-бунэ* — «лодка сокровищ».

В разговор вступают и молодые родители. Они с улыбкой повторяют поговорку-примету о толковании сна, который желательно увидеть именно в ночь с 1 на 2 января. Эту поговорку мы уже слышали и потому весело повторяем со всеми: «ити-Фудзи, ни-така, сан-набуси», что в переводе означает: «первое — Фудзи, второе — сокол, третье — баклажан».

Словом, в ночь на 2 января лучше всего во сне увидеть Фудзидзю, тогда в Новом году тебя ждут большие успехи, процветание и счастье. Хорошо увидеть во сне и смелую птицу сокола: в Новом году будут удачи, все неприятности будут преодолены. Увиденный во сне баклажан «принесет» богатство и процветание.

К 9 часам утра мы направляемся к дому господина Иманиси. У ворот его дома выставлен государственный флаг. Иманиси-сан одет в праздничное темно-коричневое кимоно и хакама. Впервые мы знакомимся с его женой, пожилой женщиной в старинном кимоно. По случаю Нового года хозяева дома принимают нас в парадной комнате, где в токонома также устроен о-сёгацу-тана. По стенам комнаты развешаны вертикальные свитки с каллиграфическими надписями. Самые почитаемые из них — под фотографиями умерших родителей и братьев хозяина, тут же жаровня со свечами и новогодний венок из симэнава и листьев папоротника. Новый год в японской семье начинается с поминовения умерших предков.

Во время угощения, где опять центральным блюдом было о-дзони, перед каждым поставили отдельный столик. Ухаживала за всеми одна из невесток хозяина.

Наступление Нового года отмечается и в синтоистских храмах, где уже с ночи горят праздничные костры.

Господин Иманиси и его семья обычно посещают храм Касуга-дзин-дзя.

Когда мы все вместе пришли в храм, здесь собрались односельчане. В левом углу храмового двора уже горел новогодний костер, около которого беседовали мужчины. В это время их жены в одной из галерей храма накрывали столы для праздничного угощения.

Время от времени раздавался легкий звон монет и хлопки в ладоши. Это вновь пришедшие бросали монеты в ящик и с поклоном передавали священнику (*каннуси*) свои подношения. Каннуси по случаю праздника облачен в церемониальную одежду, состоящую из белого кимоно, зеленой плиссированной юбки, черной шляпы с высокой тульей, немного загнутой назад. Ученые полагают, что костюм каннуси копирует придворную одежду VIII—IX вв.⁴

Около 10 часов в маленьком сельском храме началась праздничная служба...

...В тишине маленького сельского храма трудно было себе представить, что через несколько часов, в этот же первый новогодний день мы станем свидетелями массовых гуляний в больших синтоистских храмах Мива-мёдзи и Исоками-дзингу, увидим нарядную праздничную толпу, заполнившую улицы г. Тэнри и окрестности храма Тэнрикё.

Праздничные листы Имэй Футоси

Скоро, скоро Новый год!

В праздничные дни

Будут мальчики волчки вращать!

То-то будет весело!

*Из японской детской
новогодней песни*

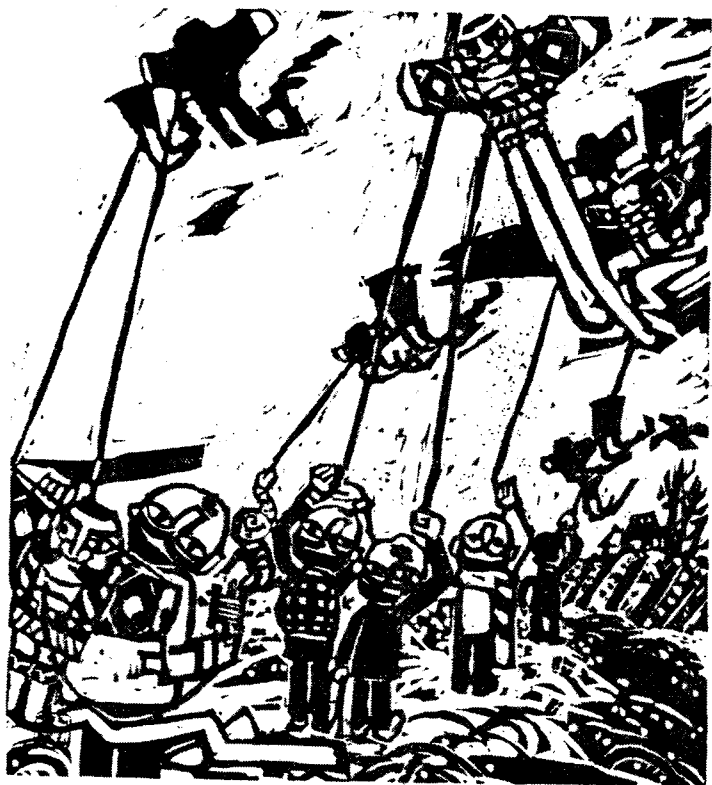
...Среди многовековых сосен и гигантских криптомерий раскинулись деревянные строения буддийского храма Енкёндзи. Храм, основанный еще в X в., принадлежит секте Тэндай. Приверженцы этой секты эзотерического буддизма обычно строили свои храмы и монастыри в горах, в отдаленных, труднодоступных местах. И даже сейчас, в праздничные дни, здесь не так уж много посетителей. И, возможно, от этой уединенности, от непривычной, но благодатной тишины сами храмы, эти удивительные творения древних японских зодчих, кажутся еще более изысканными, ажурными, утонченными. Их прямые линии в сочетании с изгибами крыш, тонким кружевом консолей создают особую, неповторимую мелодию. Да, именно «застывшей музыкой» запомнились архитектурные комплексы Енкёндзи.

Из кабины канатной дороги, соединяющей Енкёндзи с Химэдзи, открывается великолепный вид на город и его окрестности. В окружении высоких гор лежит долина. Далеко за горизонтом земля сливается с небом и морем. Заполненная множеством крыш, равнина тоже напоминает море. Это впечатление усиливают зеленые холмы, тут и там возвышающиеся над городом как зеленые острова над морской гладью.

Нашим проводником по просторам широко раскинувшегося Химэдзи и его окрестностей в этот день была госпожа Коти-сан. Благодаря ее любезности мы побывали и в мастерской художника, приняла участие в чайной церемонии, были у нее в гостях, познакомились с графиком Имэй Футоси...

В небольшой комнате, занятой мастерской, мастер показал нам свои работы. Это были двух-, четырех-, шестистворчатые ширмы — неременная деталь традиционного японского интерьера. На больших листах, составляющих ширмы, Имэй Футоси в черно-белой гамме запечатлел виды родного города. На нас смотрел многолюдный, многоликий Химэдзи с его старинным замком и древними храмами, с узкими улочками, уходящими за горизонт, и невысокими холмами. Художник стремится запечатлеть мгновения сегодняшней жизни города и горожан во всех ее проявлениях и деталях. Все для него важно и полно смысла. Певец родного

⁴ Арутюнов С. А., Светлов Г. Е. Старые и новые боги Японии. М., 1968, с. 17.

1981年作

乾太

Рис. 10. Мальчики запускают воздушных змеев. Репродукция с авторского оттиска гравюры художника Имэй Футоси (подарок автора)

города, Имэй Футоси, работает в жанре традиционной черно-белой гравюры. Он изображает Химэдзи во все времена года. Полнота и многообразие жизни, радость ее восприятия — вот эмоциональный настрой всех его работ. И поэтому, наверное, не случайно особое место в его творчестве занимают сцены праздников.

Мы сидим на татами в кабинете художника. Вдоль стен невысокие полки с книгами, среди которых прекрасные издания по истории мирового и японского искусства. Сёдзи сняты. Из маленького японского сада с цветущим кустарником, миниатюрным водоемом, с сосной и каменным светильником веет вечерней прохладой. В наступающих сумерках как-то особенно приятно рассматривать великолепные гравюры. Имэй-сэнсэй приносит все новые и новые папки. Вот листы с изображением замка, ловцов жемчуга, детского праздника *хина-матури*, улочек родного города. А вот и новогодний праздник! Мальчики запускают воздушных змеев.

Поставив свою печать и подпись, Имэй Футоси дарит каждому из нас по несколько листов...

...Дома, в Москве, снова рассматривая гравюру Имэй Футоси, на которой он запечатлел новогоднюю игру японских мальчишек, снова поражаешься тому с какой экспрессией художник передал усилия ребят, запускающих высоко в небо своих огромных бумажных змеев. И кажется, что держат они не шелковые нити, а огромные серебряные трубы, возвещающие о наступлении Нового года, который всегда у всех народов связан с мечтой о счастье, с надеждой на то, что светлые силы победят зло. В этом глубокий и непреходящий смысл вечного праздника. Праздника, который всегда остается с нами.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ доктора исторических наук Вадима Александровича АЛЕКСАНДРОВА

(к 60-летию со дня рождения) *

Гвардейцы — доверенные люди Петра I. М.: Изд-во МГУ, 1947. 19 с.

Средневековый город и его ремесло.— Книга для чтения по истории средних веков. Ч. II. М.: Учпедгиз, 1950, с. 5—52 (в соавт. с А. Д. Эпштейном).

Русское государство и Западная Европа в XVI—XVII вв.— Хрестоматия по истории средних веков. Т. III. М.: Учпедгиз, 1950, с. 305—340.

К вопросу о происхождении сословия государственных крестьян.— Вопросы истории, 1950, № 10, с. 86—95.

Афанасий Никитин и его время. М.: Учпедгиз, 1951. 190 с.; изд. 2 — М., 1956. 215 с. (в соавт. с А. М. Осиповым и Н. М. Гольдбергом).

Восточные славяне.— Книга для чтения по истории средних веков. Ч. I. М.: Учпедгиз, 1951, с. 36—50.

Культура Русского государства в XVII в.— Преподавание истории в школе, 1952, № 2, с. 19—39.

Рец. на кн: История Москвы. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1952.— Преподавание истории в школе, 1953, № 6, с. 109—112.

Русское государство и Западная Европа в XV—XVII вв.— Книга для чтения по истории средних веков. Ч. III. М.: Учпедгиз, 1953, с. 386—419.

В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М.: Изд-во АН СССР, 1954, разделы: Восстания в Сибири в конце XVII в., с. 230—240; Борьба с реакционной оппозицией, с. 412—431 (в соавт. с Т. К. Крыловой); часть раздела «Персидский поход и отношения России с Китаем», с. 618—623.

В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1955, часть раздела «Историография» (к главе Крестьянская война под предводительством И. И. Болотникова. Польско-шведская интервенция начала XVII в.), с. 444—452.

Рец. на кн.: Путешествие русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М.: Изд-во АН СССР, 1954.— Вопросы истории, 1955, № 9, с. 139—142.

Рец. на кн.: Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси. XI—XIII вв. М.: Госполитиздат, 1955.— Преподавание истории в школе, 1956, № 3, с. 112—115.

Подготовка к печати сочинений В. О. Ключевского и комментариев к ним: *Ключевский В. О. Соч.* Т. 1—3. М.: Госполитиздат, 1956—1957; т. 4—8. М.: Соцэкгиз, 1958—1959. Т. 1, с. 360—412; т. 2, с. 399—454; т. 3, с. 365—413; т. 4, с. 359—408; т. 5, с. 395—472; т. 6, с. 467—510; т. 7, с. 455—485; т. 8, с. 453—488 (т. 1—5, 7 — в соавт. с А. А. Зиминим; т. 6, 8 — с А. А. Зиминим и Р. А. Киреевой).

Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в.— Исторические записки. В. 59. М., 1957, с. 255—309.

Из истории русско-китайских экономических связей перед Нерчинским миром 1689 г.— История СССР, 1957, № 5, с. 203—208.

Русско-китайская торговля и нерчинский торг в конце XVII в.— В кн.: К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.) М.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 422—464.

* В список не включены опубликованные тезисы докладов, представленных на различные симпозиумы и конференции, статьи и заметки хроникального и популярного характера, часть рецензий, а также около 150 статей, опубликованных в энциклопедиях (Большая Советская, изд. 2; Советская историческая).

К вопросу о таможенной политике в Сибири в период складывания всероссийского рынка (вторая половина XVII в.).— Вопросы истории, 1959, № 2, с. 132—144. (в соавт. с Е. В. Чистяковой).

Русское жилище в Восточной Сибири в XVII — начале XVIII в.— Сов. этнография (далее — СЭ), 1960, № 2, с. 44—56.

Русское население Мангазейско-Туруханского края в XVII — первой четверти XVIII в.— Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР, 1960, в. 35, с. 14—24.

Сибирские торговые люди Ушаковы в XVII в.— В кн.: Русское государство в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 131—150.

Рец. на кн.: Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII в.) М.: Изд-во АН СССР, 1960.— История СССР, 1961, № 4, с. 195—199.

Черты семейного строя у русского населения Енисейского края XVII — начала XVIII в.— В кн.: Сибирский этнографический сборник. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1961, в. III (Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. LXIV), с. 3—26.

Хрестоматия по истории СССР. XVI—XVII вв. М.: Соцэкгиз, 1962. 751 с. (в соавт. с В. И. Корецким).

Происхождение русского населения Енисейского края в XVII в.— Сибирский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1962, в. IV (Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. LXXVIII), с. 9—29.

Роль крупного купечества в организации пушных промыслов и пушной торговли на Енисее в XVII в.— Исторические записки. В. 71. М., 1962, с. 158—195.

Материалы о народных движениях в Сибири в конце XVII в.— Археографический ежегодник за 1961 г. М.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 345—386.

Начало хозяйственного освоения и присоединение к России северной части Енисейского края.— В кн.: Материалы по истории Сибири. Сибирь периода феодализма. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1962, в. 1, с. 7—29.

Основные проблемы славянской этнографии.— В кн.: История, фольклор, искусство славянских народов. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 218—232 (в соавт. с С. А. Токаревым).

Русские промышленники в Якутии до образования Якутского воеводства (1641).— В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М.: Изд-во вост. лит., 1963, с. 236—241.

Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. 303 с., карта.

Отв. ред. (совместно) кн.: Народы Европейской части СССР. Ч. I (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М.: Наука, 1964.

Отв. ред. кн.: Рабинович М. Г. О древней Москве. М.: Наука, 1964. 353 с.

Памяти академика М. Н. Тихомирова.— СЭ, 1965, № 6, с. 138—141.

Стрелецкое население южных городов России в XVII в.— В кн.: Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова. М.: Наука, 1967, с. 235—250.

Отв. ред. кн.: Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения Приангарья. Конец XIX—XX в. Л.: Наука, 1967. 280 с.

Отв. ред. (совместно) труда: Русские. Историко-этнографический атлас. М.: Наука, 1967. 359 с.

Начало хозяйственного освоения русским населением Забайкалья и Приамурья (вторая половина XVII в.).— История СССР, 1968, № 2, с. 44—61.

В кн.: История Сибири. Т. 2 — Сибирь в составе феодальной России. Л.: Наука, 1968, разделы: Введение, с. 9—22 (в соавт. с В. Г. Мирзоевым и В. И. Шунковым); Присоединение Восточной Сибири к Русскому государству и ее заселение, с. 41—55; Классовая борьба, с. 138—152; Дальнейшее заселение Сибири, с. 357—364.

Древнерусская народность. Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР. М.: Наука, 1968, с. 56—60.

Отв. ред. кн.: Туголуков В. А. Следопыты верхом на оленях. М.: Наука, 1969, с. 215.

Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М.: Наука, 1969. 240 с.

Подготовка к печати кн.: Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М.: Наука, 1969. 445 с.

Отв. ред. (совместно) труда: Русские. Историко-этнографический атлас. М.: Наука, 1970. 205 с.

Принципы научно-педагогической деятельности М. Н. Тихомирова.— В кн.: Археологический ежегодник за 1968 г.— М.: Наука, 1970, с. 325—336.

Рец. на кн.: *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М.: Наука, 1967, 323 с.— Изв. СО АН СССР. Серия общ. наук, в. 3, № 11. Новосибирск, 1970, с. 122—124.

Итоги и перспективы изучения материальной культуры русского населения Сибири.— В кн.: Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. Новосибирск: Наука, 1971, с. 57—75.

Памфлет на род Сухотинных (XVII в.).— История СССР, 1971, № 5, с. 114—122.

Редактирование кн.: *Лукьянченко Т. В.* Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце XIX—XX в. М.: Наука, 1971, 165 с.

Редактирование кн.: Сельские поселения Прибалтики (XIII—XX вв.). М.: Наука, 1971, 215 с. (совместно с Н. В. Шлыгиной).

Проблема сравнительного изучения материальной культуры русского населения Сибири (XVII—XIX вв.).— *Ethnologia Slavica*, t. III. Bratislava; 1972, s. 79—90 (на англ. яз.).

Сельская община и вотчина в России (XVII — начало XIX в.).— Исторические записки, 89. М., 1972, с. 231—294.

Отв. ред. кн.: Японцы открывают Европу. 1720—1830 гг. М.: Наука, 1972, 206 с. Послесловие, с. 194—206.

Рец. на кн.: Материалы по истории Якутии XVII в. (документы ясачного сбора). М.: Наука, 1970.— СЭ, 1972, № 3, с. 176—179.

Рец. на кн.: *Мирзоев В. Г.* Историография Сибири. М.: Мысль, 1970, 390 с.— СЭ, 1973, № 1, с. 176—177.

Особенности феодального порядка в Сибири (XVII в.).— Вопросы истории, 1973, № 8, с. 39—58.

Редактирование кн.: Русское население Поморья и Сибири (феодализм). М.: Наука, 1973. 447 с. Статьи: Творческий путь Виктора Ивановича Шункова, с. 10—23; Народное движение в Кайгородке в середине 30-х гг. XVII в., с. 60—71.

Заселение Сибири русскими в конце XVI—XVIII в.— В кн.: Русские старожилы Сибири. М.: Наука, 1973, с. 7—49.

Отв. ред. кн. (совместно с Л. В. Миловым): *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII в. М.: Изд-во МГУ, 1974, с. 254.

Начало Ирбитской ярмарки.— История СССР, 1974, № 6, с. 36—57.

Рец. на кн.: *Бусыгин Е. П., Зорин Н. В., Михайличенко Е. В.* Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья. Казань, 1973, 163 с.— СЭ, 1975, № 1, с. 169—171.

Отв. ред. кн.: Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М.: Наука, 1974. 295 с.; раздел Проблемы сравнительного изучения материальной культуры русского населения Сибири (XVII — начало XX в.), с. 7—21.

Земельно-передельный тип сельской общины в позднефеодальной России.— Вопросы истории, 1975, № 10, с. 53—70.

Общинное управление в помещичьих имениях XVIII — начала XIX в.— Общество и государство феодальной России. М.: Наука, 1975, с. 104—113.

Отв. ред. (совместно с Н. В. Шлыгиной) кн.: Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики. М.: Наука, 1975, 239 с.

Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М.: Наука, 1976. 323 с.

Рец. на кн.: *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М.: Наука, 1974. 395 с.— Вопросы истории, 1976, № 1, с. 154—157.

Рец. на кн.: Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 2. М.: Наука, 1972. 834 с.— Народы Азии и Африки, 1974, № 3, с. 191—193.

Редактирование кн.: *Шушков В. И.* Вопросы аграрной истории России. М.: Наука, 1974. 376 с. Комментарий (в соавт. с В. М. Суриновым).

Рец. на кн.: *Громыко М. М.* Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1975. 350 с.— СЭ, 1976, № 3, с. 170—173.

Виктор Иванович Шунков.— Археологический ежегодник за 1975 г. М.: Наука, 1976, с. 184—188.

Отв. ред. кн.: *Бакланова Е. Н.* Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII — начало XVIII в. М.: Наука, 1976. 221 с.

Проблематика системы государственного феодализма в Сибири XVII века.— История СССР, 1977, № 1, с. 97—108.

Таможенные книги Ирбитской ярмарки как этнографический источник (конец XVII — начало XVIII в.).— СЭ, 1978, № 3, с. 131—138.

Типы сельской общины в позднефеодальной России (XVII—XIX вв.).— В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979, с. 92—104.

Некоторые проблемы истории крестьянства СССР дооктябрьского периода.— История СССР, 1979, № 3, с. 49—70 (в соавт.).

Рец. на кн.: *Окладников А. П., Гоголев З. В., Ащепков Е. А.* Древний Зашиверск. М.: Наука, 1977. 211 с.— Вопросы истории, 1979, № 7, с. 134—136.

Рец. на кн.: Крестьянская община в Сибири XVII — начала XX в. Новосибирск: Наука, 1977. 259 с.— История СССР, 1979, № 5, с. 195—197.

Отв. ред. кн.: Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII — начала XX в. М.: Наука, 1979. 248 с.; Введение, с. 3—5.

Семейно-имущественные отношения по обычному праву в русской крепостной деревне XVIII — начала XIX в.— История СССР, 1979, № 6, с. 37—54.

Отв. ред. кн.: *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М.: Наука, 1979. 384 с.

Организация обороны южной границы Русского государства во второй половине XVI—XVII в.— В кн.: Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. М.: Наука, 1979, с. 159—173.

Рец. на кн.: Русско-китайские отношения. Материалы и документы. Т. I. 1700—1725 гг. М.: Наука, 1978. 702 с.— Народы Азии и Африки, 1980, № 5, с. 224—228.

Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма.— История СССР, 1981, № 3, с. 78—96.

Рец. на кн.: *Маньков А. Г.* Уложение 1649 г. Кодекс феодального права России. Л.: Наука, 1981. 271 с.— История СССР, 1981, № 4, с. 169—171.

Обычное право в России в отечественной науке XIX — начала XX в.— Вопросы истории, 1981, № 11, с. 41—55.

РАБОТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР В 1981 ГОДУ

В 1981 году, первом году новой, одиннадцатой пятилетки, ознаменованном таким важным событием в жизни страны, как XXVI съезд КПСС, коллективом Института проведена значительная исследовательская и научно-организационная работа. Завершены семь работ государственного плана, две из них досрочно, в ходе выполнения социалистических обязательств, взятых коллективом Института в честь новой Конституции СССР, Институт выпустил 22 книги (общим объемом 467,4 п. л.). Вышли в свет также 27 внеплановых книг и брошюр, написанных сотрудниками Института (общим объемом 360 п. л.).

Как и в прошлые годы, в научной деятельности Института большое внимание уделялось разработке актуальных теоретических проблем этнографической науки. Так, дальнейшему исследованию вопросов, связанных с теорией этноса, посвящена опубликованная монография Ю. В. Бромлея «Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории)» (30,4 п. л.). В ней рассматривается широкий круг проблем современной этнографической науки, анализируются основные виды и уровни этноса, его динамика, выявляются типы, тенденции и факторы этнических процессов, уточняется предмет этнографии, раскрываются особенности этнографического изучения современности. Традиционно-бытовой культуры, этногенеза, архаических общественных форм и т. д.; критически исследуются отдельные вехи в послевоенном развитии этнографической науки в зарубежных странах.

Теоретические и методологические проблемы получили также отражение в материалах дискуссий на страницах журнала «Советская этнография», в отдельных статьях, опубликованных в том же журнале и ежегоднике «Расы и народы», в ходе методологических семинаров, при подготовке коллективного труда «Этнография. Основные понятия и термины».

Проблема соотношения языка и этноса, а также общеметодологические вопросы ареальных исследований рассматриваются в подготовленном к изданию сборнике «Ареальные исследования в этнографии. Язык и этнос» (отв. ред. Н. И. Толстой); над сборником работали Институт этнографии (Ленинградская часть), Институт языковедения АН СССР (Ленинградская часть) и Институт славяноведения и балканистики АН СССР.

В книге «Национальное и интернациональное в современном мире» (25,54 п. л., гл. ред. Ю. В. Бромлей), подготовленной совместно с Научным советом по национальным проблемам при Президиуме АН СССР, рассматриваются в широком историческом плане важнейшие вопросы соотношения национального и интернационального как в СССР и социалистических странах, так и в классово-антагонистических обществах.

Одна из актуальных проблем этнографической науки — исследование современных культурно-бытовых и этнических процессов у народов СССР. Ей посвящен ряд опубликованных в 1981 г. работ.

Институтом совместно с Научным советом по национальным проблемам при Президиуме АН СССР к Всесоюзной конференции «Национальное и интернациональное в социалистическом образе жизни» (Фрунзе, сентябрь) были подготовлены три небольших сборника статей (под редакцией Ю. В. Бромлея).

В сборнике «Национальное и интернациональное в бытовой сфере жизни» (2,5 п. л.) рассматриваются содержание, сущность и важнейшие тенденции развития бытовой сферы, ее функциональное назначение в системе советского образа жизни.

В сборнике «Традиции и инновации в бытовой сфере жизни» (3 п. л.) характеризуются соотношения различных слоев традиционной и профессиональной культуры, а также особенности интернационализации общественной и духовной жизни.

В сборнике «Национальное и интернациональное в сфере семейных отношений» (3,5 п. л.) основное внимание уделено выявлению сходства и различий в городской и сельской семейно-бытовой сфере, сравнительной характеристике однонациональных и национально-смешанных браков. Показана роль семейного досуга в интернациональном воспитании подрастающего поколения.

Монография Л. М. Дребинцевой «Духовная общность народов СССР. Историко-социологический очерк межнациональных отношений» (15,16 п. л.), опубликованная в издательстве «Мысль» — первая книга, в которой предпринята попытка обобщить материалы этносоциологических исследований национальных процессов в разных регионах страны. В ней показано, какие общественно-политические и конкретные историко-культурные и социальные условия способствуют развитию дружественных отношений и духовной общности народов Советского Союза.

В книге «Традиционные и новые обряды в быту народов СССР» (11 п. л., отв. ред. И. А. Крывелев, Д. М. Коган) освещаются обряды как общественно-гражданского, так

и лично-семейного циклов, рассматривается об истории их происхождения и возникающих в разных республиках новых обрядах. В приложении даны методические материалы по отдельным обрядам, образцы костюмов и обрядовой атрибутики.

В монографии С. Б. Рождественской «Русская народная художественная традиция в современном обществе. Архитектурный декор и художественные промыслы» (19,6 п. л.), написанной на большом фактическом материале, собранном в многолетних экспедициях на территории двадцати областей с русским населением, анализируется место народной художественной традиции в современной архитектуре и художественных промыслах. В книге представлен большой материал о традиционной игрушке, хохломских изделиях, декоративных жостовских росписях, памятниках народной архитектуры. В ней охарактеризованы также металлообрабатывающие, косторезные, камнерезные и деревообрабатывающие промыслы.

Историографии, методологии, методике и основным результатам этносоциологических исследований, проведенных в различных регионах СССР, посвящен завершённый в отчетном году сборник «Этносоциология: цели, средства, результаты» (отв. ред. Ю. В. Арутюнян).

Разработка вопросов, связанных с современными этническими и культурно-бытовыми процессами, занимает центральное место и в проблематике, посвященной зарубежной этнографии.

В коллективной монографии «Этнические процессы в странах Южной Америки» (39,5 п. л., отв. ред. И. Ф. Хорошаева, Э. Л. Нитобург) исследуются этнические процессы в странах южноамериканского континента. Особое внимание уделено формированию южноамериканских наций, возникших после появления европейцев и африканцев в Новом Свете.

В сборник «Современные этнонациональные процессы в странах Западной Европы» (13,3 п. л., отв. ред. С. А. Токарев) вошли статьи о народах Британских островов (ольстерцы, ирландцы, шотландцы), Франции (бретонцы), Нидерландов (фризы), Испании (каталонцы) и о народах Швейцарии. На этих примерах показано многообразие форм современных этнонациональных процессов и прежде всего национальных движений, характерных для современного периода истории.

При изучении современных этнических процессов важное значение имеют этнодемографические исследования.

В работе С. И. Брука «Население мира. Этнодемографический справочник» (56,6 п. л.) даются новейшие данные (на середину 1978 г.) по населению в масштабе всего мира: рождаемость и смертность, семейное состояние, браки, разводы, возрастной состав, половая структура населения, миграции внешние и внутренние, размещение населения (плотность и т. д.), урбанизация, этнический, языковой и религиозный состав, расовая структура населения. По 210 странам дается характеристика этнического, языкового и религиозного состава населения. Приведены примерные данные численности населения по странам на 1980 г., помещены сводные таблицы, список всех народов мира с указанием их численности.

Институт продолжал активно участвовать в подготовке этногеографической 20-томной научно-популярной серии «Страны и народы». В 1981 г. изданы три тома серии: «Америка. Общий обзор Латинской Америки. Средняя Америка» (39,3 п. л.), «Австралия и Океания. Антарктида» (34,1 п. л.), «Восточная и Южная Африка» (31,5 п. л.). В эти тома, наряду с экономико- и физико-географическими очерками, входят главы по истории, населению и современной материальной и духовной культуре народов.

Одним из важнейших направлений научной деятельности Института по-прежнему было изучение традиционных культур народов мира. По этой тематике издан ряд трудов, четыре из них — публикации по народам нашей страны.

В монографии Б. А. Калоева «Земледелие народов Северного Кавказа» (20,9 п. л.) рассматриваются системы земледелия у народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней, народные сельскохозяйственные орудия, а также традиционные верования и обряды, связанные с сельскохозяйственным календарем. Книга содержит большой картографический материал.

В сборник «Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. Материалы II советско-американского симпозиума» (21,0 п. л., отв. ред. И. С. Гурвич) вошли доклады и статьи советских и американских исследователей — антропологов, археологов, этнографов, лингвистов, фольклористов, посвященные, в основном, проблемам формирования населения и культурным связям народов Берингоморья.

Сборник «Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора» (19,28 п. л., отв. ред. Т. А. Бернштам, К. В. Чистов) состоит из статей этнографического, фольклористического и музееведческого характера, в которых рассматриваются актуальные проблемы этнографического изучения русского населения северных областей Европейской части СССР.

В брошюре «Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений» (2,25 п. л., отв. ред. Л. И. Лавров) изложены основные положения докладов об этнических процессах, хозяйстве, материальной и духовной культуре, социальных отношениях и историографии народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Здесь опубликован также список научных трудов недавно скончавшегося А. Д. Грача.

Традиционная культура народов СССР рассматривается также в одиннадцати подготовленных к изданию работах: в Материалах к вводному выпуску атласа «Древняя одежда народов Восточной Европы» (отв. ред. М. Г. Рабинович); сборнике «Этнокультурные контакты народов Сибири» (отв. ред. Ч. М. Таксами); в исследованиях В. А. Александрова «Обычное право крепостной деревни России XVIII — начала XIX в.», Т. А. Бернштам «Поморы. Очерки культуры и общественного быта XIX — начала XX в.»,

В. Б. Лебедева «Северные селькупы», В. А. Липинской «Материальная культура русского населения Алтайского края», Т. Д. Равдоникас «Очерки по истории одежды народов Северного Кавказа (древность, средние века)», Р. Я. Рассудовой «Формы водоземельных сельских общин узбеков и таджиков на рубеже XIX—XX вв. (по материалам Ферганской и Зеравшанской долин и Ташкентского оазиса)», А. В. Смоляк «Духовная культура народов Нижнего Амура», О. А. Сухаревой «Самаркандская вышивка сузани (Пути развития народного искусства в XIX—середине XX в.)», Н. В. Юхневой «Этнический состав населения Петербурга в конце XIX—начале XX в.».

Традиционная культура зарубежных стран исследуется в трех опубликованных в минувшем году книгах:

В коллективной монографии «Этнография питания народов стран Зарубежной Азии» (17,48 п. л., отв. ред. С. А. Арутюнов) рассмотрены модели и системы питания по всем крупнейшим регионам Зарубежной Азии.

В коллективной монографии «Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Западной и Южной Азии» (19,6 п. л., отв. ред. Н. Н. Чебоксаров), представляющей важный этап в теоретическом изучении форм жилища народов мира, разработаны принципы типологизации сельского традиционного жилища региона, в основу которой положены конструктивные особенности жилища.

Сборник МАЭ, т. XXXVII «Материальная культура и мифология» (20,3 п. л., отв. ред. Б. Н. Путилов) посвящен проблемам мифологических значений и мифологических связей различных предметов материальной культуры, преимущественно обрядовых, культовых, произведений первобытного искусства и пр. Все предметы взяты из коллекций МАЭ, при этом охвачены самые различные регионы и этносы.

Кроме того, подготовлены к изданию коллективные монографии «Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обрядов» (отв. ред. С. А. Токарев), «Типология традиционного жилища коренного населения Америки» (отв. ред. Р. В. Кишжалов), «Этнография детства. Традиционные способы социализации детей у народов Передней и Южной Азии» (отв. ред. И. С. Кон), «Традиционные способы социализации детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии» (отв. ред. И. С. Кон), сборники «Древние системы письма. Вопросы этнической семантики» (отв. ред. Ю. В. Кнорозов), «Этнография Кубы» (отв. ред. В. В. Пименов), «Из истории и этнографии уйгуров» (отв. ред. А. М. Решетов), сборник МАЭ, т. XXXIX «Культура народов Индонезии и Океании» (отв. ред. Н. А. Бутинов, Р. Ф. Итс), монография Г. И. Дзенiskeвич «Атапаски» и др.

Изучение традиционных культур неразрывно связано с исследованиями в области этногенеза и этнической истории народов мира. Эта проблематика в советской науке рассматривается комплексно, с привлечением широкого круга разнообразных источников.

В опубликованной в 1981 г. книге «Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века» (21,4 п. л., ред. коллегия: М. В. Крюков, М. В. Софронов, Н. Н. Чебоксаров) на оригинальном историческом, антропологическом, археологическом и лингвистическом материалах рассматриваются разнообразные малоизученные проблемы этнической истории народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Основное внимание уделяется вопросам закономерностей формирования культуры и ее преемственности.

В отчетном году завершен этнографический раздел коллективной монографии «Китайский этнос в феодальную эпоху» (отв. ред. М. В. Сафронов), подготовляемой совместно с Институтом Дальнего Востока АН СССР.

Продолжалась работа по изучению древнейших этапов социальной истории человечества. По этой проблеме опубликованы три книги.

В сборнике «Культура и искусство древнего Хорезма» (18,8 п. л., ред. коллегия: М. А. Итина, Б. И. Вайнберг, Ю. А. Рапопорт) помещены подробные обзоры археологических и этнографических работ Хорезмской экспедиции за 40 лет, а также серия статей, так или иначе связанных с разнообразной проблематикой, разрабатываемой экспедицией.

В книге «Городище Топрак-кала (раскопки 1965—1975 гг.)» (18,3 п. л., отв. ред. Е. Е. Неразик, Ю. А. Рапопорт. Труды Хорезмской экспедиции, т. XII) опубликованы новые материалы по стратиграфии, топографии и фортификации предполагаемой столицы древнего Хорезма, рассмотрены различные аспекты социальной и этнической истории античного и раннесредневекового хорезмского города, элементы материальной и духовной культуры его населения на протяжении более чем полувека.

В монографии А. В. Виноградова «Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья» (21,4 п. л. Труды Хорезмской экспедиции, т. XIII) исследуется история древнего населения северной равнинной части Средней Азии периода развития присваивающих форм хозяйства (VI—III тыс. до н. э.). Открытие и комплексное изучение автором многочисленных стоянок древнего человека на старых руслах Зеравшана, Амударьи и Сырдарьи позволило рассмотреть системы расселения, типы жилища, характер хозяйства древнего населения.

Большое теоретическое и практическое значение имела в отчетном году работа Института в области изучения истории религии.

В книге И. Р. Григулевича «Церковь и олигархия в Латинской Америке, 1810—1959» (23,8 п. л.) анализируется отношение церкви и государства в странах Латинской Америки, начиная с войны за независимость до Кубинской революции 1959 г. Особое внимание уделяется рассмотрению позиции церкви в Мексике, на Кубе, в Бразилии, Чили, Аргентине, раскрываются ее связи с олигархией и империализмом, отношение к церкви рабочего и коммунистического движения.

Сборник «Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. (По материалам второй половины XIX — начала XX в.)» (19,98 п. л., отв. ред. И. С. Вдовин) представляет собой исследование религиозных верований и шаманизма аборигенов Сибири и Севера.

В минувшем году велась подготовка к печати двух выпусков ежегодника «Религия мира» и ряда других работ, посвященных отдельным аспектам истории религии народов мира.

Продолжалась исследовательская работа в области этнической ономастики. Опубликованы два сборника: «Ономастика Кавказа» (вып. II, 11,98 п. л., редколлегия: Т. А. Гуриев, В. А. Никонов, Б.-Р. Логашова) и «Ономастика Востока» (вып. II, 17,99 п. л., отв. ред. В. А. Никонов).

В 1981 г. по-прежнему велись исследования в области антропологии. Завершен сборник «Современная антропология и этническая история народов СССР» (отв. ред. М. С. Великанова, И. М. Золотарева). Подготовлена к печати монография Г. Ф. Дебеца «Палеоантропология древних эскимосов Аляски (Идиутак и Типара)» (отв. ред. М. С. Великанова, И. М. Золотарева).

Материалы по вопросам идеологической борьбы систематически помещаются в уже упоминавшемся ежегоднике «Расы и народы». В 1981 г. вышел в свет одиннадцатый выпуск ежегодника; двенадцатый выпуск находится в печати, а тринадцатый подготовлен к изданию.

Две вышедшие в отчетном году публикации посвящены изучению истории науки.

Монография Б. Н. Путилова «Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографии» (11,6 п. л.), основанная на изучении печатных источников и архивных материалов, освещает некоторые существенные моменты биографии Н. Н. Миклухо-Маклая в 70—80-е гг. XIX в.

Книга «Лев Африканский. Африка — третья часть Света» (Перевод с итальянского языка, комментарий В. В. Матвеева. 37 п. л.) представляет собой ценный источник о прошлом Африки. Ее автор — один из образованнейших людей конца XV — начала XVI в., совершивший несколько путешествий по Северной Африке, Сахаре и Судану. Перевод ее на русский язык осуществлен впервые.

Подготовлены к печати сборник «Очерк истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. X (отв. ред. Р. С. Липец) и «Летопись Картли» (перевод, предисловие, комментарии Г. В. Цулая).

В отчетном году велись исследования по важным, до сих пор еще мало разрабатываемым у нас проблемам, связанным с этнопсихологией. Завершены монографии И. С. Кона «Пол и культура» и Б. М. Фролова «Мотивация научного творчества (историко-культурный и социально-психологический аспекты развития)».

Значительную работу в истекшем году провела редакция журнала «Советская этнография». В журнале были опубликованы передовые статьи, посвященные задачам этнографической науки в свете решений XXVI съезда КПСС (№ 1 и 3), итогам работы советских этнографов в десятой пятилетке (№ 2). Большое место заняли статьи об этнографическом и этносоциологическом изучении современности: Л. М. Дробижевой и А. А. Сусоколова (№ 3), Ю. В. Бромлей и М. С. Кашубы (№ 5), И. И. Барановой (№ 2). Важным теоретическим проблемам современной этнографии посвятили свои работы Ю. В. Бромлей (№ 1), А. С. Мыльников (№ 6), А. А. Леонтьев (№ 3), И. С. Кон (№ 4). Статьи Ю. В. Кнорозова (№ 5) открыта серия публикаций результатов работ советских этнографов и лингвистов по дешифровке протоиндийских надписей.

В истекшем году завершилась начатая в 1979 г. дискуссия по статье С. А. Токарева «О социальной роли религии (мысли этнографа)» (№ 1). В последующих номерах журнала было проведено обсуждение статьи Э. С. Маркаряна «Основные проблемы теории культурной традиции» (№ 2) и начата дискуссия по статье В. А. Попова «Половозрастная стратификация и возрастные классы в древнеаканском обществе (к постановке проблемы)» (№ 6).

Журнал продолжил публикацию работ прогрессивных зарубежных исследователей: они представлены в истекшем году трудами ученых Австралии (№ 4), ГДР (№ 2), Нигерии (№ 1), Шри Ланки (№ 6).

Важное место в деятельности Института по-прежнему занимали экспедиционные исследования. В 1981 г. полевые работы велись как постоянными экспедициями (Северной, Среднеазиатской, этносоциологической, антропологической и Хорезмской), так и отдельными отрядами, специально сформированными в 1981 г.

Всего состоялось 48 выездов. Экспедиции работали по основным проблемам научно-исследовательского плана Института. Одним из главных направлений в сборе полевых материалов оставалось изучение современных этнических, социальных и культурно-бытовых процессов, выявление соотношения традиционного и нового в современном хозяйстве, быте и культуре народов Советского Союза.

Пять отрядов Комплексной межинститутской антрополого-биологической и этнографо-социологической экспедиции продолжили сбор материала по изучению этнических групп с повышенным процентом долгожителей.

Экспедиционные исследования антропологов велись по тематике, связанной с проблемами антропогенеза, формирования рас и отдельных этнических общностей.

Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция изучала в соответствии со своей многолетней программой археологические памятники в зоне земель древнего орошения.

Некоторые результаты исследований Института нашли применение в практике социального строительства. Так, Отдел этнографии народов Крайнего Севера и Сибири, как и в прежние годы, направил в государственные органы докладные записки по вопросам современного состояния хозяйства, культуры и быта у малых народов Севера и Сибири, содержащие практические рекомендации.

И. И. Крупник подготовил научно-практические материалы и рекомендации по проблемам хозяйства коренного населения Чукотского А. О., главным образом, для Министерства рыбного хозяйства СССР.

В Институте продолжалась подготовка научных кадров. В 1981 г. в аспирантуре обучалось 72 человека (56 — в Москве, 16 — в Ленинграде). Тематика работ аспирантов связана с основными проблемами научной и научно-исследовательской деятельности Института этнографии.

* * *

В отчетном году была проведена большая работа специализированными Учеными советами Института (в Москве и Ленинграде). На заседаниях Ученых советов состоялись защиты 4 докторских и 32 кандидатских диссертаций.

Ученые советы Института (в Москве и Ленинграде) рассматривали актуальные проблемы этнографической науки. В начале года был заслушан и обсужден доклад директора Института акад. Ю. В. Бромлей «Важнейшие итоги научной деятельности Института этнографии в 1980 г. и в десятой пятилетке и первоочередные задачи 1981 г. в новой одиннадцатой пятилетке». Особое внимание в нем было уделено повышению эффективности и качества научно-исследовательских работ в области этнографии и антропологии и роли Института этнографии как координационного центра всей этнографической работы в стране.

На заседаниях Ученых советов были заслушаны и обсуждены доклады по отдельным проблемам, имеющим важное значение для развития современной науки, в частности доклады А. А. Зубова «Тенденции эволюции современного человека в будущем», И. С. Гурвича «Советско-американское сотрудничество в области взаимодействия культур Северной Сибири и Северной Америки (поездка на Алеутские острова)», И. С. Кона «Этнография и сексология», В. А. Ядова «Тенденция изменения отношения рабочих к труду (по результатам социологического обследования в Ленинграде в 1962—1976 гг.)», М. В. Крюкова «О подготовке археолого-этнографической выставки в Японии (1981—1982 гг.)».

Ряд докладов на Ученом совете в Ленинграде был связан с подготовкой нового академического издания собрания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая. С докладами выступили: Н. А. Бутинов «Н. Н. Миклухо-Маклай и современная этнографическая наука»; Д. Д. Тумаркин «О содержании и структуре нового академического издания собрания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая», Б. Н. Путилов «Судьба научного наследия Н. Н. Миклухо-Маклая и принципы текстологической подготовки нового издания».

На Ученых советах неоднократно заслушивались также сообщения и отчеты сотрудников, выезжавших в научные командировки за рубеж. О работе I Интерконгресса МСАЭН (г. Амстердам) рассказал Н. М. Гиренко; об итогах работы международного симпозиума по шаманизму (Венгрия) — Ч. М. Таксами, о научной командировке в Японию — Р. Ш. Джарылгасинова.

О работе Всесоюзной конференции «Этнокультурные процессы в современном мире» (г. Элиста) сообщил В. П. Курылев, о работе XII Всесоюзной конференции австраловедов и океанистов — Н. А. Бутинов. С. Б. Фараджев рассказал о расширенном заседании музейного совета при Президиуме АН СССР, посвященном фондовой работе музеев АН СССР.

На заседаниях Ученых советов были заслушаны и обсуждены доклады об итогах работы за 5 лет секторов этнографии народов Зарубежной Европы, народов Зарубежной Азии, отдела антропологии и группы ономастики.

В течение 1981 г. Ученые советы провели большую научно-организационную работу, связанную с избранием на новые должности и переаттестацией сотрудников, а также с обсуждением и утверждением к печати трудов Института.

* * *

В истекшем году сотрудники Института этнографии участвовали более чем в 45 научных сессиях, конференциях, совещаниях и симпозиумах, для которых подготовили свыше 150 докладов.

Наиболее значительной встречей этнографов была Всесоюзная конференция «Этнокультурные процессы в современном мире» (г. Элиста, май), организованная Институтом этнографии и Калмыцким научно-исследовательским институтом истории, философии и экономики при Совете Министров Калмыцкой АССР. Знаменательно, что работа конференции совпала с важным событием в культурной и научной жизни республики — 40-летием Калмыцкого НИИИФЭ. В ее работе приняли участие свыше 150 человек: сотрудники академических и других научно-исследовательских институтов, преподаватели высших учебных заведений, работники этнографических и краеведческих музеев РСФСР, Украины, Белоруссии, Молдавии, республик Прибалтики, Кавказа, Средней Азии¹.

Институт этнографии совместно с Научным советом по национальным проблемам при Президиуме АН СССР, секцией этнической социологии Советской Социологической Ассоциации и отделом агитации и пропаганды ЦК КП Азербайджана провел Всесоюзную сессию «XXVI съезд и задачи изучения национальных отношений в СССР» (Баку, май). От Института с докладами выступили: Ю. В. Бромлей — «Некоторые теоретиче-

¹ Подробнее см.: Будина О. Р. Всесоюзная конференция «Этнокультурные процессы в современном мире». — Сов. этнография, 1981, № 6.

ские проблемы изучения этноса», Ю. В. Арутюнян — «Этносоциология: некоторые итоги и перспективы», Л. М. Дробижева — «Оптимизация условий развития дружественных межнациональных отношений», М. Н. Губогло — «Роль этноязыковых процессов в формировании культуры советского народа», В. И. Козлов — «Этнодемографическая ситуация в СССР», И. С. Кон — «Роль семейного воспитания в процессе воспроизводства этноса как группы», Б.-Р. Логашова — «Отношение ислама к нации и национальному вопросу», Г. В. Старовойтова — «Об этнопсихологических факторах долготелества» и «Конфессиональное поведение в городской этнодисперсной группе», А. А. Сусоколов — «Вопросы координации этносоциологических исследований», М. Я. Устинова — «Семейные обряды рижан»².

На Всесоюзной научно-теоретической конференции «Интернациональное и национальное в образе жизни советского народа» (Фрунзе, сентябрь), организованной Научным советом по национальным проблемам при Президиуме АН СССР, Научным советом «Закономерности развития общественных отношений и духовной жизни социалистического общества», Отделением философии и права Президиума АН СССР, институтами этнографии, философии, социологических исследований АН СССР, Отделением общественных наук АН Киргизской ССР, Всесоюзным обществом «Знание», Философским обществом СССР, от Института с докладами выступили Ю. В. Бромлей (совместно с М. И. Куличенко) — «Национальное и интернациональное в образе жизни советского человека», Ю. В. Арутюнян — «Этносоциологическое исследование образа жизни», М. Н. Губогло — «Роль двуязычия в советском образе жизни», А. И. Гинзбург — «Интернациональное и национальное в образе жизни мигрантов из села», В. К. Малькова — «Роль средств массовой коммуникации в образе жизни многонационального общества».

На Всесоюзной конференции «Развитие социальной структуры советского общества» (Таллин, октябрь), организованной Институтом социологических исследований АН СССР, Институтом истории АН ЭССР и Советской социологической ассоциацией, с докладами выступили Ю. В. Арутюнян — «Актуальные проблемы развития социальной структуры советских наций», Л. М. Дробижева — «Отношение к межнациональным контактам в социальных группах», О. И. Шкаратан — «О методах измерения уровня развитости социальной структуры территориальных общностей», А. А. Сусоколов — «Национально- и социально-смешанные браки как фактор воспроизводства социальной структуры городского населения».

На расширенном заседании Научного совета по национальным проблемам при Президиуме АН СССР по теме «Развитие национальных отношений в СССР в свете решений XXVI съезда КПСС» (Москва, июнь) с докладами выступили Ю. В. Бромлей — «XXVI съезд КПСС и задачи изучения национальных процессов», Ю. В. Арутюнян — «Совершенствование социальной структуры советских наций на современном этапе», В. И. Козлов — «Развитие национальной структуры советского общества на современном этапе и проблемы демографической политики».

Институт организовал совместно с Черемушкинским РК КПСС и Черемушкинской районной организацией общества «Знание» научно-практическую конференцию «Научный атеизм и религия в современном мире» (Москва, ноябрь). От Института с докладами выступили И. Р. Григулевич — «Религия и современный революционный процесс», И. А. Кривелев — «Модернизация христианского вероучения и культа», Б.-Р. Логашова — «Ислам и идеологическая борьба в современном мире».

Институт принял участие во Всесоюзной конференции, посвященной 400-летию вхождения Сибири в состав России — «Прошлое, настоящее, будущее Сибири» (Новосибирск, октябрь), организованной Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР, Отделением истории АН СССР и Институтом истории СССР АН СССР. С докладами выступили сотрудники Института В. А. Александров — «Русское государство и освоение Сибири (конец XVI — начало XIX в.)», И. В. Власова — «Крестьянское землепользование Поморья и Сибири XVII—XVIII вв.», В. И. Васильев — «Русско-самодейские контакты на Севере Сибири в историческом аспекте», В. А. Липинская — «Материальная культура русского населения Алтайского края».

На Всесоюзной научной сессии «Актуальные вопросы этнографии и этнографического музееведения» (Ленинград, апрель), организованной Государственным музеем этнографии народов СССР, с докладами выступили О. Р. Будина — «Традиционные особенности в материальном быту современных горожан (по материалам городов Владимирской области)» и Л. Н. Чижикина — «Типы традиционной русской женской одежды на территории русско-украинского пограничья (по материалам экспедиционных исследований в Курской, Белгородской и Воронежской областях 1976—1980 гг.)»³.

В конференции «Этногенез и проблемы древней истории саамов» (Апатиты, сентябрь), организованной Северным филиалом географического общества СССР и Институтом языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР с докладом «Саамо-самодейские этнические контакты в историческое время» выступили В. И. Васильев и Т. В. Лукьянченко.

На V Западносибирском совещании «Методологические проблемы археологических и этнографических исследований Западной Сибири» (Томск, май), организованном Томским Государственным университетом и проблемной лабораторией истории, археологии и этнографии Сибири, с докладами выступили: Г. Н. Грачева — «О методах археолого-

² Подробнее см.: Сусоколов А. А. Актуальные вопросы изучения национальных отношений. — Социологические исследования, 1981, № 4; его же. Всесоюзная научная сессия «XXVI съезд КПСС и задачи изучения национальных отношений в СССР». — Сов. этнография, 1982, № 2.

³ Подробнее см.: Молотова Л. Н. Итоги Всесоюзной сессии в ГМЭ народов СССР. — Сов. этнография, 1982, № 3.

этнографических параллелей», Н. В. Юхнева — «К методике использования статистических источников конца XIX — начала XX в. в этнографических исследованиях», Г. Л. Хить — «Формирование татар Сибири».

На Всесоюзной научной конференции «Фольклорное наследие народов СССР и его роль в художественной культуре развитого социализма» (Кишинев, май), организованной Научным советом по фольклору АН СССР, Институтом мировой литературы АН СССР, Научным советом «Культура молдавского народа» АН МССР и Институтом языка и литературы АН МССР, с докладами выступили Б. Н. Путилов и В. К. Соколова⁴.

На II Всесоюзной конференции, организованной секцией антропологии Всесоюзного научного общества анатомов, гистологов и эмбриологов, Институтом физической культуры, Институтом искусствоведения, фольклора и этнографии АН БССР (Минск, сентябрь), с докладами выступили: Н. А. Дубова — «К вопросу о межгрупповой изменчивости антропологических и одонтологических признаков (на примере населения Средней Азии)», Н. А. Долинова — «Дерматоглифика русских Европейской части СССР», Г. Л. Хить — «Расовый состав населения Восточной Европы по данным дерматоглифики», Л. Т. Яблонский — «О некоторых принципах диагностики и дифференциации боевых повреждений и трепаний в краниологических сериях».

В выездной сессии Научного совета по проблемам Африки и Института Африки АН СССР (Ленинград, февраль) участвовали Б. В. Андрианов — «Неоседлое население Африки», В. В. Матвеев — «Соотношение традиционного и нового в идеологических представлениях современных алжирцев», К. П. Калиновская — «Изменения в социальной организации народов Восточной Африки с возрастными системами в колониальный период», Е. Н. Кальщиков — «Урбанизация и этнические процессы в Сенегале», В. В. Бочаров — «О категории традиционного». Д. А. Ольдерогге выступил с вступительным и заключительным словом.

В Научной сессии «Историография и источниковедение стран Азии и Африки» (Ленинград, апрель), организованной Восточным факультетом Ленинградского государственного университета, с докладами выступили Л. Л. Викторова — «Монгольские ученые о проблемах этногенеза и этнической истории монголов», Е. В. Иванова — «Проблемы культуры стран Юго-Восточной Азии в трудах советских ученых», Ю. В. Ионов — «Этнографические материалы по Корею в архивах Ленинграда», А. Д. Дридзо — «Новейшая зарубежная литература по индийцам Вест-Индии».

На организованных Ленинградской частью Института этнографии «Маклаевских чтениях» (Ленинград, апрель) были заслушаны доклады Е. В. Ивановой — «Представления, связанные со строительством дома и его внутренней планировкой у тай Северного Таиланда», Н. А. Бутинова — «Родство в Полинезии», Д. Д. Тумаркина — «Новые документы и материалы Н. Н. Миклухо-Маклая (по материалам командировки в Австралию)», И. К. Федоровой — «Следы шаманизма в фольклоре полинезийцев», Т. К. Шафрановской — «Забытый источник по истории и этнографии Китая начала XVIII в.», Е. С. Соболевой — «О некоторых особенностях стиля корваров на северо-западной Новой Гвинее (по коллекциям МАЭ)», А. И. Азарова — «К вопросу о мужских сословных обществах у народов Меланезии», Н. З. Климовой — «Кула у тробригидцев»⁵.

Группой Кавказа, Средней Азии и Казахстана Ленинградской части Института были проведены «Среднеазиатско-кавказские чтения» (Ленинград, март)⁶.

На очередной, XI конференции молодых специалистов — сотрудников и аспирантов Института — «Синхронный и исторический подход при изучении этнокультурных процессов» (Москва, май) было прочитано и обсуждено 11 докладов, посвященных современным этническим процессам и традиционной бытовой культуре народов мира.

Сотрудники Института приняли также участие во Всесоюзных конференциях австрологов и океанистов (Москва, май)⁷, «Проблемы этногенеза и этнической истории балтов» (Вильнюс, май), по исторической географии (Москва, январь), в конференциях «Марксизм-ленинизм и проблемы исторического исследования» (Ашхабад, декабрь), «Государство и общество в Китае» (Москва, февраль), «Искусство и культура Монголии и Центральной Азии» (Москва, июнь), «Культурные связи народов Азии и Кавказа» (Москва, декабрь), «Местные традиции в материальной и духовной культуре народов Карелии» (Петрозаводск, март)⁸, «Современный обряд и традиция» (Рига, декабрь), «Литература и фольклор Сибири» (Омск, май) и др.

Некоторые сотрудники принимали участие во Всесоюзных совещаниях «Советская болгаристика» (Львов, январь), «Проблемы исследования средневековой археологии Казахстана и Средней Азии (XIII—XVIII вв.)» (Алма-Ата, май), по изучению четвертичного периода (Уфа, август), в Республиканском совещании-семинаре по социалистической обрядности (Вильнюс, декабрь), в симпозиумах «Вопросы комплексного изучения древней славянской культуры (этногенетический аспект)» (Ленинград, июнь), «Образ города в сознании людей средневековья» (Калинин, июнь), в симпозиуме Научного совета по истории мировой культуры АН СССР «Федоровские чтения» (Львов, сен-

⁴ См. подробнее: *Алиева А. И., Чиримпей В. А.* Всесоюзная конференция фольклористов. — Сов. этнография, 1982, № 3.

⁵ Подробнее см.: *Соболева Е. С.* Маклаевские чтения. — Сов. этнография, 1982, № 1.

⁶ См.: Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений. Л.: Наука, 1981.

⁷ Подробнее см.: *Бутинова М. С.* Двенадцатая научная конференция по изучению Австралии и Океании. — Сов. этнография, 1982, № 2.

⁸ Подробнее см.: *Кричинная М. А.* Конференция «Местные традиции материальной и духовной культуры Карелии» — Сов. этнография, 1982, № 1.

тябрь), в заседании Научного Совета по национальным проблемам Молдавской ССР (Кишинев, октябрь), в очередной научной сессии «Бартольдские чтения» (Звенигород, апрель), в годичной сессии ленинградских арабистов (Ленинград, май), в научной сессии, посвященной 100-летию со дня рождения академика В. М. Алексеева (Ленинград, январь) и в других встречах ученых страны.

* * *

Большое внимание в минувшем году уделялось популяризации этнографических знаний.

В этом плане особо следует отметить вышеупомянутое 20-томное издание «Страны и народы», в котором Институт принимает активное участие.

Сотрудники Института опубликовали несколько десятков статей в различных научных, научно-популярных и общественно-политических журналах, а также в газетах.

Вышли в свет научно-популярные работы И. Р. Григулелича «Боливар» (13,7 п. л., 3-е издание), а также перевод этой книги на немецкий язык; «Папство, век XX» (18 п. л., 2-е издание), «История инквизиции» (25 п. л., 2-е издание, на немецком яз.), «Инквизиция» (24 п. л. на эстонском языке), «Эрнесто Че Гевара» (24 п. л., на грузинском и казахском языках); Г. И. Анохина «Малый Кавказ» (8,8 п. л.), А. Д. Дридзе (в соавторстве с Л. М. Минцем) «Люди и обычаи» (10 п. л., на латышском яз.); И. А. Крывлева «О „тайнах“ религии» (5 п. л.), И. С. Кона «Открытие „Я“» (14 п. л., на эстонском яз.); В. В. Покшишевского (в соавторстве с Г. Н. Озеровой) «География мирового процесса урбанизации» (12 п. л.), А. Б. Слеваковского «Самураи — военное сословие Японии» (11,8 п. л.), Ч. М. Таксами «Верный Ургун. Сказки народов Приамурья» (2,15 п. л.), Л. А. Тульцовой (в соавторстве с С. Г. Заградской) «Праздники и обряды. Истоки и современность» (2 п. л.), Б. А. Фролова «О чем рассказала сибирская мадонна» (5,9 п. л.), К. В. Чистова (в соавторстве с Б. Е. Чистовой) «И. А. Федосова. Избранное» (21 п. л.).

Выходом двух книг — Б. В. Андрианова «На великой Русской равнине» (15,3 п. л.) и З. П. Соколовой «На просторах Сибири» (9 п. л.) в издательстве «Русский язык» начата серия этнографических рассказов о народах СССР. Эти прекрасно изданные, богато иллюстрированные книги для чтения предназначены для зарубежного читателя, изучающего русский язык, и снабжены комментариями на английском, французском или испанском языках.

По радио выступали Ю. В. Бромлей, И. С. Гурвич, К. В. Чистов, Ч. М. Таксами, А. Е. Тер-Саркисянц, по телевидению — Ю. В. Бромлей, М. В. Крюков, С. Я. Серов, К. В. Чистов.

Сотрудники Института принимали участие в создании этнографических фильмов: учебного — «Русские календарные обряды» (научный руководитель — Г. Г. Шаповалова) и научно-популярного фильма в 2-х сериях «Петроглифы на бересте» (Дальневосточная студия, 1981, автор сценария — Ч. М. Таксами).

Сотрудниками Института было прочитано 1124 лекции в Москве, Ленинграде, а также в городах и селах различных республик и областей.

Большую работу по пропаганде этнографических и антропологических знаний провел Музей антропологии и этнографии АН СССР.

В 1981 г. Музей посетили более 700 тыс. чел., для которых было проведено 5753 экскурсии экскурсоводами Ленинградского городского экскурсбюро. Помимо этого, для советских и зарубежных специалистов сотрудниками Института было проведено 140 специальных экскурсий.

Кроме постоянных экспозиций в музее функционировала временная выставка: «Музыкальные инструменты народов мира», а также выставка «Из коллекций академика В. М. Алексеева» (приуроченная к 100-летию со дня его рождения); была частично обновлена выставка «Народы МНР» (к 60-летию Монгольской Народной Республики). Были отобраны материалы для международных выставок «Ленинград», «Мир мамонта» и «Традиционная культура кочевников Евразии». Продолжалась демонстрация выставки «Традиционная культура населения Передней Азии» в Самарканде и Ташкенте.

В 1981 г. Институт принял участие в подготовке целого ряда всесоюзных и международных выставок.

Так, Институт участвовал в экспозиции секции общественных наук АН СССР на тему «Ученые АН СССР — от съезда к съезду» на ВДНХ СССР. Там же работала организованная Институтом выставка «Антропологическая пластическая реконструкция».

В 1981 г. продолжалась демонстрация выставки «Этнография и искусство Океании», привезенной с Новых Гебрид французским художником Н. Н. Мишутышкиным и его полинезийской коллегой А. Пилюко. Она была показана в Государственном музее этнографии народов СССР (Ленинград), в Государственном музее искусств народов Востока (Москва), в Государственном музее этнографии Армении (Октемберян), в Киргизском Государственном музее искусств (Фрунзе).

Институт участвовал также в подготовке выставки АН СССР «Братский союз — основа расцвета советских республик», посвященной 60-летию образования СССР, которая должна быть открыта в 1982 г., и выставки, которая будет экспонироваться во время Международного Конгресса этнографов и фольклористов Европы осенью 1982 г. в Суздале.

В отчетном году деятельность Института этнографии АН СССР в целом, его подразделений и отдельных сотрудников получила высокую оценку. 9 сотрудникам Института — Ю. В. Бромлею, Л. Н. Терентьевой, И. С. Гурвичу, В. И. Козлову, Т. А. Жданко,

К. В. Чистов, О. А. Ганцкой, Т. В. Станюкович, Г. С. Масловой — за монографию «Современные этнические процессы в СССР» (М., 1977) была присуждена Государственная премия СССР.

В. П. Алексеев и К. В. Чистов избраны членами-корреспондентами АН СССР.

За большие научные заслуги и в связи с 60-летием со дня рождения и 30-летием научной и педагогической деятельности Ю. В. Бромлей был награжден орденом Октябрьской революции и Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР и Президиума Верховного Совета Калмыцкой АССР.

Орденом Знак Почета награждены В. В. Покшишевский и К. В. Чистов.

Книга И. К. Федоровой «Мифы, предания и легенды о. Пасхи» удостоена премии Президиума АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая.

А. Е. Тер-Саркисянц

* * *

В 1981 году сотрудники Института активно участвовали в деятельности международных научных организаций и обществ, а также в подготовке совместных исследований с учеными социалистических, капиталистических и развивающихся стран, в организации международных выставок.

В течение года состоялось 77 зарубежных командировок (в социалистические страны — 38, в капиталистические — 39). Сотрудники Института выезжали в 20 стран Европы, Азии и Америки и прочитали 47 докладов и лекций. В Институте приняли 135 зарубежных ученых. Социалистические страны были представлены учеными из ВНР, ГДР, Кубы, МНР, НРБ, ПНР, СРВ, СФРЮ, ЧССР; капиталистические — учеными из Австрии, Англии, Индии, Ирландии, Испании, Канады, Колумбии, Норвегии, Судана, США, Турции, Финляндии, Франции, ФРГ, Швеции, Японии.

Институт продолжал многостороннее и двустороннее сотрудничество с научными центрами социалистических стран.

Многостороннее сотрудничество осуществлялось на основе «Долгосрочной программы многостороннего сотрудничества научных учреждений социалистических стран в области общественных наук на 1981 — 1985 гг.» по следующим проектам:

1. «Общие и специфические черты в народной культуре стран карпато-балканского региона» (Международная комиссия по изучению народной культуры в области Карпат и Балкан) — совместно с учеными ВНР, НРБ, ПНР, СФРЮ и ЧССР. Институт принимал участие в подготовке коллективных обобщающих исследований «Фольклор народных освободительных движений XVI—XIX вв.» и «Народная архитектура». Были проведены (Москва, июнь) рабочие совещания авторских коллективов этих трудов, на которых обсуждались теоретические и методологические аспекты их подготовки и научно-организационные вопросы.

2. «Этнокультурные процессы в условиях социализма» (Международный комитет по этнографическому изучению современности) — совместно с учеными ВНР, ГДР, НРБ, ПНР, СФРЮ и ЧССР. По теме «Роль семьи в этнокультурных процессах в условиях социализма» Комитетом был принят как основа для исследований проспект, разработанный советской стороной. Институт участвовал в конференции «Семейная обрядность в условиях социализма» (Баутцен, сентябрь).

3. «Этнография славян». Велась работы с учеными НРБ, ГДР, ПНР, ЧССР и СФРЮ по завершению одноименного капитального коллективного международного трехтомника. Институт сдал в издательство «Наука» I том — «Введение. Восточные славяне». Ученые Института приняли участие в очередном заседании международной редколлегии трехтомника и научной конференции «Этнические традиции и современность» (Охрид, сентябрь).

4. «Этнокультурные традиции народов Центральной и Восточной Европы». В соответствии с планом работ обсуждалась проблематика намечаемой на 1984 г. научной конференции.

Двустороннее научное сотрудничество велось Институтом с учеными ВНР, ГДР, СФРЮ, Кубы, МНР и СРВ по девяти темам. С этнографами ГДР продолжалась подготовка совместного труда «Этнография. Основные понятия и термины», состоялось совместное заседание национальных редколлегий и научный симпозиум (ГДР, май). С учеными ВНР проведен симпозиум «Сравнительное изучение ранних форм религии» (Будапешт, сентябрь). Для продолжения совместных полевых этнографических исследований по теме «Этнографический атлас Кубы» в эту страну выехала группа ученых Института. Совместно с вьетнамскими учеными по теме «Национальные меньшинства СРВ в условиях социализма» было проведено массовое этносоциологическое исследование пяти национальностей северных провинций СРВ.

Как и в прошлые годы Институт продолжал сотрудничать в международном реферативном органе — журнале «Демос».

Творческие контакты с этнографами и антропологами научных центров капиталистических стран осуществлялись на основе международных программ и проектов.

В 1981 г. был подписан очередной протокол о сотрудничестве Комиссии Академии наук СССР и Американского Совета познавательных обществ по общественным наукам. Институт проделал большую работу по подготовке проекта программы сотрудничества для подкомиссии «Антропология и археология».

Продолжено сотрудничество с научными центрами США. По проблеме «Взаимодействие культур народов мира» в 1981 г. в СССР издан сборник статей советских и американских исследователей «Традиционные культуры народов Северной Сибири и Северной Америки», сборник по той же проблеме готовится в настоящее время в США. По проблеме «Комплексное биолого-антропологическое и социально-этнографическое изучение народов и этнических групп с высоким процентом долгожителей» в США опубли-

ликована совместная работа ученых СССР и США «Феномен долгожительства, Антрополого-этнографический аспект исследования».

Важным событием в жизни Института явилось завершение работы советских этнографов по написанию учебника для американских студентов «Народы Советского Союза» (ответственные редакторы Ю. В. Бромлей и С. Бенет).

С Европейским центром по координации исследований и документации в области социальных наук по проекту «Направления и тенденции культурного развития в современном обществе; взаимодействие национальных культур» проводились совещания в СССР и Греции.

Работа с Финляндией продолжалась по проблеме «Этногенез и этническая история финно-угорских народов по данным антропологии и этнографии».

В результате советско-индийского сотрудничества по проблеме «Современные антрополого-этносоциологические исследования населения Индии» опубликованы совместные работы. Разработаны планы работы на 1982—1983 гг.

Огромную роль в распространении этнографических знаний играют выставки. Институт подготовил этнографо-археологическую выставку «Традиционная культура кочевников Евразии», которая в настоящее время экспонируется в Японии.

Важным событием в жизни Института явилось участие в I Интерконгрессе Международного Союза антропологических и этнологических наук (Амстердам, апрель). Советские этнографы выступили с докладами и приняли участие в дискуссиях на 8 симпозиумах⁹. Начата подготовка к очередному XI МКАЭН (Квебек — Ванкувер, 1983 г.). Центральная тема Конгресса — «Антропология и общество».

В соответствии с планом работ входящей в МСАЭН Постоянной международной Комиссии по атласам Институт, как и в предыдущие годы, участвовал в подготовке осуществляемого Комиссией капитального международного труда — «Этнологический атлас Европы и сопредельных стран». Для его обсуждения было создано Международное консультативное совещание Комиссии (Загреб, июль).

В 1981 г. ученые Института приняли участие в следующих крупных международных мероприятиях: в заседании экспертов ЮНЕСКО, посвященном 100-летию со дня рождения французского философа и антрополога Т. де Шардена (Париж, сентябрь); в V Всемирном конгрессе по санскритологии и древней культуре Индии (Варанаси, октябрь); в советско-японском симпозиуме «Кочевники и культура Восточной Азии» (Токио, ноябрь); в I Международном Конгрессе по болгаристике, посвященном 1300-летию Болгарского государства¹⁰; в международном симпозиуме «Современный мир и капитализм» (Пештяны — ЧССР, июнь) и других.

В 1981 г. велась подготовка ко II конгрессу Международного Общества этнологии и фольклора Европы (МОЭФЕ), который запланировано провести с 30 сентября по 6 октября 1982 г. в СССР (г. Суздаль). В Советский национальный оргкомитет поступило свыше 150 заявок из США, Англии, Франции, Италии, ВНР, СФРЮ, ПНР и многих других стран¹¹.

Активизировалась деятельность ученых Института в работе Международного общества повествовательного фольклора (МОПФ). В 1981 г. начата подготовка к VI Международному конгрессу финно-угроведов (Сыктывкар, 1985 г.) и к VII Международному конгрессу исторических наук (Брюссель, 1985 г.).

Л. П. Кузьмина

⁹ Подробнее см.: Бромлей Ю. В., Кузьмина Л. П. I Интерконгресс Международного союза антропологических и этнографических наук. — Сов. этнография, 1982, № 1.

¹⁰ Маркова Л. В., Мыльников А. С., Шумада Н. С. Вопросы этнографии, фольклора и истории культуры на I Международном конгрессе болгаристики. — Сов. этнография, 1982, № 2.

¹¹ См.: II Конгресс Международного общества этнологии и фольклора Европы. — Сов. этнография, 1982, № 1.

«АФИНСКИЙ ПРИЗЫВ» (антропологи против расизма)

С 30 марта по 3 апреля 1981 г. в Афинах проходил организованный ЮНЕСКО коллоквиум, в котором приняли участие ученые 18 стран. Цель коллоквиума еще раз показать научную несостоятельность расистских концепций, продемонстрировать, как объективные научные факты обнажают антинаучную и антигуманную сущность расизма.

Коллоквиум проходил при участии заместителя Генерального директора ЮНЕСКО по Сектору социальных наук Р. Ставенхагена. Постоянным председателем заседаний коллоквиума была президент Афинского фонда прав человека А. Йотопулос-Марангопулос.

Последним по времени важным документом ЮНЕСКО в области борьбы с расизмом была «Декларация о расе и расовых предрассудках», принятая на XX сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в ноябре 1978 г. Этот документ написан с высоких гуманистических позиций и опирается на научную фактологическую базу. Так, текст статьи 1, пункта 4 гласит: «Все народы мира обладают равными способностями, позволяющими им достигнуть самого высокого уровня интеллектуального, технического, социального, экономического, культурного и политического развития».

Однако, несмотря на то, что только по расовому вопросу под эгидой ЮНЕСКО было проведено четыре специальных представительных совещания ученых-экспертов и принято несколько Деклараций о расе, и сегодня встречаются попытки «научного» оправдания расового угнетения. Причем примеры жестокой расовой дискриминации можно найти не только в некоторых развивающихся странах с их трудной колониальной историей и современным неоколониализмом, но и в ряде экономически высокоразвитых стран. Поэтому ЮНЕСКО вновь обратилась к проблеме расизма в современном мире, на этот раз со специальной программой критики псевдонаучных оснований, которые могут использоваться «теоретиками», а прежде всего «практиками» расовой дискриминации.

На Афинский симпозиум были приглашены ученые многих специальностей: генетики, антропологи, медики, психологи, социологи, этнографы, историки, философы, правоведы, демографы. Это способствовало рассмотрению проблемы расы под многими углами зрения, хотя и заключало некоторые сложности, связанные с различным восприятием понятийного и терминологического аппарата, выработанного в пределах каждой из научных дисциплин. Однако участники совещания были единодушны в своем искреннем и бескомпромиссном стремлении еще раз осудить расизм и практику расовой дискриминации, и ученые различных подразделений естественных и социальных наук в процессе дискуссий сумели преодолеть междисциплинарные барьеры. Был выработан и единогласно принят документ — «Призыв», раскрывающий антинаучную сущность расизма, квалифицирующий все формы расовой дискриминации как идеологическое оружие угнетения и эксплуатации одних социальных групп другими.

Чтобы полнее представить прошедшую дискуссию, важно остановиться на понимании самого определения «раса». Понятие «раса» далеко не однозначно воспринимается не только в широких общественных кругах, но и в научной среде. На симпозиуме говорилось, что для многих слово «раса» звучит настораживающе, как будто в нем скрыта опасность. Эта реакция становится понятной, если вспомнить недавнюю историю, когда так называемая «теория о высших и низших расах» была возведена в ранг государственной политики фашистского рейха и использовалась для оправдания попыток уничтожения целых народов.

Однако понятие «раса» и «расизм» абсолютно не идентичны. Расизм начинается там, где расы «объявляют» неравноценными, образуют из них иерархию, в которой есть «высшие» и «низшие» расы. Простое отрицание понятия расы не уничтожает проблему внешних расовых различий, спекулятивно используемых апологетами современного расизма и апартеида.

С точки зрения советской антропологической науки только глубокое и всестороннее изучение рас человека (отражающих естественную историю человечества) в их единстве и многообразии одновременно создает тот научный базис фактов, который показывает, что «все люди принадлежат к одному и тому же виду и имеют общее происхождение» («Декларация о расе и расовых предрассудках», 1978 г., статья 1, п. 1). В этой кристально ясной формулировке, принятой еще Декларацией 1967 г., отражена и работа советских антропологов, которая была проведена на Московском симпозиуме 1964 г., посвященном биологическому понятию расы.

На совещании в Афинах в качестве основы для дискуссии был представлен доклад французского генетика и математика А. Жакара «Наука противостоит расизму». Автор затронул многие проблемы, в том числе и само понятие «расы», принципы и возможности классифицировать популяции человека с точки зрения разных наук о чело-

веке, выбор признаков для выявления генетического родства между разными группами человечества.

В выступлении А. Жакара ясно прозвучала его озабоченность как ученого проявлениями расизма в современном мире («расизм — это трагедия современного человечества»). Может быть, именно поэтому основная цель его доклада — продемонстрировать единство и неделимость человечества с точки зрения генетики.

Автор привел известные, но от этого не ставшие менее убедительными примеры, когда по одним признакам биохимического полиморфизма сближаются популяции черной Африки и европейские народы, по другим — популяции Европы и Азии, а сумма известных на сегодня данных по биохимическому полиморфизму показывает противоречивую картину сходства разных групп населения земного шара по этим признакам.

Проблеме расовой дифференциации были посвящены выступления антропологов разных стран: С. Хеновеса (Мексика), К. Диопа (Сенегал), И. М. Золотарева (СССР). Общая идея, объединявшая представителей различных антропологических школ, заключалась в том, что человечество, расселившись по всем природным зонам Земли с разнообразными экологическими условиями, сохранило в своем внешнем облике ряд черт, которые антропологи называют расовыми (цвет кожи, форма волос, форма головы и лица и т. д.) и которые суть следы древних этапов истории человечества.

Антропологи едины во мнении, что все эти признаки не имеют значения для жизнедеятельности людей, ни в какой мере не определяют способностей человека (или отдельных расовых групп) в достижении самых высоких уровней социального, экономического и культурного прогресса.

И. М. Золотарева обратила внимание на одно из основных положений советской антропологической школы о том, что в истории человечества не было периода, когда можно было бы обнаружить «чистые расы». Об этом свидетельствуют палеоантропологические находки на всех этапах истории и на всех континентах.

По биологической систематике современное человечество представляет единый вид — *Homo sapiens*. Этот вид часто называют полиморфным, имея в виду его морфологическое расовое разнообразие. Но все его морфологические варианты (расы) не образуют четких границ между собой ни во времени, ни в пространстве. Было подчеркнуто, что именно эти факты не дают возможности для антинаучного утверждения о «постоянстве и неизменности» рас, лишают теоретиков расизма основы их аргументации, а именно попыток обосновать расовую дискриминацию одних групп людей другими, основываясь на извечном «биологическом» разделении человечества.

Особому аспекту расистских фальсификаций был посвящен доклад Р. Дроза (Швейцария). Это — «ценность» и «возможности» психологических тестов, в частности так называемого «показателя интеллекта» Q_i в определении интеллектуальных способностей людей и целых групп (автор показал, что Q_i широко практикуется в США для сравнительной характеристики белых и черных американцев). Р. Дроз, специалист-психолог, в своем аргументированном докладе показал методическую некорректность подобных тестов, особенно в приложении к интеллектуальной характеристике групп населения. Для данных целей Q_i заведомо непригоден, так как дает искаженные результаты, ибо, как показал Р. Дроз, ответы испытуемого зависят от огромного числа причин, определяемых социальным уровнем, языком, культурной средой, профессиональной подготовкой и т. д. Так получают фальсифицированные результаты, которые расисты и используют для оправдания практики сегрегации и всех других форм расовой дискриминации.

Вторая и не менее важная сторона общей дискуссии на совещании в Афинах касалась социальных аспектов расовой дискриминации. Хорошо известно, что во многих странах современного мира расовые различия (по цвету кожи, например) служат лишь фоном дискриминации по языку, культурному и экономическому уровню, религии или национальной принадлежности. Расистская теория и практика достигла своего апогея в эпоху колониализма и сейчас поддерживается неоколониалистами. Об этом красноречиво говорили представители социальных наук — А. Бухдиба (Тунис), Т. Бен-Желун (Марокко), Ж. Кн-Зербо (Верхняя Вольта), Н. Тава (Ливан), Л. П. Видьяртхи (Индия), М. Диабате (Берег Слоновой Кости) и др. Все выступавшие высказали общее мнение: «расовая дискриминация» — лишь маска для проведения политики экономического и культурного порабощения этнических групп или народов, которые по разным причинам социально-экономического характера, прежде всего вследствие колониального наследия, занимают более низкие ступени социальной лестницы. Были приведены многочисленные примеры появившихся в последние годы «расовых» конфликтов, связанных с проблемой иностранных рабочих в развитых странах Европы. При чем участниками дискуссии было ясно показано, как причины экономического и политического характера, ставящие иностранных рабочих в неравноправное положение по сравнению с «местными» рабочими, зачастую облекаются в «расистскую оболочку» («Англия — для англичан, а не для цветных», «Турки и арабы — не европейцы (!), а африканцы и азиаты!»).

А. Будиба (Тунис), который подготовил специальный доклад о социальных причинах живучести «расовой» дискриминации в современном мире, призвал к более активным действиям на международной арене, в частности через ЮНЕСКО и другие организации ООН, с целью показать прежде всего нарушение правовой основы во всех случаях дискриминации, включая расовую.

В результате работы ученых — участников Симпозиума был выработан и единогласно принят итоговый документ «ЮНЕСКО и борьба против расизма. Афинский призыв, апрель 1981 г.», обращенный к «народам мира и каждому человеку — руководствоваться в своем отношении, поведении и высказываниях следующими выводами по расо-

«Призыва»). Далее следуют 22 пункта, утверждающих единство происхождения человечества, несмотря на отмечаемые внешние различия и генетическое разнообразие. Одной из самых важных формул является заявление, что «...никогда нельзя, не греша против истины, переходить от констатации факта различий к утверждению о существовании отношения превосходство — неполноценность» (п. 6). Успехом работы экспертов можно также считать включение в текст «Призыва» утверждения: «...многообразие и сосуществование культур и рас в многочисленных обществах являются наиболее удачной формой взаимного обогащения народов» (п. 15), а также недвусмысленное определение расизма как одной из форм политического и экономического угнетения: «Расизм — это наиболее распространенное оружие в руках некоторых групп, стремящихся утвердить свою экономическую и политическую власть. Наиболее опасными ее формами являются апартеид и геноцид» (п. 17).

В прямом соответствии с п. 21 о привлечении к борьбе с расизмом системы образования, средств массовой информации, научных публикаций итоги работы Симпозиума и основные положения «Афинского Призыва» освещались в газетах, журналах ряда стран, текст «Призыва» разослан национальным Комиссиям. В Советском Союзе опубликована информация И. М. Золотаревой в «Бюллетене Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО», а также полный текст «Афинского призыва 1981 г.» в ежегоднике «Расы и народы» вып. 12.

И. М. Золотарева

ВСЕСОЮЗНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОГРАФИИ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЕВЕДЕНИЯ»

С 21 по 23 апреля 1981 г. в Государственном музее этнографии народов СССР (ГМЭ) проходила Всесоюзная научная сессия на тему «Актualityные вопросы этнографии и этнографического музееведения», посвященная XXVI съезду КПСС. В ее работе участвовало более 100 человек из 28 республиканских, краевых и областных музеев страны, а также исследователи из академических институтов и музеев Москвы, Ленинграда, Львова и Кишинева. На сессии было заслушано и обсуждено 47 докладов по следующей проблематике:

1. Этнография народов СССР — исследования по вопросам материальной и духовной культуры, народного искусства (традиции и современность).
2. Итоги экспедиционно-собирательской работы (1977—1980 гг.).
3. Музейно-методическая работа, включающая вопросы методики построения экспозиций и выставок, каталогизацию коллекций, принципы учетно-хранительской работы, вопросы научно-просветительной деятельности.

Сессию открыла директор музея, заслуженный работник культуры РСФСР И. И. Баранова. Она отметила, что сегодня среди широких слоев населения повсеместно ощущается острый интерес к истокам национальных форм культуры. Большую роль в удовлетворении этого интереса призваны сыграть музеи, однако в их работе много сложных проблем. Среди них — творческий поиск методики показа современности и комплектование фондов, научная атрибуция этнографических памятников. Одна из задач сессии, сказала докладчица, обмен научной информацией между представителями различных учреждений и совместное решение проблем музейной теории и практики.

На пленарном заседании был заслушан ряд докладов. О. Р. Будина (Ин-т этнографии АН СССР, Москва, далее — ИЭ) выступила с докладом «Традиционные особенности в материальном быту современных горожан (на материалах городов Владимирской обл.)», акцентировав внимание на раскрытии этнической специфики культуры городского населения. По мнению О. Р. Будины, и сегодня элементы традиционной культуры играют не последнюю роль в формировании городского быта.

Н. М. Калашникова (ГМЭ, Ленинград) рассказала о работе по теме «Украинская одежда на территории Молдавии» (к историко-этнографическому атласу «Молдаване») и подчеркнула, что это итог четырехлетних исследований, в ходе которых был собран большой полевой материал и изучены соответствующие коллекции ГМЭ. Докладчица пришла к выводу, что в одежде украинцев, проживавших на территории Молдавии в XIX — начале XX в., стойко сохранялись национальные особенности.

Л. Н. Чижикова (ИЭ АН СССР, Москва) охарактеризовала типы традиционной русской женской одежды на территории Курской, Белгородской и Воронежской областей (по материалам экспедиционных исследований 1979—1980 гг.), отметив их необыкновенное разнообразие, что в значительной степени объясняется неоднородным составом населения.

П. М. Федака (Закарпатский музей народной архитектуры и быта, Ужгород) осветил тему «Традиционное и новое в народном жилище Закарпатья».

Об изменениях в материальной культуре, происходящих в зоне этнокультурных контактов (русско-северокавказские заимствования), сообщил В. А. Дмитриев (ГМЭ, Ленинград). На основе материала, известного в кавказоведческой литературе, он раскрыл не только механизм возникновения заимствований, но и условия их осуществления.

В нескольких докладах была раскрыта музееведческая тема. Л. А. Фотий (ГМЭ, Ленинград) выступила с докладом «ГМЭ народов СССР как научно-методический центр этнографического музееведения», в котором подчеркивалось, что одним из важнейших направлений деятельности музея является выработка основных музееведческих принципов и создание методических пособий по музееведению с учетом опыта ГМЭ и других региональных музеев.

Особый интерес вызвал доклад Е. Н. Студенецкой (ГМЭ, Ленинград) «Макеты и обстановочные сцены, их место в этнографической экспозиции и подготовке материала». На конкретных примерах в нем были разобраны и охарактеризованы музейные приемы, помогающие в образном решении экспозиции и ее эмоциональном воздействии на посетителей, подробно освещен ход подготовительной работы по созданию экспозиций.

В докладе Л. В. Андреевой (Магаданский областной краеведческий музей) «Задачи музея в сохранении и развитии народного искусства Чукотки» освещалась история создания и развития косторезного промысла и отмечены трудности, переживаемые промыслом, связанные прежде всего с недостаточной профессиональной подготовкой кадров, и высказаны отдельные предложения по их преодолению. Значительное внимание докладчица уделила также деятельности музея, направленной на изучение и сохранение чукотско-эскимосского искусства.

О народной мастерице Раисе Аракчаа и ее творчестве рассказал М. Кенин-Лопсан (Тувинский республиканский краеведческий музей, Кызыл, Тува).

Соответственно проблематике сессии были организованы три секции. Наиболее многочисленной по составу участников и количеству докладов (13) была секция «Этнография народов СССР» (куратор Б. З. Гамбург). В докладах секции был широко использован конкретный материал, отражающий различные стороны материальной и духовной культуры народов нашей страны.

Тема поселения и жилища была освещена в двух докладах.

Х. П. Пярди (Гос. этнографический музей ЭССР, Тарту) на основе полевых материалов и статистических данных проследил изменения, происшедшие в поселениях Вильяндисского района ЭССР в послевоенный период. Он выделил три типа сельских поселений — исчезающие, сохраняющиеся в развивающиеся — и подробно охарактеризовал каждый из них.

В докладе Н. А. Соболевской (Хабаровский краевой краеведческий музей) «Жилые и хозяйственные постройки русских крестьян-переселенцев Приамурья конца XIX — начала XX в.» были выделены основные типы русских построек, приведено подробное описание их планировки, прослежены происходившие в них изменения. Архитектурные особенности русских построек Приамурья докладчица объяснила влиянием местных природных условий и воздействием культуры забайкальских казаков и украинцев-переселенцев.

В двух докладах рассматривались вопросы ремесленного производства.

Б. З. Гамбург (ГМЭ, Ленинград) выступил с докладом «О ремесленном производстве орудий труда земледельцев Узбекистана конца XIX — начала XX в.», в котором охарактеризовал две группы ремесленников (городские и сельские), производящих земледельческий инвентарь и выявил систему их отношений с различными рынками сбыта.

О. М. Фишман (ГМЭ, Ленинград) рассказала о состоянии деревообрабатывающих ремесел и промыслов у верхневолжских карел в конце XIX — начале XX в. Изучение архивных источников и экспонатов ГМЭ позволило ей прийти к выводу, что эти ремесла и промыслы играли существенную роль в комплексном хозяйстве верхневолжских карел вплоть до 30-х годов XX столетия.

На заседаниях секций рассматривались также вопросы традиционной праздничной и семейной обрядности.

В докладе А. В. Коновалова (ГМЭ, Ленинград) «Традиционные компоненты семейной обрядности казахов Южного Алтая» прослеживались изменения, происшедшие в семейном быту локальной группы южноалтайских казахов за 100 лет, с момента их переселения из Восточно-Казахстанской области на Южный Алтай. Докладчик отметил, что наиболее консервативным в семейной обрядности является погребально-поминальный обряд. Сохранение реликтовых элементов в семейной обрядности в целом автор связывает с относительной географической и этнической изолированностью этой группы казахов.

В. В. Горбачева (ГМЭ, Ленинград) подробно осветила ритуал и содержание осеннего праздника ачайвямских коряков, на котором она присутствовала в 1979 г. В прошлом праздник был сопряжен с множеством магических обрядов. В настоящее время, подчеркнула докладчица, в связи с социально-экономическими изменениями большинство их утрачено.

Серия докладов была посвящена вопросам народного искусства.¹

О тенденциях развития традиционного марийского народного искусства (вышивка, тканье, художественная обработка дерева) рассказала М. Б. Матюкова (Марийский гос. краеведческий музей, Йошкар-Ола), о развитии эстонской народной вышивки — Э. В. Вундер (Эстонский гос. парк-музей, Таллин). Используя метод картографирования, она выделила три разновременных пласта в распространенной в Эстонии вышивке с растительным орнаментом.

З. Д. Шафранская (Отдел этнографии и искусствоведения АН МССР, Кишинев) охарактеризовала вышивку молдавского национального костюма, отметив, что некоторые особенности орнаментики связаны с заимствованиями у других народов.

Е. А. Постолаки (ОЭИ АН МССР, Кишинев) остановилась на классифика-

ции молдавских ковровых изделий XIX—XX веков, выделив 20 различных видов бытующих у молдаван ковровых изделий, различающихся техникой, орнаментом и функцией.

Е. Г. Царева (ГМЭ, Ленинград) в докладе «Ковроделние туркмен группы салор» привела подробные технические характеристики ковровых изделий, бытовавших у этой группы туркмен. Отмечая единообразие их, докладчица указала на определенную стабильность в использовании цвета и архаичность орнаментальных узоров.

Л. С. Смутин (ГМЭ, Ленинград) рассказал об обрядовом печенье Архангельской области, уделив особое внимание одному его виду «козулям». Докладчик отметил особенности техники их изготовления, выделив наиболее интересные изделия современных мастериц.

А. Ю. Заднепровская (ГМЭ, Ленинград) охарактеризовала научное наследие, оставленное Т. А. Крюковой (1904—1978 гг.). За 45 лет научной работы Т. А. Крюкова внесла значительный вклад в разработку теоретических вопросов финно-угорской этнографии и в комплектование этнографического материала, обосновав необходимость изучения локальных групп, проживающих в инонациональном окружении. Своей многолетней работой Т. А. Крюкова еще раз подтвердила, что у изолятов лучше и полнее сохраняется традиционная культура. За 30 полевых сезонов она собрала 57 коллекций (1850 экспонатов).

На секции «Итоги экспедиционно-собирательской деятельности 1977—1980 гг.» (куратор Н. М. Калашникова) было заслушано 11 докладов, в которых излагались принципы сбора и фиксации материала в полевых условиях и обсуждался вопрос о критериях сбора материала по современности.

В. Ф. Яковлев (Якутский гос. объединенный музей истории и культуры народов Севера, Якутск) подробно охарактеризовал собираТЕЛЬскую деятельность музея. С целью привлечения местных жителей к сбору экспонатов, необходимых музею, — сказал он, — во время экспедиции ведется пропагандистская работа. Параллельно с приобретением экспонатов сотрудники музея фиксируют памятники народной культуры, транспортировка которых пока еще затруднена.

Б. С. Жумагулов (Центральный гос. музей Казахстана, Алма-Ата) проанализировал фонды музея, выделив наиболее ценные коллекции, и осветил результаты экспедиционной работы 1979—1980 гг. в районе Семиречья. По мнению докладчика, собранные материалы свидетельствуют об однородности этнокультурного облика казахов юго-восточного Семиречья.

С. Х. Лебедева (Удмуртский республиканский краеведческий музей, Ижевск) рассказала о полевой работе, проводившейся совместно с Тартуским этнографическим музеем. В ходе ее собирались экспонаты и на киноплёнку фиксировались различные обряды. Этот опыт имеет несомненный положительный результат.

Е. Н. Котова, Л. М. Лойко (ГМЭ, Ленинград) сообщили предварительные итоги экспедиционного изучения восточных марийцев, проживающих в районах с многонациональным населением. Итоги четырех поездок в различные районы проживания марийцев показали, что пласт традиционной культуры у них еще очень значителен.

О результатах экспедиционно-собирательской работы в различных регионах рассказали также Н. Х. Авакян (Гос. музей Армении, Ереван), З. А. Гудеева (Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей, Грозный), Г. И. Мухачева (Приморский краевой музей им. Арсеньева, Владивосток), С. С. Майхрович (Гос. музей БССР, Минск), И. И. Мозыр (Гос. музей этнографии и художественного промысла АН УССР, Львов), Н. Н. Сметанюк (Республиканский объединенный музей Таджикской ССР), Е. Г. Федорова (ИЭ АН СССР, Ленинград).

В секции музееведения (куратор И. И. Шангина) рассматривались вопросы музеевческой практики, обсуждались проблемы построения экспозиций и показа в них современности, методы каталогизации этнографических коллекций и атрибуции памятников.

В докладе В. М. Грусмана и Э. С. Яглинской (ГМЭ, Ленинград) «Раскрытие этносоциальных аспектов социалистического образа жизни в экспозициях ГМЭ народов СССР» излагались основные принципы показа материала по современному периоду в обобщенных тематических экспозициях «Союз равноправных народов», «Новое и традиционное в современном жилище и одежде», «Современное народное искусство СССР». На примерах этих экспозиций докладчики сделали вывод, что наряду с процессом интеграции в материальной и духовной культуре этносов и формировании единой социалистической культуры в их быту по-прежнему сохраняются и играют определенную роль национальные традиции.

Об этнографической выставке 1867 г. в Москве и ее роли в формировании коллекций ГМЭ по зарубежным славянам доложила Е. Я. Тимофеева (ГМЭ, Ленинград). Общественными и политическими деятелями из различных славянских стран для выставки было собрано около 4000 экспонатов (экспонировалось значительно меньше). Именно этот фонд, переданный в ГМЭ в 1948 г. и составляет сегодня основу коллекции по зарубежным славянам. Особую ценность в ней представляют подробно аннотированные комплексы народной одежды начала XIX в.

Проблемам экспонирования материалов в музеях-заповедниках были посвящены доклады А. Г. Чернухи (Музей народной архитектуры и быта, Киев) и А. Г. Данилюка (Музей народной архитектуры и быта западных областей Украины, Львов).

В ряде докладов были затронуты вопросы каталогизации и атрибуции коллекций.

Э. Г. Торчинская (ГМЭ, Ленинград) поделилась опытом работы ГМЭ по каталогизации этнографических коллекций. Она рассказала о создании каталогов указа-

телей по народам и тематических каталогов. В основе их, подчеркнула она, лежит принцип классификации по двум признакам: этническому и функциональному. И поскольку каждый предмет многофункционален, то создание тематических каталогов связано с определенными трудностями.

Об опыте определения неаннотированных образцов украинской вышивки из собрания ГИМ говорилось в докладе О. Г. Гордеевой (Гос. Исторический музей, Москва). В основу метода ею положен принцип классификации по общим для исследуемых образцов признакам, в том числе орнаменту, техническим приемам, используемому материалу. Привлеченные документальные сведения и результаты исследований аналогичных образцов, хранящихся в Ленинграде и Киеве позволили атрибутировать группу неизвестных памятников из коллекций ГИМ концом XVIII в.

В докладе И. И. Шангинсй (ГМЭ, Ленинград) «К атрибуции русского свадебного костюма из г. Сольвычегодска» раскрывались методы атрибуции, использованные ею. Перед докладчицей стояла задача определить хронологические рамки костюма и его социальную принадлежность. На основании клейм, имеющихся на тканях, последние были датированы концом XVIII в. Время изготовления костюма определялось по покрою и по свидетельствам информаторов, полученных в начале XX в. во время приобретения костюма. Вывод автора — сольвычегодский свадебный костюм скомплектован из разновременных составных частей. Социальная принадлежность его также различна в разные периоды его существования.

О. И. Белкова (Воронежский областной краеведческий музей) охарактеризовала крестьянский костюм населения Воронежской губ. второй половины XIX в.

На заключительном пленарном заседании были заслушаны отчеты кураторов секций, в которых отмечалась целесообразность проведения тематических научно-практических конференций с обсуждением конкретных вопросов музейной практики.

В развернувшихся по докладам прениях выступили 11 человек. Основное внимание выступавшие уделили проблемам разработки программ по сбору этнографического материала по современности (Н. И. Моздыр — Львов; П. И. Каралькин, Е. Н. Студенецкая, Т. В. Станюкович — Ленинград).

Поднимался и вопрос о подготовке музейных кадров (С. Р. Хомосов — Улан-Удэ, М. Кенин-Лопсан — Тува, Т. В. Станюкович — ИЭ АН СССР, Ленинград). Последняя отметила, что в краеведческих, а подчас и в республиканских музеях материал собирают лица, не подготовленные в достаточной мере к собирательской работе, что приводит к невосполнимым потерям. Поэтому вопрос о подготовке музейных специалистов один из насущных.

Все выступавшие говорили о том, что местным музеям остро не хватает информации по вопросам музейной работы. Особенно велика потребность в методических пособиях и рекомендациях.

С заключительным словом выступил заместитель директора музея по научной части Б. В. Иванов, с удовлетворением отметивший, что сессия, посвященная XXVI съезду КПСС, прошла успешно и убедительно подтвердила все возрастающую просветительную и воспитательную роль музеев в деле воспитания активной жизненной позиции советских людей, интернационализма и дружбы народов СССР. Докладчик подчеркнул необходимость дальнейшей пропаганды музейными средствами идей интернационализма и дружбы народов СССР.

В постановляющей части было вынесено предложение об организации в 1983 г. на базе ГМЭ народов СССР научно-практической конференции на тему «Музей и современность».

Л. Н. Молотова

150-летие СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. А. ФЕДОСОВОЙ

Русский Север хотя и находится постоянно в поле зрения специалистов по истории русской культуры, все еще далеко не изучен всесторонне. Известно, что историко-этнографический регион является «заповедником» не только архаичных культурных традиций — «первичного» или «вторичного» происхождения, но и выдающихся творцов и исполнителей устного народного творчества. В различных районах севера — «очагах» сказительского мастерства — с середины прошлого века выявлены многие выдающиеся носители фольклорной традиции, об индивидуальных особенностях творчества которых пишут фольклористы, этнографы и музыковеды. Среди известных исполнителей выделяются крупные мастера, чей творческий дух и мастерство представляют собой, с одной стороны, неразрывное единство с многовековой традиционной культурой, а с другой — высшее выражение определенного этапа развития этой культуры, получающее значение общерусского, а в некоторых случаях и мирового масштаба. К числу таких мастеров относится и уроженка Зонежья Ирина Андреевна Федосова — первая крестьянка — «народная поэтесса»

«Открытие» И. А. Федосовой, как и других севернорусских сказителей, произошло как бы случайно, хотя, несомненно, было подготовлено всем ходом историко-культур-

ного процесса в России и развитии русской науки. Характерно, что первая публикация записанных от нее текстов в «Олонецких губернских ведомостях» за 1867 г. прошла незамеченной, так как общественно-культурные и научные круги России уже были знакомы с фольклорными и этнографическими материалами, ставшими постоянными в периодической столичной и провинциальной печати благодаря деятельности РГО, его отделений и губернских статистических комитетов. Жизнь этой замечательной женщины долгое время оставалась малоизвестной. Единственным источником наших знаний о ней был ее собственный рассказ о себе и своей жизни, записанный Е. В. Барсовым в 1867 г. Год ее рождения и год смерти, как и то, что с ней происходило до середины 90-х годов XIX в., когда в Нижнем Новгороде ее слушал М. Горький, написавший о ней два очерка, оставались неизвестными. Только в конце 40-х — начале 50-х годов нашего века были, наконец, восстановлены основные факты, и теперь мы говорим о биографии Федосовой как о чем-то само собой разумеющемся и известном¹.

И. А. Федосова родилась в 1831 г. в с. Вырозеро Толвуйского сельского общества Петрозаводского у. Олонецкой губернии. Ее судьба необычна; физический недостаток — хромота — обусловил редкое для крестьянки замужество: 19-летняя девушка вышла за 60-летнего вдовца с детьми, у которого выговорила необычную свободу поведения, выразившуюся в «хождении по свадьбам и похоронам» в качестве профессиональной подголосницы, вопленицы. Эта «льгота» в сочетании с природным талантом выделила Ирину Андреевну даже в той среде, где, как говорил В. Е. Барсов один из ее земляков, «есть вопленицы на славу и слушать их собираются целые деревни». Ирина Андреевна родилась «одной из них», а стала выдающейся. Переехав с мужем в Петрозаводск, она продолжала здесь жить долгое время до его смерти. Этот факт приобрел большое значение в ее судьбе: в отрыве от деревенской среды, от повседневности крестьянского женского быта она неизбежно должна была приобрести «взгляд со стороны», подняться над массовым уровнем, а изоляция от женского исполнительского «соперничества» дала возможность услышать свой собственный неповторимый голос не только ей самой, но и заинтересованным слушателям. Первым из них был П. Н. Рыбников, который, возможно, сделал и какие-то записи от нее в 1865—1866 гг. (они, к сожалению, до сих пор не найдены). Первым же опубликовал записи от И. А. Федосовой преподаватель Петрозаводской семинарии Е. В. Барсов («Причитанья Северного края», I—III, 1872—1885). Дело это растянулось на многие годы, в течение которых сама сказительница оставалась в забвении, переживая второй брак, тяжесть внутрисемейных отношений, вдовство, нищенство.

Впечатление, произведенное на культурную и научную общественность России первыми записями от Ирины Андреевны, а также постепенным выходом в свет трехтомного собрания ее причитаний, осуществленного Е. В. Барсовым в течение 1872—1875 гг., было значительным. Влияние ее творчества особенно сильно сказывалось в русской литературе и музыке — вспомним Н. А. Некрасова, П. И. Мельникова-Печерского, Н. А. Римского-Корсакова и др. Все это подготовило тот взрыв бурного общественного интереса к «народной поэте», который составил последний, самый короткий период жизни Ирины Андреевны — ее публичных выступлений, признания и славы. Реализацию ее «выхода в свет» осуществил преподаватель Петрозаводской женской гимназии П. Т. Виноградов в 1895 г., уже имевший опыт организации публичных выступлений народных сказителей (И. Т. Рябинин). Следующие 4 года — выступления в Петербурге, Москве, Казани, на Художественно-промышленной выставке в Нижнем Новгороде, Петрозаводске, встречи с учеными, писателями, музыкантами, композиторами. Почувствовав приближение смерти, Ирина Андреевна возвращается в Кузаранду, где умирает в 1899 г. 68 лет от роду.

150-летие со дня рождения И. А. Федосовой общественность КАССР отметила целым рядом мероприятий.

Юбилей начался митингом в г. Петрозаводске 27 мая 1981 г. в связи с установлением мемориальной доски на здании бывшей женской гимназии, где в 1896 г. выступала И. А. Федосова. Вечером того же дня состоялось торжественное заседание в Финском драматическом театре, где были сделаны доклады о значении творчества и роли Федосовой в русской культуре Карелии и России — К. В. Чистова (Ленинград), Н. А. Криничной (Петрозаводск), Э. Г. Карху (Петрозаводск) и др. Были продемонстрированы два отрывка в исполнении И. А. Федосовой, записанные на фонограф в 1896 г.² После торжественной части состоялся концерт фольклорных, самодеятельных и профессиональных коллективов. На заседании было объявлено, что по решению Петрозаводского горсовета ул. Военная переименована в ул. И. А. Федосовой. 28 мая делегация ученых и писателей из Ленинграда, Москвы, Петрозаводска, представителей обкома КПСС, Союза писателей КАССР, прессы и телевидения выехала в г. Медвежьегорск — центр района, где находится деревня, в которой Федосова прожила большую часть своей жизни — Кузаранда (точнее, хутор деревень, объединенных этим названием). В г. Медвежьегорске 29 мая гости и представители местной общественности встретились во Дворце культуры; состоялись выступления, читались стихи столичных и местных поэтов о Федосовой, о ее родных зарубежных местах; в заключение выступила фольклорная

¹ См. Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. Петрозаводск, 1956; его же. Русские сказители Карелии. Петрозаводск, 1980.

² Об истории этих записей и их реставрации см. Лобанов М. И., Чистов К. В. Фонографические записи от И. А. Федосовой в 1896 году. — В кн.: Русский Север. Проблемы фольклористики и этнографии. Л., 1981.

группа жителей д. Шуньга из Заонежья. Праздник продолжился в самой Кузаранде. Здесь на Юсовой Горе 30 мая на предполагаемом месте захоронения Федосовой состоялось открытие памятного обелиска, на котором начертано: «Здесь покоится прах великой русской народной поэтессы И. А. Федосовой (1831—1899)». Местные жители исполнили фрагменты старинной кузарандской свадьбы.

В юбилейные дни радио и пресса Карелии непрерывно передавали и печатали материалы о выдающейся сказительнице и ходе юбилея. Ее памяти был посвящен и первый фольклорный праздник в архитектурно-этнографическом музее-заповеднике Кижь, состоявшийся 31 мая 1981 г.

Таким образом, чествование русской народной поэтессы превратилось в своеобразный праздник народной культуры Карелии — области, где многовековое сосуществование разноэтничных народов способствовало появлению выдающихся носителей и мастеров-исполнителей эпических и песенно-сказительских традиций.

Т. А. Бернштам

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

В марте 1981 г. Пермский отряд сектора Восточнославянской этнографии Ин-та этнографии АН СССР продолжил работу в Пермской области. В 1978—1980 гг. полевой этнографический материал собирался в Соликамском, Чердынском, Чусовском, Лысьвенском районах Пермской области, а также в Юрлинском районе Коми-Пермяцкого автономного округа. В 1981 г. отряд работал в Ильинском и Чердынском районах Пермской области.

В экспедиции участвовали И. В. Власова (начальник отряда), Т. С. Макашина, И. А. Кремлева, Т. А. Листова, фотограф С. Н. Иванов и ассистент кафедры истории СССР досоветского периода Пермского государственного университета Г. Н. Чагин.

Отряд работал по теме «Взаимосвязь культурных традиций населения Европейского Севера СССР и Сибири». Его задачей был сбор полевого материала о культуре населения Пермской области, а также об этнокультурных связях между народами, населяющими изучаемые районы (русские и коми-пермяки). Кроме того, выявлялась связь культуры русского населения Европейского Севера в целом и Сибири. Севернорусское население, продвигаясь через Пермь и Урал, перенесло свою культуру и хозяйственный опыт в сибирские условия.

Собранный полевой материал представлен в виде записей бесед с информаторами и личных наблюдений участников экспедиции, статистических сведений из хозяйственных книг и прочей документации сельсоветов, фотоматериалов и магнитофонных записей. В этих материалах содержатся данные по следующим вопросам: этническая история населения Северного Урала, заселение Пермской земли, формирование сельского населения, хозяйственные традиции и формы крестьян-

ского землепользования, соотношение функций сельской общины и общинноправовых норм в жизни уральской деревни, сложение и развитие форм крестьянской семьи у разных категорий сельского населения (И. В. Власова); старообрядческое население Перми (И. А. Кремлева); семейно-обрядовая жизнь (Т. А. Листова); крестьянская свадебная обрядность и фольклор (Т. С. Макашина); жилище, хозяйственные постройки и занятия населения (Г. Н. Чагин).

В фотоматериалах зафиксированы местное жилище, поселения, одежда, предметы утвари, отдельные портреты и групповые снимки информаторов. В магнитофонных записях отражены беседы с информаторами по вопросам семьи и семейной обрядности, а также исполнение произведений различных фольклорных жанров.

В Ильинском районе материал собирался в селениях Обвенского поречья: пос. Ильинское (районный центр) и Посадский сельсовет (с. Дмитриевское, дд. Комариха, Жердовка, Егорово, Шорохи). В Чердынском районе — в селениях по р. Колве: с. Тулпан и дд. Орловка, Нюзим, Тиминская (Тулпанский сельсовет) и д. Черепаново (Черепановский сельсовет). История Ильинского района была связана с деятельностью Строгановых (пос. Ильинское — бывший центр управления их имениями) и их продолжателей Абамелек-Лазаревых. Изучаемые поселения находились в бассейне р. Обвы — притока Камы (теперь на побережье Камского моря). Чердынские деревни, где работал отряд, располагаются по р. Колве — притоку Вишеры, впадающей в Каму. В XVIII в. эти глухие, малодоступные места, продвижение по которым затруднено и в настоящее время, облюбовали старообрядцы, основавшие здесь ряд селений и скитов. Публикации этнографических материалов о колвенских селениях огра-

(1901 г.) и Н. П. Белдыцкого (1916 г.), а также небольшими отчетами экспедиций Пермского университета (В. А. Оборин, 1964 г., Г. Н. Чагин в 1970-х гг.). Отряд удалось восполнить некоторый пробел в сборе этнографического материала по селениям Колвы.

Полевой материал о традиционной культуре населения Обвы и Колвы свидетельствует, что выбранные для исследования места составляли часть обширного района Европейского Севера, издавна связывающего земли Севера с Сибирью.

Материалы, собранные в Ильинском и Чердынском районах, как и полученные ранее в других районах Пермской области дадут возможность охарактеризовать традиционную культуру и быт русского сельского населения Северного Урала.

Собранные материалы после обработки будут храниться в Институте этнографии АН СССР.

И. В. Власова

* * *

В июле — августе 1981 г. была продолжена работа этнографической экспедиции Пермского гос. университета им. А. М. Горького по теме «Формирование русского старожильческого населения Урала и его материальная культура». Полевые исследования велись в населенных пунктах Касибского сельсовета Соликамского района — селе Касибе, деревнях Лызиб, Сорвино, Дубы, Канахино, Седалы, Суханы, Самодуры, Бельских, Никино, Мыс, Малина-Родники.

В экспедиции (руковод. Г. Н. Чагин) участвовало 6 студентов исторического факультета и художник А. Н. Тумбасов. По тематическим вопросникам записывалась информация от старожилов, собирались предметы материальной культуры, составлялись планы поселений и усадеб.

Изучаемый район был компактно заселен русскими не позднее XVII в. Основу хозяйственной деятельности населения составляло земледелие и животноводство в сочетании с лесозаготовками и лесосплавом для солеварен. Рассказы старожилов и собранный вещевой материал (орудия труда) свидетельствуют об общих традициях в годовом хозяйственном цикле у всего севернорусского населения.

Как показывают полевые материалы села исследуемого региона, имели различную планировку. Так, ранние поселения — Касиб, Лызиб, Мыс, Сорвино, Седалы, Суханы, расположенные по берегам реки

Касиб, имели рядовую планировку. К началу XX в. почти все селения были перестроены в связи с осуществлением правительственных мер по внедрению улично-квартальной планировки.

В исследуемом районе сохранилось древнее гнездовое расположение селений, подчиненных единому центру — погосту; это интересный пример связи застройки с природной средой.

Экспедицией собран большой материал по типологии построек. В архиве сельсовета обработаны похозяйственные книги 1930—40-х гг., из которых извлечены сведения о времени возведения 526 усадеб. На протяжении XIX и в начале XX в. преобладающим здесь оставалось трехкамерное жилище с двухрядной связью дома и двора. До 1930-х годов обязательной принадлежностью большинства усадеб были *зимовки* — отдельно стоящие небольшие избы. Строительная техника, конструкция и интерьер изб, а также терминология, в которой отражены приемы строительства и названия элементов местного жилища, теснейшим образом связаны с севернорусским жилищем.

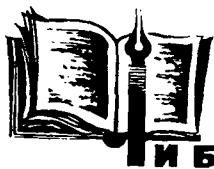
Собраны материалы по домашнему ткачеству, народному костюму, декоративно-прикладному искусству, по ремеслам, в частности — по кузнечному производству (обследованы кузница и ее оборудование).

В д. Лызиб приобретен интересный старообрядческий костюм: дубас синеный, повойник с набойкой, золотым и серебряным шитьем XVIII в., цветные холщовые чулки, пояс, понтоки. Полевая коллекция включает образцы льняной и конопляной пестряди, юбки с косыми оборками, кофты, рубахи, полотенца, в том числе и с набойкой, пряжу. Получены сведения о синильном производстве в д. Дубы.

Собраны деревянная и плетеная посуда, утварь, предметы украшения, которые свидетельствуют о разнообразных приемах обработки дерева в домашнем производстве (долблено-резная техника, выемчатая и контурная резьба, многоцветная роспись, плетение из корней и бересты).

За время полевых исследований заснято 360 кадров пленки, выполнено 30 графических рисунков, опрошено 115 информаторов в возрасте 50—90 лет, обследовано 75 крестьянских усадеб, записано около 450 микропонимов, собрано и описано 200 экспонатов. Экспонаты, фотографии и отчет об экспедиции переданы на хранение в Соликамский краеведческий музей.

Г. Н. Чагин

НАРОДЫ СССР

В. М. Шамиладзе. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Историко-этнографическое исследование. Тбилиси: Мецниереба, 1979. 340 с., илл., карта.

В этнографической науке (как советской, так и зарубежной) не ослабевает интерес к вопросам традиционного скотоводческого хозяйства. Это и понятно: в разработке таких важных культурно-исторических проблем, как происхождение скотоводства, сложение его основных форм и типов, воздействие последних на социальную организацию и социальные институты, генезис различных пород домашних животных и др., значение этнографических исследований исключительно велико. В свете сказанного большой интерес представляет книга В. М. Шамиладзе — одна из крупнейших в отечественной этнографии работ, посвященных проблемам традиционного скотоводческого хозяйства.

Кавказ с его многообразием природных условий, древностью традиционных систем хозяйства, сложностью этнокультурной и политической истории всегда привлекал внимание ученых разных специальностей. Начиная с середины XIX в. скотоводство изучалось здесь специалистами сельского хозяйства, экономистами, географами, этнографами и археологами. В результате накопились обширные и разнообразные сведения по этой важной отрасли хозяйства. Их систематизация и обобщение, создание научной классификации традиционных форм кавказского скотоводства стали одной из первоочередных задач этнографов, особенно в связи с составлением историко-этнографического атласа Кавказа и работой по хозяйственно-культурному районированию этого региона.

В последние годы появились этнографические публикации, полностью или частично посвященные типологии скотоводства отдельных областей Кавказа¹. В капитальном труде В. М. Шамиладзе классификация скотоводства Грузии и детальный анализ каждой из выявленных его форм занимают центральное место: этой проблеме отведены две из трех глав, т. е. $\frac{2}{3}$ объема книги. Плановые полевые исследования, проведенные автором в 1959—1975 гг. почти во всех районах Грузии и некоторых сопредельных территориях, позволили ему насытить книгу первоклассным конкретным материалом, ввести в научный оборот новые данные. Не будет преувеличением сказать, что содержащиеся в ней этнографические сведения станут надежным первоисточником при дальнейших сравнительно-исторических исследованиях хозяйства и быта населения не только Кавказа, но и других горных стран с аналогичными способами ведения хозяйства. Рассмотрение форм грузинского скотоводства на общекавказском фоне, а также сравнение их с формами, характерными для стран Средиземноморского бассейна, и особенно с европейскими так называемыми альпийскими формами дали возможность автору выявить в традиционном скотоводстве Грузии черты, как общие для всего Кавказа (а порой и шире — горных стран вообще), так и специфически грузинские.

Однако В. М. Шамиладзе не ограничивается разносторонней (как в хозяйственно-культурном, так и социально-экономическом аспектах) характеристикой форм скотоводства второй половины XIX—начала XX в. В третьей, заключительной главе «Культурно-исторические и теоретические проблемы скотоводства Грузии» дается историко-этнографический анализ всего содержащегося в книге материала: определено место каждой формы скотоводства в системе хозяйства каждой из природных зон Грузии, выявлены особенности генезиса и развития традиционных социальных институтов, связанных с организацией труда в скотоводстве, рассмотрены некоторые вопросы социально-экономического развития горной ее части в связи с характерными для нее формами скотоводства, прослежены генезис и основные этапы развития главных форм грузинского скотоводства. Насколько мне известно, столь разностороннее историко-этнографическое исследование скотоводства в отечественной этнографии осуществлено впервые.

¹ Мкртумян Ю. И. Формы скотоводства и быт населения в армянской деревне второй половины XIX в. — Сов. этнография, 1968, № 4; Шамиладзе В. М. Альпийское скотоводство в Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1969 (на груз. яз.); Мкртумян Ю. И. Формы скотоводства в Восточной Армении (вторая половина XIX — начало XX в.). — В кн.: Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования, 6. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1974; его же. К изучению форм скотоводства у народов Закавказья. — В кн.: Хозяйство и материальная культура Кавказа в XIX—XX вв. М.: Наука, 1971; Гаджиев М. А. Скотоводство народов Южного Дагестана в прошлом и настоящем: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Л.: Ин-т этнографии АН СССР, 1979; и др.

За основу типологической классификации принята форма скотоводства. Этим термином автор, как и Ю. И. Мкртумян², обозначает комплекс прочно установившихся приемов и методов ведения скотоводческого хозяйства. При выборе критериев для разграничения форм скотоводства В. М. Шамиладзе исходит из того, что на Кавказе одним из определяющих признаков процесса возникновения и развития той или иной формы хозяйства была резко выраженная вертикальная зональность природно-экологической среды; зональность как хозяйственно-географический фактор оказывала определенное влияние и на социальную организацию общества — на формы семьи, характер общины, различные трудовые объединения крестьян и т. д. (с. 6). Поэтому при выделении основных форм скотоводства В. М. Шамиладзе руководствуется следующими главными критериями: 1) территориальное расположение постоянных поселений, сезонных пастбищ и сенокосов (я бы сказала: расположение в той или иной зоне и территориальное соотношение) и их (т. е. поселений, сезонных пастбищ и сенокосов) хозяйственные взаимоотношения; 2) вытекающие отсюда характерные особенности семейного быта, связанные с ведением той или иной формы скотоводческого хозяйства. Как бы второстепенными критериями (поскольку они определяются главными) служат: годичный цикл ухода за скотом, заготовка кормов и режим кормления, характер использования пастбищ и параллельных хозяйственных баз и др. Они отражают основные особенности отдельных форм и подвидов (вернее, разновидностей) скотоводства (с. 59).

Автором разработана также типология постоянных и сезонных поселений, хозяйственных баз, жилых и хозяйственных комплексов в них. Подробные описания названных объектов иллюстрируются рисунками и чертежами. Характеристика годичного цикла ухода за скотом (при каждой форме скотоводства) снабжена примерами и весьма наглядными картосхемами, на которых показаны размещение конкретных селений, их земельных угодий, параллельных хозяйственных баз, сезонных пастбищ, направления маршрутов отгона или перегона различных видов скота. Конкретные данные по всей Грузии обобщены на двух картах ареалов основных форм скотоводства.

В книге богато представлены местные термины (указатель терминов занимает восемь страниц). Не могу не отметить почти исчерпывающее использование литературы, в том числе и зарубежной, привлечение трудов специалистов естественных дисциплин (геоботаников, почвоведов, зоотехников, географов и др.), а также высокий уровень ссылочного аппарата.

Разработанную В. М. Шамиладзе классификацию я попыталась представить в таблице:

Скотоводство Грузии

Формы скотоводства	Подвиды	Формы скотоводства	Подвиды
Равнинное	Экстенсивное шалашное хозяйство Подсобное скотоводство	Перегонное (транс-юманс)	Восходящий трансюманс Промежуточный трансюманс Нисходящий трансюманс
Горное	Отгонное скотоводство Внутриальпийское скотоводство	Кочевое	Вертикально-зональное кочевничество Полукочевничество

Эта классификация не лишена дискуссионных моментов. Как видим, не все формы скотоводства могут быть поставлены в один ряд, ибо при их выделении автор не всегда исходит из одинаковых посылок: критерием для выделения первых двух форм служит географический признак (зональность), третьей — способ выпаса и содержания скота, а последней — образ жизни.

Неправ, на мой взгляд, в этом вопросе и Ю. И. Мкртумян, с которым дискутирует автор. Выделяя основные формы скотоводства Закавказья, Ю. И. Мкртумян в одном ряду с оседлой, кочевой и полукочевой формами называет и отгонную³. Последняя же, как известно, — одна из форм выпаса и содержания скота, характерных для оседлого типа скотоводства.

Мне представляется, что эта нелогичность связана с тем, что оба исследователя отказались от понятия «тип скотоводства» (таксономически более высокого, чем форма), основным принципом выделения которого должен быть образ жизни⁴. Типами ското-

² Мкртумян Ю. И. Формы скотоводства в Восточной Армении. Автореф. канд. дис. М.: МГУ, 1968, с. 4.

³ Мкртумян Ю. И. Картографирование элементов скотоводческой культуры народов Кавказа. — Сов. этнография, 1972, № 2, с. 67.

⁴ Именно образ жизни положен, например, в основу выделения наиболее крупных групп, или «таксонов» первого порядка, при разработке типологии такого важного элемента материальной культуры, как традиционное сельское жилище, в одном из последних исследований на эту тему. См. Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной и Центральной Азии. М.: Наука, 1979, с. 6, 9, 10 (принципы типологизации разработаны Н. Н. и И. А. Чебоксаровыми и Я. В. Чесновым).

водческого хозяйства, выделенными по этому принципу, будут оседлый, кочевой и комплексный с подтипами полукочевой и полuosедлый⁵. Они отражают почти все важнейшие параметры образа жизни сельского населения земного шара со времени зарождения номадизма и до утверждения капиталистического способа производства⁶. При анализе конкретного материала эти параметры определяются соотношением земледелия и скотоводства, а также тем или иным сочетанием различных форм скотоводства в конкретных географических условиях.

Если в классификацию, предложенную В. М. Шапиладзе, ввести понятие «тип скотоводства», то имеющийся в ней разнобой в терминах в значительной степени снимется; будут представлены типы: оседлый с подтипами равнинным, горным и перегонным (трансюманс, трансгуманс)⁷, кочевой и комплексный с полукочевым подтипом⁸. Но некое несоответствие отдельных категорий друг другу все же сохранится, ибо, строго говоря, можно возразить, как отмечалось выше, и против выделения в одном ряду с перегонным скотоводством горного и равнинного (см. табл.). Поскольку трансюманс — одна из форм ведения скотоводческого хозяйства, логичнее было бы, на мой взгляд, поставить его в один ряд с остальными подобными формами — отгонным скотоводством, внутриальпийским⁹, экстенсивным шалашным, подсобным и др. Тогда отпала бы необходимость выделения форм «горное скотоводство» и «равнинное скотоводство». Они, мне кажется, и неуместны в классификации как термины для обозначения отдельных категорий, ибо не сами природные зоны, а зависящие от них особенности годичного цикла ухода за скотом должны выступать в роли критериев, ограничивающих одну форму от другой. Однако в названиях разделов книги, в расположении материала они, несомненно, могут присутствовать: две первые (отгонная и внутриальпийская) формы как характерные для горной зоны закономерно рассматривать вместе в особом разделе. То же следует сказать и о формах «экстенсивное шалашное хозяйство» и «подсобное скотоводство», характерных для равнинной зоны. Следовательно, мои замечания относятся не к структуре книги — она продумана автором и в целом, и в деталях, а к классификации и особенно к терминологии.

Не могу не остановиться еще на некоторых терминах. Термин «подсобное скотоводство» (см. табл.) представляется мне не совсем удачным: во-первых, он не дает представления о формах содержания скота и потому не соответствует другому подвиду равнинного скотоводства — экстенсивному шалашному хозяйству; во-вторых, последний подвид имеет по существу тоже подсобное значение. Думается, что название «стойлово-выгонный» (у археологов встречается еще термин «придомное») полнее раскрывает сущность этого подвида, так же как название «стойлово-выгонно-отгонный» более точно отражает содержание того подвида, который автор обозначил малопонятным термином «экстенсивное шалашное хозяйство».

За той очень своеобразной и глубоко традиционной для оседлого населения горной зоны Закавказья формой, которую автор назвал отгонной, я бы сохранила уже в какой-то степени закрепившийся за ней термин «яйлажное скотоводство». Во-первых, название «отгонное скотоводство» понимается гораздо шире, особенно в наше время¹⁰, во-вторых, при отгонной форме отправляются вместе со скотом на более или менее

⁵ Близкая к этой типологии (с выделением в качестве самостоятельного полукочевое типа) была представлена в кавказоведческой литературе (Тамашев А. З. Крупный рогатый скот Армении в прошлом и настоящем. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1947, с. 17) и особенно распространена в этнографической и археологической литературе о народах Средней Азии и Казахстана и аридной зоны вообще (библиографию см.: Симков Г. Н. Опыт типологизации скотоводческого хозяйства у киргизов — Сов. этнография, 1978, № 6, с. 14; Андрианов Б. В. Неоседлое население мира и опыт его картографирования. — В кн.: Проблемы этнической географии и картографии. М.: Наука, 1978, с. 120—122).

⁶ Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблема их картографирования. — Сов. этнография, 1972, № 2, с. 8.

⁷ Автор, полемизируя с Ю. И. Мкртумяном, отметил недопустимость объединения в одну форму равнинного скотоводства и скотоводства высокогорной зоны (с. 56). Но прав, на мой взгляд, Ю. И. Мкртумян: эти формы объединяет принадлежность к одному типу — типу оседлого скотоводства. Если бы Ю. И. Мкртумян ввел в свою классификацию понятие о типе, то и отгонная форма в его работе не была бы отторгнута от оседлого скотоводства.

⁸ Вряд ли можно в качестве подвидов кочевого скотоводства (см. табл.) ставить в один ряд форму кочевания (вертикально-зональное кочевание) и образ жизни (полукочевничество).

Поскольку в книге нет данных как о соотношении скотоводства и земледелия у кочевников и полукочевников, так и о характере их земледелия, то трудно судить о подтипах кочевого и комплексного скотоводства.

⁹ «Внутриальпийским» названо автором скотоводство высокогорной зоны, где длительное стойловое содержание скота в зимний период сменялось выпасом его на окружающих селение субальпийских и альпийских пастбищах в теплое время года; тут же находились и покосы. Поскольку злаки здесь не всегда вызревали, скотоводство было ведущей отраслью хозяйства горцев, однако рост поголовья ограничивался необходимостью длительного содержания скота в стойле.

¹⁰ При отгонной форме весь скот или часть его содержится в течение определенного периода года (иногда даже весь год) на более или менее удаленном от постоянного (или временного, сезонного) поселения пастбище под присмотром пастухов. Далее термин «отгонное скотоводство» я буду употреблять в этом значении.

удаленные от постоянного поселения пастухи только пастуки, в то время как при яйлажной форме на отгонное пастбище переселяется на теплое время года часть семьи, в том числе женщины, которые занимаются там, в частности, заготовкой на зиму молочных продуктов¹¹.

Можно было бы еще «придаться» к тому, что перегонное скотоводство (трансюманс), выделенное автором в качестве самостоятельной формы, некоторыми исследователями характеризуется как пастушеское отгонное скотоводство с сезонными продолжительными перегонами скота¹². Особой формой отгонного скотоводства считает трансюманс и Г. Н. Симаков, ссылаясь на то, что скот «на отгоне» может содержаться «несколько месяцев, год или даже несколько лет»¹³. Но в этом вопросе я на стороне Б. М. Шамиладзе. Принципиальное отличие трансюманса от отгонной формы (в широком значении) заключается в том, что при нем отгон на тот или иной срок (пусть длительный) вообще исключается, ибо скот постоянно находится вне земельных угодий основных поселений — его круглый год выпасают на сезонных пастбищах, перегоная с зимних пастбищ, расположенных на равнине, к летним высокогорным и обратно, как это принято при кочевом скотоводстве, но с той существенной разницей, что в отличие от последнего при трансюмансе сопровождается не вся семья, а только пастухи. Именно территориальное исключение основных земледельческих поселений из годового цикла ухода за скотом как одну из характерных черт трансюманса подчеркивает В. М. Шамиладзе (с. 46).

О том же пишет и швейцарский географ Г. Бёш: «Характерная черта трансгумаций (трансюманса.— Б. К.) состоит не столько в перегонах скота», ибо перегоны, по его словам, имеют место и во многих других случаях в сочетании с оседлым хозяйством, «сколько в том, что этот тип хозяйства существует бок о бок с оседлым земледелием». И далее: «Две совершенно самостоятельные формы сельского хозяйства оказываются как бы наложенными одна на другую». От других форм оседлого типа скотоводства, как подчеркивает Г. Бёш, трансюманс отличается «полным отсутствием каких-либо связей с оседлым земледелием»¹⁴.

Думается, что последний тезис Г. Бёша — результат ориентации в основном не на крестьянские хозяйства. Он исследует главным образом случаи, когда «собственниками стад... бывают люди, не занимающиеся сельским хозяйством, или же организации, для которых принадлежащий им скот — лишь одна из форм вложений капитала»¹⁵. Когда же владельцы стад — крестьяне, то, судя по европейским и кавказским материалам, между двумя видами хозяйства — скотоводством и земледелием — устанавливаются связи, однако они, как подчеркивает В. М. Шамиладзе, не имеют непосредственного отношения к уходу за скотом, а носят хозяйственно-организационный характер: снабжение пастухов продуктами, помощь во время окота и стрижки и при подготовке стада для перегона в горы и т. д. (с. 46).

Трансюманс в Грузии отличался от остальных бытовавших здесь форм скотоводства не только отмеченными главными особенностями. От кочевничества его отличало еще наличие постоянных хозяйственных баз со стадами и парками и постройками для обслуживающего персонала и скота как на зимних, так и на летних пастбищах. Для яйлажного скотоводства (оно названо автором отгонным) трансюманс отличало отсутствие стойлового содержания скота в зимний период, обслуживание стад лишь мужчинами (владельцами скота или членами их семей), ведение ими (т. е. мужчинами) молочного хозяйства с целью изготовления сыра не столько для собственного потребления, сколько для продажи, объединение владельцев непременно одинаковых количества, видов и пород скота в особые товарищества со строгим разделением труда между его членами (с. 143—171, 176—185). Именно благодаря специализации и товарности молочного хозяйства при трансюмансе, оно переходит в руки мужчин. Правда, вплоть до середины XIX в. это лишь мелкотоварное производство феодальной эпохи, но все же оно имеет качественные отличия от присущего яйлажному скотоводству женского домашнего производства продуктов для собственной семьи. Специализацию мужского труда в объединениях перегонного скотоводства (наряду с рациональной системой использования пастбищ) и автор справедливо считает прогрессивным явлением «грузино-кавказской хозяйственной культуры» (с. 318). Недаром именно с перегонной формой было связано развитие капиталистического предпринимательства в скотоводстве Грузии (с. 320).

В этом плане показательна прослеженная В. М. Шамиладзе эволюция социально-экономической природы объединений крестьян для совместного занятия перегонным скотоводством. Первоначально в эти объединения входили кровные родственники, затем преимущественно соседи, а со второй половины XIX в., с проникновением в деревню товарно-денежных отношений и появлением кулацких хозяйств, владельцы скота

¹¹ Указанное принципиальное отличие (наряду с некоторыми другими) яйлажной формы от отгонной сформулировано (опираясь на сложившиеся в литературе понятия) Г. Н. Симаковым в объяснительной записке к карте типов скотоводства 1-го выпуска Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана (рукопись находится в Институте этнографии АН СССР).

¹² Андрианов Б. В. Указ. раб., с. 135.

¹³ Из письма Г. Н. Симакова автору данной рецензии.

¹⁴ Бёш Г. География мирового хозяйства. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1966, с. 59, 60. Здесь же см. определение термина «трансгумация» и характеристику этой формы скотоводства в странах Средиземноморья.

¹⁵ Там же, с. 59.

(предприниматели) под видом традиционных крестьянских товариществ эксплуатировали наемный труд пастухов.

При характеристике трансюманса В. М. Шамиладзе обращает внимание еще на одну чрезвычайно важную черту: перегонное скотоводство обычно сосуществует с какой-либо другой формой. Наличие в хозяйстве двух независимых форм скотоводства определяет особенности распределения труда среди членов семьи. «На равнине, в предгорье и высокогорье,— отмечает автор,— часть мужчин была занята перегонным овцеводством, а часть женщин — равнинным (на равнине), горным отгонным (в предгорье) и внутриальпийским (в высокогорье) скотоводством. Оба названных контингента работников вместе с тем принимали активное участие в полеводстве, виноградарстве и садоводстве (на равнинах и в предгорье), а также в ведении покосного хозяйства (в высокогорье и предгорье)» (с. 145).

Выделение трансюманса в традиционном скотоводческом хозяйстве Кавказа — большая заслуга В. М. Шамиладзе. Это стало возможным благодаря, во-первых, проведенному им сплошному полевому этнографическому обследованию скотоводческих хозяйств всей Грузии и ряда соседних с ней районов и, во-вторых, серьезному изучению зарубежной литературы по скотоводству Европы.

Высказанные мною замечания касаются лишь некоторых моментов классификации скотоводства и отдельных терминов. Продиктованы они стремлением подчеркнуть необходимость унификации принципов классификации, понятий и терминов, что крайне важно при подготовке историко-этнографических атласов. Мои замечания отнюдь не умаляют большого научного значения рецензируемого труда для дальнейших исследований не только традиционного хозяйства, но и более широкого круга историко-культурных и социально-экономических проблем. В монографии много интересных мыслей и обобщений, значение которых выходит далеко за рамки этнографии Кавказа. Часть из них вынесена автором в «Заключение», а многие высказаны в ходе анализа материала. Например, причину ограниченного развития трансюманса в Армении и Азербайджане исследователь видит в широком распространении в этих регионах кочевого скотоводства (с. 145). Видимо, поэтому и в Средней Азии, где очень давно и прочно обосновались кочевники, трансюманс не получил развития у оседлого населения горных районов.

На среднеазиатском материале находят подтверждение и такие выводы, как положение о ведущей роли скотоводства в хозяйстве высокогорной части Грузии и Кавказа (с. 258—266), об издавна установившемся единстве хозяйственно-культурных комплексов равнинной и горной частей (с. 302, 321).

Весьма плодотворной представляется гипотеза автора об особом значении отгонного (яйлажного) скотоводства и связанной с ним организации хозяйства в сохранении традиций большой семьи у грузинских горцев (с. 242). Очевидно, то же можно сказать и о горных таджиках, некоторые черты хозяйственно-бытового уклада которых были близки грузинским. На это обратил внимание и автор (с. 242).

Большую ценность представляют содержащиеся в книге сведения о формах собственности на сезонные пастбища и эксплуатации их как оседлым, так и кочевым населением.

Оттенить в краткой рецензии все рассмотренные автором вопросы не представляется возможным. В заключение хочется отметить, что книга В. М. Шамиладзе, ставшая заметным явлением в отечественной этнографии, окажет большую пользу в подготовке историко-этнографических атласов многих регионов нашей страны, а также в ее хозяйственно-культурном районировании. Она, несомненно, привлечет внимание археологов, историков и лингвистов. Однако сказанным не исчерпывается значение рассматриваемого труда: сконцентрированный в нем многовековой народный опыт по рациональному ведению скотоводческого хозяйства, не потерявший своего значения и в наши дни, заинтересует специалистов сельского хозяйства, экономистов, географов.

Таким образом, главная заслуга В. М. Шамиладзе в том, что он успел (очевидны и знатоки дореволюционного быта и хозяйства нас, увы, не ждут, уходят, и с каждым днем их становится меньше) и сумел с большим знанием и любовью собрать ценнейшие и уже уникальные в значительной своей части полевые материалы и донести их до читателя, приложив немало труда для их систематизации и научной интерпретации.

Б. Х. Кармышева

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Этнография на България, т. I — Увод в етнографската наука и социалнонормативна култура. София: Изд-во на Българската академия на науките, 1980. 375 с.

Рецензируемая книга — первая часть трехтомного сочинения «Этнография Болгарии», которое ожидается с большим интересом как наиболее фундаментальное в болгарской и зарубежной историографии комплексное исследование этой темы. Издание подготовлено Этнографическим институтом и Музеем Болгарской Академии наук

...к написанию этого труда был привлечен основной состав сотрудников Этнографического института БАН, специалисты по смежным дисциплинам, а также советский этнограф-болгарист. Исследование основано на собранном в 1960-е—1970-е годы на всей территории Болгарии по единой программе полевом материале, который восполнил пробелы, имевшиеся до того в источниках. Авторы поставили перед собой задачу — по возможности полно представить этнокультурное наследие болгарского народа; его связь с социалистической культурой и с практическими задачами современной действительности (с. 11). Свой труд они посвятили 1300-летию образования Болгарского государства, отмеченному в 1981 г.

Вышедший первый том, как показывает само его название «Введение в этнографическую науку и соционормативная культура», по мысли авторов, должен включить болгарскую этнографию в рамки общего развития этнографической науки и ввести читателя в круг ее теоретических и методологических проблем; предпослать исследованию материальной и духовной культуры (эти проблемы составят содержание двух последующих томов издания) картину этногенеза и этнической истории болгарского народа, его антропологическую, демографическую и этнопсихологическую характеристики, показать природные и социально-исторические условия его существования на протяжении веков. В этот том вошел также раздел о традиционной соционормативной культуре, которая имеет не только самостоятельное значение, но и создает необходимый дополнительный фон для исследования народного быта и культуры.

Том распадается на три части: «Общие вопросы этнографической науки», «Историческое развитие и общая характеристика болгарского этноса» и «Традиционная соционормативная культура». Каждая часть делится на главы, а главы — на параграфы. Изложение начинается с обширного предисловия. Книга снабжена указателем географических названий и именным указателем.

В предисловии (автор В. Хаджиниколов) дается характеристика и оценка этнографической науки: говорится о ее научно-познавательном значении, о ее роли в воспитании патристических и интернационалистских чувств, в эстетическом развитии народа, в преодолении вредных пережитков в быту и сознании людей, в выявлении и пропаганде положительных черт этнической культуры; это позволяет противостоять распространению шаблонов и чрезмерному нивелирующему влиянию моды. Автор полагает, что усиленный интерес, проявляемый к этнографии в настоящее время во всем мире, объясняется ее разносторонним познавательным и общественным значением (с. 6—7). Далее в предисловии подчеркивается важность создания обобщающих трудов по этнографии и обосновывается актуальность осуществления такой работы в Болгарии.

Рассмотрение общих вопросов этнографии в первом разделе книги начинается с краткого обзора развития мировой этнографической науки (гл. 1, автор В. Хаджиниколов). Прослеживается также изменение представлений о ее предмете, что отражается в модификации ее названий. Основным объектом изучения марксистской этнографической науки на современном этапе, пишет автор, являются народы с их этническими особенностями (с. 23). Убедителен подробный анализ основных этнографических понятий.

В этой и последующих трех главах обобщена огромная литература по проблемам общей этнографии. Опираясь преимущественно на исследования советских ученых, как это отмечается в предисловии (с. 11), авторы в ходе изложения высказывают ряд оригинальных суждений, критических замечаний и уточнений.

Во второй главе В. Хаджиниколов рассматривает главные предметные зоны и направления этнографических исследований. К ним он относит этнические процессы и этническое развитие, традиционную народную культуру, этнографические аспекты быта и этнопсихологию. Обоснованные, базирующиеся на прочном источниковом фундаменте выводы сочетаются с авторскими замечаниями о задачах будущих этнографических исследований. Автор считает, в частности, что более углубленного изучения требует этническая история болгарского народа, особенно условия и факторы возникновения и консолидации болгарской нации, проблема образования социалистической нации и определение качественно нового ее содержания.

В третьей главе раздела (написана В. Хаджиниколовым; автор пятого параграфа этой главы, посвященного связям этнографии и фольклористики, — Т. Ив. Живков) определяется место этнографии в системе смежных наук — истории, социологии, демографии, фольклористики, раскрываются связи этнографии с географией, антропологией, лингвистикой и другими науками. Научная методология этнографической науки составляет содержание четвертой главы (В. Хаджиниколов), а систематическое рассмотрение и оценка всех разнообразных источников этнографических исследований — пятой (автор К. Крыстанов). Заключительная глава рассматриваемого раздела посвящена истории болгарской этнографической науки, этапам ее эволюции. Ее авторы (Д. Тодоров и советский этнограф Л. В. Маркова) впервые в историографии сумели воссоздать целостный путь сложного и специфического развития этнографических исследований в Болгарии с XIX в. до наших дней. Предпринята и попытка периодизации этнографической науки. Д. Тодоров выделяет три основных периода: первый — с начала XIX в. до освобождения Болгарии от османского ига (1878 г.) — период болгарского национального Возрождения, второй — от освобождения до социалистической революции 9 сентября 1944 г. и третий — современный (с. 115). По справедливому замечанию автора, в каждом из этих больших периодов могут быть выделены свои этапы или подпериоды, в частности, время до Крымской войны (1853—1856 гг.) и после нее может быть отнесено к разным этапам развития этнографической науки (с. 115, сн. 5). На наш взгляд, 60—70 годы XIX в. следовало бы считать самостоятельным периодом, как

в развитии болгарской исторической науки в целом, так и в этнографии как ее часть. Содержание этого периода формируется солидным научным творчеством Г. Раковского, Л. Каравелова, П. Славейкова, М. Дринова и многих других деятелей болгарской науки. Представляется, что анализу этнографических исследований XIX в. мог бы быть предпослан краткий очерк состояния этнографических знаний в предшествующее время, особенно XVIII в. Целесообразно было бы четче сгруппировать собственно болгарские сочинения по этнографии и труды зарубежных авторов, посвященные этнографии Болгарии, которые отражают особенности развития национальных историографий. Д. Тодорову удалось удачно выделить характерные черты этнографических исследований в Болгарии в период капитализма (1878—1944), рассмотреть фольклорно-этнографические, историко-этнографические, соционормативные, антропогеографические и другие работы этого периода. Анализ состояния и развития этнографической науки в НРБ (Л. В. Маркова) завершает этот раздел. Советский автор сумел представить весь сложный путь становления и эволюции марксистской этнографии в НРБ после социалистической революции 9 сентября 1944 г., выделив в нем определенные этапы.

Таким образом, первая часть рецензируемого тома не только вводит читателей в этнографию Болгарии. Она представляет собой обширное (150 страниц in folio) и имеющее самостоятельное значение изложение основ современной марксистской этнографии. Среди подобных опытов, предпринимавшихся в последние десятилетия в социалистических странах, оно, несомненно, займет видное место. К нему будут обращаться не только этнографы — болгаристы или слависты, но и все интересующиеся современной теорией этнографии. То же можно сказать и о содержательной главе, посвященной истории болгарской этнографии.

Вторая часть книги открывается обширной главой «Этногенез и этническая история болгарского народа». В ее первом параграфе дается историографический обзор проблем этногенеза болгар (автор В. Хаджиниколов). В следующем параграфе, написанном А. Фолом, исследована история древнего населения болгарских земель, прежде всего фракийцев. Важным представляется заключение автора о преемственности между античностью и средневековьем в Болгарии, в том числе в области народной культуры. Так, значительное античное наследство прослеживается в области материальной культуры, земледелия, ремесла, приемов строительства, ювелирного мастерства. Еще более ясно черты фракийской древности улавливаются в духовной культуре болгар (с. 172).

Третий — пятый параграфы главы (автор Б. Примов) представляют собой сводный очерк сложения и развития болгарской народности в период средневековья (VII—XIV в.). Автор касается проблем взаимодействия славянского и протоболгарского этнических элементов в процессе формирования болгарского государства, говорит о роли фракийского субстрата, дает характеристику этапов развития болгарской народности на протяжении длительного исторического периода. Шестой и седьмой параграфы главы (автор С. Димитров) посвящены судьбам болгарской народности в XV—70-х годов XIX в., т. е. в условиях османского ига. Важнейшим в этой связи представляется заключение о том, что, вопреки тяжелым условиям национальной и религиозной дискриминации, болгарский народ сохранил свое этническое самосознание и свой этноним (с. 212). Особое внимание С. Димитров уделил процессу формирования болгарской нации в период национального Возрождения, выявив социально-экономические и духовные предпосылки ее сложения. Начало процесса правомерно отнесено к середине XVIII в. В двух завершающих параграфах этой главы содержится тщательный анализ характерных черт и направлений в развитии болгарской нации в условиях капитализма и социализма (написаны Н. Куртевым).

Во второй главе рассматриваемой части дается характеристика природно-географической среды болгарского этноса (Л. Динев) — демографических изменений на протяжении его истории (П. Ат. Петров), а также приводятся данные о движении населения и его структуре в социалистический период (Л. Динев).

Третья глава дает представление об антропологических типах болгар (П. Боев). Глава четвертая посвящена этнической психологии болгар, которую автор (М. Драганов) рассматривает как часть социальной психологии (с. 269) и прослеживает ее изменения на разных исторических этапах — в условиях патриархально-традиционного быта крестьян при феодализме, в капиталистическом обществе, при социализме.

Отметим как положительный факт наличие в этнографическом трехтомнике антропологической главы (оценить ее предстоит антропологам). Такие главы, к сожалению, отсутствуют в сходных изданиях, появившихся в других славянских странах в последние десятилетия (чешском, словацком, словенском, польском, лужицком), несмотря на то, что подобный опыт уже предпринимался в отдельных томах серии «Народы мира» и был одобрен и читателями, и рецензентами.

Достоинна также специального внимания глава по этнической психологии болгар, имеющая отчетливо экспериментальный характер.

В столь полном и обстоятельном введении естественно было бы видеть главу о болгарском языке и его диалектном членении. Отсутствие ее, правда, отчасти компенсируется страницами, на которых говорится о взаимоотношении этнографии и лингвистики и об истории языка как одним из этнографических источников, но все же не полностью, так как у читателя не возникает достаточно четкого представления о территориальном соотношении диалектов, необходимого для восприятия соотношения ареалов бытования отдельных элементов и комплексов традиционной культуры, о которых будет идти речь в последующих томах.

Традиционная социально-нормативная культура, составляющая содержание третьей части тома, рассматривается в двух главах. В них поставлены и решены конкретные этнографические проблемы: этническая роль социально-нормативной культуры, болгар-

ская семья в ее историческом развитии, патронимия (*род*) и традиции родственных связей (эти три параграфа написаны Р. Пешевой). Далее исследуются болгарская сельская община (Л. В. Маркова), ремесленные цеховые организации (В. Паскалева), подробно рассматривается обычное право (М. Андреев). Как справедливо подчеркивается в предисловии к настоящему тому, в третьем разделе впервые предпринята попытка воссоздать целостную историческую картину развития традиционной болгарской семьи и патронимии, осветить их этнические и бытовые функции. Впервые также, причем иногда на основе скудных исторических и этнографических источников, сделана попытка проследить целостное развитие болгарской сельской общины.

Рецензируемый труд болгарских ученых не вызывает сколько-нибудь серьезных замечаний. Отметим лишь, что ряд его положений нуждается, на наш взгляд, в уточнении. В частности, встречаются известные противоречия в трактовке некоторых проблем, что, впрочем, неизбежно в комплексном фундаментальном исследовании с большим числом авторов. На с. 167 констатируется, что процесс образования болгарской народности продолжался более трех веков. Начавшись на территории будущего болгарского государства с первых широких контактов между славянами и фракийцами в VI—VII вв., этногенетический процесс завершился в конце IX — начале X в. Не вызывающий возражений сам по себе, этот вывод находится в противоречии с заключением по поводу тех же процессов на с. 185, где отмечено, что формирование болгарской народности началось сразу после создания болгарского государства (т. е. с конца VII в.) и продолжалось около трех веков. Заметим, что первый вывод более соответствует принятой в болгарской историографии концепции по проблемам болгарского этногенеза. Справедливо заключение, что к середине XVIII в. уже существовали условия для постепенного превращения болгарского народа в буржуазную нацию (с. 219). Здесь, на наш взгляд, необходимо дать более точное определение дальнейших этапов этого важного процесса и его завершающей стадии.

В заключение хотелось бы отметить, что появившийся первый том «Этнографии Болгарии», вводящий читателей в сложный и многообразный комплекс общих вопросов развития болгарского этноса, имеет большую научную ценность. Этот труд важен для специалистов многих гуманитарных дисциплин. Основное достоинство книги — целостное освещение главных теоретико-методологических проблем этнографической науки, основных стадий в развитии болгарского народа, проблем традиционной соционормативной культуры. В связи с этим нельзя не согласиться с оценкой болгарского рецензента тома, считающего этот труд крупным достижением болгарской этнографической науки. (Рецензия Г. Георгиева опубликована в журнале «Исторический преглед», № 3—4 за 1981 г.).

В начале рецензии мы уже говорили о том, что первый том «Этнографии Болгарии» позволяет надеяться, что готовящийся трехтомник будет фундаментальным обобщением достижений болгарской этнографии. Известно, что в послевоенные годы предпринимались две попытки создания компендиумов по болгарской этнографии. Мы имеем в виду раздел «Болгары» в томе «Народы Зарубежной Европы» (1964 г.) и издававшуюся на польском (1965 г.), немецком (1969 г.) и болгарском (1974 г.) языках «Этнографию Болгарии» известного болгарского этнографа старшего поколения Хр. Вакарелского. Судя по первому тому, в теоретическом отношении масштаб задуманного трехтомника значительно отличается от этих работ. Здесь более подробно будет изложен весь материал, которым располагает болгарская этнография (что тоже весьма существенно); а главное, будет дана целостная концепция этнической и этнокультурной истории болгар¹. Подвергать эту концепцию обстоятельному обсуждению еще рано, хотя в первом томе уже заложено ее историческое и теоретическое основание. Читатели будут с нетерпением ожидать ее этнографической реализации в последующих двух томах.

Л. В. Горина

¹ Отметим, что параллельно с первым томом «Этнография на България» примерно тем же авторским коллективом опубликована книга «Българска народна култура» (София, 1981. 336 с.), представляющая собой издание на болгарском языке главы «Болгары», подготовленной для международного трехтомника «Этнография славян. Очерки традиционной культуры XIX — начала XX в.».

SUMMARIES

The Problem of Axiological Comparisons in Culture

The author examines the potentialities and limitations of axiological cultural comparisons based upon the Marxian culturological criterion of the succession of socioeconomic formations as progressive stages in historical development. It is shown that this criterion is applicable to all major spheres of culture though not to an equal degree and not to all their aspects. As a result, cultural values are differentiated into those that may and those that may not undergo comparison, bearing upon two different aspects of human activity: in one of these aspects it is the unity and community of the culture of all peoples that is realized, in the other — its concrete historical embodiment. An explanation is offered of the process by which this differentiation comes to pass: cultural values of greater functional importance are invariably drawn into the mainstream of historical development whereas the functionally less important ones may for a long time drift alongside. Accordingly, the renewal of the former and the latter takes place at a different rate, and they thus acquire a different degree of specificity and hence of axiological comparability.

A. I. Pershits

The Structure of the Present-Day Urban Tajik Family (Material from Ura-Tyube and Isfara Cities)

The forms and structure of the urban Tajik family in Tajikistan's oldest cities — Ura-Tyube and Isfara — are examined in the paper. The author reaches the conclusion (based upon field materials and data from quarterly household registers for 1977 and 1981) that the main form of family among urban Tajiks is to-day the small monogamous (nuclear) family with which, however, co-exists the so-called undivided family (the final development stage of the big patriarchal family). In the older parts of Ura-Tyube and Isfara the latter constitutes, respectively, 20 p. c. and 10.3 p. c. of the total number of families. In the new urban development districts of these cities no such «undivided» families have been noted. Nuclear and undivided families alike belong to Soviet socialist society: equality of rights between the sexes and between generations prevail in both types of family, while at the same time elder people and more highly educated family members continue to be held in respect.

L. F. Monogarova

The Size and Geographical Distribution of Hungarian Groups in Europe outside Hungary

At the present time Hungarians living in Europe outside Hungary number about three million. Particularly numerous are Hungarian groups in countries contiguous with Hungary: Romania (1.7 million Hungarians), Czechoslovakia (600 thousand), Yugoslavia (470 thousand), USSR (170 thousand). There are also immigrant Hungarian groups in many West European countries.

The paper contains a brief ethnodemographic survey of Hungary's population in late 19th to early 20th centuries; the shaping of Hungarian groups in countries bordering upon Hungary after the First World War is traced. A number of demographic characteristics (numerical strength, age-and-sex composition, distinguishing features of reproduction, social and occupational structure etc.) is given for the Hungarian groups of Romania, Czechoslovakia, Yugoslavia and the USSR; it is based upon a variety of sources but primarily upon the population censuses of these countries. Particular emphasis is laid upon features of geographical distribution and type of settlement (the degree of urbanization, the greater or lesser compactness of group settlement) as well as the level of ethnic endogamy. It is shown that these factors in great measure determine the trends and intensity of the ethnic processes taking place in these groups.

N. Ye. Rudensky

The Indians of Canada in the Second Half of the 20th Century

The paper deals with the present situation of Canada's Indians. The most recent demographic characteristics are brought out as well as changes in settlement areas of the aborigines, problems of their reserved territories and their migrations. It is noted that among the manifold causes of Indian migrations the basic underlying factor is the search for employment. Problems connected with the place of Indians in the country's economic life are examined, among them the crisis of the reservation economy, the decline and collapse of their traditional occupations under conditions of a state monopolistic economy. The rise in the proportion of Indians working for hire and of those employed in the services sphere is noted; this is due primarily to the official Indian policy in Canada.

Among various social problems the author examines the employment of Indians, their living standards, housing conditions, death rates and crime incidence. Problems of Indian education and ethnocultural processes among Indians are given particular attention.

V. A. Tishkov

To the Problem of Interpreting Protoindian Graphic Representations and Symbols

The author describes the work being done in using graphic representations and symbols as an aid to studying Protoindian texts. In a number of cases the pictures and symbols on inscribed Protoindian objects served to quicken the work on deciphering the texts.

The methods used are shown on the example of two concrete subjects which are described in detail: 1) the three-season year and 2) the buffalo image in Protoindian mythology.

B. Ya. Volchok

On Certain Problems of the Classification of Animal Husbandry in the Caucasus and the Relevant Terminology

Questions of typological classification of animal husbandry in the Caucasus and its terminology are examined in the paper. It is pointed out that the main criteria in classifying forms of animal husbandry are determined by the production mode characteristic of this branch of economy in the concrete natural ecological environment. The forms of animal husbandry that had taken shape in the Caucasus in different historical periods, i. e. the «mountain-Alpine» form, «transhumance», the «plains» (aboriginal population) and «nomadic» (exogenous population) forms, may be grouped into two main types of animal husbandry: the sedentary and the nomadic economy.

V. M. Shamiladze

CONTENTS

- A. I. Pershits (Moscow). The Problem of Axiological Comparisons in Culture. L. F. Monogarova (Moscow). The Structure of the Present-Day Urban Tajik Family (Materials from Ura-Tyube and Isfara Cities). N. Ye. Rudensky (Moscow). The Size and Geographical Distribution of Hungarian Groups in Europe outside Hungary. V. A. Tishkov (Moscow). The Indians of Canada in the Second Half of the 20 th Century. B. Ya. Volchok (Leningrad). To the Problem of Interpreting Protoindian Graphic Representations and Symbols.

Discussions

- V. M. Shamiladze (Batumi). On Certain Problems of the Classification of Animal Husbandry in the Caucasus and the Relevant Terminology.

Peoples of the World, Information Materials

- E. L. Nitoburg (Moscow). The Population of Grenada.

Communications

- V. M. Grusman, E. S. Yaglinskaya (Leningrad). The Presentation of Various Aspects of the Soviet Way of Life in the State Museum for the Ethnography of Soviet Peoples. V. F. Gorlenko (Kiev). On the Ethnicon «Tcherkassy» in Russian Scientific Literature of the Late 18th to Mid-19th Centuries. S. A. Tokarev (Moscow). On the Mountain Cult and Its Place in the History of Religion. I. S. Gurvitch (Moscow), R. G. Liapunova (Leningrad). A Visit by Soviet Ethnographers to the United States. F. G. G. Rose (Berlin), B. Schneps (Leipzig). Tradition and Evolution in Painting on Tree Bark in Oenpelli Region, West Arnhemland (North Australia).

Searchings, Facts, Hypotheses

- R. Sh. Djarylgassinova, M. V. Kriukov (Moscow). A Festival that Remains with Us.

Our Anniversaries

- A List of the Principal Works by Doctor of History V. A. Alexandrov (to His 60th Birthday).

Chronicle

- A. Ye. Ter-Sarkissiants, L. P. Kuzmina (Moscow). The Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences in 1981.

Academic Life

- I. M. Zolotariova (Moscow). «The Call from Athens» (Anthropologists against Racism). L. N. Molotova (Leningrad). «Topical Problems of Ethnography and Ethnographic Museology», an All-Union Scientific Session. T. A. Bernshtam (Leningrad). The 150th Birth Anniversary of I. A. Fedosova. Expeditions in Brief.

Criticism and Bibliography

- Peoples of the USSR. B. Kh. Karmysheva (Moscow). V. M. Shamiladze. Economic-Cultural and Socioeconomic Problems of Animal Husbandry in Georgia. Peoples of Europe outside the USSR. L. V. Gorina (Moscow). Ethnography of Bulgaria, vol. I.

Технический редактор *Беляева Н. Н.*

Сдано в набор 11.03.82	Подписано к печати 27.05.82	Т-10512	Формат бумаги 70×108 ^{1/16}
Высокая печать	Усл. печ. л. 15,4	Усл. кр.-отт. 42,8 тыс.	Уч.-изд. л. 18,2
	Тираж 2732 экз.	Зак. 4079	Бум. л. 5,5

Издательство «Наука», 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10

001

Цена 1 р. 90 к.

Индекс 70845

К сведению читателей!

Издательство «Наука» переходит на новую систему сбора заказов — ежеквартальные бюллетени. Они будут включать в себя общественно-политическую, естественнонаучную и техническую, а также научно-популярную литературу, намеченную к выпуску в соответствующем квартале. Бюллетени заменят три годовых аннотированных тематических плана, выпускавшихся раньше (кн. 1, кн. 2 и план выпуска научно-популярной литературы).

На книги Главных редакций физико-математической и восточной литературы сбор заказов будет проводиться в прежнем порядке, т. е. по самостоятельным годовым планам.

Тиражи квартальных бюллетеней на 1983 г. поступят в книготорговую сеть в следующие сроки:

- I квартал 1983 г. — в августе 1982 г.
- II квартал 1983 г. — в ноябре 1982 г.
- III квартал 1983 г. — в феврале 1983 г.
- IV квартал 1983 г. — в мае 1983 г.

Сбор заказов по каждому бюллетеню будет производиться в течение 45 дней со дня его поступления в книжный магазин.

Для оформления заказа на книгу издательства необходимо указать квартал и позицию.

«АКАДЕМКНИГА»